М. С. Лазарев

КУРДИСТАН И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

М. С. ЛАЗАРЕВ

КУРДИСТАН И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА

(90-е годы XIX века — 1917 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

Ответственный редактор

Б. М. ДАНЦИГ

Михаил Семенович Лазарев

КУРДИСТАН И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА

(90-е годы XIX века—1917 г.)

Утверждено к печати Институтом Народов Азии Академии наук СССР

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Е. Г. Григорьева* и *Н. О. Шумова*

Сдано в набор 25/I 1964 г. Подписано к печати 11/IV 1964 г. А06140. Формат 60×90 1/16.
Печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 24,62. Тираж 1400 экз. Зак. 156. Цена 1 руб. 55 коп.

Издательство «Наука». Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4.

ВВЕДЕНИЕ

Исторические судьбы курдского народа своеобразны и трагичны. Курды обитали вблизи древнейших очагов мировой цивилизации (Месопотамия и Иран, Сирия и Финикия, Урарту и Армения). Несмотря на это, они остались в стороне от ее достижений и к концу XIX столетия в культурном отношении и по уровню социально-экономического и политического развития заметно отстали от большинства народов Ближнего и Среднего Востока. Курдистан входил в состав крупнейших и могущественнейших держав Западной Азии. Самим же курдам за всю их многовековую историю никогда не удавалось создать свое государство. По общему признанию, курды — гордый, свободолюбивый и воинственный народ. Ни турецкие султаны, ни иранские шахи, ни британские империалисты, ни иные колонизаторы не могли полностью подчинить их своему господству. В то же время реакционным силам нередко удавалось направлять курдские движения в нужное для себя русло, что служило источником больших несчастий для всех народов, населявших Курдистан, в том числе (а может быть, и в первую очередь) для курдов.

Курдистан издревле лежал на пересечении караванных дорог, соединявших Иран и Месопотамию со странами Восточного Средиземноморья и Черноморья и служивших не только торговыми, но и миграционными путями. Бесчисленные орды завоевателей проходили по этому «перекрестку» Западной Азии, частично оседая в его долинах. Поэтому этнический состав населения Курдистана со временем стал весьма пестрым: наряду с курдами здесь жили армяне, турки, персы, арабы, ассирийцы (айсоры), азербайджанцы, шахсевены, луры и другие народности. Курдские же племена в результате многочисленных войн и нашествий были оттеснены в глухие и труднодоступные горные районы, отрезанные от внешнего мира и, можно сказать, от прогресса и цивилизации.

Демографический облик Курдистана характеризуется также религиозной чересполосицей. Эта горная страна — своего рода огромный заповедник многих религий. Ее жители были приверженцами не только основных направлений ислама и христианства, но и многих сектантских ответвлений этих мировых религий. Здесь бок о бок жили сунниты и шииты, католики и православные, армяне-григориане и протестанты различных толков, али-илахи и езиды, не считая более мелких сект, многие из которых, соединяя в себе догмы и обряды различных, подчас противоположных религий, до сих пор недостаточно изучены.

Хозяйственный и общественный уклад Курдистана имел (и имеет) исключительно архаичные и застойные черты, даже в сравнении с соседними слаборазвитыми странами. Еще в недавнем прошлом там безраздельно господствовали феодально-крепостнические отношения в сочетании с сильными пережитками родо-племенного уклада (у кочевого населения). Да и сейчас в Турции, Иране и Ираке, несмотря на развитие в отдельных местах крупной нефтедобывающей промышленности, курдские районы — наиболее отсталые. Чем же это можно объяснить? Безусловно, сравнительно суровые природные условия, нехватка удобных пахотных земель, отсутствие выхода к морю и судоходных рек, трудность прокладки шоссейных и железных дорог — все это в определенной степени создавало помехи для развития производительных сил в Курдистане. Однако основные причины бедности этой горной страны коренились в специфике ее исторического развития. В течение многих столетий, являясь окраиной крупных феодальных империй, Курдистан не имел мало-мальски значительных центров, могущих стать средоточием торгово-ремесленной и предпринимательской деятельности. Товары и деньги, которые везли через перевалы Курдистана бесчисленные караваны, миновали эту сравнительно бедную страну и оседали в богатых и цветущих городах Ирака и Ирана, Сирии и Анатолии. Ни византийские императоры, ни арабские халифы, ни турецкие султаны, ни иранские шахи не были заинтересованы в прогрессе курдских провинций, видя в них только объект грабежа и эксплуатации.

Особенно тяжелый гнет испытывало оседлое земледельческое население. Таково было положение армян, ассирийцев и оседлых курдов в Османской империи и Иране. Что касается полунезависимых по отношению к центральным властям курдов-кочевников, основного населения Курдистана,

то им не давало возможности выйти из нищеты экстенсивное натуральное скотоводческое хозяйство. В то же время курдские феодалы, поощряемые с конца XIX в. турецкой правящей верхушкой, средством своего дополнительного обогащения сделали систематический грабеж оседлого земледельческого населения, что отзывалось губительно на производительных силах страны и на экономическом положении всего ее населения.

К этому следует прибавить непрерывные кровавые межнациональные и межплеменные усобицы, раздуваемые в своекорыстных интересах турецкими и иранскими властями, а также западными колонизаторами, и, наконец, большие и малые военные столкновения на территории страны. В результате к новейшему времени Курдистан стал «страной сплошного бедствия»; значительная часть его населения была истреблена или бежала за границу, а те, кто остался, были разорены и обнищали до последней степени; города и села лежали в развалинах, поля оставались невозделанными, а стада исчезли.

Курдистан был поделен между несколькими государствами: до первой мировой войны — между Османской империей и Ираном [1], в новейшее время — между Турцией, Ираном, Ираком (и отчасти Сирией). Это служило источником многочисленных конфликтов и острых политических противоречий между указанными государствами. Особую сложность и остроту противоречиям придавали два отмеченных выше фактора: пестрота и дробность национального и религиозного состава населения Курдистана и проживание на территории вышеперечисленных смежных государств многочисленного и компактного курдского меньшинства, основного населения собственно Курдистана. Поэтому соперничающие стороны непременно использовали в борьбе за курдов и Курдистан такие методы, как покровительство (или претензия на него) отдельным национальным и религиозным группам (Турция, например, в отношении курдов-суннитов, Иран — курдов-шиитов, Россия и другие европейские державы — армян и других христианских народностей). В то же время заинтересованные державы хотели объединить под своим суверенитетом или установить преобладающее политическое влияние над основной массой курдов, дабы захватить ключевые позиции (политические и военно-стратегические) во всем Курдистане.

---

[1] Незначительное число курдов проживало и в пределах России.

С середины XIX в. крупнейшие европейские державы — Англия, Франция и Россия — приступили к осуществлению планов колониального порабощения Османской империи и Ирана. Резко обострилось соперничество между этими великими державами (особенно между Англией и Россией), каждая из которых стремилась единолично утвердиться на Ближнем Востоке, что сулило большие материальные выгоды и военно-политические преимущества. В этих условиях Курдистан, расположенный на стыке территорий Турции, Ирана, арабских стран Азии и русского Закавказья, приобретал исключительно важное стратегическое значение как плацдарм, откуда можно было организовать экспансию во все указанные страны.

В конце XIX в., с наступлением эпохи империализма, роль Курдистана в международных отношениях значительно возросла. На Ближнем и Среднем Востоке появился новый опасный хищник — германские империалисты, начавшие осуществлять свои экспансионистские проекты железнодорожного строительства, которые непосредственно затрагивали и территорию Курдистана.

Определенный интерес проявили в этом районе и Соединенные Штаты Америки, которые еще с первой половины XIX в. вели через миссионеров активную идеологическую работу в Курдистане и соседних с ним областях.

Активизировались также «старые» колониальные державы — Англия, Франция и Россия, планировавшие раздел Османской империи и Ирана.

В связи с «пробуждением Азии» в начале XX в. на Ближнем и Среднем Востоке появился новый мощный политический фактор, с которым нельзя было не считаться, — национально-освободительное движение угнетенных народов Османской империи и Ирана. Несмотря на социально-экономическую и культурную отсталость курдов, и они начали выступать с политическими требованиями, затрагивавшими интересы турецких и иранских реакционеров и западных колонизаторов. Все это намного осложнило проблему Курдистана, которая в начале XX столетия представляла собой сложный клубок межимпериалистических и турецко-иранских противоречий и заняла далеко не последнее место в ряду международных конфликтов того времени.

В новейшее время курдская проблема продолжала оставаться острой и животрепещущей. В результате первой мировой войны в Курдистане произошли значительные демографические изменения. Его население стало более

однородным. Однако и после окончания войны курды оставались разделенными. И в Турции, и в Иране, и в Ираке они были угнетаемым национальным меньшинством, лишенным даже внутренней автономии. Империалистические державы, сначала Англия, а затем и Соединенные Штаты Америки, вели колонизаторскую политику в Курдистане и сопредельных с ним районах. Они захватили здесь богатейшие источники нефти и пытаются создать плацдарм для агрессии против Советского Союза и народов Ближнего Востока. С этой целью империалисты разжигали национальную и межгосударственную вражду, не гнушались непосредственным военным и политическим вмешательством с использованием реакционных сил в зависимых от них странах. Все это создавало значительные препятствия для претворения в жизнь национальных чаяний курдского народа.

Однако, несмотря на все эти неблагоприятные факторы, объективно международное положение Курдистана и курдов в новейшее время значительно улучшилось. Во-первых, вблизи северных границ Курдистана вместо царской России, которая вела колонизаторскую политику в Иранском и Турецком Курдистане, выросла могучая социалистическая держава, верный друг и защитник всех угнетенных и эксплуатируемых народов Востока, в том числе и курдского народа. Во-вторых, национально-освободительное движение народов Ближнего Востока, выросшее и окрепшее в результате революционизирующего влияния Великого Октября, всемирно-исторических побед сил мира, демократии и социализма, потрясло до основания устои империализма, колониализма и реакции в обширной горной стране курдов. Наконец, в-третьих, под воздействием этих факторов значительного прогресса добилось национально-освободительное антиимпериалистическое движение самих курдов, которое и организационно, и политически за последние 40 лет продвинулось далеко вперед. Теперь даже самые закоснелые колонизаторы и реакционеры начинают понимать, что без курдов проблему Курдистана, судьбы его населения решать нельзя.

Таким образом, изучение Курдистана является интереснейшей в научном отношении и крайне важной актуальной политической задачей, причем задачей благодарной для исследователя, поскольку разные аспекты этой проблемы изобилуют белыми пятнами.

* * *

В отечественном и зарубежном востоковедении Курдистан лучше всего изучен с точки зрения этнографической, лингвистической и археологической, причем прежде основное внимание уделялось армянам и другим некурдским народам. Собственно курдология — сравнительно молодая отрасль востоковедения, возникшая всего лишь сто с небольшим лет тому назад.

Основной вклад в курдологию внесли ученые нашей страны. До революции в России вышло много ценных работ, посвященных средневековой истории, культуре, религии, языку, фольклору и литературе курдов (труды П. И. Лерха, А. Д. Жабы, Н. Я. Марра, В. А. Гордлевского, И. А. Орбели, С. А. Егиазарова и др.). Определенные достижения имела в России и другая отрасль курдологии, занимавшаяся изучением всего комплекса социально-экономических и политических проблем, связанных с расселением курдов, внутриплеменными и межплеменными отношениями и взаимоотношениями курдов с другими народностями, населяющими Курдистан, экономическим положением кочевых (аширетных) и оседлых (райя) курдов, политикой турецкого и иранского правительств в курдских районах и с курдскими движениями, непрерывно потрясавшими Курдистан.

В основном это были непосредственные наблюдения путешественников (большей частью состоявших на военной или дипломатической службе [2]), посещавших отдельные районы Курдистана. Знатоки курдов и Курдистана в дореволюционной России собрали большое количество фактов и сделали много ценных наблюдений, однако истолковывался этот материал обычно поверхностно; серьезных обобщающих трудов было издано очень мало. Исключение составляли работы В. Ф. Минорского, крупнейшего русского курдолога и ираниста, накануне и во время первой мировой войны находившегося на дипломатической работе в Турции и Иране. Труды Минорского отличают блестящая эрудиция, глубокое знание Курдистана со всеми его особенностями [3]. Богатый

---

[2] Среди них следует назвать в первую очередь Бензенгра, А. И. Ияса, П. А. Томилова, К. Н. Смирнова, А. Карцева (см. подстрочные примечания и библиографию).

[3] В. Ф. Минорский, *Курды*, — «Известия Министерства иностранных дел», 1915, кн. III, В. Ф. Минорский, *Поездка в Марагу и район рек Джагату и Татаву*, — «Известия штаба Кавказского военного округа», 1907, № 20 (далее — ИШКВО) и статьи в «Материалах по изучению Востока» (вып. I, СПб., 1909; вып. II, Пг., 1915).

фактический материал, который отчасти не устарел до сих пор, содержится в книгах офицеров генштаба П. И. Аверьянова и А. М. Колюбакина и вице-консула в Ване Р. И. Термена [4].

Зарубежная литература о курдах, вышедшая в XIX и начале XX вв., малочисленна и поверхностна. Она представлена большей частью описаниями путешествий по Курдистану, наполненными картинами природы и развалин древностей, историческими реминисценциями и краткими сведениями о нравах и обычаях аборигенов. Искать в таких книгах исторический, а тем более социально-экономический анализ — почти безнадежное дело.

В новейшее время литература о Курдистане значительно обогатилась. В нашей стране, в Ленинграде и Армянской ССР, созданы центры курдологии, в которых советские востоковеды плодотворно изучают курдский язык, литературу, материальную культуру и т. д. Появилось много работ, посвященных социально-экономическим отношениям курдов и курдским освободительным восстаниям; была составлена неплохо разработанная для своего времени (начало 30-х годов XX в.) библиография Курдистана [5], опубликовано много статей по истории, экономике, этнографии курдского народа [6]. В то же время объем работ по курдологии у нас явно недостаточен, о чем свидетельствует отсутствие капитальных обобщающих трудов по политической и социально-экономической истории курдов.

В буржуазной литературе, особенно английской и французской, интерес к новой и новейшей истории курдов носит ярко выраженный политический характер. Примечательно, что авторами большинства статей и книг о курдах в Англии и Франции выступают деятели колониальной администрации,

---

[4] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов*, Тифлис, 1900; П. И. Аверьянов, *Этнографический и военно-политический обзор Азиатских владений Оттоманской империи*, СПб., 1912; Р. И. Термен, *Отчет о поездке в санджак Хеккиари Ванского вилайета в 1906 г.*, Тифлис, 1910; А. М. Колюбакин, *Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции*, ч. I, Тифлис, 1888.

[5] См.: Ф. Б. Растопчин, *Библиография по курдской проблеме*, — «Революционный Восток», 1933, № 3—5; краткая библиография приводится также в кн. «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 557—558. Недавно вышла более фундаментальная «Библиография по курдоведению» (М., 1963).

[6] Например, недавно вышедшее ценное исследование О. Л. Вильчевского: «Курды. Введение в этническую историю курдского народа», М.—Л., 1961.

штатские и военные, изучавшие курдский вопрос, так сказать, на месте. Они, как правило, игнорируют социально-экономическую тематику, а тем более вопросы колониальной эксплуатации курдского народа (таковы книги Рамбу и Гэвена, в которых исследуется курдская проблема в целом [7]).

Но многие из них, как, например, книга бывшего «политического офицера» в Ираке и советника министра внутренних дел страны Эдмондса, содержат интересный фактический материал [8]. Небольшая книга А. Сафрастяна «Курды и Курдистан» представляет собой хотя и краткий, но содержательный очерк истории курдов с древнейших времен [9]. Весьма подробно и увлекательно рассказывается об Иракском Курдистане в книге английского инженера А. М. Гамильтона «Дорога через Курдистан» [10]. Наконец, следует особо отметить большую и плодотворную работу в области курдологии, которую после революции вели за границей наши соотечественники — в Англии В. Ф. Минорский, сотрудничая в «Энциклопедии ислама» и во многих периодических изданиях, во Франции — бывший вице-консул России в Урмии В. П. Никитин, автор многих научных и публицистических статей и большой сводной работы на французском языке — «Курды» [11].

Заметный вклад в курдологию за рубежом в последнее время вносит молодая курдская интеллигенция. В Париже курдскими эмигрантами создан в 1948 г. «Центр по изучению курдов», который издавал свой бюллетень [12]. На его страницы выносились не только филологические, но также исторические и политические проблемы курдологии. Другой центр курдской научной мысли сложился в Ираке, где в новейшее время, особенно после второй мировой войны, растет и крепнет национальное движение курдов. В турецкой же и иранской буржуазной науке господствует шовинистический подход к изучению истории и культуры курдского народа [13].

---

[7] L. Rambout, *Les Kurdes et le droit,* Paris, 1947; S. S. Gavan, *Kurdistan: divided nation of the Middle East,* London, 1958.

[8] C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs,* London, 1957.

[9] A. Safrastian, *Kurds and Kurdistan,* London, 1948.

[10] A. M. Hamilton, *Road through Kurdistan,* London, 1937.

[11] B. Nikitine, *Les Kurds. Etude sociologique et historique,* Paris, 1956.

[12] «Bulletin du centre d'études Kurdes».

[13] См. об этом, в частности: К. К. Курдоев, ***Фальсификация истории курдов в персидской буржуазной историографии,*** — «Ученые записки Ленинградского университета», серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954.

Что касается исследования собственно курдской проблемы в международном плане, то здесь имеется значительное отставание. Правда, новейшему периоду посвящено немало работ. В СССР в 20—30-е годы о курдских движениях много писали журналы «Революционный Восток», «Бюллетень прессы Среднего Востока», «Аграрные проблемы», «Материалы по национально-колониальным проблемам» и др. Однако эти работы, во-первых, написаны на недостаточно высоком научном уровне и к настоящему времени устарели, во-вторых, они, как правило, схематичны и грешат догматизмом, а главное, не дают общей картины, фиксируя внимание только на частностях.

Послевоенный период, к сожалению, почти ничем не обогатил этот весьма важный в научном и политическом отношении раздел нашей курдологии.

Большинство же зарубежных работ освещает вопрос с крайне тенденциозных позиций и создает нередко совершенно искаженную картину в соответствии с социальным «заказом» той или иной империалистической группировки.

Если курдская проблема в новейшее время все же стала в какой-то степени предметом изучения историков и публицистов, то по предшествующему периоду научная литература практически отсутствует. Только недавно вышла в свет книга Н. А. Халфина «Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.)», (М., 1963).

Изучение ближневосточных проблем в эпоху «довоенного» империализма, когда в Западной Азии сталкивались острые противоречия всех великих держав, обращение историков, в частности, к малоизученному курдскому вопросу, необходимо еще и потому, что в прошлом здесь были посеяны семена, которые дали всходы значительно позже, даже при жизни нашего поколения. Так, курдская проблема, возникнув еще в прошлом столетии, далеко не разрешена и по сию пору.

* * *

Настоящая работа является попыткой осветить международный аспект курдской проблемы с начала 90-х годов прошлого столетия до 1917 г., года Великой Октябрьской социалистической революции. Именно с 90-х годов курдская проблема в Турции (а несколько позже и в Иране) начала приобретать широкое международное звучание. Обострение межимпериалистической борьбы на Ближнем Востоке, подго-

товка и осуществление новых разделов Османской империи и Ирана были тесно и неразрывно связаны с курдской проблемой в целом, с положением курдского народа и его борьбой за свои национальные права.

Заключительная хронологическая дата не нуждается в пояснениях. Следует отметить только, что после первой мировой войны коренным образом изменились политико-географические условия существования курдского народа. Предлагаемое исследование охватывает почти 30 лет, насыщенных весьма важными и драматическими событиями, которые оставили неизгладимые следы в новейшей истории курдов и Курдистана.

Центр тяжести настоящей работы лежит в изучении вопросов международного характера: турецко-иранские отношения в связи с курдской проблемой, вмешательство империалистических держав — России, Англии и Германии в эти отношения, их борьба между собой за военно-политическое влияние в Курдистане, деятельность империалистической агентуры среди курдских племен Османской империи и Ирана, наконец, военные действия на территории Турецкого и Иранского Курдистана, осуществлявшиеся до первой мировой войны Турцией, а во время нее также Россией и Англией.

Вместе с тем автор считает необходимым по мере возможности коснуться определенных сторон социально-экономической и особенно политической жизни народов Курдистана и прилегающих к нему районов. Без этого нельзя всерьез думать об изучении всей курдской проблемы и ее международных аспектов. Особое внимание уделено освободительному движению курдских племен против турецкого и иранского ига, попыткам его использования силами, глубоко враждебными курдам и другим народам Ближнего Востока. При этом в поле зрения необходимо окажутся и другие народы, населявшие разноплеменный Курдистан, в первую очередь армяне и ассирийцы (айсоры).

В предлагаемом исследовании, однако, не ставится задача во всей полноте показывать внутреннюю жизнь народов Курдистана. Представляется, что это отдельная большая научная проблема, для разрешения которой следует привлечь другие, более разнообразные источники.

Автор отдает себе отчет в том, что ему вряд ли удастся осветить с исчерпывающей полнотой все перечисленные проблемы, особенно ввиду слабой изученности истории курдов и Курдистана в указанное время. Поэтому в некоторой

части предлагаемая работа будет носить характер очерков. Хочется надеяться, что настоящая книга будет небесполезна для дальнейшего изучения у нас насыщенной событиями истории курдов и Курдистана, включая и касающихся ее внешнеполитических проблем.

* * *

Основой для написания настоящего исследования послужили документальные материалы, хранящиеся в советских архивах. Самые ценные сведения для разработки данной темы дают документы царского Министерства иностранных дел, сосредоточенные в Архиве внешней политики России (АВПР). В фондах этого архива содержится богатейшая переписка, изобилующая важными фактами о внутренней жизни Курдистана в исследуемый период. То были донесения царских дипломатов в Стамбуле и Тегеране, и в особенности в Эрзуруме, Ване, Битлисе, Баязиде, Багдаде, Табризе, Урмии, Хое, Соуджбулаке, Керманшахе. Рапорты консулов, людей, в большинстве случаев хорошо подготовленных, знающих местные языки и обычаи, являются незаменимым и почти не использованным прежде источником. Документы АВПР отражают политику царской России в Турецком и Иранском Курдистане и прилегавших к нему районах, характеризуют дипломатическую борьбу империалистических держав за влияние в восточных провинциях Османской империи и западных провинциях Ирана, преимущественно в связи с курдскими движениями. Для своего времени конфиденциальный характер и чисто служебное назначение всех этих документов в значительной степени гарантируют исследователя (хотя и не всегда) от тенденциозных искажений и прямых фальсификаций, обычных для буржуазных публикаций внешнеполитических материалов.

Весьма плодотворным для освещения темы явилось обращение к документам Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА). Ввиду того что обстановка в Курдистане имела прямое отношение к обороне кавказской границы, военное ведомство России, и в особенности штаб Кавказского военного округа, усердно собирало всевозможные данные о курдских районах Турции и Ирана и их населении, о курдских иррегулярных формированиях «хамидие», о военных мероприятиях турецкого правительства в восточных и юго-восточных вилайетах и т. п. Особенно ценные сведения содержат фонды ЦГВИА

о периоде первой мировой войны, когда русские войска вели операции в самом центре Курдистана. Кроме того, поскольку военная и гражданская власть в закавказских губерниях России была сосредоточена в одних руках[14], фонды ЦГВИА дают возможность изучить политику кавказского начальства по отношению к российским и зарубежным курдам, которое действовало не только в соответствии с приказами из Петербурга, но нередко и по своему собственному усмотрению.

Поиски материалов проводились и в других архивах СССР. Документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (ЦГА ВМФ), по интересующей нас тематике содержат значительно меньше материалов. В Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (ЦГИА Груз. ССР) находятся дела Кавказского наместничества; они помогают лучше представить обстановку в прилегавших к русскому Закавказью курдских районах Турции и Ирана. В этом же архиве удалось найти данные военно-политического характера, отсутствующие в ЦГВИА.

В находящемся в Ленинграде Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА, бывший ЦГИАЛ) внимание привлекают фонды Синода и Совета министров. В первых использована переписка с русской православной миссией в Урмии, содержащая много фактов о положении в Иранском Курдистане, о деятельности русских и западных миссионеров и о проживавших рядом с курдами ассирийцах. Фонд Совета министров несколько расширяет представление об отношении правящих сфер России к положению в Курдистане.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции, социалистического строительства и высших органов власти СССР (ЦГАОРСС), в котором сосредоточены фонды бывшего Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ), привлечен фонд Департамента полиции (Особый отдел) царского Министерства внутренних дел, где имеются материалы о связях зарубежных курдов с русскими и о панисламистской агитации среди последних.

Наконец, небесполезным оказалось ознакомление с лич-

---

[14] Царский наместник на Кавказе (до 1905 г. — главноначальствующий гражданской части на Кавказе) был одновременно командующим Кавказским военным округом.

ным архивом упоминавшегося уже видного русского курдолога В. П. Никитина, хранящимся ныне в Институте народов Азии Академии наук СССР. Здесь есть его неопубликованные рукописи, переписка и другие материалы, впрочем больше представляющие интерес для занимающихся курдской литературой и языком.

Для освещения международных аспектов курдской проблемы, наряду с архивными материалами, использованы и известные публикации дипломатических документов России, Англии, Германии и Франции. Советские публикации «Международные отношения в эпоху империализма» (серии II и III) и «Раздел Азиатской Турции» служат важным подспорьем для изучения всей курдской проблемы и особенно политики царской России в Курдистане накануне и во время первой мировой войны. Они выгодно отличаются по количеству отобранных документов и по качеству их подбора от соответствующих немецкого, английского и французского изданий [15]. Последние содержат совершенно ничтожное количество материала о курдах и Курдистане. В этом явственно сказалась тенденциозность составителей, ибо, как будет показано ниже, фактов, свидетельствующих об активной деятельности английских, германских и иных колонизаторов и империалистов в Курдистане, имеется более чем достаточно.

Кроме официозных и официальных публикаций (к последним относятся и британские «синие книги», посвященные турецко-иранским разграничениям, положению национальных меньшинств Турции и Ирана и др.) [16], в работе использованы и другие издания документов. Из советских стоит упомянуть некоторые ценные публикации в журнале «Красный архив», касающиеся отдельных важных аспектов внешней политики царизма на Ближнем Востоке, из иностранных — опубликованный виднейшим германским международником д-ром Лепсиусом сборник документов «Германия и Армения» [17], в котором имеются интересные данные по курдо-армянским отношениям в канун первой мировой войны.

Материал, содержащийся в мемуарной и географической литературе, для данной темы имеет второстепенное значение,

---

[15] «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914»; «British documents on the origins of the war, 1898—1914»; «Documents diplomatiques français», série I et II.

[16] «Great Britain, Stationary Office. Correspondence respecting the Turkey, Persia».

[17] «Deutschland und Armenien 1914—1918». Sammlung diplomatisches Aktenstücke, Potsdam, 1919.

поскольку он невелик по объему и невысок по качеству. Число путешественников, посещавших в то время Курдистан, было не столь уж велико, поскольку поездки по стране, где не существовало ни нормальных дорог и современных средств передвижения, ни элементарных удобств, но зато постоянно происходили внутренние смуты и неурядицы, были крайне тяжелы и сопряжены с большим риском. Наблюдения, содержащиеся в такого рода произведениях, как правило, поверхностны и не касаются подлинных причин, особенно внешнего порядка, которые приводили к тяжелым внутренним потрясением в Курдистане. В первую очередь это относится к книгам миссионеров, обращавшим преимущественно внимание на христианское население, третируя основное население страны — курдов.

Суждения путешественников тоже подчас бывали весьма поверхностными, проникнутыми к тому же характерным для колонизаторов оскорбительно-пренебрежительным отношением к местному населению. Так, английский путешественник Перси писал: «Все жители Востока — дети, а средний туземец Анатолии и Курдистана не только ребенок, но и обладает весьма ограниченными умственными способностями» [18].

Встречались и исключения. Например, интересные и глубокие наблюдения, касающиеся аграрного строя на востоке Малой Азии и взаимоотношений между курдами и армянами, можно почерпнуть в путевых заметках священника Р. Бекгулянца «По Турецкой Армении». Живо и увлекательно написаны, с ценными подробностями, воспоминания комиссара Временного правительства на Иранском фронте А. Г. Емельянова «Персидский фронт (1915—1918)» и записки одного из участников героического рейда казачьей сотни под командованием Гамалия в 1916 г. через южные районы Иранского Курдистана и Арабистана на соединение с англичанами [19].

Из нарративной литературы западных авторов относительную ценность для настоящей темы представляют имеющийся в русском переводе фундаментальный двухтомный труд Линча «Армения», книги английских миссионеров Хизла и Марголиуса и Изабеллы Бэрд (псевдоним — Бишоп), дневники путешественников, английского — Э. Перси и французского — графа Шоле. Характерным для этих книг является огульно-враждебное отношение ко всему курдскому наро-

[18] E. Percy, *Highland of Asiatic Turkey*, London, 1901, p. 8.
[19] Мугуев Хаджи-Мурат, *К берегам Тигра*, М., 1951.

ду и явно антирусский дух, стремление взвалить на Россию ответственность за все беспорядки в Курдистане.

Особо следует отметить книгу англичанина Сона «В Месопотамии и Курдистане — инкогнито»[20]. Автор, впоследствии видный работник британской военной администрации в Ираке, несколько лет провел под видом туземца среди курдских племен Сулеймании и сделал много любопытных наблюдений. В книге другого англичанина, Марка Сайкса, сыгравшего видную роль в ближневосточной политике Англии во время и после первой мировой войны, помимо ряда ценных сведений о Турецком Курдистане, содержится подробный список всех курдских племен, их численности и расселения[21].

Значительное количество фактов, главным образом о внутренней жизни Курдистана, почерпнуто из периодической печати того времени. Особенно плодотворным оказалось изучение русских географических журналов и изданий Кавказского военного округа. Еженедельник «Армянский вестник», выходивший с 1916 по 1918 г., несмотря на очевидную тенденциозность его издателей, освещал внутриполитическую обстановку на турецко-азиатском театре первой мировой войны. Специального упоминания заслуживает издание русского Министерства иностранных дел «Материалы по изучению Востока», вышедшее двумя выпусками в 1909 и 1915 гг. В нем опубликованы важные и насыщенные большим количеством фактов работы русских дипломатических представителей в Иране и Турции, предназначенные для служебного пользования и содержащие подробную характеристику внутриполитической обстановки, экономики и быта западных провинций Ирана и восточных вилайетов Турции. Здесь имеются официальные отчеты, публикации документов и рекомендации по некоторым вопросам внешней политики России на Ближнем Востоке. Отдельные факты извлечены и из западноевропейских журналов, больше всего из известного «Revue du Monde Musulman».

Оценивая общее состояние опубликованных источников по теме, следует признать, что, несмотря на их кажущееся многообразие, они содержат лишь отдельные, фрагментарные факты, к тому же, как правило, требующие строго критического отношения.

---

[20] E. B. Soane, *To Mesopotamia and Kurdistan in disguise,* 2 ed., London, 1926.

[21] M. Sykes, *The Caliph's last heritage. A short history of the Turkish empire,* London, 1915.

Что касается литературы, то при отсутствии специальных работ (как отмечалось выше) приходилось пользоваться исследованиями общего характера, посвященными курдам и Курдистану, истории Османской империи и Ирана в XIX и начале XX в., истории международных отношений на Ближнем Востоке в указанный период, а также отдельным проблемам. Для настоящего исследования необходимо ознакомление с обильной литературой по армянскому вопросу, поскольку он тесно связан с курдским, или труды, посвященные иранской революции 1905—1911 гг. и младотурецкому периоду в истории Османской империи (1908—1918 гг.). Из литературы о первой мировой войне полезны труды видного советского военного историка генерал-лейтенанта Н. Г. Корсуна, посвященные детальному разбору отдельных операций на Кавказском фронте [22].

---

[22] См. библиографию.

ГЛАВА I

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КУРДОВ

В XIX — начале XX в. курды населяли обширную территорию, простиравшуюся от линии Хамадан — Урмия (ныне Резайе) — Хой — Маку на востоке до линии Биреджик — Малатья — Эрзинджан на западе и от линии Ханекин — Киркук — Мосул — Халеб (Алеппо) на юге до линии Джульфа — Карс — Эрзурум на севере. Эта территория занимала в меридиональном направлении около 1 тыс. *км,* а в широтном — от 300 до 500 *км;* ее площадь составляла свыше 400 тыс. *кв. км* (немного меньше территории Англии, Ирландии, Бельгии, Голландии и Дании, вместе взятых). Указанный район, где проживало подавляющее большинство курдского народа, в литературе условно называется Курдистаном. Кроме того, отдельные группы курдов обитали западнее и восточнее Курдистана (в Турции главным образом в районе Коньи, в Иране — в Хорасане) [1].

---

[1] «Bulletin du centre d'études Kurdes» определяет территорию, населенную курдами, в 500 тыс. *кв. км* (1949, № 6, pp. 3—4). На обложке каждого номера журнала напечатана карта Ближнего Востока, на которой красной краской выделена территория Курдистана, как ее представляют нынешние курдские националисты. Не трудно заметить, что на этой карте закрашены и те районы современных Турции, Ирана, Ирака и Сирии, где курдское население по сравнению с другими народами относительно малочисленно.

До сих пор в географической литературе нет точно определенного понятия «Курдистан». Это объясняется главным образом тем, что во многих административных районах Восточной Турции, Западного Ирана и Северного Ирака курды не составляют абсолютного, а в некоторых округах и относительного большинства населения. Поэтому вопрос о том, какие земли входят в понятие «Курдистан», а какие, например, принадлежат Турецкой или Западной Армении, Иранскому Азербайджану или Арабскому Ираку, всегда вызывал большие споры. В частности, в дореволюционной литературе территории, расположенные к северу и северо-западу от оз. Ван, часто именовались: «Турецкая Армения» или «армянские вилайеты», а земли, простиравшиеся к югу от этого озера, — «Курдистан» (подразумева-

Курдистан — сильно расчлененная горная страна, пересекаемая хребтами собственно Курдских гор, Внутреннего и Восточного (Армянского) Тавра и омываемая водами верхних течений рек Тигра и Евфрата, их притоками и крупнейшими на Ближнем Востоке озерами (солеными) Ваном и Урмией. Курдистан очень богат полезными ископаемыми (особенно нефтью), однако в те времена они были почти не разведаны. В долинах Курдистана существуют все благоприятные условия для развитого земледелия; предгорья и склоны с их богатой альпийской растительностью самой природой предназначены для животноводства.

В начале XVI в. Курдистан был поделен между Османской империей и Ираном. В результате русско-турецких войн XIX в. небольшая часть курдов перешла в состав Российской империи. Накануне первой мировой войны основная масса курдов проживала в Эрзурумском, Ванском, Битлисском, Харпутском (Мамурет-уль-Азизском), Диарбекирском, Халебском и Мосульском вилайетах Турции, в Соуджбулакском, Урмийском губернаторствах и в Макинском ханстве — в Иране, в Эриванской губернии и Карсской области — в России.

Вопрос о численности курдского населения — сложный и до сих пор не решенный. Эта на первый взгляд чисто статистическая проблема в условиях многонационального Курдистана имеет политическую подоплеку. Официальные органы Ирана и особенно Турции всегда преуменьшали действительное число курдов и других национальных меньшинств. Так же поступали армянские националисты и армянофильские круги в России и на Западе. Некоторые же курдские политические деятели, отстаивавшие идею создания независимого Курдистана, наоборот, преувеличивали численность и относительный процент курдского населения.

Наименьшую цифру курдского населения дает Элизе Реклю — 1,8 млн., из них 1,3 млн. — в Азиатской Турции, 0,5 млн. — в Иране[2]. Это, конечно, явная ошибка знаменитого географа, которую в основном повторил французский публицист Виктор Берар (1,5 млн. курдов в Турции и 600—

лось — Турецкий; Иранский Курдистан, в основном, не имел отношения к историческим армянским областям).

В настоящей работе термин «Курдистан» употребляется, за исключением специально оговоренных случаев, в отношении тех районов Османской империи (в том числе расположенных и к северу от оз. Ван) и Ирана, в которых проживало в конце XIX и в начале XX в. компактное курдское население. Автор пользуется этим термином, как правило только для удобства изложения, не вкладывая в него никакого политического содержания.

[2] Э. Реклю, *Земля и люди,* т. IX, СПб., 1887, стр. 294.

700 тыс. в Иране) [3]. Даже в то время курдов было значительно больше. Русский полковник А. Карцев определял общее число курдов в Турции и Иране в середине 90-х годов в 2,5—3 млн. [4], по П. И. Аверьянову, в Турции накануне первой мировой войны проживало 1 млн. 740 тыс. курдов, из них суннитов — 1475 тыс., кызылбашей (али-илахов) — 200 тыс., езидов — 40 тыс. и шиитов — 25 тыс. [5]. Казалось бы, можно считать эти цифры близкими к истине, тем более, что вскоре после войны комиссия Лиги наций определила численность курдов тоже в 3 млн. (1,5 млн. в Турции, 700 тыс. в Иране, 500 тыс. в Ираке, 300 тыс. в Сирии и других странах) [6]. Однако и эти цифры представляются преуменьшенными хотя бы потому, что сотни тысяч курдов погибли во время мировой войны в результате военных действий на Кавказском, Месопотамском и Иранском фронтах, массовых репрессий, голода и болезней [7]. Поэтому, учитывая минимальный естественный прирост населения в военные годы, следовало бы исчислять довоенное курдское население не меньше чем в 4 млн. Эту цифру, как самую минимальную и видимо заниженную, называют многие авторы, в том числе французский консул в Ване Зарзецки (3 млн. в Турции, 700 тыс. в Иране и 300 тыс. в России) [8].

Со своей стороны, Эдмондс считает, что после первой мировой войны в одной только Турции проживало свыше 2 млн. курдов, а в настоящее время — от 3 до 4 млн. [9] Гэвен определяет численность курдов в наше время в Турции — 4 млн., в Иране — 2,5 млн., в Ираке — 1,5 млн., в Сирии — 400 тыс., в других странах — свыше 100 тыс. [10], т. е. всего свыше 8,5 млн. Исходя из всех приведенных данных и учитывая естественный прирост населения за последние 40 лет,

---

[3] В. Берар, *Персия и персидская смута,* СПб., 1912, стр. 130, 132.

[4] А. Карцев, *Заметки о курдах*, Тифлис, 1896, стр. 7.

[5] П. И. Аверьянов, *Этнографический и военно-политический обзор Азиатских владений Оттоманской империи,* стр. 12; см. также: L. de Contenson, *Les réformes en Turquie d'Asie,* 3 ed., Paris, 1913, p. 12.

[6] C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs,* p. 3.

[7] «The massacres of Kurds in Turkey», Cairo, 1928, p. 9.

[8] «La revue de Paris», 1914, № 8, p. 884. В печати того времени приводились еще более высокие цифры, например: 5 млн. курдов в Турции, 2 млн. в Иране, свыше 100 тыс. в других странах (см. E. Jung, *La révolte arabe,* vol. 1—2, Paris, 1924—1925, pp. 187—188), но это уже неправдоподобно.

[9] C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs,* pp. 3—4.

[10] S. S. Gavan, *Kurdistan: divided nation of the Middle East,* p. 11. Примерно такую же цифру дает «Bulletin du centre d'études Kurdes» (1949, № 6, pp. 3—4).

можно было бы определить численность курдов в начале XX в. приблизительно в 4,5—5 млн., из них свыше 3 млн. в Османской империи (в Турции, Сирии и Ираке), около 1,5 млн. в Иране, 300 тыс. в России [11].

Причина такого разнобоя в цифрах кроется не только в сознательном преувеличении или преуменьшении[12]. В Османской империи и Иране перепись населения всегда была подчинена фискальным целям. Поэтому значительная часть населения уклонялась от переписи или давала неверные сведения. Оседлые курды — райя, стремясь избавиться от поборов и притеснений со стороны турецких чиновников, нередко выдавали себя за турок [13]. Кочевые (аширетные) курды вообще трудно поддавались переписи, ибо они часто меняли, по экономическим и политическим мотивам, место своего жительства, не считаясь с государственными границами. Наконец, в Курдистане были такие труднодоступные районы, сплошь населенные курдами (Хакяри, внутренние районы гор Тавра, Дерсим и др.), подчинение которых центральному правительству было фактически номинальным. Если турецкие чиновники и отваживались иногда посещать эти места, то только в сопровождении военной экспедиции [14].

Вопрос о национальном составе курдских районов Османской империи и каджарского Ирана еще менее изучен. Аверьянов утверждал, что курды-сунниты составляют до половины населения Турецкой Армении (вилайеты Эрзурум и отчасти Трапезунд и Сивас), 46% Ванского, 55% Битлисского [15] и 64% мусульманского населения Мосульского вилайетов. Жителями области Дерсим Харпутского вилайета и соседних каз целиком являются курды-кызылбаши (алиилахи); курды-езиды жили в Ванском вилайете, но в основном — в Мосульском, в горах Синджара к северу от Мосу-

---

[11] По другим данным, курдов в России насчитывалось от 100 до 150 тыс. (по-видимому, без оседлых и езидов).

[12] По цензу 1945 г., например, в Турции числилось всего 1476 тыс. курдов (см. C. J. Edmonds, *Kurds Turks and Arabs*, p. 4; Е. Ф. Лудшувейт, *Турция*, М., 1955).

[13] В старой литературе, в том числе, по-видимому, у Аверьянова и Карцева, под курдами нередко подразумевались только кочевники. В современной Турции статистика часто именует кочевых курдов «горными турками».

[14] А. Карцев, *Заметки о курдах*, стр. 19—20.

[15] В городе Битлисе, насчитывавшем 30 тыс. жителей, на одну тысячу армянских домов приходилось 5 тыс. курдских (P. Müller-Simonis, *Vom Kaukasus zum Persischen Meerbusen. Durch Armenien, Kurdistan und Mesopotamien*, Mainz, 1897, S. 228).

ла[16]. В Халебском вилайете Сирии курды составляли 15%. населения[17]. Наконец, Иранский Курдистан был населен главным образом курдами.

Таким образом, в Восточной Анатолии (за исключением ее черноморских районов), Северном Ираке, а также в Северо-Западном Иране к началу XX в. курды составляли большинство населения (правда, незначительное); согласно данным неполной переписи, проведенной в Турции незадолго до войны, и вышеприведенным цифрам Аверьянова, на 3 млн. населения Эрзурумского, Харпутского, Диарбекирского, Битлисского, Ванского и Мосульского вилайетов[18] приходилось свыше 1,5 млн. курдов. Даже если признать эти данные заниженными, процентное соотношение будет, по-видимому, примерно таким же.

Другими крупнейшими национальными меньшинствами в Курдистане были армяне (свыше 1 млн.), азербайджанцы, ассирийцы (свыше 150 тыс.).

* * *

Древняя и средневековая история курдов изучена очень плохо. Отдельные отрывочные сведения о курдах обнаружены еще в ассирийских памятниках, но первые достоверные данные о них содержатся в «Анабасисе» Ксенофонта (V—IV вв. до н. э.). В эпоху парфянских Аршакидов (III в. до н. э. — III в. н. э.), Сасанидов (III—VII вв.), Омейядского и Аббасидского халифатов (VII—XI вв.), сельджуков (XI—

---

[16] П. И. Аверьянов, *Этнографический и военно-политический обзор Азиатских владений Оттоманской империи,* стр. 13. Аналогичные цифры приводятся в ст. S. Zarzecki, *La question kurdo-arménienne,* — «La revue de Paris», 1914, № 8, p. 874.

[17] «Отчет о поездке по Азиатской Турции генерального штаба подполковника Томилова в 1904 году», СПб., 1907, ч. I, стр. 438—439.

[18] «Modern Turkey», ed. by E. C. Mears, New York, 1924, p. 580. В статье Ролен-Жекмена «Армения, армяне и трактаты», помещенной в сборнике «Положение армян в Турции до вмешательства великих держав» (М., 1896), совершенно бездоказательно утверждается, что в так называемой Великой Армении (Эрзурумский, Ванский и северная часть Диарбекирского вилайетов) проживало всего 120 тыс. курдов (на 530 тыс. турок и 1330 тыс. армян) (стр. 10—11). По данным константинопольского патриаршества за 1912 г., курды составляли всего 25,9% населения (700 тыс.) Эрзурумского, Ванского, Битлисского, Харпутского, Диарбекирского и Сивасского вилайетов (см. Е. К. Саркисян, *Аграрная политика османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX века,* Ереван, 1957, стр. 15). Такое невероятное преуменьшение числа курдов характерно для определенных кругов того времени.

XIII вв.) курды входили в состав огромных разноплеменных империй. Опустошительное нашествие монголов в середине XIII в., разрушившее Багдадский халифат, нанесло тяжелый ущерб и курдам, которые, спасаясь от гибели, вынуждены были окончательно переселиться из долин в горы. Не улучшилось положение народов Курдистана и в последующие два с половиной столетия, когда его территория, входившая в состав государств Хулагидов, Тимуридов, Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, была ареной бесконечных войн и нашествий.

Начало XVI в.— переломный момент в истории курдов. В 1514 г., когда турецкий султан Селим I Явуз разгромил при Чалдыране войска иранского шаха Исмаила Сефевида, Западный, Южный и Центральный Курдистан вошли в состав Османской империи, Восточный — остался под властью Ирана. Однако раздел Курдистана между двумя могущественными централизованными империями, пришедшими на смену многочисленным, враждовавшим между собой феодальным княжествам, не принес курдам мира и спокойствия. В течение следующих трех столетий Курдистан был ареной бесконечных войн, которые вели между собой Турция и Иран, и не раз его отдельные части переходили из рук в руки. Турецкие султаны и иранские шахи, прикрываясь религиозными мотивами (Турция — суннитская держава, а Иран — шиитская), в действительности стремились установить свое безраздельное господство над огромной и чрезвычайно важной в стратегическом отношении территорией, окруженной главным Кавказским хребтом, Черным, Средиземным, Каспийским морями и Персидским заливом. Курдам и другим народам Курдистана ничего, кроме новых бедствий, эти войны не принесли. Они были безрезультатны даже и с точки зрения интересов правящих кругов Турции и Ирана. После последней турецко-иранской войны, закончившейся в 1823 г. подписанием Эрзурумского мирного договора, между обеими странами была установлена граница примерно такая же, какая сложилась за 300 лет до этого, в период завоевательных походов султана Селима I.

Обстановка перманентной войны, существовавшая в Курдистане в течение многих столетий, создавала серьезные препятствия для экономическсго, социального, политического и культурного прогресса курдов, складывания единой курдской народности, развития курдской государственности, своевременного отмирания отживших формаций. Курды, обитавшие на занимаемой ими ныне территории не менее двух с

половиной тысяч лет, к началу XIX в. отстали в своем развитии по сравнению с проживавшими в этом же районе и по соседству турками, арабами, иранцами, азербайджанцами и другими народами. Кроме того, на рубеже XIX в. над курдами нависла новая грозная опасность в лице европейских колониальных держав, которые воспользовались прогрессировавшим ослаблением и распадом огромных феодальных империй — Турции и Ирана — для захвата и раздела их владений.

Сначала турецкое правительство намеревалось на восточных границах страны создать из курдов своего рода казачество, которое в случае нашествия иранских войск должно было быть использовано в качестве военного заслона. В XVI в. курды, переселенные в районы Эрзурума, Эривани и Карса, были освобождены от всех податей при условии несения службы по защите границ[19].

Однако эти расчеты не оправдались. Резкое военное и политическое ослабление Турции в XVII—XVIII вв. вызвали упадок центральной власти, оживление центробежных тенденций на окраинах империи. Среди курдов эти тенденции принимали форму сепаратистских движений, руководимых феодализирующейся кочевой знатью. Сходные процессы происходили и в Иране. Ослаблению власти турецких султанов и иранских шахов над курдами способствовали и турецко-иранские войны, ибо курды в условиях изменчивой военной обстановки могли лавировать, менять подданство, становиться на сторону того, кому улыбалось военное счастье.

Постоянные войны наложили свой отпечаток на развитие курдского общества и позволили курдам завоевать себе относительную независимость даже в таких деспотических государствах, какими были Османская империя и шахский Иран.

Уже к концу XVIII — началу XIX в. большинство курдских племен Восточной Анатолии и Северного Ирака добилось фактической независимости от турецких властей. Здесь существовало много независимых княжеств, крупнейшими из которых были Равандузское, Бохтанское, наследственный курдский Баязидский пашалык, езидский эмират в Синджаре, независимые бейские владения в Дерсиме и др.

Иранский Курдистан также был раздроблен на множество независимых и полунезависимых ханств, формально подчиненных власти курдистанского вали. То к Турции, то к

---

[19] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...*, стр. 2—3.

Ирану, в зависимости от военно-политической ситуации, примыкали хакярийский эмир в Джуламерке и правитель Сулеймании, присвоивший себе при поддержке иранского правительства титул курдистанского паши. Кроме того, большое количество менее крупных курдских светских и духовных феодалов (некоторые из последних пользовались большим авторитетом) не признавали вообще ничьей власти, как, например, орамарские или шемдинанские шейхи.

Итак, к началу XIX в. Курдистан находился в состоянии феодальной раздробленности. Многочисленные курдские ханы, эмиры, шейхи и беки постоянно враждовали друг с другом, а также с турецким или иранским правительствами, а иногда и с обоими вместе.

В XIX в. внутриполитическое положение в Курдистане коренным образом изменилось. К концу третьего десятилетия XIX в. в результате русско-турецких войн к самому Курдистану приблизились границы Российской империи, а часть курдов стали русскими подданными. Поражения турецкой армии на Кавказском и других фронтах, разложение Османской империи и ее растущая зависимость от европейских держав привели к полному падению престижа центральной власти в Турецком Курдистане. Это особенно наглядно показала война 1828—1829 гг., когда некоторые крупнейшие курдские феодалы (Ахалцихский — Селим-паша, Баязидский — Балюль-паша, Мушский — Эмин-паша) сотрудничали с русскими военными властями, а другие соблюдали нейтралитет или вели двойную игру (эмир Хакяри, князья Иракского Курдистана) [20]. После войны, в начале 30-х годов, значительная часть курдов освободилась от турецкого господства. Почти вся Восточная Анатолия оказалась в руках местных курдских феодалов; сообщение между Стамбулом и Багдадом было прервано.

Положение Турции стало чрезвычайно серьезным, особенно в связи с успешными действиями правителя Египта Мухаммеда Али, нанесшего в 1831—1832 гг. султанским войскам ряд тяжелых поражений. После того как был временно урегулирован конфликт с египетским пашой (Кютахийское перемирие от 9 мая 1833 г.) и международное положение империи несколько стабилизировалось в результате подписания с Россией Ункяр-Искелесийского договора (8 июля

[20] Там же, стр. 43—55; Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX века)*, М., 1963, стр. 40—41.

1833 г.), султан Махмуд II в первую очередь обратил особое внимание на Курдистан. В 1834 г. 20-тысячная турецкая армия во главе с Мехмед Рашид-пашой «огнем и мечом» прошла весь Курдистан. Это было по существу вторичное завоевание Курдистана, сопровождавшееся неимоверными жестокостями. Наследственные курдские паши были низложены, курдский сепаратизм сломлен, страна временно «умиротворена» [21].

Однако в труднодоступных районах к югу от оз. Ван и в области Хакяри турецким властям не удалось подорвать власть курдских вождей. Влиятельнейший курдский шейх Бадр-хан в 1843 г. поднял в Джазире восстание, вскоре распространившееся на соседние районы и длившееся три года. При этом имели место насилия по отношению к хакярийским ассирийцам, в чем были повинны не только отдельные курдские феодалы, но и английские и американские миссионеры, деятельность которых среди местных христиан имела в сущности подстрекательски-провокационный характер. Когда же восстание Бадр-хана приняло широкие размеры, державы настойчиво потребовали от Порты его скорейшего подавления, что и было с большой жестокостью осуществлено турецкими войсками. Народы Курдистана получили, таким образом, первый урок своекорыстного вмешательства европейских колониальных держав.

Казалось, курды были окончательно сломлены. В действительности же они не примирились со своей участью и лишь выжидали удобного момента, чтобы вновь попытаться сбросить турецкое иго. Этот случай представился очень скоро, во время Крымской войны 1853—1856 гг.

Подавляющее большинство турецких курдов отказалось поддержать военные усилия империи, а значительная их часть наносила турецкой армии удары с тыла. На стороне турецких войск сражались не более 8 тыс. курдских всадников, но и они принесли очень мало пользы. По словам Аверьянова, курды проявляли «полное равнодушие к турецкому правительству», что явилось важной причиной неблагоприятного для турецкой армии хода военных действий на Кавказском театре [22].

Дело не ограничилось пассивной нелояльностью курдского населения по отношению к Османской империи. В этот

---

[21] Там же, стр. 81—82; А. Карцев, *Заметки о курдах,* Тифлис, 1896, стр. 15—16; Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан...,* стр. 49—50.

[22] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...,* стр. 82, 140—141.

период в Турецком Курдистане произошло одно из крупнейших освободительных восстаний, которое поднял в декабре 1854 г. племянник Бадр-хана Езданшир, воспользовавшийся поражениями турок на Кавказском фронте.

Восстание под руководством Езданшира сразу приняло общенародный характер. Помимо основных племен Юго-Восточной Анатолии и Северного Ирака, к нему примкнули езиды Джебель-Синджара и, что особенно примечательно, ассирийцы и даже частично арабы. В начале января 1855 г. повстанцам удалось овладеть местностью Васпуракан и Мосулом. К концу января войско Езданшира насчитывало до 30 тыс. бойцов, а в феврале, по некоторым свидетельствам, уже до 100 тыс. Вскоре восстание охватило значительное пространство от Багдада до Вана. Выступивший против Езданшира багдадский паша был разбит курдами. Повстанцы захватили Битлис, Сиирт и другие города. Курды беспощадно расправлялись с турецкими чиновниками. Одних только мутесаррифов (начальников санджаков) было убито 16 человек.

Езданшир обратился к русскому командованию с просьбами о помощи; взамен он предлагал свою поддержку против турок. Однако его неоднократные обращения не находили никакого отклика.

Нежелание России (отчасти из военно-тактических соображений, отчасти из-за плохой осведомленности о внутриполитическом положении в восточных провинциях Османской империи) сотрудничать с повстанцами поставило их в тяжелое положение, ибо собственными силами они не были в состоянии бороться с хорошо вооруженными турецкими войсками. Политикой царских властей воспользовались союзники турок англичане, которые боялись, что, если курдское восстание будет дальше развиваться, Турцию неминуемо постигнет на Кавказском театре военная катастрофа[23]. Английский консул в Мосуле вступил в переговоры с Езданширом и другими курдскими вождями. Он склонял их к примирению с турецким правительством. В карманы курдской верхушки потекло английское золото. Один Езданшир получил 400 мешков курушей[24]. В результате некоторые феодалы

[23] «...Только нежелание наше воспользоваться восстанием Иезданшира, — писал Аверьянов, — спасло Турцию от окончательного разгрома ее малоазиатских владений» («Курды в войнах России с Персией и Турцией...», стр. 140).

[24] Куруш — мелкая монета достоинством около 5 коп. серебром.

отошли от восстания. Сам Езданшир, поверив честному слову английского консула и турецкого паши, поехал в условленное место на свидание с турецкими представителями, где был предательски схвачен и увезен в Стамбул. Оказавшись без руководителя, повстанцы прекратили борьбу [25].

Восстание Езданшира потерпело неудачу не только из-за отказа в помощи со стороны России, но и вследствие отсутствия единого руководства, неспособности курдской феодальной верхушки создать регулярную армию, сплотить вокруг себя весь народ, изжить междоусобные распри.

Поражение курдов во время Крымской войны не примирило их с турецким игом. Уже в начале 1856 г. в Курдистане вновь вспыхнули волнения в связи со слухами, что русские намерены возобновить наступление.

В царствование султана Абдул-Азиза (1861—1876 гг.) были усилены репрессии против непокорных курдских племен. Главному усмирителю курдов Измаилу Хаккы-паше (курд по национальности) удалось утвердить власть центрального правительства во всем Турецком Курдистане, за исключением труднодоступной горной области Дерсим, где обитали свободолюбивые племена курдов — али-илахов (кызылбашей), которых ни «кнутом, ни пряником» нельзя было принудить к безусловной покорности [26].

Поверхностному наблюдателю могло показаться, что курды смирились со своей участью. Но как только появились первые признаки нового конфликта России с Османской империей, Турецкий Курдистан вновь начал бурлить.

В 1876 г. многие курдские вожди предлагали России свое сотрудничество, но вновь встретили отказ [27]. Это, конечно, сказалось во время войны 1877—1878 гг. Курды не стали союзниками русских войск; многие из них приняли участие в объявленном против русских джихаде. В их числе оказался глава небольшого племени в Орамаре (округ Хакяри) шейх Обейдулла, который был религиозным вождем большинства курдов и пользовался огромным влиянием в Курдистане, ибо считалось, что он по прямой линии происходит

---

[25] М. Лихутин, *Русские в Азиатской Турции в 1854—1855 годах*, СПб., 1863, стр. 256—259; П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...*, стр. 150—152; Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан...*, стр. 68—81.

[26] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...*, стр. 159—160; Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан...*, стр. 82—96.

[27] А. Карцев, *Заметки о курдах*, стр. 18.

от Халеда — двоюродного брата пророка Мухаммеда. Однако ощутимой помощи турецким войскам, действовавшим на Кавказском фронте, курды не оказали. Более того, некоторые племена, главным образом в Карсском пашалыке и в Дерсиме, находились во враждебном по отношению к Турции нейтралитете.

Поражение Турции в этой войне немедленно отозвалось в Турецком Курдистане. Уже в октябре 1878 г. сыновья Бадрхана Хусейн и Осман подняли большое восстание, которое властям удалось подавить лишь с большим трудом[28].

Подавление этого восстания имело неожиданные последствия. Влиятельнейшие курдские вожди, решив, что их надежды на завоевание независимости в пределах Османской империи несбыточны, обратили свой взор на соседний Иран, где центральная власть была крайне слаба. Они рассчитывали, что эфемерность шахского владычества в курдских районах облегчит создание курдского государства. Горячим сторонником этой идеи был шейх Обейдулла. В конце июля 1880 г. в Шемдинане он созвал съезд курдских вождей всего Курдистана, где был поставлен вопрос о союзе всех курдских племен. Обейдулла выступил за создание независимого курдского княжества в Иране, к которому в дальнейшем должны быть присоединены курдские земли Турции. Выдвинутый Обейдуллой план встретил тайную поддержку турецкого правительства, заинтересованного в направлении курдского движения в сторону восточного соседа и в создании затруднений своему вчерашнему врагу — России, имевшей в Северо-Западном Иране значительные экономические и военно-политические интересы.

Англия, оказывавшая России в те годы активное противодействие на Ближнем Востоке, также втихомолку одобрительно отнеслась к замыслам Обейдуллы.

Обейдулла вторгся в Северо-Западный Иран и начал быстро продвигаться в сторону оз. Урмии. Первоначально его войско состояло из 3—5 тыс. турецких курдов, но вскоре к нему присоединились многие тысячи их персидских сородичей. Курды осадили Урмию. Однако движение Обейдуллы не имело успеха. Его «армия» быстро распалась на отдельные недисциплинированные отряды, грабившие мест-

---

[28] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...*, стр. 223—225. О позиции курдов накануне и во время войны 1877—1878 гг. см.: Дж. Джалиле, *Курды и русско-турецкая война 1877—1878 гг.*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1963, № 56, стр. 54—59; Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан...*, стр. 97—107.

ное христианское и мусульманское население. Было разорено до 600 селений, насчитывалось много жертв. Основной причиной, определившей поражение курдов в тот период, было отсутствие социально-экономических и политических предпосылок для объединения курдов вокруг одной общей национальной идеи. Известную роль в неудаче шейха Обейдуллы сыграла позиция России, которая, весьма обеспокоенная событиями в Иранском Курдистане, помогла шахскому правительству организовать оборону против Обейдуллы и оказала сильный нажим на Турцию (сосредоточившую к тому времени в Хакяри значительные силы) с целью заставить ее прекратить потворство и тайную поддержку курдам[29]. В конечном счете Обейдулла вынужден был отступить в пределы Турции, где его арестовали и сослали в Мекку. Так окончилась одна из самых серьезных попыток создать независимое курдское государство.

В 80-х годах XIX столетия внутреннее положение в Турецком Курдистане продолжало оставаться неустойчивым. Время от времени там происходили волнения, крупнейшим из которых было восстание во главе с Мусой-беем, происшедшее в пограничных с Ираном районах[30]. Но в эти годы все большее значение во внутренней жизни восточных вилайетов Османской империи стал приобретать армянский вопрос, непосредственно касавшийся курдского населения и способствовавший тому, что курдская проблема приобрела международное значение.

* * *

Для курдского общества и в прошлом, и в значительной мере в настоящее время характерна родо-племенная структура, охватывающая не только кочевых (аширетных) курдов, но и оседлых (райя) (последних, правда, больше формально), глубоко пронизывающая всю их социальную и по-

---

[29] К. П. Камсаракан, *Вторжение шейха Обейдуллы в Персию в 1880 г.*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XI, СПб., 1884, стр. 44—46. Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан...*, стр. 108—134. О восстании Обейдуллы см.: Дж. Джалиле, *Освободительное движение курдов под руководством шейха Обейдуллы против турецких и иранских поработителей*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1963, № 39, стр. 72—85.

[30] О вожде джибран Муса-бее В. А. Гордлевский писал: «На него работали до 80 тыс. курдов, которые во всем ему повиновались, перед ним трепетала вся округа» (В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 121).

литическую жизнь. Все курды (кочевники) делились на племенные объединения, племена и роды. Крупнейшими объединениями были хайдеранли (племена — зилян, сипки, джибран, милян, зиркан, адаман и др.), обитавшие в Северо-Западном Курдистане, шеккак — в районе турецко-иранской границы близ Салмаса, хакарийская группа (племена орамар, шемдинан, джелу, харки, барзан, бахдинан, бохтан, джелали и др.) — к югу от оз. Ван до долины реки Большой Заб, мукри — в районе Соуджбулака (ныне — Мехабад), джаф — вдоль рек Дияла и Абе-Сирван в Ираке, бабан и хамавенд — в районе Сулеймании, кельхор и сенджаби — в районе Керманшаха и другие, менее значительные [31].

Социально-экономический строй курдских племен в исследуемый период характеризуется господством так называемого кочевого феодализма. Экономика базировалась в основном на кочевом скотоводстве (главным образом, овцеводстве) [32]. О разложении родо-племенных отношений у курдов говорит далеко зашедшее имущественное расслоение внутри каждого племени, определявшееся числом голов мелкого и крупного рогатого скота у каждого кочевника.

На внутриплеменные отношения большой отпечаток накладывали пережитки «военной демократии». Однако глава племени (хан, бей, ага) был уже не только «первый среди равных», но и обладал реальной властью над рядовыми единоплеменниками, основанной на богатстве и силе, хотя и выглядевшей подчас патриархальной. Это отмечал уже в 30-х годах XIX в. автор капитальной страноведческой работы о Турции Вронченко: «...Народ видит в них,— писал он о курдских беях,— не только своих судей и патриархальных властителей, но и защитников от притеснений областных правителей, даже верховной власти, и вождей, которые, сосредоточивая в себе силу племени, заставляют уважать ее» [33].

Социально-экономические отношения в Курдистане имели и другой аспект, охватывавший взаимоотношения между феодальной верхушкой, в своем подавляющем большинстве

---

[31] О племенном делении курдов к началу XX в. см. приложение к книгам: M. Sykes, *The Caliph's last heritage;* E. B. Soane, *To Mesopotamia and Kurdistan in disguise.*

[32] См. О. Л. Вильчевский, *Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в.,* — «Советская этнография», 1936, № 4—5; А. Ш. Шамилов, *К вопросу о феодализме у курдов,* Эривань, 1936.

[33] М. В. Вронченко, *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии,* СПб., 1839—1840, ч. II, стр. 225.

курдской, и оседлым земледельческим населением, по национальности в основном армянским. Аграрный вопрос в Курдистане и Западной (Турецкой) Армении в исследуемую эпоху был неотделим от национального, ибо социальный и национальный гнет шли в ногу, дополняли и усугубляли друг друга.

Курдские беи-феодалы беспощадно эксплуатировали и угнетали совершенно бесправное армянское крестьянство. В Курдистане процветало крепостное право в его наиболее тяжелых, средневековых формах. «В Сасунской казе,— писал на рубеже XX в. российский вице-консул в Ване Туманский,— существует почти крепостная зависимость армян от курдов со всеми ее юридическими последствиями: каждый армянин приписан к какому-нибудь курду и обязан ему оброком; курды продают своих крепостных, когда имеют нужду в деньгах; за убийство курдом крепостного его господин мстит убийством крепостного, принадлежащего убийце». Некоторые беи установили в армянских селениях даже «право первой ночи». Крепостные армяне, отмечал Линч, назывались «зер-курри», что означало «купленные за золото», «...Они покупаются и продаются курдскими беями и агами совершенно так же, как овцы и скот». Купля-продажа крепостных крестьян совершалась вместе с землей, на которой они жили и работали[34].

Система отношений, основанных на крепостной зависимости главным образом армянского крестьянства от курдских феодалов, получила наименование кяфиризм (от арабского слова «кяфир» — неверный, безбожник, которым обычно называли немусульман). Кяфиризм, писал Р. Бекгулянц, хорошо изучивший быт населения Ванского вилайета накануне первой мировой войны, означает «произвол и насилие, незаконные и несправедливые поборы, производимые курдскими беками... Земельные отношения, возникшие между армянами и курдскими шейхами,— продолжал Бекгулянц,— напоминают отношения средневековых феодальных графов и баронов к крестьянам, живущим на их землях»[35].

Каждая деревня, разъясняет дальше Бекгулянц, подвластна своему бею и обязана платить ему подати в натуре. Каждая семья обязана определенное число дней работать бесплатно в пользу бея, который может облагать жителей

[34] Х. Ф. Б. Линч, *Армения. Путевые очерки и этюды*, т. II, Тифлис, 1910, стр. 554.

[35] Р. Бекгулянц (Северянин), *По Турецкой Армении...*, Ростов-на-Дону, 1914, стр. 74.

и денежным налогом. Все это и называется кяфиризмом, а налог именуется кяфирным[36].

Указывая далее, что кяфиризм приносит ущерб турецкому фиску и усиливает позиции курдской верхушки, автор отмечал, что ни султанское, ни младотурецкое правительства не пытались отменить кяфирное право, а стихийная борьба армянского крестьянства за свое раскрепощение еще больше ухудшала его положение. «В Европе и у нас в России,— писал Бекгулянц,— принято все происходящее в Армении приписывать разбойному инстинкту курдов, но нам думается, что оно имеет более серьезную и глубокую причину, и причина эта заключается в кафирном праве, за которое цепко держатся курдские беки и которого они не хотят лишиться»[37].

Наряду с методами внеэкономического принуждения курдские беи для закабаления армянского крестьянства широко использовали и экономические рычаги. Беи покупали земли у армянского населения, в их руках находился весь скот, который они давали крестьянам в пользование за натуральную плату. Разбогатевший курдский бей часто брал на откуп ашар[38], «и тогда,— писал исполнявший обязанности русского вице-консула в Ване Термен,— все селение в его руках». Он ссужал крестьян деньгами и зерном на очень выгодных для себя условиях: расплата натурой во время жатвы. Такая ссуда называлась «селем» или «селеф»: селефдары быстро обогащались, отбирая земли несостоятельных должников. Обезземеливанию крестьянства в восточных вилайетах Турции способствовал ипотечный кредит, предоставлявшийся банками.

Турецкие власти поощряли обогащение курдских феодалов, получая от последних богатые подарки. «Благодаря этому,— отмечал Термен,— все селение переходит в руки курда; армяне же сначала становятся „мирибэ", т. е. получают от курда семена и скот для обработки полей, за что отдают половину урожая, затем теряют земли и стано-

---

[36] Там же, стр. 74—75. В Бохтане, писал немецкий путешественник Мюллер-Симонис, местные ага взимали натуральные налоги с армянских крестьян в таких размерах, что последние вынуждены были спасаться бегством (P. Müller-Simonis, *Vom Kaukasus zum Persischen Meerbusen. Durch Armenien, Kurdistan und Mesopotamien,* S. 228).

[37] Р. Бекгулянц (Северянин), *По Турецкой Армении...,* стр. 75—76.

[38] Ашар (или ушр) — средневековая десятина, главный натуральный налог с крестьянства Османской империи, составлявший официально 12,63% урожая, а фактически часто в два-три раза больше.

вятся просто работниками, т. е. крепостными курда». Селеф приносил курдским беям громадные доходы. Армянское селение Хаскей (Мушская долина), например, потеряло из-за селефа 208 полей, 24 дома и 6 мельниц. Все это перешло в руки селефдаров. В некогда богатом селении Аренч (Адильджевазская каза) из 115 домов у местных жителей осталось 70, из которых, однако, только 55 имело собственное хозяйство, остальные были «мирибэ»[39]. В деревне Мармусс (Ванский вилайет) курдский бей захватил всю землю, принадлежавшую армянской общине, и превратил армянских крестьян в своих арендаторов[40].

Нередко власти селили в армянских деревнях и хамидийцев, курдов, служивших в султанских иррегулярных войсках. «Последние,— писал русский вице-консул в Битлисе,— пользуясь защитой администрации, творили там суд и расправу и, ссужая постоянно нуждающихся армян деньгами под залог скота, домов и урожая, сделались постепенно хозяевами селений — агами, которым армяне исполняли все работы, выдавали своих девушек, доставляли лучших лошадей и все-таки не могли избавиться от тягости долгов»[41].

Часто ограбление армянских крестьян прикрывалось «покровительством» или «защитой», оказываемой одним беем против другого, соседнего бея. Крупный курдский феодал Кязым-бей установил над несколькими армянскими деревнями на стыке Битлисского и Мушского санджаков свой «протекторат». Армянское население было обязано уплачивать ему особые подати, кроме тех, которые взимали с них турецкие власти, «дабы охранить и свою жизнь и пашни...»[42].

Жестокая эксплуатация курдскими феодалами армянских крестьян давала пищу для разжигания розни между курдами и армянами, в чем были заинтересованы турецкие правящие круги, надеявшиеся таким путем укрепить свои позиции в восточных вилайетах империи, а также западные колонизаторы, рассчитывавшие нагреть руки на курдо-армянской вражде.

В то же время, и это надо особенно подчеркнуть, курдские крестьяне — райя жили со своими армянскими соседями в

---

[39] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 1595, л. 4950.
[40] De Cholet, *Arménie, Kurdistan et Mésopotamie*, p. 172.
[41] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 4087, лл. 77—78.
[42] АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 541, л. 156; см. также: X. Ф. Б. Линч, *Армения...*, т. II, стр. 554.

мире и согласии, между ними не существовало никакой вражды [43].

Нельзя не учитывать еще одно обстоятельство, которое способствовало нечистой игре различных реакционеров вокруг армянского и курдского вопросов. Армяне на востоке Малой Азии занимали ключевые позиции в торговой и предпринимательской деятельности, что облегчало антиармянскую агитацию среди темных и отсталых мусульманских масс, в первую очередь среди курдов. Например, в Сивасском вилайете (где армяне составляли около 35% населения) из 166 крупных торговцев-импортеров армян было 125, из 37 банкиров — 32, из 9800 мелких торговцев — 6800 армян. Из 153 промышленных предприятий 130 принадлежали армянам [44]. В Ванском вилайете в руках армян находилось 98% всей торговли, 80% земледелия и лишь 20% скотоводства. Крупных купцов насчитывалось 18 (все армяне); ростовщиков — 50 (30 армян и 20 турок); менял — 20 (все армяне); ремесленников — 1100 (1020 армян и 80 турок); рантье — 50 (20 армян и 30 турок); торговцев овощами — 80 (50 армян и 30 турок); торговцев фруктами — 200 (половина армян). Все лица свободных профессий (врачи, аптекари, адвокаты и пр.) были армяне [45].

Таковы были объективные предпосылки привнесения национальных моментов в классовые противоречия на востоке Малой Азии. Однако наличие таких предпосылок вовсе не означало неизбежности подчинения классовых противоречий национальным, подмены классовой борьбы национальной враждой, как это пытались доказать и осуществить на практике армянские и курдские националисты. Вспышка армяно-курдской вражды в конце XIX в. имела своим источником не столько социально-экономические процессы, сколько об-

---

[43] De Cholet, *Arménie, Kurdistan et Mésopotamia,* p. 245. После турецкого завоевания, отмечал В. А. Гордлевский, отношения между курдами и армянами были хорошими. «Постепенно, однако, положение армян ухудшилось, потому что турки вносили раздоры между армянами и курдами и, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», втайне одобряли, как курды притесняли армян, как их цветущие пастбища и поля обращались курдскими феодалами в пустыри, и курдские князьки, зная о бессилии центральной власти, властвовали на этих полях, как хотели» («Силуэты Турции», стр. 126).

[44] А. Дживелегов, *Будущее Турецкой Армении,* — сб. «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г.» М., 1896, стр. 174. См. также: В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции,* стр. 127.

[45] ЦГАОРСС, ф. 579 («П. Н. Милюков»), оп. I, кн. 2, д. 1522, лл. 2—3, Статистические сведения о Ванском вилайете.

стоятельства внутри- и внешнеполитического порядка, о которых будет сказано ниже. Для трудящихся масс курдов и армян проблема стояла совершенно в другой плоскости. Ведь армянских крестьян и ремесленников угнетал не курдский народ, а курдская феодальная верхушка вкупе с турецкими чиновниками и армянской же компрадорской и средней буржуазией.

Что касается трудящихся курдов, то их грабила не столько армянская буржуазия, сколько «свои» же беи и ханы, не говоря уже о турецкой и иранской администрации. Эксплуатация аширетных курдов была несколько прикрыта сильными пережитками «военной демократии», но она безусловно существовала и усиливалась по мере разложения родо-племенного строя. Значительная же часть курдов к рассматриваемому времени осела на землю или была близка к этому, чему способствовал упадок кочевого скотоводства, и следствием этого было резкое ухудшение условий жизни рядовых кочевников, заставлявшее их выходить из племени и селиться вблизи городов в качестве оседлой райи.

Такие курды превращались в обычных хлебопашцев и скотоводов, мало чем отличавшихся от армянских, турецких, иранских или иракских крестьян. По словам Линча, «...значительное число их (курдов.— *М. Л.*) превратилось в трудолюбивых земледельцев и живет плодами своих трудов» [46]. «Армяне,— отмечал «Армянский Вестник»,— угнетаются не потому одному, что они христиане, с ними вместе одинаково беспощадно эксплуатируются и единоверцы угнетателей — турки и даже сородичи их — курды-райи» [47]. Армянская газета «Азад-амард» писала, что «...масса курдского народа предъявляет к своим агаларам те же требования, что и армянское сельское население» [48]. Бекгулянц, описывая насилия, которые чинили курдские феодалы Муса-бей и Кязым-бей, отмечал: «Эти головорезы одинаково грабили своих сородичей, как и армян» [49]. Он же приводит факты жестокой крепостнической эксплуатации курдской райи курдскими же помещиками. Подобные свидетельства очевидцев можно было бы во много раз приумножить.

Больше всего оседлых курдов-райя жило в Северной Сирии и в некоторых районах Иранского Курдистана (в ча-

[46] Х. Ф. Б. Линч, *Армения...*, т. II, стр. 540—541.
[47] «Армянский Вестник», 1917, № 23, стр. 5—6.
[48] Цит. по: АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, л. 67.
[49] Р. Бекгулянц (Северянин), *По Турецкой Армении...*, стр. 32.

стности, в губернаторстве Соуджбулак). Курды-райя находились в крепостной или полукрепостной зависимости от местных помещиков (многие из которых были турками или персами) и жестоко угнетались, кроме того, турецким и иранским правительствами, платя огромные налоги и отбывая многочисленные повинности[50].

В Турецком Курдистане, где жило по преимуществу скотоводческое население, главным налогом был агнам (налог со скота). Трудящиеся курды жестоко страдали от правительственных поборов, значительная часть которых шла не на местные нужды, а отсылалась в Стамбул[51]. Не легче жилось курдам и в Иране, где гнет шахской власти усугублялся произволом местных сатрапов, которые, пользуясь слабостью центральной власти, обирали беззащитное население. «Во внутренней жизни Персии,— писал Тигранов,— хищение и угнетение составляют наиболее характерные явления ее режима»[52].

Некоторое число курдов жило и в немногочисленных городах Иранского и Турецкого Курдистана (в Мосуле, Сулеймании, Соуджбулаке, Урмии, Ване, Диарбекире); из них выходили первые представители курдского рабочего класса и интеллигенции.

Оседлые, и особенно городские, курды постепенно теряли связь со своим племенем, выходили из-под власти светской и духовной знати, освобождались от ига племенных обычаев и предрассудков. В условиях жестоких деспотических режимов, существовавших тогда в Турции и Иране, политики ассимиляции национальных меньшинств, наиболее рьяно проводимой турецкими правящими кругами, курды-райя постепенно теряли признаки своей народности и сливались с турками, иранцами и арабами.

Ассимиляции курдов способствовала также их чрезвычайная культурная отсталость. Достаточно сказать, что еще в начале XX в. во всем Курдистане, турецком, иранском и иракском, не было ни одной курдской школы. Если, по сведениям Гэвена, относящимся к нашему времени, среди курдов неграмотных было в Иране — 95%, в Турции — 90%, в Ира-

---

[50] Турецкие власти, например, заставляли выписывать неграмотных курдов газеты и за это взыскивали особый налог [Р. Бекгулянц (Северянин), *По Турецкой Армении...*, стр. 32].

[51] К. Н. Смирнов, *Поездка в Северный Курдистан,* — «Известия Кавказского отдела ИРГО», т. XVII, 1904, стр. 321.

[52] Л. Ф. Тигранов, *Из общественно-экономических отношений в Персии,* СПб., 1909, стр. IX.

ке — 85% и в Сирии — 80% [53], то можно смело утверждать, что в XIX в. среди курдов встречались лишь единицы, умевшие читать и писать. Неграмотным было и большинство курдских беев, шейхов и ага. В это время не издавались ни курдские книги, ни газеты, так как не было даже курдской письменности. Первая печатная книга на курдском языке была опубликована в 1897 г. в Стамбуле, а курдская газета — в 1898 г. в Каире [54].

Даже на фоне той беспросветной нужды и бедности, в которых прозябало трудовое население Турции и Ирана, курдские селения выделялись своей нищетой. «При посещении курдских селений,— писал русский вице-консул в Хое (Иранский Курдистан),— обращает на себя внимание незначительное количество детей и множество слепых. До 50% детей погибает при рождении, вследствие отсутствия акушерской помощи, и до 30% в возрасте от 1 года до 3 лет от оспы, скарлатины, дифтерита, брюшного тифа и укусов ядовитых змей и насекомых, этих непременных обитателей курдской землянки. Редко можно встретить взрослого курда со здоровыми глазами — трахома — обычное явление в курдском селении» [55].

Переход курдов, как и других кочевых народов, к оседлости и ликвидация племенного строя, бесспорно, явление прогрессивное. Однако в конкретных условиях Османской империи и каджарского Ирана в последние десятилетия их существования этот процесс грозил полным порабощением полунезависимых курдских племен турецкими и иранскими феодалами и даже исчезновением курдской народности. Поэтому большинство аширетных курдов боролось против ассимиляторской политики турецкого и иранского правительств в Курдистане, ревниво отстаивая привилегии курдских племен от посягательств властей.

---

[53] S. S. Gavan, *Kurdistan...*, p. 14.

[54] В. Ф. Минорский, *Курды. Заметки и впечатления,* — «Известия Министерства иностранных дел», 1915, кн. III; О. Л. Вильчевский, *Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии,* — «Иранские языки», I, М.—Л., 1945, стр. 164; «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 76.

[55] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, л. 26. В. А. Гордлевский так описывает типичную землянку в курдском или армянском селении: «В такой „дом“ свет проникает только через дымоходное отверстие в крыше, а когда его закрывают, чтобы удержать тепло, воцаряется тьма кромешная. Направо в таком доме, на небольшом возвышении, собираются люди; тут они и сидят, и едят, и спят. Налево — скотина; так, когда она под боком, оно спокойнее, безопаснее и... теплее» («Силуэты Турции», стр. 16).

Борьба аширетных курдов против централизаторской и ассимиляторской политики турецкого и иранского правительств опиралась на исторически сложившуюся мощную военную организацию племен, когда каждое племя, большое и малое, по первому призыву своего вождя готово было послать в поход всех мужчин, способных носить оружие и сидеть в седле. Антиправительственные выступления курдов проходили под руководством феодально-племенной верхушки.

Поскольку курдские движения в XIX — начале XX в. ослабляли султанскую Турцию и шахский Иран, ускоряли крушение этих прогнивших многонациональных государств, они имели положительное значение. Однако возглавлявшие это движение силы преследовали по существу реакционные цели: увековечение давно изжившего себя родо-племенного строя, сохранение своей абсолютной власти над кочевым и оседлым населением Курдистана. К тому же курдские феодалы, которым, по самой их сущности, было чуждо понятие общенародных интересов, легко поддавались на подкуп и верили посулам, были склонны к соглашениям с властями и иностранными державами и прямой измене общему делу, к отвлечению сил на междоусобную борьбу.

Таким образом, курдские движения в XIX — начале XX в. — весьма сложное и глубоко противоречивое историческое явление, которое надо рассматривать и оценивать конкретно, в зависимости от обстоятельств места и времени. При изучении курдских движений надо обязательно учитывать международную обстановку, ибо курдская проблема — это не только внутреннее турецкое или иранское дело; с ней были связаны интересы в первую очередь России и Англии, а также и других империалистических держав.

Главную роль в курдском вопросе играла Россия, непосредственно граничившая с Курдистаном. Она имела здесь экономические и военно-политические интересы и, кроме того, насчитывала среди своих подданных некоторое число курдов.

Экономическое проникновение России в Курдистан началось еще в первые десятилетия XIX в., сразу после присоединения Закавказья. Русские купцы были заинтересованы в Курдистане не только как в рынке сбыта, но и как в территории, через которую проходили основные торговые пути из Закавказья в Переднюю Азию и Иран. Значение Курдистана для русской торговли начало особенно быстро расти со второй половины XIX в., по мере развития капи-

тализма в пореформенной России и вовлечения в его сферу закавказских губерний.

Наиболее значительных успехов добилась Россия в Восточном и Северо-Восточном Курдистане, входивших в состав Ирана. Под ее экономическим контролем уже со второй половины XIX в. находился весь район вокруг оз. Урмия. Соуджбулак к началу нынешнего столетия превратился в крупнейший торгово-распределительный центр русских товаров. Здесь жило много купцов-курдов, регулярно посещавших Макарьевскую ярмарку и имевших тесные связи с Россией. Активно действовали в Северо-Восточном Курдистане и купцы из России, в основном армяне и азербайджанцы. Они владели крупными земельными участками на правах полной собственности или долгосрочной аренды. Общая сумма задолженности этого края только российским подданным к началу XX в. превышала полмиллиона рублей[56]. Экономическое проникновение России успешно шло и к югу от указанного района. На базарах Сенне (Сенендедж) свыше 30% всех торговцев имели дело с Россией. В Миандоабе находились громадные поместья предпринимателей Назарбекова и Нагибова. Оживлению русской торговли в Иранском Курдистане содействовали десятки тысяч паломников-шиитов из Закавказья, ежегодно направлявшихся через Секкез и Сенне в Кербелу. С каждым годом рос вывоз из Курдистана в Россию местного сырья — адраганта, чернильного орешка, шкур, изюма и т. д.[57].

В Турецком Курдистане, где влияние России было значительно слабее, чем в соседнем Иране, русским товарам приходилось выдерживать сильнейшую конкуренцию со стороны западноевропейских, которые были хотя и крайне низкого качества, но гораздо дешевле. Тем не менее и здесь Россия была одним из главных экспортеров. Сюда она вывозила керосин, сахар, железо и изделия из него, посуду, обувь, кожи и т. д. По ввозу товаров в Битлисский вилайет, например, Россия занимала второе место после Австрии[58]. Русский консул в Ване Олферьев, указывая на большие естественные богатства края, писал: «Мы должны приложить все наши старания к тому, чтобы рынки Курдистана,

---

[56] Д. Д. Беляев, *Очерки северо-восточной части Персидского Курдистана,* — ИШКВО, 1910, № 30, стр. 8—9.

[57] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, лл. 2—3; ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 124, л. 228.

[58] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1405, л. 113.

естественно тяготеющие в сторону России, остались бы за нами, а не подпали бы окончательно под экономическое влияние Германии»[59].

Таким образом, Курдистан, как турецкий, так и иранский, имел весьма важное значение для России как рынок сбыта и источник дешевого сельскохозяйственного сырья. В то же время торговое проникновение России в Курдистан должно было облегчить политическое проникновение, которое для царской России на Ближнем Востоке имело первостепенное значение.

В отличие от России другие крупные капиталистические державы не имели в самом Курдистане существенных экономических интересов. Здесь почти не было промышленных предприятий, банков, крупных торговых домов, мало было плантаций и доходных ферм, отсутствовали железные дороги, морские и речные судоходные пути и добыча полезных ископаемых; словом, иностранному капиталу негде было «развернуться». К тому же из-за постоянных внутренних неурядиц предпринимательская деятельность была связана со значительным риском[60].

В силу указанных причин западным державам пришлось искать другие пути для проникновения в Курдистан.

Своего рода универсальным ключом для открытия ворот в Курдистан была миссионерская деятельность. Миссионерство как в эпоху «географических открытий», так и в новое время было действенным орудием колониальной политики, духовного, а затем и политического закабаления отсталых народов. Миссионерскую работу особенно удобно было проводить в условиях Курдистана, где существовали десятки различных религиозных течений и сект, в том числе и христианских. Поэтому почти все главные церкви Европы и Америки могли найти предлог, чтобы направить своих эмиссаров в Курдистан и сопредельные с ним районы, начать работу среди своих действительных и мнимых сторонников.

Миссионерские пункты были открыты по всему Курдистану. Особенно активно действовали католики из Франции. Они обосновались в Мосуле, Эрзуруме, Диарбекире, Ване, Харпуте, Сиирте и в других местах. Центром католической пропаганды стал Мосул.

---

[59] Там же, 1910 г., д. 1599, л. 30.

[60] Россия в этом отношении имела значительные преимущества перед западными державами, ибо не только непосредственно граничила с Курдистаном (который в экономико-географическом отношении имел много общего с Закавказьем), но и владела в непосредственной близости от него удобными путями, в том числе и железными дорогами.

С католиками успешно конкурировали американские протестанты, щедро финансировавшиеся деловыми кругами. Сфера их деятельности была гораздо шире, хотя протестантов среди местного населения насчитывалось меньше, чем приверженцев римского папы. В Турции американцы обосновались главным образом в Харпуте; кроме того, немало их было также в Ване, Битлисе, Эрзуруме, Мардине и других пунктах [61]. В Иранском Курдистане американский миссионерский центр был расположен в районе оз. Урмия.

В борьбе «за души местного населения» американские миссионеры не брезговали никакими средствами. Они поставили религиозную пропаганду на коммерческую основу, открывая повсюду необычно дешевые магазины, в которых товары продавались только протестантам [62].

В начале XX в. у американских [63], английских и французских миссионеров появился опасный конкурент — немцы. Они основывали свои пункты во многих местах Турецкого и Иранского Курдистана, стараясь подорвать влияние пастырей из Франции и англо-саксонских стран [64].

Православных миссионеров из России было относительно меньше. Только в Урмии активно действовала русская православная миссия, основанная в мае 1897 г., которая вела пропаганду в основном среди ассирийцев.

Религиозная пропаганда в Курдистане, проводимая миссионерами разных стран, имела ярко выраженный политический характер. «...Миссионеры являются руками и глазами своих стран,— писали современные арабские авторы Мустафа аль-Халиди и Омар Фаррух.— Они всегда пытались вызвать смуты и беспорядки в арабских и других мусульманских странах, чтобы народы Запада имели возможность политически и экономически господствовать в них. А социальная и культурная стороны нашей жизни интересуют

---

[61] А. М. Колюбакин, *Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции,* ч. I, Тифлис, 1888, стр. 169.

[62] Ю. Карцов, *Семь лет на Ближнем Востоке,* СПб., 1906, стр. 184. О деятельности американских миссионеров на Ближнем Востоке см. также: З. З. Абдуллаев, *Начало экспансии США в Иране,* М., 1963, стр. 3—7.

[63] Примечательно, что большинство американских миссионеров в курдо-армянских вилайетах Османской империи в ту пору также работало «на англичан». Это обстоятельство явилось большим успехом британских экспансионистов и значительно облегчало их задачи, ибо американцы создали широкую и разветвленную сеть своих пунктов почти во всех уголках Курдистана [АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1906 г., д. 6202, лл. 6—10; ф. «Посольство в Константинополе», 1906 г., д. 4119, л. 17].

[64] ЦГВИА, ф, 2000, д. 265, л. 1.

миссионеров лишь постольку, поскольку они облегчают им выполнение их политических и экономических задач»[65].

Еще в самом начале возникновения «Восточного вопроса» европейские державы выступили с доктриной официального покровительства христианам Османской империи (Франция — католикам, Россия — православным). Эта доктрина осталась в силе и тогда, когда приближалось окончательное разрешение «Восточного вопроса». Действовавшие в Курдистане, как и в других частях Османской империи, миссионерские организации из Франции, Германии и России получали правительственные субсидии[66]. Они пытались не только привлечь адептов из местного иноверческого населения, используя для этого и пропаганду, и филантропию, но и завербовать сторонников среди местной знати, светских и духовных феодалов, представителей нарождавшейся компрадорской буржуазии, а также среди турецкой и иранской гражданской и военной администрации.

Филантропическая деятельность (открытие школ, больниц), как об этом убедительно свидетельствовали очевидцы, имела сугубо пропагандистский, политический характер.

А. М. Колюбакин писал: «...Миссионеры, ставя выше всего дело пропаганды, обычно не доводят до конца курса (обучения.— *М. Л.*) тех из юношей, которые остаются верными своему вероисповеданию. Успехи и способности студентов в этом случае не принимаются во внимание...

Ближайшее знакомство с деятельностью их приводит нас к заключению, что пропаганда есть не только главная, но почти исключительная цель миссионеров, а все школьное дело является только средством к достижению этих целей»[67].

---

[65] Мустафа аль-Халиди, Омар Фаррух, *Миссионеры и империализм в арабских странах,* М., 1961, стр. 22—23.

[66] Примечательно, что как раз в это время во Франции успешно развивалось антиклерикальное движение, закончившееся в период министерств Комба и Рувье (1902—1905 гг.) отделением церкви от государства.

[67] А. М. Колюбакин, *Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции,* — «Известия Кавказского отдела ИРГО», вып. I, т. IX, Тифлис, 1887, стр. 115—120, 121. Полковник Путята, много путешествовавший по Курдистану, писал, что при преподавании в английских и американских миссионерских школах очень большое внимание уделяется английскому языку. Миссионеры преследуют цель, «чтобы влияние прошедших их школу распространилось возможно шире по стране. Последним соображением должно объяснить и кажущуюся разбросанность американских учреждений, которые не сосредоточены в одном-двух пунктах, но рассеяны по всей Азиатской Турции» (Путята, *Записка о Малой Азии,* — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 66, СПб., 1896, стр. 37—43).

Этот же автор отмечал нежелание миссионеров оказать какое-либо практическое содействие местным жителям в развитии ирригации, сельскохозяйственного или ремесленного производства и даже в улучшении врачебной помощи жителям. «Американцы... оставили без внимания и такую важную отрасль деятельности, как врачебно-санитарную. Во всей северо-восточной части Азиатской Турции нет ни одного госпиталя, лечебницы или аптеки, основанных и содержимых миссиями; даже миссионеры, врачи по специальности, уклоняются от практики или обставляют ее таким образом, что она становится недоступной для массы местного населения» [68].

Ярко выраженная политическая окраска деятельности иностранных миссионеров, возможно, была одной из причин, по которой она имела в Курдистане лишь частичный успех. Подавляющее большинство мусульман, в том числе курдов, весьма равнодушно воспринимало пропаганду различных толков христианства. Поэтому миссионеры ограничились религиозной пропагандой только среди христианского населения — армян, ассирийцев, но и они, несмотря на отдельные успехи миссионеров, по словам вице-консула России в Ване Термена, «убедились, что все иностранцы преследуют главным образом политические и духовные интересы и не заботятся об улучшении тяжелого материального положения...» [69].

Особенно незначительными были достижения католиков, которым удалось завербовать себе сторонников только среди халдеев и небольшого числа армян [70].

Православные миссионеры, наоборот, несмотря на свою малочисленность, добились относительно заметных успехов. Им удалось, в частности, продвинуть и укрепить влияние России среди ассирийцев обещаниями политической и материальной помощи. Россия представлялась ассирийцам, по словам Термена, «единственной спасительницей в их безвыходно тяжелом положении» [71]. Уже в 1898 г. ассирийцы-несториане Урмии приняли православие, что было повсеместно расценено как значительное достижение политики России в Иранском Курдистане. Но среди курдов как аширетных,

---

[68] А. М. Колюбакин, *Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции,* стр. 125.

[69] ЦГВИА, ф. 2000, д. 265, л. 1.

[70] Там же, д. 309, л. 91.

[71] Там же, д. 265, л. 1.

так и оседлых влияние русских православных миссионеров было ничтожным.

Таким образом, миссионеры в общем немногого достигли в Курдистане. Но и этого было достаточно, чтобы великие державы выступили с претензиями на покровительство и защиту всего христианского населения Курдистана. Они получали возможность активно вмешиваться во внутренние дела страны, во взаимоотношения мусульман с христианами и, в частности, оказывать в своих интересах непосредственное политическое воздействие на курдов.

Однако главными проводниками иностранного влияния в Курдистане были консульства держав, находившиеся во всех значительных (по местным масштабам) городах страны. В 80-х годах в Турецком Курдистане Россия имела генеральное консульство в Эрзуруме, консульство в Мосуле[72] и вице-консульство в Ване, Англия — консульства в Эрзуруме, Ване, Мосуле и Диарбекире, Франция — консульства в Эрзуруме, Мосуле и консульского агента в Диарбекире[73]. Позже Россия основала консульские посты в Битлисе и Баязиде, а Германия — в Мосуле. Что касается Иранского Курдистана, то здесь в основном были только русские консульства (в Керманшахе, Урмии, а впоследствии и в Хое, Маку и Соуджбулаке).

Все английские консульства в Восточной Анатолии возглавляло консульство в Эрзуруме, ему были подчинены британские консульства в Диарбекире, Битлисе и Ване. Из российских дипломатических представительств в Турецком Курдистане наибольшим влиянием и правами пользовалось генеральное консульство в Эрзуруме и вице-консульство в Ване, в Иранском Курдистане — генеральное консульство в Табризе и особенно вице-консульство в Урмии, которому подчинялась и российская православная миссия.

Политическое значение деятельности иностранных консульств в Турции и Иране было очень велико. Режим капитуляций, существовавший в этих полуколониальных странах, делал из иностранных консульств своего рода «государства в государстве». Консулы не только представляли интересы граждан своей страны, но и обладали правом юрисдикции над ними, правом покровительства христианским подданным турецкого султана и иранского шаха, которое они ис-

---

[72] Это консульство вскоре было упразднено.

[73] А. М. Колюбакин, *Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции*, стр. 169.

пользовали для вмешательства в местные внутренние дела [74]. В Иране иностранные консульства пользовались правом беста.

Русские, английские, французские, германские консулы в Османской империи и Иране стали активными проводниками колониальной политики своих стран. Их роль была особенно велика и ответственна именно в Курдистане, где постоянно кипела острая междоусобная борьба на национальной и религиозной почве, порожденная политикой султанского и шахского правительств и осложненная открытым и завуалированным вмешательством великих держав.

Кроме миссионеров и официальных дипломатических представителей, роль проводников иностранного влияния в Курдистане успешно играли коммерсанты, туристы, путешественники, участники всякого рода научных экспедиций и прямые разведчики и лазутчики, нередко проникавшие в страну курдов в обличье туземцев. Среди последних первенствовали англичане, имевшие в этом отношении богатейший опыт и традиции. В качестве «ученых»-разведчиков и политических агентов успешно подвизались немцы, они же (как и австрийцы) были наиболее энергичными торговцами и предпринимателями. С распятием и библией удачнее всего выступали французы и американцы. Ниже будет сделана попытка конкретно показать деятельность империалистической агентуры в Курдистане на различных этапах освещаемого периода. Предварительно можно лишь констатировать, что империалисты принесли огромный вред курдам, армянам и другим народам интересующего нас района Ближнего Востока и непосредственно виновны в тех трагических событиях, которые разыгрались там в прошлом и отзвуки которых ощущаются по сей день.

---

[74] Видный деятель английского правительства середины прошлого века сэр Хаммонд говорил, что необходимость иметь в Турции британских консулов вызывается не столько торговыми, сколько политическими соображениями. Англия, утверждал он, стремится поддерживать мир в Османской империи, а для этого консул должен иметь огромное влияние как на местные турецкие власти, так и на местное население (Ф. Ф. Мартенс, *О консулах и консульской юрисдикции на Востоке,* СПб., 1873, стр. 596—598).

ГЛАВА II

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В 90-х годах XIX в.

Большие изменения во всем мире, ознаменовавшие наступление эпохи империализма, непосредственно затронули Османскую империю и Иран. В течение всего XIX в. эти феодальные монархии, безнадежно отставшие от капиталистических стран Европы в социально-экономическом, политическом, военном и культурном отношении, тщетно пытались отстоять свои владения и свою независимость. В результате таких разнородных факторов, как национально-освободительные движения угнетенных народов, неудачные войны с царской Россией и прямое вмешательство, военного и «мирного» характера других великих держав Европы, Турция и Иран потеряли большинство своих владений на Балканах, в Северной Африке, в Закавказье. В экономическом отношении они были закабалены иностранным капиталом, их внешняя, а в значительной степени и внутренняя политика только формально определялась в Стамбуле и Тегеране; в действительности же она контролировалась в Лондоне, Петербурге, Париже, а к концу века и в Берлине. Короче говоря, Турция и Иран были превращены в классические полуколонии крупнейших капиталистических колониальных держав Европы. И только острые антагонистические противоречия между последними помешали осуществлению полного раздела и ликвидации самостоятельного государственного существования Османской империи и Ирана в XIX в.

Правящие круги Турции и Ирана пытались при помощи верхушечных реформ покончить с отсталостью и предотвратить угрозу полного краха. Но из этих попыток ничего не вышло. Эти реформы (танзимат и деятельность Мидхат-паши в Турции, Амира Низама в Иране) не затрагивали основ средневековой политической и экономической системы, существовавшей в османской и каджарской монархиях, и привели в конечном счете к усилению экономической и политической зависимости от западных держав. В Турции же, поскольку эти реформы преследовали цель сохранения вла-

сти турок над другими народами, «подновления» и укрепления архаичной Османской империи, они имели (именно в этом аспекте) реакционный характер и вызвали активное сопротивление нетурецких народов.

Когда эти реформы затрагивали, хотя бы в небольшой степени, интересы господствующих классов, монархических и феодально-клерикальных кругов, они встречали яростное противодействие. В конце концов это и предопределило провал реформаторской деятельности даже наиболее дальновидных государственных деятелей Турции и Ирана того времени. В обеих странах воцарилась реакция, принявшая особенно жестокие формы в Турции в последней четверти XIX в., в период правления «кровавого» султана Абдул-Хамида II.

Внутренняя и внешняя политика Абдул-Хамида II была подчинена задачам сохранения целостности Османской империи. Поэтому он старался, с одной стороны, максимально использовать в своих интересах противоречия между великими державами, а с другой — любой ценой не допустить развития центробежных тенденций в империи, подъема национально-освободительных движений нетурецких народов. Цели и методы внешне- и внутриполитического курса Абдул-Хамида II были не только глубоко реакционными, но и нереальными в своих основах. Это наглядно показывает, в частности, политика абдулхамидовского режима по отношению к курдам и Курдистану в целом.

Как уже указывалось, хотя в результате репрессивных мер, предпринятых во второй и третьей четвертях XIX в., курдский сепаратизм был в основном сломлен, турецким властям не удалось покорить курдские племена. Внешне усмиренные, они при первой возможности восставали против своих угнетателей. Особенно угрожающий для Турции характер курдские движения принимали во время русско-турецких войн, когда появлялась возможность образования в тылу турецких войск чего-то вроде «второго фронта».

Правительство Абдул-Хамида вынуждено было изменить тактику. Оно решило пойти на сговор с курдскими феодалами. Для этого турецкие правящие круги пытались использовать внутреннюю и международную обстановку, сложившуюся после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в восточных вилайетах Анатолии, в которых жило многочисленное армянское население.

Исход русско-турецкой войны внушил сотням тысяч армян, оставшихся в пределах Османской империи, надежду

на скорое избавление от ненавистного турецкого ига. 61-я статья Берлинского трактата гласила: «Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением» [1].

Как видно, эта статья не содержала никаких реальных гарантий для армянского народа, и турецкое правительство поэтому не собиралось выполнять содержащиеся в ней обещания. Тем не менее среди армян Восточной Анатолии в 80—90-х годах XIX в., в надежде на помощь извне, усилилась освободительная борьба.

Турецкому правительству положение в восточноанатолийских вилайетах внушало самые серьезные опасения. Оно боялось, что армянское движение окажет влияние на другие угнетенные нетурецкие народы, а главное, послужит великим державам удобным предлогом для дальнейшего вмешательства во внутренние дела империи и ускорит, таким образом, ее раздел. Поэтому Абдул-Хамид II и окружавшая его реакционная клика решили опередить события и, пока дело не дошло до всеобщего восстания, разом покончить с армянским вопросом. Для содействия этим планам было решено привлечь курдских феодалов и подвластные им курдские племена, обитавшие на одной территории с армянами.

Кроме того, турецкие правящие круги рассчитывали одновременно решить и курдский вопрос: за счет беззащитного армянского населения «ублаготворить» курдских феодалов и направить недовольство курдских народных масс в русло национальной и религиозной борьбы с армянами.

Было решено начать с привлечения курдов к отбыванию воинской повинности [2]. В середине ноября 1890 г. в газетах было опубликовано официальное правительственное сообще-

---

[1] Ф. Мартенс, *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами,* т. VIII, СПб., 1888, стр. 674.

[2] Этот вопрос был поднят еще в середине 80-х годов командующим IV корпусом, дислоцированным в восточных вилайетах Анатолии, муширом (маршалом) Зеки-пашой и бывшим послом в Петербурге Шакиром-пашой. Зеки-паша — черкес по национальности. После войны 1877—1878 гг. турецкое правительство поселяло в Восточной Анатолии так называемых «мухаджиров» — мусульман, выходцев из стран Балканского п-ова и Северного Кавказа — черкесов, албанцев и т. д., которых направляли служить преимущественно в военно-полицейские и административные органы.

ние о формировании курдской дивизии. Оно вызвало значительное волнение в армянских кругах, «почуявших» в этом, по словам русского посла А. И. Нелидова, «новый источник бедствия»[3]. В 1891 г. власти приступили к формированию из курдов (в Ираке отчасти и из арабов) легкой иррегулярной конницы хамидие, названной так в честь султана Абдул-Хамида. Полки хамидие стали стягиваться к районам Курдистана, прилегающим к Закавказью (восточная часть Эрзурумского, север Ванского и Битлисского вилайетов). Каждый «дым» должен был дать одного всадника с лошадью, в случае отсутствия лошади — выставить пешего воина для низама (регулярные войска действительной службы). Предполагалось, что полк хамидие будет состоять из 512 всадников и делиться на шесть сотен. Оружие этим новым формированиям давало правительство. Определенную часть года завербованные в хамидие курды проводили на учебных сборах, проходивших под руководством турецких кавалерийских офицеров. В военное время полки хамидие обязаны были по первому призыву султана выступить под командованием турецких офицеров. В мирное время после окончания учебных сборов хамидие должны были вернуть выданное им оружие (практически это редко соблюдалось).

В то же время турецкое правительство начало усиленно заигрывать с курдской верхушкой: представителям курдской знати щедро раздавались чины, ордена, звания, деньги. Многие знатные курды были приглашены ко двору и на государственную службу[4].

Формирование хамидие происходило по аширетам. Например, все курды джелали были сведены в два полка. Отдельные полки были образованы из аширетов, входивших в группу хайдеранли (зилян, мамаш и др.)[5].

Одной из целей привлечения курдов к военной службе было стремление покончить с курдскими «вольностями», подчинить курдов строгому надзору турецкой гражданской и военной администрации, ликвидировать независимое положение всех без исключения курдских племен. По словам П. И. Аверьянова, некоторые сановники Абдул-Хамида видели в хамидие «прежде всего наиболее верное средство к введению среди курдов гражданственности и к постепенному

[3] АВПР, ф. «Политархив», 1890 г., д. 975, л. 344.

[4] Ф. Ф. Грязнов, *Курды и курдская конница,* — ИШКВО, 1907, № 20, стр. 16—25.

[5] ЦГВИА, ф. 450, д. 127, л. 43.

подчинению их авторитету турецкого правительства»[6]. Маскируя эти цели, турецкое правительство объявило о намерении одновременно начать строительство курдских школ, на что ассигновалось 8 млн. лир[7].

Однако намерение турецкого правительства путем организации хамидие подчинить всех курдов своему полному контролю провалилось. Значительное число аширетных курдов поняли истинные замыслы турецких властей и отказались вступать в хамидие. Не примкнуло к хамидие подавляющее большинство курдов пограничных с Ираном районов и Южного (Иракского) Курдистана. Плохо шел набор в хамидие в районах Эрзурума, Муша, Вана, Битлиса и особенно Дерсима. Некоторые беи Вана предпочли перебраться в Иран и управляли своими племенами оттуда. Зеки-паша вынужден был лично отправиться в эти районы, чтобы побудить курдов вступать в хамидие[8].

С другой стороны, турецкому правительству пришлось столкнуться с нежелательными явлениями у племен, согласившихся выставить хамидие. С них резко уменьшились поступления налогов. Например, с 1891 по 1898 г. в казну Ванского вилайета от местных хамидие не поступило ни копейки[9]. В некоторых случаях усиливалось влияние отдельных курдских вождей как в результате умаления прерогатив турецкой гражданской администрации, так и вследствие снабжения племен турецким оружием и приобретения курдскими феодалами функций военной власти над своими единоплеменниками. Это привело к увеличению межплеменных усобиц и распрей. В то же время положение рядовых кочевников, попавших в еще большую зависимость от своих ага и беев, значительно ухудшилось[10].

Российский консул в Басре К. П. Иванов так характеризовал политику турецкого правительства в Курдистане в период организации хамидие: «Если отказывают в повиновении курды, турки прежде всего поручают привести в повиновение строптивых самим же курдам, но другого полка или рода; если те уклоняются от такой миссии, турки подогревают кровавые счеты родов между собой, которые никогда не бывают

---

[6] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...*, стр. 242—243.

[7] Ф. Ф. Грязнов, *Курды и курдская конница*, стр. 21.

[8] АВПР, ф. «Политархив», 1889—1894 гг., д. 1630, лл. 104—105.

[9] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...*, стр. 276.

[10] Там же, стр. 277—279.

улажены окончательно, или ссорят их беков, награждая одних из них, унижая других, а если это не удается, то терпеливо ждут зимы, когда наступление холодов заставляет курдов вернуться с кочевок в селения и уничтожит возможность скрыться в горы, и тогда без особого труда для себя наказывают непокорных. Пользуясь такими средствами, турки удерживают в повиновении весь Курдистан, содержа в нем, в сущности, очень ограниченное количество войск, разбросанных к тому же по всей стране малыми отрядами; в Баязидском санджаке, например, стоят всего лишь пять таборов пехоты и один полк кавалерии, а между тем этот санджак выставляет двенадцать полков хамидийе, не считая всего прочего населения, которое также вооружено поголовно; но и это количество войск сосредоточено в санджаке только ввиду того, что всей северной своей границей он прилегает к пределам России, а восточной — к Персии» [11].

Автор, безусловно, преувеличил успехи политики султанского правительства по отношению к курдам. В действительности в большинстве случаев попытки властей вмешаться во внутреннюю жизнь курдских племен и сделать их лояльными оканчивались полной неудачей. Оставались «обширные районы, где совершенно отсутствуют турецкие власти, а в некоторые районы представители власти никогда даже и не проникали. ...Авторитет турецких властей среди этих курдов кончается там, где нужно применить оружие» [12]. Наибольшую враждебность выказывали аширеты даудие, дизаи, шеккак и гульферихи, обитавшие вдоль турецко-иранской границы и в районах Сулеймании и Равандуза. Влиятельные курдские шейхи Северного Ирака и Юго-Восточной Анатолии отказывались признавать турецкого султана истинным наследником халифов, каковым он почитался без всяких на то оснований.

Дело не ограничилось пассивным сопротивлением курдов мероприятиям правительства. Набор в хамидие в ряде мест послужил поводом для восстания курдов против турецкого господства. Наиболее значительное выступление имело место летом 1891 г. в Ираке. Правительство вынуждено было удовлетворить почти все требования восставших: амнистия, признание привилегий шейхов племен с выплатой им жалованья, разрешение курдам носить оружие, наделение новыми зем-

---

[11] «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 72—73.

[12] П. И. Аверьянов, *Этнографический и военно-политический обзор Азиатских владений Оттоманской империи,* стр. 14.

лями. Эти уступки вызывали тревогу у местного земледельческого и торгового населения, угнетаемого курдскими феодалами [13].

Большие опасения внушали туркам курды Дерсима, по религиозной принадлежности почти все али-илахи, которые никогда не признавали турецкого господства. В ответ на попытку турецких властей взыскать недоимки и новые подати в октябре 1891 г. в Дерсиме вспыхнуло восстание. Посланный на усмирение турецкий отряд был разбит курдами. В 1893 г. в эти районы предполагалось направить новую военную экспедицию, но потом власти предпочли договориться с местными шейхами, обещавшими выставить хамидие. Несмотря на это соглашение, курды Дерсима так и не дали туркам ни одного всадника [14].

Таким образом, формирование полков хамидие не только не укрепило позиций турецких правящих кругов в Курдистане, но скорее осложнило для них взаимоотношения с большинством курдских племен. Просчитался Абдул-Хамид и в своих планах использования хамидие в качестве мощного заслона в случае столкновения с Россией.

Многие племена отказались примкнуть к этой затее. Из племен, формально согласившихся участвовать в хамидие, почти ни одно не выставило полка в полном составе. В тех немногих алаях (полках), которые считались полностью укомплектованными, число конников не превышало 250—300 человек. Остальные были пешие [15].

К концу 1899 г. в IV корпусе было всего лишь 57 с половиной полков, или 240 сотен, хамидие неполного состава, вместо 60 тыс. курдских всадников, которых предполагалось привлечь к хамидие еще к лету 1894 г. [16]. К этому времени оказалось, что из 51 крупного аширета выставили хамидие всего 13 [17]. Турецкому командованию не удалось сформировать из курдских всадников крупные самостоятельные так-

---

[13] АВПР, ф. «Среднеазиатский стол», 1892 г., д. 43, лл. 217—218.

[14] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...*, стр. 280—282. О курдах Дерсима (кызылбашах) В. А. Гордлевский писал: «Кызылбаши жили тайными надеждами на скорое пришествие «скрывающегося и возвращающегося царя», который должен водворить в стране справедливость. И эти ожидания принимали у них злободневный политический характер» («Силуэты Турции», стр. 83—84).

[15] Ф. Ф. Грязнов, *Курды и курдская конница,* стр. 20.

[16] E. Nolde, *Reise nach Inner-Arabien, Kurdistan und Armenien, 1892,* Braunschweig, 1893, S. 227.

[17] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией...*, стр. 254—256.

тические подразделения (бригады, дивизии) из-за вражды между отдельными племенами[18]. Поэтому хамидие была отведена чисто служебная роль вспомогательных и разведывательных отрядов при турецких регулярных войсках.

Совершенно неудовлетворительно было поставлено и обучение хамидие. Учебные сборы проходили редко. Турецкие кавалерийские офицеры, руководившие обучением хамидие, не имели никакого авторитета у курдов. Вольнолюбивые курды не желали служить под началом ненавистных турецких офицеров, особенно в районах, удаленных от своих родных кочевий. Поэтому в полках хамидие отсутствовала дисциплина. Короче говоря, хамидие были войсками в общем малочисленными, плохо обученными, недисциплинированными и малопригодными для использования в боевой обстановке.

Учреждение хамидие внесло дезорганизацию в военную структуру страны и управление войсками в восточных вилайетах, ибо офицеры-хамидийцы практически стали независимы от окружных военных властей[19]. Более того, фактически были изъяты из компетенции гражданских властей и всецело предоставлены в распоряжение командования IV корпуса не только курды, призванные в хамидие, но и вообще все курдские племена Восточной Анатолии[20]. Это привело к быстрому развалу и без того шаткой административной системы в Курдистане и послужило источником, как будет показано ниже, крупных внутриполитических осложнений для турецкого правительства.

Наконец, реакционная султанская клика намеревалась возложить на хамидие карательные функции. Курдские отряды, снабженные турецким оружием, по ее расчету, должны быть использованы против быстро развивающегося освободительного движения христианских национальных меньшинств. По словам Поля Камбона, занимавшего в те годы пост французского посла в Стамбуле, хамидие, «предназначенные, якобы, для наблюдения за границами, были не чем иным, как правительственным органом для грабежа армян-христиан»[21]. Казалось бы, в этом султанское правительство добилось успеха.

---

[18] ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 43.

[19] «Great Britain, Stationary office, Turkey N. 7 (1897), Further correspondence respecting the Asiatic provinces of Turkey (cmd 8395)», p. 68.

[20] П. И. Аверьянов, *Этнографический и военно-политический обзор Азиатских владений Оттоманской империи,* стр. 14.

[21] «Documents diplomatiques français», série I, vol. XI, p. 72.

После организации хамидие произвол и насилие по отношению к армянскому населению Турецкой Армении[22] и Курдистана увеличились. По словам русского генерального консула в Эрзуруме В. Максимова, курды-хамидийцы «приходят в деревни, угоняют весь деревенский скот, собирают и уносят находящийся на поле хлеб, все это помимо грабежей отдельных лиц, причем хамидийцы не стесняются грабить и заптиев (полицейские стражники.— *М. Л.*), их сопровождающих, отнимая у последних казенные ружья и лошадей»[23]. Положение армян стало совершенно невыносимым, когда правительство разрешило местным феодалам собирать налоги с христианского населения.

Следует отметить (и это чрезвычайно важно для понимания сложившейся обстановки), что от бесчинств хамидие страдали не только армяне, вынужденные нередко продавать курдам за бесценок свою землю и имущество и бежать в Россию или в Иран, но и мусульманское население, которое могло только тщетно подавать жалобы правительству[24].

Власти, не ожидавшие, что хамидийцы будут терроризировать мусульманское население, сделали попытку отобрать у них огнестрельное оружие и подчинить их гражданским судам, но из этого ничего не вышло: хамидийцы не повиновались и в ряде мест оказывали вооруженное сопротивление[25].

Стремясь успокоить общественное мнение за рубежом, взволнованное сообщениями о насилиях хамидийцев, и не дать повода к вмешательству держав, Порта решила осенью 1892 г. послать в Восточную Анатолию комиссию, которой поручалось «разрядить» обстановку. Однако, как сообщал поверенный в делах России в Стамбуле Жадовский, эта комиссия была составлена в основном из военных, что «заставляет предполагать, что она будет заботиться о сформировании новых курдских иррегулярных полков, о которых мечтает султан, гораздо более, чем об облегчении участи миролюбивых армян»[26].

Так оно и случилось. Набеги отрядов хамидие на мирные армянские селения не только не прекратились, но с каждым месяцем учащались. В мае 1894 г. в столице была образова-

[22] При Абдул-Хамиде II название «Армения» было официально упразднено и везде заменялось «Курдистаном».

[23] АВПР, ф. «Политархив», 1889—1894 гг., д. 1630, л. 197.

[24] Там же, л. 187.

[25] Там же, лл. 188—189; 1894 г., д. 983, л. 40.

[26] Там же, 1892 г., д. 979, лл. 330—331.

на новая комиссия по изучению положения в Анатолии. Но подлинной задачей этой комиссии было не обуздание хамидие, а ликвидация антиправительственного движения среди курдов Дерсима, которые во многих местах действовали совместно с армянами, что вызывало особые опасения у Абдул-Хамида. Деятельность этой комиссии, разумеется, была совершенно бесплодной[27]. По-видимому, власти сознательно провоцировали армян на открытое выступление, чтобы получить предлог для массовых репрессий против армянского населения. Это подтвердили дальнейшие события.

В 1894 г. доведенные до отчаяния армяне восстали в районе Сасуна. В подавлении восстания вместе с регулярными турецкими войсками участвовали и отряды хамидие. Сасун и его окрестности были подвергнуты ужасающему разгрому; погибли десятки тысяч человек. В следующем году армянские погромы произошли в Битлисе, Харпуте, Диарбекире, Эрзуруме, Трапезунде, Урфе, а в 1896 г., использовав в качестве предлога нападение дашнаков на помещение Оттоманского банка, армянская резня была организована в самой столице. Всего в результате армянских погромов 1894—1896 гг. погибло свыше 300 тыс. человек. Многие армяне бежали от верной смерти в Россию и Иран.

В коллективном рапорте иностранных консульских делегатов, назначенных для расследования событий в Сасуне, консулы приводят многочисленные факты, свидетельствующие о насилиях и диком произволе местных феодалов, об антиармянской шовинистической религиозной агитации, проводившейся шейхами, о тесном их сотрудничестве с турецкими властями и войсками[28].

Многие очевидцы писали о том, что правительство специально разжигало мусульманский фанатизм. Тайные эмиссары двора распускали слухи, что избиение христиан — дело, угодное султану[29]. Дурную услугу армянскому народу оказывали в то время и дашнаки, толкая его на несвоевременные выступления, разжигая у армян ненависть ко всему курдскому и турецкому народам. О причинах резкого ухудшения армяно-курдских отношений говорилось в записке по армянскому вопросу, представленной секретарем русского

---

[27] Там же, 1894 г., д. 983, лл. 154—155.

[28] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1895 г., д. 26, т. II, л. 505.

[29] Там же, д. 28, л. 105. Зеки выхлопотал для офицеров-хамидийцев, терроризировавших со своими отрядами население, «высочайший указ», освобождавший их от явки в суд (В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 117).

посольства в Стамбуле Смирновым. «В этой дикой и неприступной стране,— писал он о Сасуне,— в силу самих условий природы армяне до последнего времени состояли в менее тесной зависимости от турецкой власти. В прежние времена они и с курдами жили много дружнее, платили им небольшую дань, и курды не только их не обижали, а даже, напротив, защищали их от посягательства турок». Однако, подчеркивал Смирнов, после создания хамидие, положение резко изменилось[30].

В то же время в Стамбуле были несколько обеспокоены тем, что кровавые эксцессы в Восточной Анатолии, во-первых, привели к усилению самовластья крупных курдских феодалов, а во-вторых, компрометировали излюбленное «детище» Абдул-Хамида — хамидие, обнажив в глазах общественного мнения не столько самой Турции (с ним султан, понятно, почти не считался), сколько Западной Европы откровенно карательную сущность этого нового института. Были предприняты попытки установить некоторый контроль над действиями отрядов хамидие в населенных армянами районах. Из этого, конечно, ничего не вышло, главным образом потому, как писал Нелидов, что уговоры были, естественно, бесполезны, а применить силу против хамидие и хотя бы их обезоружить власти считали «просто немыслимым». Хамидие по-прежнему продолжали творить насилия[31].

Насколько серьезно хотело султанское правительство обуздать банды погромщиков, показывает дело главы аширетов хайдеранли Хусейна-паши (он же каймакам 25-го полка хамидие). Хусейн-паша особенно «отличился» зверствами над беззащитным армянским населением в Эрзурумском, Битлисском и Ванском вилайетах. Было решено арестовать его и привлечь к ответственности. Однако в конце концов Хусейн-паша был не только прощен, но и награжден золотой медалью «Лиакат»[32].

Следует отметить, что в армянских погромах 1894—1896 гг. был повинен, конечно, не курдский народ, как утверждали армянские националисты и некоторые поверхностные наблюдатели за рубежом. Погромы проводились в основном регулярными турецкими войсками с участием отрядов хамидие, руководимых крупными беями. Большинство курдов

---

[30] АВПР, ф. «Политархив», 1895 г., д. 3447, л. 71.

[31] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1895 г., д. 28, лл. 105—107.

[32] Там же, л. 105; ф. «Посольство в Константинополе», 1897 г., д. 3516, л. 16.

Восточной Анатолии, не объединенных в хамидие, не принимали участия в резне. Так, например, комиссия консулов, расследовавшая обстоятельства сасунских событий, зафиксировала «единодушно высказываемое армянами обвинение в зверствах и избиении безоружных жителей исключительно против войск, а не против курдов...»[33]. Отмечалось немало случаев, когда некоторые курдские племена выступали в защиту армян (а курды Дерсима боролись совместно с ними против турок) из желания не допустить усиления турецкого господства в Курдистане. «Дружбы между армянами и курдами не существует,— утверждал русский консул в Ване Туманский, несколько позже,— но обоюдная ненависть к туркам может их со временем соединить: о таком примирении и союзе не раз уже поднимались голоса как среди курдов, так и армян»[34].

Все же абдулхамидовской клике удалось натравить на армянский народ значительное число курдов, используя их отсталость, темноту и религиозные предрассудки. Армянскому освободительному движению был нанесен тяжелый удар. Многие районы Восточной Анатолии были разорены, их хозяйственная жизнь была серьезно подорвана. Однако конечные результаты этих деяний, ужаснувших весь цивилизованный мир, были совсем не те, на какие рассчитывала «Блистательная Порта». Турецкие правящие круги полагали, что, разжигая армяно-курдскую вражду, они смогут покончить с армянским вопросом и отвлечь курдов от освободительного движения. В действительности же они создавали на восточных границах страны опасный очаг внутренних и внешних

---

[33] АВПР, ф. «Политархив», 1895 г., д. 985, л. 147. Имеются в виду курды-нехамидийцы.

[34] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1901 г., д. 1587, л. 6. Академик В. А. Гордлевский в связи с трагическими событиями на востоке Малой Азии несколько позже глубоко справедливо заметил: «О курдах в Турции было раньше принято говорить как о разбойниках. ...Но ведь, собственно говоря, турки натравливали их и друг против друга, и против армян, и делать вывод об исключительной ненависти между курдами и армянами было бы неправильно... Было бы несправедливо осуждать на гибель или проповедовать истребление курдов как «разбойничьего» народа. Изменятся условия жизни курдов — изменятся и они сами. До сих пор два фактора отрицательно действовали на курдов — с одной стороны, султанское правительство, которое, преследуя эгоистические цели, поощряло в курдах злобу, с другой — курды находились во власти племенных вождей, которые бессердечно высасывали из них все соки.

Курд должен быть раскрепощен, и тогда сразу скажется, что если он не лучше, то уж нисколько не хуже других. Ведь и курды принадлежат к тем народам, права которых попраны» («Силуэты Турции», стр. 119—120).

конфликтов. Армянский вопрос, таким образом, не только не был решен, но, наоборот, значительно осложнился, что представляло для целостности Османской империи большую угрозу. В конечном итоге армяно-курдская вражда немало содействовала быстро прогрессировавшему ослаблению Турции и краху абдулхамидовского самодержавного режима.

Но главная опасность для Турции заключалась в другом. Кровавые события в Турецкой Армении вызвали резкое усиление вмешательства держав во внутренние дела Турции, привели к значительному увеличению ее зависимости от Запада. «Интернационализация» армянского вопроса, ничуть не облегчив бедственного положения самих армян [35], в условиях того времени была на руку только империалистам, для которых Османская империя стала разменной монетой в борьбе за сферы влияния. В то же время активная роль курдов-хамидийцев в армянских погромах привела к тому, что курдская проблема из внутреннего дела Турции превратилась в международную проблему, затрагивавшую интересы многих держав. Таковы были результаты погромной политики абдулхамидовского правительства, его полной несостоятельности и политической слепоты.

Здесь не место разбирать все перипетии дипломатической борьбы держав вокруг «армянского вопроса», развернувшейся в 1894—1896 гг. Это — отдельная большая тема, по которой существует своя литература. Отметим лишь некоторые моменты, касающиеся непосредственно курдской проблемы.

Армянская резня послужила великим державам удобным поводом для постановки вопроса о ликвидации или существенном ограничении османского суверенитета над всей Восточной Анатолией. Об этом в довольно откровенных выражениях заявил Жадовский в разговоре с представителем султана. «Я не скрыл от посланного султана,— писал он министру иностранных дел,— что он сам, вопреки нашим предостережениям, создал себе ныне безвыходное положение в армянских областях...». Жадовский подчеркнул, что из-за действий хамидийцев султан рискует «потерять армянские вилайеты, как потерял Болгарию...» [36].

---

[35] По словам российского вице-консула в Ване Маевского, «курды и армяне Ванского и Битлисского вилайетов прожили вместе несколько сот лет. Особенного порядка и благоустройства в этой части Курдистана никогда не было. Но общее положение христианского населения здесь было гораздо лучше до вмешательства держав, чем после этого вмешательства» (АВПР, ф. «Политархив», 1900 г., д. 710, л. 4).

[36] АВПР, ф. «Политархив», 1894—1900 гг., д. 933, л. 3.

Следует подчеркнуть, однако, что от провозглашения этих довольно зловещих угроз до их претворения в жизнь была дистанция огромного размера. Ни одна из великих держав не могла думать об единоличном захвате какой-либо части территории Османской империи, не рискуя пойти на риск большой войны, к которой тогда еще никто не был готов. Совместный же раздел Османской империи тоже в тогдашней обстановке был немыслим, ввиду острых противоречий, раздиравших великие державы. Сказанное относится и к установлению преимущественного влияния одной из держав над всей Турцией или над отдельными ее частями. Все это отразилось на результатах вмешательства держав в армянскую проблему в Турции вообще и в армяно-курдские отношения в частности.

Весьма показательна позиция царской России, державы, которую весьма близко затрагивали события на востоке Малой Азии. Заявления, с которыми первоначально выступали русские представители в Стамбуле, не соответствовали весьма умеренным конкретным действиям царской дипломатии. В конфиденциальной инструкции министра иностранных дел послу в Стамбуле, отправленной в конце декабря 1894 г. в связи с армянскими событиями, говорилось, что русское правительство, заинтересованное «в водворении по возможности полной тишины и спокойствия по соседству с нашей границей», осуждает действия турок в Сасуне, выступает против интернационализации конфликта и, рассматривая вопрос о турецко-армянских и курдо-армянских отношениях как чисто местный, соглашается на расследование инцидентов вместе с Англией. В инструкции указывался единственный образ действия в создавшихся обстоятельствах — успешная работа комиссии консулов и давление на Порту с целью проведения обещанных реформ в армянских вилайетах. Эта инструкция была одобрена Николаем II [37].

Такую же сдержанную позицию заняли Англия и Франция. Державы ограничились демаршами, в которых содержались напоминания турецкому правительству о необходимости проведения в армянских вилайетах обещанных им реформ. О том, насколько эффективны могли быть такие увещевания, свидетельствует рассказ Нелидова о посещении послами Абдул-Хамида: «В разговоре с английским и французским послами Абдул-Хамид коснулся и вопроса о реформах. Перед первым он признавал необходимость некоторых

---

[37] Там же, 1894 г., д. 33, лл. 117—118.

улучшений и именно постепенного, но осторожного увеличения участия христиан в местном управлении и сельской охране. Г-на Камбона он расспрашивал о том, какие именно преобразования, по нашему мнению, следовало бы ввести. Когда французский посол ответил султану, что мы только обмениваемся мнениями и еще к окончательному заключению не пришли, но признаем необходимость не создавать новизны, а придерживаться по преимуществу уже изданных законов и намеченных преобразований, которые, однако, еще не применены, то лицо Абдул-Хамида просияло, и он с удовольствием заметил, что действительно ничего нового вводить не следует»[38].

Конечно, султан имел все основания радоваться: ничего «нового» от него не требовали, а к тому, что он постоянно нарушал свои прежние обязательства, все уже успели привыкнуть; и не было никаких признаков опасаться того, что державы проявят в будущем большую настойчивость, чем в прошлом.

Правда, в течение некоторого времени между Портой и послами шли переговоры о реформах в армянских вилайетах. Турецкое правительство обещало провести ряд преобразований, в том числе установить строгий контроль над перекочевками курдских племен, ограничить право ношения оружия курдами-хамидийцами и подчинить их общим гражданским судам. Но все эти обещания остались на бумаге. Абдул-Хамид хотел просто воздействовать на общественное мнение и предотвратить возможность предъявления ему новых требований[39].

Таким образом, Англия, Франция и Россия открыто продемонстрировали свое нежелание заставить турецкое правительство прекратить насилия над армянами и утихомирить главарей хамидие. Что же касается Германии, то она, желая укрепить свое влияние в Турции, тайно поощряла внутреннюю политику султана. Все это привело к тому, что турецкие правящие круги уверились в возможности безнаказанно творить любые беззакония и злодеяния по отношению к национальным меньшинствам.

С этих пор турецкое правительство усвоило следующую нехитрую тактику: отвечать согласием на любые требования держав о прекращении насилий над армянами и наказании

---

[38] Там же, 1895 г., д. 985, лл. 115—116.

[39] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1896 г., д. 29, лл. 42, 45; ф. «Политархив», 1895 г., д. 985, л. 397.

виновных и хладнокровно ничего не делать. Так, например, в течение многих месяцев русский, английский и французский послы делали Порте представления по поводу грабежей и разбоев, которые творили по отношению к армянам пользовавшиеся покровительством Зеки-паши местные феодалы Эмин-паша, Хаджи Теймур-паша, Дарваз-хан и другие, указывая, что без удаления и наказания этих лиц спокойствие в восточных вилайетах не может быть восстановлено. Турецкое правительство каждый раз обещало принять меры, но не только ничего не делало, а даже награждало некоторых наиболее «отличившихся» душителей армянского народа[40].

Итак, Абдул-Хамид II мог быть довольным: как ему казалось, армяне были усмирены и запуганы, хамидийцы выступали верными исполнителями султанских распоряжений, державы умыли руки и не собирались всерьез защищать своих «единоверцев». На самом же деле, напротив, сотни тысяч армян стали непримиримыми и заклятыми врагами не только султанского самодержавия, но и вообще турецкого государства: создание полков хамидие привело к тому, что курды, получив оружие и военную организацию, стали грозной силой, весьма опасной, как выяснилось позднее, для империи, а великие державы усилили свое вмешательство во внутренние дела страны, получив важный козырь, который они могли использовать в удобное для себя и неблагоприятное для Турции время. Таков был результат кровавой внутренней политики Абдул-Хамида II. После трагических событий 1894—1896 гг. продолжало ухудшаться экономическое положение армянского населения. Правительство начало проводить массовую экспроприацию в пользу курдских феодалов армянских земель и имущества, брошенного в результате бегства десятков тысяч армян за границу. Эти феодалы «...с разрешения и при попустительстве турецких властей,— писал русский посол в Турции И. А. Зиновьев,— захватили часть пустующих земель, стали селиться в армянских деревнях, и с жителями их, не находящими нигде защиты, они обращаются, как с рабами»[41]. Для того чтобы ускорить переход армянских земель в руки местных феодалов, власти, не взыскивая в течение нескольких лет налогов с этих земель, главным образом из-за отсутствия их владельцев, переводили весь образовавшийся долг на беев и впоследствии закреп-

---

[40] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1897 г., д. 3516, лл. 1—4, 9, 11.

[41] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1898 г., д. 26, лл. 491—492.

ляли за ними право собственности. Часто практиковался и прямой захват пустующих земель. Все это привело к значительному усилению зависимости армянского земледельческого населения от курдских феодалов.

Самые крайние формы феодальной эксплуатации сочетались с открытым грабежом и насилиями. Только с января по сентябрь 1901 г. в округах Муша и Сасуна было убито 64, тяжело ранено 18 человек и изнасиловано 8 женщин. Эти злодеяния были совершены хамидийцами при прямом попустительстве местных властей, которые в оправдание ссылались на действия армянских революционеров и лишали армян возможности защищаться, высылая их из неприступных горных районов[42]. Как писал российский вице-консул в Баязиде князь Б. Шаховской, «жаловаться на курда-хамидие прямо преступление, ибо — это факт — жалобщику заявляют, что человек, принадлежащий к корпорации, носящей имя царствующего султана, не может совершить преступления и обвинять его в этом—crime de lèse majesté (преступление, оскорбляющее величество.— *М. Л.*). Администрация во всем потворствует курдам-хамидие, будущим надежным защитникам отечества, каковых надо всячески оберегать и защищать, когда против них возникают обвинения со стороны консульств»[43].

От грабежей и разбоев хамидийцев по-прежнему страдало не только христианское, но и мирное мусульманское население, в том числе и курды. Например, в прошении, поданном властям оседлыми курдами Хошапской казы, говорилось, что за восемь лет они потеряли от набегов хамидийцев, принадлежавших каширету шемсики, 12 человек убитыми, около 40 ранеными; угнано 800 голов крупного и 10 тыс. мелкого рогатого скота. Казалось бы, власти в этом случае должны были принять какие-то меры. Но надежды населения на заступничество турецкой гражданской и военной администрации никогда не оправдывались, в значительной мере потому, что немалая часть доходов от грабежей поступала самому Зеки-паше и другим видным турецким чинам как в виде добровольных «приношений», так и в качестве обязательного «налога»[44].

В восточных вилайетах империи воцарились безначалие,

---

[42] Там же, 1901 г., д. 24, лл. 377—380.

[43] АВПР, ф. «Политархив», 1902 г., д. 376, л. 4.

[44] Там же, 1901 г., д. 711, лл. 23—25; ф. «Посольство в Константинополе», 1897 г., д. 3516, лл. 19—20.

хаос; полное отсутствие безопасности и порядка стали нормой внутренней жизни. Причем после ликвидации «армянского кризиса» положение на востоке Малой Азии не только не нормализовалось, но, по словам Зиновьева, «постоянно и заметно ухудшается». «Получив военные чины,— писал он,— начальники курдских племен вообразили себя полновластными хозяевами в Малой Азии и стали бичом сначала христианских (армянских), а затем и мусульманских населений» [45].

Зиновьев не был одинок в такой оценке результатов первых лет существования иррегулярной конницы хамидие. Весьма исчерпывающие сведения на этот счет можно почерпнуть, например, из отчета германской комиссии (возглавлял генеральный консул в Стамбуле Штемрих), посланной в юго-восточную Анатолию для изучения местных условий в связи с постройкой Багдадской железной дороги. Диарбекирскими хамидие, которые были подчинены крупнейшему феодалу Ибрагиму-паше, говорилось в отчете, только в казе Рас эль-Айн было разорено до 300 деревень. По дороге в Нусайбин половина селений покинута жителями. Еще хуже положение на востоке Нусайбинского санджака, где проходят владения Мустафы-паши. По дороге в Мосул на расстоянии двух дней пути на двадцать разрушенных селений приходится не более одного, где остались жители. По словам одного путешественника, приводимым в отчете, «...земледелие на всем этом пространстве совершенно уничтожено, и край в скором времени совершенно опустеет». В отчете далее говорится: «Экономическое положение Диарбекирского вилайета совершенно расстроено и вилайет окончательно разорится, если разбои будут продолжаться в настоящих размерах. Между тем, сомнительно, чтобы одними приказаниями из Константинополя, как бы ни были они настойчивы, могли бы быть прекращены разбои хамидийских полков. Для достижения этой цели потребовались бы самые энергичные меры и весьма большие усилия со стороны турецкого правительства». В заключение отчета говорится, что положение в Мосульском вилайете ненамного лучше [46].

По словам французского консула в Халебе, весьма напряженное положение сложилось и в арабских провинциях Османской империи, где курды жили бок о бок с арабами.

---

[45] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 28, лл. 24—26.

[46] Там же, лл. 51—63. О действиях Ибрагим-паши см. также: «Revue du Monde Musulman», 1908, avril, p. 822.

В северной Сирии многие бедуинские племена вынуждены были заключить союз против курдов-хамидие, беспрестанно грабивших арабов. «Бедуины,— писал русский консул в Халебе, ссылаясь на своего французского коллегу,— к коим присоединился и могущественный неджидский эмир, решились на самые крайние меры, с целью побудить Оттоманское правительство переселить курдов в какую-либо другую местность». В Урфу из Эрзинджана и Халеба были посланы небольшие отряды турецких войск, но они отказались предпринять какие-либо меры против хамидие[47].

Все эти факты говорят об одном: хамидие, созданные для укрепления внутреннего строя и внешней безопасности Османской империи, быстро превратились в фактор, подрывающий безопасность страны.

Это внушало султанскому правительству определенное беспокойство. Было ограничено снабжение хамидийцев современным оружием. Оно доставлялось в ограниченном количестве (на одну сотню в полку) и лишь при условии его хранения в турецких арсеналах[48]. В феврале 1899 г. в специальном докладе Совет министров обратил внимание султана на полное отсутствие дисциплины у хамидие[49]. Через несколько месяцев появился доклад особой военной комиссии, назначенной султаном для обсуждения представленного Зеки-пашой отчета о состоянии войск IV корпуса. Комиссия предложила назначить в курдские полки офицеров, получивших специальное военное образование, а также ввести для хамидие уставы по образцу уставов для казачьих войск в России. Однако никаких практических мер по укреплению дисциплины у хамидие не было принято[50].

В то же время правительство неуклонно продолжало осуществлять намеченный ранее курс на численное увеличение хамидие и создание из курдских беев привилегированной военной касты. Русский вице-консул в Ризе Гиппиус, совершивший путешествие по всему Турецкому Курдистану весной 1898 г., писал: «...Турецкое правительство не только раньше усилило власть и значение курдов, но и продолжает выполнять эту программу с замечательным постоянством. Еще при мне (в феврале 1898 г.) в Ванском вилайете были сформированы три новых курдских полка хамидие: этим, как и прежним полкам, не дано полного казенного вооружения, но

---

[47] АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 1000, л. 213.
[48] «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 76.
[49] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 25, л. 186.
[50] Там же, д. 26, л. 234; 1901 г., д. 22, лл. 159—160.

фактом формирования полков курдам официально дано право носить оружие; местным курдским землевладельцам пожалованы офицерские чины, назначено жалованье, и тем самым эти вновь созданные офицеры-курды изъяты из-под ведения гражданской власти. Такая постановка организации курдских полков хамидие имеет весьма сомнительное военное значение, но огромное политическое значение; курды ставятся по политическим правам выше христиан... Эта цель и преследуется турецким правительством при сформировании курдских полков хамидие...»[51]. Усилия султанского правительства привлечь на свою сторону курдских феодалов не привели, однако, к укреплению турецкого господства над курдским населением Османской империи. Большинство племен по-прежнему продолжало отстаивать свои традиционные вольности, активно боролось против посягательств на них турецких властей.

Острые конфликты между турецкой гражданской и военной администрацией и курдами после армянских погромов возникали, пожалуй, еще чаще, чем до них. Ванский вали в начале 1898 г. жаловался в Стамбул, что с курдами нет никакого сладу, они совершенно не платят налогов, оказывают неповиновение властям и т. д. В ответ поступило предписание взыскивать налоги силой; были арестованы (но вскоре отпущены) три наиболее строптивых курдских вождя (одновременно занимавших командные посты в хамидие)[52].

По-прежнему постоянным источником волнений был Дерсим, население которого упорно не желало покоряться властям. В начале 1901 г. в Дерсим была отправлена карательная экспедиция в составе пяти батальонов и двух горных батарей. Турки потеряли до 170 человек убитыми и ранеными, пока им удалось заставить местных беев сложить оружие[53]. Но эта победа была непрочной. Уже в мае того же года власти вынуждены были отправить в Дерсим новую экспедицию с целью обуздать племена и принудить их к поставкам контингентов в хамидие[54].

Безрезультатными были и усилия правительства утвердить свою власть в Южном Курдистане. Местные племена, по наблюдению датского ученого А. Бенедиктсена, основательно обследовавшего весь этот район, не признавали ни-

---

[51] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1898 г., д. 7584, л. 57.
[52] Там же, д. 7584, л. 4.
[53] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1901 г., д. 22, лл. 159—160.
[54] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1897 г., д. 3516, лл. 22—23.

какой правительственной власти. Посылка первого турецкого каймакама в Бохтан вызвала значительные волнения среди населения. Здешние курды, в том числе и вся племенная верхушка, и слышать не хотели о зачислении их в хамидие[55].

В этот период в освободительном движении курдов появляются зачатки организованных форм борьбы против ненавистного турецкого господства. Борьба возглавлялась той частью феодально-племенной верхушки, которую турецким правящим кругам в силу ряда причин не удалось привлечь на свою сторону (древние знатные владетельные роды, мечтавшие восстановить свою власть над Курдистаном, некоторые весьма почитаемые религиозные лидеры, не признававшие авторитета турецкого султана-халифа в мусульманском мире, вожди аширетов, исповедовавшие несуннитские направления в исламе, искони преследуемые в Турции ортодоксальным духовенством и светской властью, и, наконец, предводители племен Ирака и пограничных с Ираном районов, т. е. тех земель, которые туркам никогда не удавалось полностью покорить или которые всегда были объектом спора между Турцией и Ираном).

Весьма важным новшеством в освободительном движении курдов было установление связи с армянским освободительным движением в Турции, несмотря на то, что султанская клика приложила максимум усилий, чтобы поссорить курдов с армянами. «...Среди курдов Ванского и Битлисского вилайетов,— писал русский вице-консул в Ване,— уже появляется сознательное понимание неуместности их самоуправства по отношению к армянскому населению»[56].

Несмотря на крайнюю скудость сведений, имеются материалы, свидетельствующие о совместных действиях курдов и армян против турецкого господства. Так, курды участвовали в тайном производстве оружия, сбываемого армянам. Турецкие власти получили сообщения даже о связях курдов-хамидийцев с армянскими повстанцами. Летом 1903 г. несколько офицеров-хамидийцев было арестовано за помощь, оказанную ими армянским организациям[57].

Осенью того же года в Сасун пришло известие о намерении турок выселить всех армян из этого района и заселить его мусульманами — выходцами из России. Армяне приготовились к отпору; в Сасун прибывали сформированные зару-

---

[55] АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 1637, лл. 141—142.
[56] Там же, 1900 г., д. 710, л. 5.
[57] Там же, 1903 г., д. 1639, лл. 92—93.

бежными (русскими и иранскими) армянами дружины. На защиту армян выступило местное курдское население, которое еще недавно турецким властям удавалось натравливать на армян [58].

Хотя подобные факты были немногочисленны, но они говорили о появлении принципиально новых черт в курдо-армянских отношениях. От того, будут ли эти черты развиваться или нет, зависели во многом судьбы как курдского, так и армянского населения Турции.

Между тем бурные события, происходившие в Турецком Курдистане, неожиданно нашли отклик на другом конце империи, в ее столице. Здесь жило несколько знатных курдских семей, переселенных в свое время Абдул-Хамидом II с целью склонить их на сторону правительства. Эти курды получили высшие должности при дворе; им щедро раздавали ордена и подарки. Однако надежда Абдул-Хамида подкупить таким образом курдскую верхушку не оправдалась. Многие стамбульские курды были настроены оппозиционно по отношению к режиму Абдул-Хамида и даже участвовали в антиправительственных заговорах. Некоторые из них были связаны с тайными младотурецкими организациями, возникшими в начале 90-х годов.

В сентябре 1898 г. были арестованы сыновья и другие родственники Бадр-хана. Поводом для ареста послужили перехваченные в Трапезунде письма одного из членов этой семьи, в которых говорилось об организации всеобщего восстания курдов и даже их выступления в столице [59].

Активное участие в антиправительственном движении принимали сын Бадр-хана Осман-паша, проживавший в Египте, и особенно племянник Бадр-хана Абдуррезак. Последний был прежде секретарем турецкого посольства в Петербурге, затем назначен церемониймейстером двора. В 1895 г. он самовольно уехал в Россию, намереваясь оттуда пробраться в Курдистан, но был выслан обратно в Турцию русскими властями. В марте 1901 г. Абдуррезак, возмущенный отказом правительства возвратить ему родовые имения, подал прошение об отставке и одновременно вступил в тайные переговоры с Зиновьевым. Он обратился с просьбой о покровительстве и предоставлении ему возможности уехать в Россию, обещая служить ей верой и правдой и побудить к тому же курдов. Зиновьев отверг

---

[58] Там же, лл. 139—141.

[59] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1898 г., д. 27, т. I, лл. 251—252.

это предложение, посоветовав Абдуррезаку действовать официально. Одновременно Зиновьев попросил султана быть снисходительным с Абдуррезаком. Султан обещал это сделать, но, как будет показано, не сдержал свое слово [60].

Итак, внутреннее положение в Курдистане на рубеже XIX—XX вв. свидетельствует о том, что политика привлечения на сторону султанского правительства курдских племен, использования курдов как слепого и послушного орудия турецких правящих кругов против армян и укрепления центральной власти в курдско-армянских районах страны в общем потерпела неудачу. Тем не менее султанская клика, делая одну фатальную для себя ошибку за другой, продолжала строить расчеты на использовании курдов, в первую очередь хамидие, в интересах уже внешней политики, которая была столь же неудачной и авантюристической, как и внутренняя.

В турецкой и западной буржуазной исторической литературе широкое хождение имела версия о целиком оборонительном характере внешней политики Османской империи в новое время. Эта версия весьма далека от исторической правды, особенно в отношении восточного соседа Османской империи — Ирана. Именно на востоке турецкие правящие круги мечтали получить частичную компенсацию за те территориальные потери, которые они несли на Балканах, Кавказе и в Африке. Иран, как государство слабоцентрализованное, отсталое и чрезвычайно слабое в политическом и особенно военном отношении, был самым удобным объектом для агрессии. За счет восточного соседа Абдул-Хамид II хотел укрепить престиж своего правительства, своей армии, отвлечь внимание от постоянных внешнеполитических неудач и тяжелых внутренних потрясений, которые начались со времени его вступления на престол и сопровождали все его бесславное царствование.

Агрессивным замыслам турецких правящих кругов в отношении Ирана способствовали наличие более или менее однородного курдского населения по обе стороны турецко-иранской границы и отсутствие четко выраженной пограничной линии между обеими странами [61].

---

[60] Там же, 1901 г., д. 22, лл. 352—354.

[61] Турецко-иранский пограничный конфликт возник еще после завоевания Курдистана султаном Селимом I Явузом в начале XVI в. Граница между обеими странами тогда не была определена даже в общих чертах. В 1555 г., при заключении турецко-иранского мирного договора, султан Сулейман I Кануни впервые продиктовал шаху Тахмаспу I условия про-

Напряженность на турецко-иранской границе начала расти уже на следующий год после организации хамидие; волнение возникло среди племени джаф (в Ираке), вождь которого, Махмуд-паша, никогда не ладил с турецкими вла-

---

ведения границы. Однако они были документально зафиксированы только в 1639 г., в Зохабе, после победы султана Мурада IV над шахом Сефи. Это первое соглашение о границе (основанное на признании статус-кво) было односторонним актом, навязанным победителем, и к тому же не содержавшим ее детального описания. Такой же характер носили и последующие соглашения по пограничному вопросу (1727 г., 1736 г., 1746 г., 1823 г.). Поэтому на турецко-иранской границе по-прежнему имели место враждебные действия, служившие постоянным источником напряженности между Турцией и Ираном. В происходивших конфликтах непременно принимали участие курды. Особенно острые инциденты происходили между 1833 и 1842 гг., что привело Турцию и Иран на грань войны.

В 1843 г. турецкое и иранское правительства приняли в проведении границы посредничество Англии и России, которые были заинтересованы в урегулировании пограничных конфликтов, так как боялись, что разжигание их усилит одну из сторон. В результате деятельности четырехсторонней комиссии 31 мая 1847 г. был подписан Эрзурумский трактат, согласно которому к Ирану отходили все восточные районы, а к Турции — западные районы области Зохаб. Иран отказывался от притязаний на район Сулеймании, а Турция — на Мохаммеру, о-в Абадан и левый берег Шатт-эль-Араба. Оба правительства обязались назначить своих представителей для точного определения границы. Однако эта работа не была завершена в связи с Крымской и англо-иранской (1857 г.) войнами.

Впоследствии русские и английские топографы пытались прийти к единому мнению о пограничной линии, но безрезультатно.

В 1874 г. в Стамбуле была созвана турецко-иранская комиссия. Иран требовал восстановления статус-кво по договору 1847 г., а турки ссылались на соглашения 1639 и 1823 гг. Русский и английский посредники поддержали иранцев, однако русско-турецкая война 1877—1878 гг. сорвала наметившееся соглашение.

В 1880 г. смешанная англо-русская комиссия определила пограничную линию, но не демаркировала ее. В это время происходили явные нарушения пограничной линии (турецкий гарнизон оставался в Котуре, закрепленном по Сан-Стефанскому договору и Берлинскому трактату за Ираном, а иранцы продолжали занимать западные районы Зохаба). Все последующие попытки решить пограничный спор между Ираном и Турцией также терпели неудачи. Вплоть до кануна первой мировой войны турецко-иранская граница оставалась не только не демаркированной, но даже в ряде важных стратегических пунктов приблизительно не намеченной. Неудача всех попыток турецко-иранского разграничения объясняется не только острыми разногласиями между Турцией и Ираном, но также вмешательством России и Англии. Эти державы, хотя и были на словах заинтересованы в разграничении, действовали во вред друг другу и во время работ самих комиссий на границе, и на международной арене, что придавало самому посредничеству в значительной степени иллюзорный характер и позволяло турецким экстремистам без особого для себя риска игнорировать посредников [по этому вопросу см. «Материалы для географии Азиатской Турции. Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара — посредника по турецко-персидскому разграничению», СПб., 1875 (в этой же книге поме-

стями[62]. Это было только на руку турецким правящим кругам, для которых любая смута среди пограничных курдов служила удобным предлогом, оправдывавшим провокационную, подстрекательскую деятельность в Иранском Курдистане. В пограничных с Ираном районах начали пополняться хамидие. Турецкие эмиссары вели антиправительственную пропаганду среди иранских племен, офицеры-хамидийцы совершали частые поездки в западные районы Ирана.

Шахское правительство расценило все это как доказательство враждебных намерений турецкого правительства по отношению к Ирану. Сознавая «полную беззащитность Персии со стороны турецкой границы», шах обратился к России с просьбой оградить его страну «от враждебных ей замыслов турецкого правительства». Российскому послу в Стамбуле было предписано оказать Ирану «нравственную поддержку» [63].

Особую тревогу иранского правительства вызвало разрешение Порты вернуться в Курдистан сыновьям Обейдуллы, которые находились в Стамбуле на положении пленников. В Тегеране справедливо усмотрели в этом стремление турок вновь возбудить смуты среди курдов пограничной полосы и Западного Ирана. И действительно, сразу после возвращения сыновей Обейдуллы, особенно шейха Садыка, значительно участились случаи вторжения турецких курдов в иранские пределы. Шах Насер эд-Дин в феврале 1893 г. отправил телеграмму Александру III с просьбой предпринять через посольство в Стамбуле соответствующие шаги. Российскому поверенному в делах было поручено объясниться по этому поводу с Портой. Однако турецкое правительство отрицало свою причастность к набегам шейха Садыка и других родственников Обейдуллы [64].

Демарш России все же возымел на некоторое время действие. Временно вторжения курдов, предводительствуемых сыновьями Обейдуллы, в иранские пограничные районы были прекращены. Однако в период армянских погромов в Турции на иранской границе вновь возникло

щены обширные материалы по пограничному вопросу, собранные ее издателем Гамазовым); «Материалы по изучению Востока», вып. II; C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs...*, pp. 130—136; Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан...*, стр. 52—67].

[62] АВПР, ф. «Среднеазиатский стол», 1892 г., д. 43, лл. 244—246.

[63] АВПР, ф. «Главный архив», 1893 г., д. 133, т. I, лл. 113—114.

[64] АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, лл. 4—13.

напряженное положение. Отдельные курдские феодалы, тайно подстрекаемые турками, воспользовались внутренними потрясениями в Восточной Анатолии для совершения набегов на Иран.

В начале февраля 1896 г. шах вынужден был опять просить русское правительство принять меры против шейха Садыка, намеревавшегося вторгнуться в Иран. Представление Нелидова, однако, осталось безрезультатным[65]. Свою бездеятельность турецкое правительство оправдывало невозможностью справиться с самовольными курдскими племенами, выступая одновременно с контробвинениями против иранского правительства, якобы подстрекавшего своих курдов к набегам на Турцию[66]. Тем самым Порта пыталась замаскировать тайную поддержку турецкими властями курдских феодалов. Так, шейх Садык непосредственно по заданию султана Абдул-Хамида II вел протурецкую деятельность среди иранских курдов, прикрывая ее агитацией в пользу принятия суннизма племенами, исповедовавшими шиизм.

После прекращения армянских погромов, в конце 90-х годов, положение на турецко-иранской границе оставалось по-прежнему напряженным. Источником многочисленных пограничных конфликтов были массовые переселения армян, бежавших от погромов из Турции в Иран. Преследуя армян, нередко переходили границу и отдельные отряды курдов-хамидийцев, что служило источником многочисленных инцидентов на иранской территории, жертвами которых становились не только армяне, но и местное мусульманское население[67].

Иранское правительство, со своей стороны, неоднократно настаивало перед Портой на обуздании курдских беев и усилении охраны границы с турецкой стороны. Одновременно шах продолжал просить правительство России оказать давление на Порту с целью удалить с границы шейха Садыка и некоторых других курдских вождей[68].

Турецкие власти тем не менее продолжали натравливать курдов на армян в пограничных районах и на иранской территории. Нередки были случаи, когда после очередной стычки обнаруживалось, что турецкие солдаты переодевались

[65] Там же, лл. 21, 29.
[66] Там же.
[67] «Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского», М., 1960, стр. 148; ЦГВИА, ф. 446, д. 48, лл. 48—51, 67.
[68] АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, лл. 42—44.

в курдские одежды[69]. Турецкие дипломатические представители в Иране, особенно посол Мюниф-паша, вели подрывную работу внутри страны и всячески раздували инциденты на границе; турецкие пограничные власти со своей стороны развернули активную подстрекательскую деятельность среди курдских племен, побуждая их вторгаться на территорию соседней страны[70]. В качестве отвлекающего маневра турецкое правительство обвиняло в возникновении беспорядков... Иран и потребовало от него, чтобы он не допускал на свою территорию пришлых армян и курдов, хорошо зная, что иранское правительство не в состоянии это сделать. Турецкие представители также жаловались на нарушение иранскими курдами границы, взвалив вину за это без всяких оснований на шахское правительство[71].

Для Ирана ухудшение отношений с Турцией и особенно неурядицы среди курдов были крайне нежелательным явлением, ибо это угрожало целостности страны и усугубляло тягчайший экономический и политический кризис, нараставший в дряхлой каджарской монархии с каждым годом. Русский вице-консул в Ризе А. И. Гиппиус писал в своем дневнике: «Курды, в особенности турецкие курды, несравненно более страшный враг для персидского государства, нежели армяне или айсоры»[72]. Как покажут последующие события, автору этих строк нельзя отказать в проницательности.

Таким образом, первый результат «новой» политики турецких правящих кругов по отношению к курдам во внешнеполитическом плане — это обострение турецко-иранских отношений.

---

[69] ЦГВИА, ф. 446, д. 48, л. 66.

[70] АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, л. 42; ф. «Политархив», 1902 г., д. 1006, л. 533.

[71] «Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского», стр. 148; АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, л. 39.

[72] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1898 г., д. 7584, л. 58.

ГЛАВА III

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУРДИСТАНА НА РУБЕЖЕ XX в.

На рубеже XX в. курдский вопрос стал международным, перестав быть по преимуществу внутренней турецкой или иранской проблемой.

В период, когда главные империалистические державы — Англия, Германия, Франция, Россия, Австро-Венгрия, Соединенные Штаты Америки, Япония и Италия — начали готовиться к решительной борьбе за передел мира, в колониальной политике на Ближнем Востоке наступил новый этап.

Если прежде здесь доминировали англо-русские противоречия, то теперь главным соперником Англии стала Германия, военное и экономическое могущество которой в последней четверти XIX в. резко возросло. Царская же Россия, отставшая от передовых государств Европы, представляла меньшую опасность для английской политики в этом районе. Более того, неисчерпаемые людские и материальные ресурсы делали Россию весьма желательным союзником против Германии.

«Германская опасность», усилившаяся на Ближнем Востоке с 90-х годов прошлого века, заставила Англию и Францию отказаться от традиционной доктрины «сохранения целостности» Османской империи (призванной, с одной стороны, создать преграду для продвижения России на Балканы и Ближний Восток, а с другой — прикрыть их собственные захватнические планы в отношении «оттоманского наследства»). Обе державы начали готовиться к полному разделу Турции, дабы опередить Германию. Разумеется, этот поворот произошел не сразу, а постепенно, и традиционное англо-русское соперничество на Ближнем Востоке продолжало играть важную роль в «Восточном вопросе», вплоть до окончательного оформления Антанты и даже позднее.

Что касается царской России, то и ее политика на Ближнем Востоке к концу прошлого века претерпела изменения.

Ввиду невозможности в то время захватить проливы царизм ставил задачей своей внешней политики — добиться права свободного прохода русских военных кораблей из Черного в Средиземное море и обратно. Экономические и политические интересы России в Малой Азии, Европейской Турции и странах Арабского Востока были невелики. Поэтому Россия не имела в отношении указанных районов захватнических целей.

Восточная Анатолия и Иран, напротив, играли важную роль в ближневосточной политике царизма.

Внутриполитическая ситуация в Иранском Азербайджане, Курдистане, Турецкой Армении, различные внешние влияния имели большое значение и для безопасности русских границ, и для положения в закавказских губерниях, население которых было однородно с населением смежных турецких и иранских районов (армяне, азербайджанцы, курды). Вот почему курдской проблеме в России уделяли большое внимание, особенно с 90-х годов XIX в., когда в Курдистане и Турецкой Армении участились волнения и погромы, а многочисленные и воинственные курды получили собственную военную организацию.

Немаловажное значение имела курдская проблема для ближневосточной политики других великих держав. Прежде всего в курдах была заинтересована Англия, проводившая экспансионистскую политику в Иране и стремившаяся захватить Ирак. Англичане хотели сделать курдов своими союзниками в борьбе против распространения сначала русского, а потом и германского влияния в Передней Азии. Франция, претендовавшая на Сирию и Мосул, также была далеко не безразлична к курдским делам. Наконец, усиленное внимание к курдам начала проявлять Германия, которая в связи со строительством Багдадской железной дороги активно проникала в Восточную Анатолию, Ирак и Северную Сирию, а также делала первые и довольно успешные шаги в Иране.

Значение курдской проблемы в международных отношениях на Ближнем Востоке четко и образно определил Минорский: «Расселены они (курды.— *М. Л.*) полосой, окаймляющей северную Месопотамию. Несомненно, экономическое развитие и политическое значение этой последней, как *арены многих влияний:* тут будет и Багдадская дорога, в чьих бы руках она ни оказалась, и европейская торговая

конкуренция, и турецкие традиции, и возможный арабский сепаратизм, и, наконец, наше мирное проникновение с севера. При стремлении закрепить все эти влияния курдский вопрос встанет во всей широте. Но курды не только стена между севером и югом, они сами тянутся далеко на восток в пределы Персии и через все армянское плоскогорье, вплоть до нынешних наших пределов. Хорошо дренировать все эти разливы и ввести все 3 миллиона курдов в законные рамки спокойного существования — вот одна из крупнейших проблем будущей политики в Передней Азии»[1].

Положение в Курдистане и Турецкой Армении внушало русскому правительству, а также гражданским и военным властям на Кавказе серьезные опасения.

С 90-х годов XIX в. в России происходил бурный промышленный подъем, сопровождавшийся интенсивным железнодорожным строительством, ростом монополизации в промышленности, увеличением роли банков. Хотя основные устремления российских промышленно-финансовых и военно-политических кругов в тот период были направлены на Дальний Восток, Россия была заинтересована в укреплении своих позиций и на Ближнем Востоке.

Между тем формирование хамидие воспринималось в России как потенциальная угроза безопасности закавказских границ, и не случайно, ибо с середины 90-х годов именно здесь начали происходить многочисленные инциденты. Спасаясь от погромов, в Россию в те годы бежало множество армян. Преследовавшие их отряды хамидийцев нередко переходили границу и совершали набеги на армянские селения Карсской области и Эриванской губернии. В свою очередь в пределах Закавказья формировались армянские вооруженные отряды, которые переправлялись на турецкую территорию, где вели партизанскую борьбу. На этой почве чуть ли ни ежедневно возникали пограничные конфликты, часто происходили перестрелки и столкновения между охранявшими границу казаками-пластунами и хамидийцами[2]. Особенно много подобных случаев было в конце 90-х годов и в первых годах нового столетия.

Турецкое правительство и командование в Восточной Анатолии фактически поощряли набеги отрядов хамидие на

---

[1] В. Ф. Минорский, *Курды. Заметки и впечатления,* — «Известия Министерства иностранных дел», кн. III, 1915, стр. 229.

[2] ЦГВИА, ф. 446, д. 48, л. 92; ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 310; АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1894 г., д. 3610, лл. 1—2; «Турецкий стол (старый)», 1898—1904 гг., д. 3600, 3612, 3624—3627; 3630, 3632, 3633.

территорию Закавказья. Эриванский губернатор граф Тизентаузен писал, что главари хамидийцев смотрят «на русскую территорию, как на лакомый кусок и всегда для них доступный»[3]. Главноначальствующий на Кавказе князь Голицын считал причиной этих вторжений не только бездействие, но и прямое попустительство турецких властей, в частности баязидского мутесаррифа[4]. Эту же мысль подчеркивал Зиновьев: «Равнодушие турецкого правительства к нашим жалобам на пограничные беспорядки зависит не столько от его недобросовестности, сколько от политики, которой держится султан относительно курдов, коих он считает оплотом безопасности своих малоазиатских владений»[5].

Систематическое натравливание турецкими правящими кругами курдов на Россию преследовало вполне определенные военно-политические цели. Во-первых, турецкое правительство видело в Закавказье своего рода внешнюю базу армянского освободительного движения в Османской империи и стремилось всемерно помешать помощи российских армян своим турецким собратьям. Во-вторых, Турция хотела создать постоянную угрозу русским стратегическим коммуникациям на Кавказе. Наконец, в-третьих, султанское правительство мечтало использовать живших в пределах закавказских губерний несколько сот тысяч курдов для подрыва внутренней безопасности этого района и осуществления абдулхамидовской идеи объединения под властью Стамбула всех курдов, идеи, неприемлемой не только для Ирана, но и для России.

Усиление напряженности на турецкой границе значительно осложняло для царских колонизаторов проблему управления проживавшими в Закавказье курдами. Русские курды находились в тяжелом материальном положении главным образом в результате земельной политики царских властей в Закавказье. В целях увеличения площади пахотных земель русские чиновники передавали кочевья, которыми пользовались курдские племена, переселенцам из центральных губерний. Когда же часть курдов, вынужденная бросить кочевой образ жизни, собиралась перейти к оседлому земледелию, для них уже не осталось свободного земельного фонда. К тому же правительство в 1901 г. увеличило поземельный

---

[3] АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1899—1901 гг., д. 3633, л. 10.
[4] Там же, 1899 г., д. 3632, лл. 32—33.
[5] Там же, 1899—1901 гг., д. 3633, л. 89.

налог. Поэтому российские курды влачили нищенское существование и в поисках средств к пропитанию нередко бежали за границу[6].

Недовольство курдов вызывали и административно-полицейские порядки. Местные власти, стремясь ликвидировать традиционные вольности курдских аширетов и держать их под строгим контролем, ограничивали их передвижение и расселение (часто совершенно необходимое по экономическим соображениям). На основании введенного строгого паспортного режима беспаспортных курдов, родившихся в России, часто высылали за границу. Возмущение значительного числа курдов создавало благоприятную обстановку для антирусской агитации, которую вели среди курдов Закавказья посылавшиеся из Турции панисламистские эмиссары. В результате многие курды бежали из России в Турцию специально для того, чтобы вступить в хамидие, и нередко возвращались обратно уже в составе вооруженных отрядов, грабивших и терроризировавших мирное земледельческое население[7].

Тяжелое положение курдов Закавказья повлияло на отношение зарубежных аширетов к России. «При таких условиях,— писал российский консул в Баязиде,— трудно рассчитывать на особое тяготение турецких курдов к России, разве в беднейшей их части»[8]. Здесь, однако, необходимо провести дифференциацию. По обе стороны границы были свои положительные и отрицательные моменты. Если в России существовала сравнительная безопасность, свобода от воинской повинности и меньше было налогов, то в Турции курды пользовались привилегиями в хамидие и в своем распоряжении они имели достаточное количество пастбищ. Если в России рядовые курды страдали от произвола и злоупотреблений старшин, то в Турции — от беев и ага. И в России, и в Турции не было ни одной школы с преподаванием на курдском языке; народ жил в невежестве и нищете.

Турецкие власти делали все, чтобы вызвать у рядовых кочевников недружественные чувства по отношению к России, умело используя в своих интересах действия русской администрации в Закавказье. Так, в то время как русские

---

[6] См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 302, л. 6.

[7] ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 50; ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 302, лл. I, 6.

[8] ЦГВИА, ф. 450, д. 127, л. 50.

пограничные власти отказывались пропускать в пределы России турецких курдов, высланных турецкими властями и не имеющих вида на жительство, турецкие власти, напротив, беспрепятственно пропускали через границу российских курдов [9]. Турецкое правительство запрещало вывозить продукты скотоводства и земледелия Курдистана в Россию, «как бы умышленно удерживая своих курдов от общения с Россией» [10], писал вице-консул в Баязиде Иванов.

Тем не менее значительная часть зарубежных курдов в общем относилась к России благожелательно, как к возможной их освободительнице от ненавистного турецкого гнета. Это отмечали многие наблюдатели, лично знакомые с жизнью турецких и иранских курдов. Так, например, К. Н. Смирнов, путешествовавший по северным районам Турецкого Курдистана, отмечал сравнительно благожелательное отношение курдов к России. «Русский им ближе,— писал он, — чем всякий другой иностранец» [11].

Что касается курдской феодально-племенной верхушки, то для нее сравнение условий в Турции и в России было не в пользу последней. У российских курдов, в значительной мере утративших родовое устройство, беи и ага не имели никакого веса в глазах русской администрации в Закавказье. Курдской знати в России почти не присваивались офицерские звания, она не занимала никаких административных должностей, курдских беев никак не отличали и не награждали [12]. Этим воспользовались турецкие правящие круги для разжигания с помощью курдской феодально-племенной знати антирусских настроений среди курдских племен с целью создать России затруднения военного и политического характера на Кавказе и принудить русское правительство

---

[9] Как писал в своем рапорте командир 11-го пограничного отдела по охране Эриванской губернии войсковой старшина Борчевский, прежде, когда граница России с Турцией почти не охранялась, российские и турецкие курды, находящиеся часто в родстве, свободно переходили границу. Это было связано с наличием удобных пастбищ, источников воды и пр. Но в мае 1899 г. в район Арарата прибыла Башкадыклярская команда, перекрывшая дорогу, по которой шла беспошлинная контрабанда. В этом месте сразу начались инциденты, ибо указанной мерой были недовольны и российские, и турецкие курды (АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1899 г., д. 3632, лл. 27—28).

[10] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 4083, лл. 28—36.

[11] К. Н. Смирнов, *Поездка в Северный Курдистан,* — «Известия Кавказского отделения ИРГО», т. XVII, 1904, стр. 326.

[12] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 4083, лл. 32—33.

ослабить давление на Турцию в армянских и других вопросах.

Обстановка, сложившаяся в Курдистане на рубеже XIX—XX вв., поставила перед царским правительством во весь рост курдский вопрос как в русско-турецких (а впоследствии и русско-иранских) отношениях, так и в качестве самостоятельной проблемы его ближневосточной политики.

Внешнеполитический курс России на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX в. и в первую очередь в отношении Турции преследовал цель сохранения «статус-кво». В одобренной царем инструкции министра иностранных дел дипломатическому агенту в Болгарии Бахметеву, отправленной в конце апреля 1897 г., говорилось: неизменная цель России «сохранить неприкосновенность и целостность Турецкой империи, дабы путем этим предотвратить возможность всяких осложнений.

В поддержании власти султана мы видим в настоящее время лучшее средство достигнуть столь желаемого успокоения на Востоке, полагая, что, неосторожно вступив на путь расчленения Оттоманской империи теперь, когда во всех частях ее заметно брожение, мы дадим лишь широкий простор притязаниям балканских государств и народностей Турции, вызовем и усилим соперничество их между собой и таким образом неизменно придем к результатам, совершенно несогласным с намеченной выше целью» [13].

В инструкции Зиновьеву, посланной ему в декабре того же года в связи с назначением его послом в Стамбул, задачи политики России в отношении Турции были определены следующим образом: «В настоящее время преимущественное внимание наше отвлечено на Дальний Восток, где самой силою вещей на первый план выдвигаются жизненно важные для России вопросы, для разрешения которых необходимо располагать полной свободой действия. Обеспечить таковую со стороны Турции, соблюдая вместе с тем неприкосновенными достоинство, права и интересы России,— такова главная предстоящая Вам задача, и для ее исполнения необходимо прежде всего стремиться к поддержанию и укреплению дружественных отношений, установившихся у нас с Турцией».

О событиях в Армении говорилось: «С грустью взирая на кровавые сцены... мятежа, мы не могли однако же им воспрепятствовать из опасения поднять Восточный вопрос во всем его грозном объеме... Но при всем этом, конечно,

[13] АВПР, ф. «Политархив», 1897 г., д. 39, лл. 23—24.

нельзя упускать из виду вековую задачу и долг России — покровительство христианскому населению Турции»[14].

Не лишне будет процитировать и письмо управляющего МИД (вскоре ставшего министром) В. Н. Ламздорфа Зиновьеву по поводу нападения хамидийцев на армянское селение Спаганк в Сасунском санджаке Битлисского вилайета. «В виду происходящих ныне на берегах Тихого океана событий,— писал Ламздорф в августе 1900 г.,— нам более чем когда-либо следует заботиться о сохранении спокойствия в пределах соседней нам Турецкой империи, дабы ничем не осложнять общего политического положения, вследствие чего я полагаю необходимым не медля поставить на вид Порте происшедшие в Спаганке события»[15].

Из всего изложенного можно сделать три основных вывода: во-первых, русское правительство было заинтересовано в нормализации внутриполитической обстановки на востоке Малой Азии и скорейшем прекращении армяно-курдских столкновений; во-вторых, Россия решила принять все меры к обеспечению безопасности своих закавказских территорий и установлению полного спокойствия на турецкой границе; в-третьих, и это главное, в Петербурге добиваться указанных целей намеревались лишь дипломатическими средствами, которые при поддержке любых антирусских акций султанского правительства Англией и некоторыми другими державами не могли дать царскому правительству ожидаемых результатов.

Первые шаги российской дипломатии ограничились устными представлениями русского посла в Стамбуле. Они делались в связи с нарушениями хамидийцами русской границы, а также беспорядками на турецко-иранской границе неоднократно в течение 1894—1896 гг. В январе 1895 г., например, Нелидов заявил великому везиру, что если набеги курдов будут продолжаться, то русские войска их будут преследовать на турецкой территории[16]. Эта угроза подействовала, но ненадолго.

В начале января 1898 г. Зиновьев сделал представление непосредственно султану Абдул-Хамиду II о нарушении курдами русской границы. Султан обещал принять меры, но

---

[14] Там же, д. 41, лл. 2, 11, 12.

[15] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1898—1909 гг., д. 3706, лл. 6—7.

[16] АВПР, ф. «Политархив», 1896 г., д. 987, л. 164; ф. «Канцелярия МИД», 1895 г., д. 27, л. 12; ф. «Турецкий стол (новый)», 1894 г., д. 3610, лл. 4—5.

как пишет в донесении русский посол, одновременно поручил местным властям «тщательно воздерживаться от распоряжений, способных вызвать неудовольствие курдов»[17].

Результаты подобного попустительства султанских властей, разумеется, не замедлили проявиться. После гибели 11 мая 1899 г. в стычке с курдами-хамидийцами поручика Ладченко и рядового Швирейко в Петербурге решили действовать более энергично. 12 июня 1899 г. Зиновьев имел объяснение с султаном по поводу положения на границе и, в частности, инцидента 11 мая. Посол возложил непосредственно на турецкое правительство ответственность за набеги на границу, имевшие место, по его словам, исключительно из-за безнаказанности, которой пользуются хамидийцы. Абдул-Хамид сначала пытался избежать прямого ответа, но после настояний Зиновьева вынужден был обещать расследовать инцидент и наказать виновных, отправив соответствующие приказания эрзурумским властям и командующему IV корпусом[18].

По-видимому, султан не был склонен выполнить это свое обещание. Во всяком случае через месяц министр иностранных дел Муравьев указал Зиновьеву на необходимость вновь обратить «самое серьезное внимание султана на возмутительное поведение пограничных курдов, потребовав принятия надлежащих мер, расследования дела и строгого наказания виновных»[19]. Эти меры, по мнению Муравьева, предусматривали: 1) смещение баязидского мутасаррифа, 2) лишение воинских званий замешанных в этом деле начальников хамидие вплоть до полковников и 3) денежные вознаграждения родственникам убитых[20].

Предъявив эти требования, русское посольство одновременно указало Порте на явно антирусский характер мероприятий турецкого правительства по формированию полков хамидие. Вскоре первый секретарь султана Тахсин-бей передал Зиновьеву записку, в которой утверждалось, что хамидие были сформированы только в целях прикрепления курдов к определенному месту жительства, привлечения их к отбыванию воинской повинности; эта мера отнюдь не была направлена против России, ибо хамидие были созданы якобы только в Ираке и Сирии[21].

---

[17] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1898 г., д. 26, лл. 38—39.
[18] Там же, 1899 г., д. 26, л. 74.
[19] АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1899 г., д. 3632, л. 6.
[20] Там же, 1899—1901 гг., д. 3633, л. 54.
[21] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 27, лл. 86—87.

Подобные объяснения не могли, конечно, удовлетворить Зиновьева. Российскому посольству удалось лишь добиться согласия Порты на образование смешанной русско-турецкой пограничной комиссии для урегулирования пограничных конфликтов. От России в нее был назначен генерал-лейтенант Зеленой, от Турции — генерал Тевфик-паша. Работа комиссии не дала почти никаких результатов, хотя она приняла решение об охране границы минимальным количеством регулярных войск. Турки продолжали располагать вдоль нее отряды хамидие [22].

Правда, турецкое правительство вынуждено было удовлетворить все материальные претензии русской стороны и послать воинскую команду для наказания курдов, виновных в нападениях на русскую территорию [23]. Но в то же время чрезвычайная комиссия, назначенная султаном для наказания курдов, непосредственно участвовавших в инциденте 11 мая, демонстративно оправдала подсудимых под тем предлогом, что в гибели Ладченко и Швирейко виноваты российские курды. Зиновьев протестовал против этого решения, но безрезультатно: обещанный султаном пересмотр дела не состоялся [24].

Естественно, что такая позиция турецкого правительства только поощряла антирусскую деятельность некоторых курдских вождей и привела к дальнейшему обострению русско-турецких отношений. Поэтому в Петербурге решили усилить дипломатический нажим на Порту.

Поводом для такого нажима явилось совершенное в середине сентября 1900 г. нападение курдов на управляющего российским генеральным консульством в Эрзуруме князя Шаховского, в результате которого Шаховской был ранен, а его имущество разграблено. Ламздорф указал Зиновьеву в конце сентября, что «предписывается по Высочайшему повелению... обратить серьезное внимание султана на необходимость принятия строгих мер к обузданию малоазиатских курдов» и потребовать соответствующего удовлетворения за нападение [25]. Такое представление и было сделано Зиновьевым через несколько дней [26].

---

[22] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 2673, лл. 20—22.

[23] ЦГВИА, ф. 450 (коллекция материалов по истории России), д. 127, лл. 1—6, 9—10.

[24] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 29, лл. 327—331.

[25] АВПР, ф. «Политархив», 1900 г., д. 1636, л. 58.

[26] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 29, л. 8.

По-видимому, демарш Зиновьева не дал ожидаемого результата. 5 января 1901 г. Ламздорф отправил Зиновьеву телеграмму, в которой говорилось: царь повелел «самым энергичным образом потребовать удовлетворение за совершенные курдами нападения как на наши пограничные команды, так и на Управляющего Российским Генеральным консульством в Эрзеруме.

Описанное Вами положение дел в Эрзерумском вилайете не может быть терпимо, а посему Вам надлежит настоять на принятии радикальных мер к прекращению своеволия курдов и дать понять султану, что нами не будут приняты во внимание никакие дальнейшие отговорки»[27].

Угроза подействовала: летом 1901 г. состоялся суд над козичанскими курдами, виновными в нападении на Шаховского: из 17 подсудимых 7 были оправданы, остальные осуждены на каторжные работы на различные сроки[28].

Несмотря на то что турецкое правительство вынуждено было уступить и дать необходимое удовлетворение России, оно не было заинтересовано в ликвидации причин, вызывавших пограничные конфликты. Такую цель преследовали, в частности, протесты турецкого посла в Петербурге по поводу якобы готовившегося вторжения армянских отрядов с русской территории в Турцию для помощи освободительному движению турецких армян. В Петербурге этот маневр был сразу разгадан; туркам было решено дать решительный отпор. В середине октября 1901 г. Ламздорф с одобрения царя инструктировал Зиновьева: «...подобного рода заявления турецкого посла производят на нас весьма неблагоприятное впечатление, так как доныне они не оправдались обстоятельствами; что на будущее время мы лишены будем возможности придавать им какое бы то ни было значение и что, твердо охраняя спокойствие на границе с Турцией, мы в праве требовать, чтобы султан, со своей стороны, принял все обещанные меры к водворению порядка в соседних с нами малоазиатских областях»[29].

Дипломатический нажим, произведенный Россией на Турцию, на время оказал свое действие: число набегов и пограничных инцидентов резко сократилось. Тем не менее постоянные внутренние неурядицы в Курдистане, враждеб-

---

[27] АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 56, л. 2.

[28] Зиновьев не без гордости писал, что вынесение этого приговора стоило больших усилий «как посольству, так и консульству в Эрзеруме» (АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1901 г., д. 24, л. 166).

[29] АВПР, ф. «Политархив», 1901 г., д. 57, л. 92.

ное отношение курдов и армян вызывали значительное беспокойство у русского правительства, накладывали отпечаток на русско-турецкие отношения. В частности, большие трения между Россией и Турцией вызвал вопрос об обратном водворении в Турцию армян, переселившихся в Россию во время погромов.

В 1894—1896 гг. в Россию бежало, спасаясь от резни, до 30 тыс. армян. Царские власти, проводившие в то время русифицирование закавказских губерний, не желали обеспечивать армянских беженцев землей, жильем и работой и решили выселить их обратно в Турцию. Это вызвало резкое недовольство турецкого правительства, которое, во-первых, боялось усиления армянского элемента в Турции, а во-вторых, предвидело серьезные осложнения с курдскими феодалами, захватившими значительную часть земель и имущества армянских эмигрантов.

Действительно, возвращение первых партий армянских беженцев вызвало многочисленные акты насилия со стороны беев, за спиной которых стояли турецкие подстрекатели. В воздухе запахло новой резней. Тем не менее Россия продолжала настаивать на выдворении армян в Турцию. Российскому посольству в Стамбуле и консулам было предписано оказывать переселенцам покровительство и ограждать их безопасность [30].

Зиновьев сделал по этому поводу энергичное представление Порте, «но немедленных результатов,— доносил он,— ожидать не могу» [31].

Турецкое правительство продолжало настаивать на прекращении переселения эмигрантов; Зиновьеву приходилось проводить свою линию осторожно, не ссорясь с турками и не давая повода к возобновлению беспорядков и насилий. «Всякое возбуждение армянского вопроса,— телеграфировал Зиновьеву Муравьев,— при нынешнем политическом положении было бы крайне опасно и в высшей степени нежелательно». В то же время Муравьев предупреждал, что турецкое правительство готовится силой удержать армян на границе [32].

Вскоре русское правительство убедилось в невозможности, без риска крупных осложнений, настаивать на своей прежней точке зрения. 19 июня 1898 г. Николай II приказал

---

[30] Там же, 1898 г., д. 43, л. 99.
[31] Там же, л. 101.
[32] Там же, лл. 138—139.

до новых распоряжений приостановить выселение в Турцию армян-эмигрантов[33]. В Петербурге было решено действовать пока дипломатическим путем, не накаляя атмосферу высылкой в Турцию новых партий беженцев. В инструктивном письме Зиновьеву Муравьев рекомендовал продолжать настаивать перед Портой на удовлетворении требований России в отношении армянских беженцев, но делать это крайне осторожно, «не теряя из виду необходимость, во-первых,— сохранить хорошие отношения с Турцией, и во-вторых,— и главным образом, не давать повода к возобновлению армянских беспорядков, которые неминуемо повели бы за собой повторение кровавых событий 1895 года, а следовательно, с одной стороны — новый, быть может, более значительный наплыв беглецов в Россию, с другой — вмешательство великих держав во внутренние дела Турции со всеми сопряженными с оными политическими осложнениями»[34].

В течение 1898—1899 гг. Зиновьев вел безрезультатные переговоры с Портой по армянскому вопросу. Так, в середине марта 1899 г. советник Министерства иностранных дел Артын-паша заявил российскому послу, что обратное переселение армян в Турцию чревато новыми кровопролитиями. Зиновьев возразил ему, что следует принять заранее меры, ибо повторение событий 1894—1896 гг. «может повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия». Обменявшись подобными угрозами, собеседники разошлись, оставшись, как говорится, каждый при своем мнении[35].

Весной 1899 г. Муравьев выдвинул новый план: настаивать перед Портой на выселении в Турцию вместо 30 тыс. всего 10 тыс. армянских беженцев, остальных же водворить где-либо в другом месте[36]. Между тем Зиновьев сообщил в Петербург, что обстановка в Восточной Анатолии, в смысле возможности обратного водворения армянских беженцев, за последние месяцы изменилась к худшему. Курдские беи захватили бо́льшую часть армянских земель; чтобы армяне смогли вновь вернуться, следует отнять эти земли у новых владельцев. Власти же не в состоянии это сделать, ибо опасаются возбудить «больной» вопрос о реформах в Малой Азии, чем воспользуются великие державы в целях нежелательного для России вмешательства во внутренние дела Тур-

[33] Там же, л. 146.
[34] Там же, лл. 189—190.
[35] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 25, т. I, л. 271.
[36] АВПР, ф. «Политархив», 1899 г., д. 47, лл. 100—104.

ции. В заключение посол высказал мнение, что не следует выселять тех армян, которые нашли в России работу, во всяком случае с ними надо повременить. На этом донесении есть помета Николая II: «Справедливо» [37].

В письме Муравьева Николаю II предлагалось «...предъявить Абдул-Гамиду, взамен незначительных льгот по армянскому делу, более существенные требования по некоторым политическим вопросам» [38]. В таком же духе министр иностранных дел инструктировал Зиновьева, предложив ему настаивать на водворении лишь 10 тыс. армян [39]. Но вскоре Россия вообще оставила намерение чего-либо добиваться в этом деле от Порты.

Таким образом, Турция одержала дипломатическую победу, компенсировав себя, так сказать, за вынужденные уступки России при урегулировании пограничных инцидентов. Обострение русско-турецких отношений в связи с пограничными конфликтами, так и по вопросу об обратном водворении армянских беженцев показывает, насколько непрочно было политическое равновесие в Курдистане, чреватое большими и малыми потрясениями и взрывами, и какое большое значение имела курдская проблема вообще, а также курдо-армянские, курдо-турецкие, русско-армянские и русско-курдские отношения, в частности, для сохранения стабильности на Ближнем Востоке. Поэтому перед правящими кругами царской России встал вопрос о недооценке всей курдской проблемы, о привлечении на сторону России зарубежных курдов, о средствах распространения русского влияния среди них и о методах политического проникновения в Курдистан.

Обратить самое серьезное внимание на курдов призывали в первую очередь царские чиновники, которые по роду своей деятельности хорошо знали положение в Курдистане. Например, российский генеральный консул в Эрзуруме Скрябин обращал внимание на «...необходимость для нас самого тщательного, проявляющегося даже в мелочах, поддержания на должной высоте престижа русского имени и русского влияния именно среди многочисленного и не признающего вполне и по настоящее время турецкого владычества курдского народа, на содействие которого кавказским войскам мы уже не раз рассчитывали (иногда с большим

[37] Там же, д. 48, лл. 3—4.
[38] Там же, л. 5.
[39] Там же, лл. 8—9.

успехом) в минувших войнах и имеем не мало оснований рассчитывать и в будущем». Своевременность и важность такого подхода к курдам Скрябин мотивировал, в частности, тем, что по его наблюдениям среди курдов господствует убеждение, «что русская власть *выше, справедливее и несоизмеримо сильнее* власти турецкой». В то же время, отмечал Скрябин, нельзя терять времени, ибо турецкое правительство делает успехи среди курдов, привлекая их верхушку в хамидие[40].

Практические предложения по курдскому вопросу выдвинул вице-консул в Баязиде Иванов. В целях привлечения на сторону России курдской знати, писал он, желательно в России создать несколько курдских батальонов или эскадронов по образцу туркменских: «В них нашла бы себе удовлетворение недовольная часть из наших курдов». Надо обратить внимание, писал далее консул: 1) на экономическое положение наших курдов и 2) на увеличение грамотности среди них. Последнему Иванов придавал особенное значение, ибо развитие культуры у курдов помешает туркам пропагандировать среди них мусульманский фанатизм, ненависть к русским, армянам и т. д. «Пусть наша школа сумеет втолковать курдам их расовое отличие от турков», — писал он. В то же время Иванов подчеркивал важность поднятия экономического благосостояния закавказских владений России, усиления их торговых связей с Курдистаном и создания экономической зависимости его от России, что должно было способствовать утверждению здесь и русского политического влияния[41].

В Петербурге и Тифлисе к подобным взглядам и проектам относились, по-видимому, как к пустому прожектерству. Однако в правящих сферах царской России все же начали постепенно признавать важность всестороннего изучения Курдистана, установления связей с крупнейшими курдскими вождями.

Еще в январе 1891 г. начальник Главного штаба генерал Обручев обратил внимание Зиновьева, занимавшего в то время должность начальника Азиатского департамента Министерства иностранных дел, на необходимость самого пристального наблюдения за положением дел в Восточной Анатолии в связи с усилением IV корпуса и формированием из

---

[40] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1901—1904 гг., д. 4492, лл. 19—20.

[41] Там же, 1905 г., д. 4083, лл. 34—36.

курдов конных иррегулярных полков. Поэтому, писал Обручев, нужно срочно назначить нового генерального консула в Эрзурум взамен уходившего в отставку генерала Деннета[42].

С этого времени Министерство иностранных дел и другие центральные ведомства России начали детально изучать Курдистан и его население, чем вызвали большие опасения султанского правительства. В 1903 г., например, возник проект отправки в Курдистан и Месопотамию большой экспедиции Географического общества. Абдул-Хамид обратился к Зиновьеву с настоятельной просьбой отсрочить отправку этой экспедиции хотя бы на год под предлогом, что этим воспользуются англичане для организации своей экспедиции в южные районы Турции. «...Я полагаю,— писал Зиновьев,— что истинная причина создаваемых турецким правительством затруднений заключается в его подозрении, что отправление нашей экспедиции обусловлено какими-либо тайными намерениями». Несмотря на все настояния посла, султан первое время оставался непреклонен. В дальнейшем русскому посольству удалось преодолеть сопротивление турецкого правительства, но при условии, что число участников экспедиции будет сокращено[43]. Во время этой и подобной ей экспедиций особое внимание обращалось на курдов и на межнациональные отношения в Восточной Анатолии[44].

Значительно усилили внимание к курдам и российские дипломатические представители в восточных вилайетах Османской империи. Они совершали частые поездки по прилегающим к месту их службы районам, нередко преподносили курдским вождям дорогие подарки, в том числе особо ценимое курдами оружие, посещали курдские святилища и места паломничества[45].

Одновременно делались попытки использовать для политической агитации среди курдов в пользу России российских мусульман, совершавших поездки в Турцию. Французский вице-консул в Эрзуруме Рабю доносил министру иностранных дел Делькассе в декабре 1901 г., что согласно циркулировавшим в городе слухам эти лица вели переговоры с

---

[42] АВПР, ф. «Политархив», 1891—1914 гг., д. 2945, л. 1.

[43] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1903 г., д. 28, лл. 272, 282.

[44] П. А. Томилов в своем отчете о поездке по Курдистану летом 1903 г. сделал следующий вывод: «...В военном отношении национальный вопрос в Турции играет весьма важную, а может быть и решающую роль» («Отчет о поездке по Азиятской Турции Генерального штаба подполковника Томилова в 1904 г.», ч. I, СПб., 1907, стр. 4).

[45] «Documents diplomatiques français», 2-me série, vol. I, p. 614.

главными начальниками хамидие о переходе на сторону России в случае войны. По-видимому, эти сообщения по меньшей мере сильно преувеличены, судя по тому, что французский консул был склонен распускать о политике России самые невероятные небылицы. Он, например, утверждал, что русские раздували в Ванском и Битлисском вилайетах анархию, курдо-армянские распри с целью отторжения от Турции этих районов [46], хотя указанные действия в то время, как об этом неопровержимо свидетельствуют источники, ни в коей мере не соответствовали задачам внешней политики России, заинтересованной в стабильности на Ближнем Востоке.

Но во всяком случае русские представители безусловно попытались, хотя и без ощутимых результатов, установить контакт с зарубежными курдами с целью политического проникновения в Курдистан.

* * *

В период русско-японской войны 1904—1905 гг. отношения между Россией и Турцией вновь ухудшились.

Вскоре после начала военных действий Зиновьев имел беседу со 2-м секретарем султана Иззет-пашой. По словам последнего, Абдул-Хамид сочувствовал России и даже предписал командующему IV корпусом собрать несколько тысяч «вполне благонадежных и хорошо вооруженных» курдов и послать их в распоряжение кавказского начальства для отправки на фронт [47]. Зиновьев отклонил это предложение, ибо, вероятно, догадывался, что султан, попросту говоря, хитрит в ожидании результатов операций на Тихом океане. Так оно и случилось. Чуть только пришли вести о первых неудачах русской армии и флота на Дальнем Востоке, сразу проявились сильные трения в русско-турецких отношениях.

Турецкие власти немедленно начали в восточных вилайетах проводить военные приготовления, в том числе мобилизовали хамидие. Курды, по разным причинам находившиеся в России, были вызваны обратно под предлогом ожидаемого восстания армян [48]. Турецкие и отчасти иранские курды, «неорганизованные» и входившие в состав хамидие, начали

---

[46] Ibid, pp. 664—665.
[47] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 26, лл. 55—56.
[48] ЦГИА Груз.ССР, ф. 521, оп. 2., 1904 г., д. 310.

сосредоточиваться на русской границе. Среди населения Восточной Анатолии распространились слухи о неизбежности войны с Россией. По некоторым сведениям, общее количество турецких войск (включая хамидие), концентрировавшихся в восточных вилайетах Турции и непосредственно вблизи русской границы, уже к апрелю 1904 г. превышало 200 тыс. человек. Фактически были приведены в боевую готовность все регулярные и иррегулярные войска IV корпуса [49].

Одновременно на кавказской границе начались инциденты: 8 мая и 13 июня 1904 г. — перестрелки, 20 июня — вооруженное столкновение, 28 июня — нападение турецких солдат и хамидийцев на русских пограничников, 26 августа хамидийцы и турецкие солдаты вновь нарушили границу, 12 сентября произошла стычка с контрабандистами, поддерживаемыми турецкими солдатами, 30 сентября опять была перестрелка и т. д. [50].

В середине марта 1904 г. Зиновьев по личному указанию царя сделал Порте запрос относительно военных приготовлений. Турецкое правительство объяснило их исключительно необходимостью бороться с армянским национальным движением и препятствовать вторжению в Турцию с территории России армянских «банд» [51]. 1 и 10 апреля Зиновьев вновь протестовал в связи с военными приготовлениями Порты в Восточной Анатолии, но получил аналогичные ответы. В разговоре с Абдул-Хамидом 10 апреля Зиновьев обвинил в организации антирусских провокаций непосредственно Зеки-пашу, но султан взял его под защиту, хотя посол привел достаточно фактов, характеризующих подстрекательскую деятельность среди курдов командующего IV корпусом [52].

В Петербурге считали, что Зиновьев проявил беспечность и отсутствие твердости. На донесении Скрябина о военных приготовлениях в восточных вилайетах Николай II написал: «Удивляюсь, как мог Зиновьев недосмотреть эти военные приготовления. Вероятно, наши консулы доносили ему о них. С середины марта князь Голицын забил тревогу, и в Главном штабе все было известно о турецкой мобилиза-

---

[49] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 26, л. 170; д. 27, л. 78; д. 29, лл. 450, 499; ф. «Политархив», 1904 г., д. 1640, л. 62.

[50] АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1905 г., д. 6968, лл. 1—5; ф. «Персидский стол», 1905 г., д. 16, лл. 2, 4.

[51] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 26, лл. 170—174.

[52] Там же, д. 27, лл. 20—22, 56—57.

ции»[53]. Вслед за этим Ламздорф передал Зиновьеву директиву царя по поводу сосредоточения турецких войск на границе: «Это известие заслуживает серьезного внимания. Если Турция не прекратит своих приготовлений, я отдам приказ о мобилизации Кавказской армии. Пусть Зиновьев буквально передаст мои слова султану»[54].

Угроза подействовала, и сосредоточение регулярных турецких войск вблизи русско-турецкой границы прекратилось. Однако антирусская деятельность турецких властей среди курдов продолжалась и в последующие месяцы русско-японской войны: создавались новые сотни хамидие, которые направляли к русской границе. В ответ на запросы и предостережения русского посольства Порта неизменно ссылалась на угрозу со стороны армян[55].

Продолжались систематические нарушения русской границы. Они производились при участии турецких солдат и с прямого ведома Зеки, с которым курдские беи делились награбленной добычей. Впервые участие в набегах стали предпринимать не только турецкие, но и иранские курды[56].

Реакция же правительства царской России на эти провокации стала гораздо умеренней, чем в начале 1904 г. Дело ограничилось по существу запросами и представлениями Зиновьева. Сказывались тяжелые поражения в войне с Японией и начинавшаяся в стране революция. Министерство иностранных дел, например, чтобы избежать осложнений с Турцией, решительно выступило против предложения Министерства финансов (которому в то время была подведомственна охрана границ) разрешить русским пограничникам преследовать курдов на турецкой территории[57].

Столь же осторожную позицию занимало русское правительство и в связи с просьбами Ирана оказать давление на Турцию, предпринимавшую агрессивные действия на турецко-иранской границе. Ламздорф в инструкции Шпейеру, назначенному посланником в Тегеран, писал в конце сентября 1904 г.: «Что касается пограничных инцидентов, периодически возникающих между Турцией и Персией, то, следуя традиционной политике нашей, мы стараемся улаживать таковые непосредственными представлениями в Тегеране и Кон-

---

[53] Там же, д. 29, л. 450.

[54] АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 64, л. 3.

[55] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 29, л. 499; 1905 г., д. 31, лл. 178—180; ф. «Политархив», 1905 г., д. 1021 «б», л. 74.

[56] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1905 г., д. 31, т. I, лл. 217—218.

[57] АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1905 г., д. 6968, л. 9.

стантинополе без всякого участия англичан»[58]. Турецкие власти действовали столь вызывающе по отношению к России отнюдь не самочинно: за их спиной стояли западные державы.

Главным и наиболее опасным конкурентом России в Курдистане в те годы была Англия. Британские правящие круги, проводившие антирусскую политику и на Дальнем Востоке, и в Центральной Азии, видели в продвижении русского влияния в Курдистане потенциальную угрозу своим экономическим и политическим интересам на Ближнем Востоке. Англия, стремившаяся к расширению своих колониальных владений за счет стран Арабского Востока, Ирана, отчасти Малой Азии, мечтала единолично утвердиться в Курдистане, без овладения которым трудно было осуществить экспансию в указанные районы. Англичане боялись проникновения влияния в эти области и других конкурирующих держав, в первую очередь Германии. Поэтому британские империалисты были крайне заинтересованы в том, чтобы склонить основную массу курдов на свою сторону.

Организация хамидие встретила положительное отношение со стороны британского правительства. Нелидов утверждал, что «устройство курдской кавалерии отчасти сделано было по указанию и советам англичан, когда, одновременно с подготовлением армянского вопроса, они искали возможности создать против России военный оплот для Турции придачею военного устройства курдам». Если даже это утверждение не вполне соответствует истине, безусловно англичане поощряли антирусскую направленность хамидие. Британские консулы и всякого рода агенты в тот период часто посещали курдские племена, устанавливали связи с некоторыми крупнейшими предводителями хамидие. Английское посольство в Стамбуле давало Порте советы о мерах по усилению и упорядочению хамидие, предлагая, в частности, назначить их начальником командира 8-й дивизии IV корпуса Шемси-пашу, которого англичане, по-видимому, считали «своим человеком».

Однако турецкие власти отнюдь не были обрадованы столь пристальным вниманием англичан к курдским делам. Особенно был недоволен Зеки-паша, боявшийся умаления своей власти над курдами[59]. Но главная причина насто-

---

[58] «Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны», — «Красный архив», 1932, 4(53), стр. 32.

[59] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1897 г., д. 31, лл. 75—76.

роженности турецкого правительства к активности англичан в восточных вилайетах заключалась в подозрении, что в Лондоне желают воспользоваться курдо-армянскими столкновениями для усиления вмешательства во внутренние дела Турции и ускорения ее дальнейшего раздела.

Эти подозрения основывались и на провокационной поддержке Англией армянского освободительного движения в Турции в середине 90-х годов, и на антитурецкой деятельности английских агентов в пограничных с Ираном районах и в районе Персидского залива на рубеже XIX—XX вв. Когда начались инциденты на турецко-иранской границе, Англия поддержала Иран против Турции, стремилась распространить свое влияние на иранских курдов и одновременно поддерживала армянских революционеров в Иране, оказывавших помощь своим собратьям по другую сторону границы [60].

Интересные факты, характеризующие деятельность британских агентов среди курдов, приводятся в письме великого везиря военному министру Турции. «К нам поступают из секретных и заслуживающих доверия источников достоверные сведения о подстрекательстве некоторых держав, которые с помощью соблазнителей внушают разрушительные идеи племенам и вождям, формирующим полки хамидие. Среди этих соблазнителей находятся личности, переодетые в турецкое платье; их главная цель — отвратить эти племена от подчинения императорскому правительству, толкать их на грабежи и убийства мирного населения, так же, как и на прочие вредные действия».

Далее из текста письма следует, что великий везирь имел в виду именно англичан. Английский консул в Ване, говорится в письме, проявляя для виду самые лучшие чувства по отношению к турецкому правительству, в действительности постоянно сносится с Ираном. Он возбуждает иранских курдов против турецких; в его распоряжении находятся «баснословные» суммы денег, которые он получает от своего правительства через Иран; эти деньги тратятся на подкуп курдских вождей. Кроме того, он поощряет местных чиновников жаловаться на власти и переправляет эти жалобы в британское посольство. Наконец, он всемерно старается отличить тех лиц, которые оказывают ему услуги, особенно если они тесно связаны с армейскими офицерами [61].

---

[60] АВПР, ф. «Персидский стол», 1888 г., д. 1226, лл. 50—51.
[61] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1897 г., д. 31, л. 80.

Возможно, к этому письму применима пословица «У страха глаза велики». Однако не вызывает сомнения стремление англичан использовать свои политические позиции в Иране для того, чтобы распространить свое влияние на всех курдов, особенно турецких, ослабить турецкое господство во всем Курдистане и использовать накаленную обстановку в этом районе в своекорыстных целях.

Разжигая внутренние распри в Курдистане, англичане одновременно выступали против удовлетворения национальных чаяний армянского народа. Если в период 1894—1896 гг. Англия официально выступала за реформы в армянских вилайетах, то после кровавых расправ, учиненных султанским правительством над армянами, британские представители начали убеждать последних в несбыточности их стремления к освобождению от турецкого гнета. Уже в начале 1896 г. все английские консулы в восточных вилайетах Турции были отозваны и заменены новыми, «получившими инструкцию,— как утверждает российский вице-консул в Ризе,— по мере сил успокоить возбужденные умы армянского населения»[62].

В таком повороте британской политики нет ничего удивительного. После провала попыток Англии (в результате отпора со стороны других великих держав) использовать «армянский вопрос» для осуществления своих целей в Турции в Лондоне поняли, что от претворения в жизнь стремлений армян может выиграть только Россия. А к успехам политики России на Ближнем Востоке англичане относились очень ревниво и делали все, чтобы ухудшить русско-турецкие отношения.

Английские консулы в Восточной Анатолии вели антирусскую агитацию среди местного населения, особенно среди курдов. Одновременно они стремились умалить влияние России среди христианских народов турецкого и иранского Курдистана, вели активную пропаганду среди ассирийцев-несториан. Британские представители с большими опасениями следили за расширением русского влияния в Курдистане, старались его парализовать. Как отмечал французский консул в Эрзуруме, не было случая, чтобы после поездки русского консула к какому-нибудь курдскому племени туда не приехал и его английский коллега; «Обычно английский консул шел по следу русского консула»[63].

---

[62] АВПР, ф. «Политархив», 1903 г., д. 1013, л. 503.

[63] «Documents diplomatiques français», 2-me série, vol. 1 p. 614; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1897 г., д. 31, л. 79.

В то же время британское посольство живо интересовалось состоянием турецких вооруженных сил на кавказской границе; посол О'Конор особенно пристально следил за столкновениями между русскими пограничными командами и курдами-хамидийцами, чем вызвал даже подозрения у Порты [64].

К началу XX в. разведывательно-политическая деятельность британских агентов приняла весьма широкие размеры и охватила весь Курдистан. Английские консулы, как правило, профессиональные военные, предприняли серию продолжительных поездок по восточным вилайетам Османской империи. Так, вице-консул в Диарбекире Фримэн на целый год отправился в Битлис и его окрестности. Вице-консул в Сивасе майор Андерсон по совместительству был назначен заведующим вице-консульством в Диарбекире. Он совершил несколько поездок по Диарбекирскому и Мамурет-уль-Азизскому (Харпутскому) вилайетам, посетил районы на север и северо-восток от Халеба, окрестности Мосула, Джебель-Синджар и др., предполагал изучить юго-восток и юг Диарбекирского и Битлисского вилайетов, в том числе и Бохтан. Битлисский вилайет и Хакяри исследовал также вице-консул в Ване артиллерийский капитан Тирелль. Англичане, таким образом, проникли в самые заповедные и труднодоступные районы Курдистана. Эти поездки крайне встревожили турок, которые разослали тайных агентов для наблюдения за англичанами. «Нельзя не согласиться,— писал Зиновьев со слов французского вице-консула в Диарбекире Гюисса. — что частые разъезды английских консулов по Мосульскому вилайету, где господствует анархия, указывают на то, что английское правительство преследует какую-то особую цель» [65].

Заключив военно-политический союз с Японией (1902 г.), Англия всемерно стремилась ослабить Россию и подорвать ее позиции на Ближнем Востоке.

Английское посольство и консульства в Турции, как писал Ламздорф русскому послу в Лондоне Бенкендорфу, «всячески стараются возбудить среди турок подозрения в каких-то враждебных намерениях России и таким путем подстрекают оттоманское правительство к усилению войск на русско-турецкой границе» [66]. Стремясь завоевать доверие

---

[64] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1899 г., д. 26, лл. 338—339.
[65] Там же, 1903 г., д. 25, лл. 29—31.
[66] Там же, 1904 г., д. 28, л. 322.

турецкого правительства, англичане к этому времени окончательно перестали, даже на словах, поддерживать турецких армян. Более того, как сообщал ванский вали Тахир-паша, английский консул оказывал услуги турецким властям, информируя их о планах армянских организаций [67]. Этот факт еще раз наглядно показывает все лицемерие британских правящих кругов, поднявших незадолго до описываемых событий демагогический шум в связи с армянскими погромами в Турции.

В своей антирусской политике британская дипломатия не брезговала никакими средствами, вплоть до самых невероятных клеветнических измышлений. Так, например, из британских источников в Турции распространялись слухи о том, что между Россией и Германией заключено соглашение, по которому в случае неудачи войны с Японией Россия получит компенсации в Анатолии, а Германия взамен — полную свободу действий в Месопотамии [68]. Появление подобных слухов не на шутку встревожило Порту. Абдул-Хамид II писал своему послу в Лондоне, что они могут «крайне невыгодно отозваться на политических отношениях Турции» и вызвать серьезные недоразумения с Россией, особенно нежелательные ввиду затруднительного положения в стране [69].

Британские дипломатические представители в Восточной Анатолии активно вели антирусскую агитацию среди местного населения, особенно среди курдов, широко распространяя, например, сведения о поражениях России в войне с Японией [70]. В отчете, посланном штабом Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру Генерального штаба в начале февраля 1905 г., отмечалось: «Начатая еще осенью 1903 г. деятельность английских консулов в Азиатской Турции, направленная к порождению крупных недоразумений между Россией и Турцией, с целью вызвать на кавказско-турецкой границе всевозможные осложнения, не прекратилась и в настоящее время» [71]. Имеются данные, говорящие о том, что британские агенты планировали во время русско-японской войны организацию в Закавказье большого восстания армян, курдов и азербайджанцев [72].

---

[67] Там же, д. 26, лл. 128—129.
[68] Там же, д. 28, лл. 311—312.
[69] Там же, 1905 г., д. 33, т. I, л. 128.
[70] АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 713, лл. 18, 22.
[71] ЦГВИА, ф. 450, д. 142, лл. 14—16.
[72] АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 1640, лл. 62—65.

Антирусскую агитацию среди курдов вели и немцы, стремившиеся укрепиться на Ближнем Востоке. О ее размахе российский вице-консул в Ване С. П. Олферьев несколько позже писал следующее: «Англичане, а за ними и немцы, двигаясь последовательно от Багдада по направлению к северу, старательно изучают за последнее время горы Курдистана и заводят необходимые связи с курдскими аширетами. Все эти иностранцы, равно как и бесчисленные миссионеры, разносят по Востоку, как мне довелось в том убедиться, самые возмутительные небылицы о России и всячески стараются подорвать в туземном населении веру в военную мощь русской армии своими повествованиями о нашей неудачной войне с Японией»[73].

Стремились закрепиться в Курдистане и Соединенные Штаты Америки. Еще в 1895 г. США, воспользовавшись в качестве предлога убийством американца Ленца, открыли консульство в Эрзуруме и поставили вопрос об основании консульства в Харпуте[74].

Порта отнеслась резко отрицательно к притязаниям американцев, послу было отказано на основании того, что в Харпуте нет ни одного иностранного консульства[75]. Турецкие власти вообще не желали допускать в Харпут иностранцев, ибо Мамурет-уль-Азизский вилайет, в который входил и район Дерсима, был наиболее неспокойным местом во всей Восточной Анатолии, где чуть ли не каждый год происходили восстания курдов.

Несмотря на отрицательный ответ, американцы назначили своим консулом в Харпуте проф. Нортона. Турецкое правительство отказалось выдать ему экзекватуру. Не считаясь с этим, Нортону было предписано отбыть к месту службы. «В подкрепление» правительство США распорядилось отправить в Измир крейсер «Кентукки». Однако в конце концов, как и следовало ожидать, Турция вынуждена была уступить[76]. Американцы, таким образом, получили удобный пункт для продвижения своего влияния в «необжитые» ими до этого районы Курдистана.

Намерение турецких правящих кругов и поддерживавших их в этом вопросе англичан и немцев использовать курдов для непосредственного давления на Россию не имело

---

[73] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3224, лл. 31—32.
[74] АВПР, ф. «Турецкий стол (старый)», 1895 г., д. 422, лл. 1—2.
[75] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1900 г., д. 29, лл. 229—230.
[76] АВПР, ф. «Политархив», 1900 г., д. 997, л. 333.

успеха. Причину этого следует искать в изменении международной обстановки, наметившейся после окончания русско-японской войны, и в событиях, происшедших в то время в самой Османской империи и в Иране.

Дальнейший рост военного могущества Германии после принятия ее правительством и рейхстагом военно-морской программы (1898—1900 гг.) и усиления агрессивных тенденций в ее внешней политике ускорили образование англо-французской Антанты (1904 г.) и поставили вопрос о вовлечении в нее России, тем более что франко-русский военный союз уже давно был совершившимся фактом. Заключенное 31 августа 1907 г. англо-русское соглашение об Иране, Афганистане и Тибете разграничило сферы влияния в этих странах; в результате были урегулированы основные конфликты в Азии, существовавшие между этими старыми антагонистами. Фактически это означало создание англо-франко-русской тройственной Антанты. В то же время соглашение отнюдь не сняло все англо-русские противоречия на Ближнем Востоке и не исключало острой конкурентной борьбы между обеими державами за сферы влияния и долю будущей добычи.

Сближение между Англией и Россией было грозным предзнаменованием для Османской империи и Ирана, ибо приближало их окончательный раздел (в отношении Ирана начало ему уже положило соглашение 1907 г.).

После окончания русско-японской войны значение Ближнего Востока во внешней политике царской России снова начало постепенно расти: Ближний Восток оставался единственным районом за пределами России (за исключением Внешней Монголии), где относительно маломощный российский империализм мог надеяться на приобретение новых экономических и политических позиций. В связи с этим царское правительство усилило внимание к курдскому вопросу. Была поставлена задача «выяснения мероприятий для привлечения на нашу сторону курдских племен Северного Курдистана, постоянное наблюдение за взаимными отношениями турецкого правительства и курдских родоначальников, а также за взаимными отношениями последних между собой»[77]. Причем выражалась особая заинтересованность в позиции дерсимских курдов. Летом 1906 г., например, секретарю российского генерального консульства в Эрзуруме было поручено объехать Дерсимский санджак для выясне-

---

[77] ЦГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 264, лл. 29—30.

ния вопроса, можно ли рассчитывать на восстание курдов против турецкого правительства в военное время [78].

В докладе штаба Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру Генерального штаба от 18 мая 1908 г. говорилось, что в случае войны Дерсим может выставить 10 тыс. воинов, из которых 6 тыс. не желают находиться под властью турецкого правительства, а «остальные, хотя ненавидят турок, но признают их силу». Однако серьезной помощи от курдов Дерсима, говорилось далее в докладе, в случае войны получить нельзя, так как здесь много мелких аширетов, без преобладания какого-либо из них [79].

Одной из важнейших задач, стоявших перед русской дипломатией, было привлечение вождей крупнейших курдских аширетов. Однако заметных успехов в этом направлении Россия в то время не добилась. Единственным достижением было установление контакта с шемдинанским шейхом Мамедом Садыком, заинтересованным в поддержке русских властей. Посещения шейха российскими вице-консулами в Ване и Урмии послужили источником не только сильных подозрений у турецкого правительства, но и тревоги у английского, а также и германского представителей в Турции. Германский вице-консул в Мосуле, а также Марк Сайкс (в те годы просто «путешественник, причисленный к посольству в Константинополе») поспешили каждый порознь навестить влиятельного шемдинанского шейха [80]. По-видимому, им удалось в какой-то степени свести на нет результаты переговоров русских консулов с Мамедом Садыком.

Более плодотворными были сношения русских представителей с влиятельными лицами, представляющими немусульманские народы Турецкого и Иранского Курдистана. В августе 1906 г. вице-консул в Ване Термен имел беседу с главой горных ассирийцев округа Хакяри мар-шимуном Мар-Сергием. Термен спросил последнего о возможности поддержки со стороны ассирийцев в случае войны с Турцией, напомнив, что об этом писал прежний мар-шимун Авраам главнокомандующему кавказской армией еще в 1877 г. Мар-шимун ответил, что если Россия займет Ван и даст ассирийцам оружие, он выставит 40-тысячное войско и поможет русским завоевать территорию от Мосула до Битлиса [81].

---

[78] АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 1642, л. 142.

[79] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 265, лл. 53—56.

[80] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 40, л. 142; ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 4091, лл. 8—9.

[81] ЦГВИА, ф. 2000, д. 265, л. 2.

В Иранском Курдистане Россия опиралась на свои сильные экономические и политические позиции. Еще в июне 1904 г. особое совещание по вопросу о финансово-экономической политике России в Иране указывало на необходимость совместных действий всех русских учреждений в стране для привлечения на сторону России широких масс населения[82]. Поэтому большую ценность представляло для русской политики в Иранском Курдистане обращение халдейского (несторианского) епископа из Сенне Макдо к русским властям с просьбой о поддержке христианского населения назначением нештатного консульского агента из халдеев и вовлечением русского Учетно-ссудного банка в Иране в деловые сношения с западными провинциями. Посланник в Тегеране придавал этой просьбе чрезвычайно важное значение, рекомендовав консулу в Керманшахе воспользоваться ею «для расширения круга знакомств, особенно в удаленных и малодоступных областях». «Колонии, иноплеменные по отношению к массе населения,— писал он,— всегда являются удобным элементом для проведения влияния и получения сведений. В этом отношении для нас могут, по-видимому, оказаться небесполезными курдистанские христиане, среди которых есть купцы, поддерживающие правильные торговые сношения с Россией»[83].

В продвижении русского влияния в Иранском Курдистане важную роль сыграло основанное в 1903 г. вице-консульство в Урмии. Однако в первые годы существования вице-консульства его работа была сильно затруднена со стороны находившейся в той же Урмии русской духовной миссии, долгое время возглавлявшейся архимандритом Сергием, человеком властным и грубым, типичным колонизатором в рясе. Миссия достигла значительных успехов в распространении православия среди иранских ассирийцев-несториан. Ободренный этими успехами, Сергий стал требовать подчинения миссии вице-консульства и ограничения функций последнего фактически только задачами духовной пропаганды. Сергий бесцеремонно обращался с новообращенными ассирийцами, оскорблял и третировал местное духовенство, что вызывало многочисленные нарекания и жалобы[84].

Пока Синод возглавлял всесильный К. П. Победоносцев,

---

[82] См. «Журнал Особого совещания по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии 7 июня 1904 г.», — «Красный архив», 1933, т. I (56), стр. 54.

[83] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 124, л. 263.

[84] ЦГИА, ф. 796, оп. 187, 1906 г., д. 7330, лл. 2—7.

никто не осмеливался обуздать главу Урмийской миссии, хотя его действия наносили явный ущерб престижу России в Иранском Курдистане. В октябре 1905 г. Победоносцев ушел в отставку, и вице-консул Михайлов решил поставить миссию под свой контроль. Тогда Сергий потребовал упразднения вице-консульства в Урмии. В этом его поддержал и преемник Победоносцева — Оболенский, считавший, что главная задача вице-консульства — содействие миссии, а не вмешательство в ее дела [85]. Но покушение на консульство в Урмии встретило решительный отпор Министерства иностранных дел, и духовное ведомство вынуждено было отступить. Михайлов был заменен Черкасовым, и этим компромиссом конфликт был урегулирован [86].

Были также пресечены попытки ликвидировать и некоторые другие русские консульства в Курдистане (в частности в Ване) [87].

В общем результаты политического проникновения России в Курдистан после русско-японской войны были незначительны. В то же время положение в Курдистане продолжало оставаться важным фактором, влиявшим на русско-турецкие отношения главным образом потому, что турецкое правительство не отказалось от намерения использовать курдов против России.

Время от времени происходили пограничные инциденты с участием курдов. 9 мая 1906 г. произошла пятичасовая перестрелка у поста Казан Кагызманского округа между ротой турецких солдат и двумя сотнями хамидийцев, пытавшихся угнать скот у местного населения, и солдатами Карсской бригады. Турки потеряли четыре человека убитыми и пять ранеными [88]. Аналогичный инцидент имел место и несколькими днями позже [89]. Турецкие власти не только не наказали виновных, но распорядились не преследовать в судебном порядке лиц, совершавших преступления на пограничной русской территории; русское посольство расценило этот шаг как вызов и прямое поощрение злостных нарушителей границы [90]. Одновременно турецкие власти продолжали вести активную антирусскую пропаганду среди кур-

---

[85] Там же, ф. 797 («Канцелярия обер-прокурора св. Синода»), оп. 76, 1906 г., д. 110, л. 5.

[86] Там же, ф. 796, оп. 187, 1906 г., д. 7094, лл. 2—7.

[87] АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 1027, л. 67.

[88] АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1906 г., д. 3665, л. 1.

[89] АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 1023, л. 36.

[90] Там же, 1907 г., д. 78, л. 5.

дов, преследовали русских подданных курдов и мусульман, эмигрировавших из России в Турцию [91].

Хотя эти факты имели единичный характер, они все же тревожили русское правительство. Даже оптимистически настроенный Скрябин вынужден был признать, что турецкое правительство по-прежнему враждебно относится к России и намеревается провести частичную мобилизацию низама IV корпуса [92].

В мае 1907 г. русское правительство получило сведения о подготовке массового вторжения курдов-хамидийцев в Закавказье. Зиновьев обратил внимание великого везиря на эти слухи. Порта сначала встала на путь голословного отрицания, но потом вынуждена была признать, что созданы небольшие курдские отряды якобы для отпора армянам [93].

В Петербурге решили принять меры с целью предотвращения новых осложнений в Турецком Курдистане. Военные приготовления турок в районе IV корпуса, писал министр иностранных дел А. П. Извольский Зиновьеву 15 декабря 1907 г., «нас очень беспокоят: мы не можем оставаться безучастными». Следует сделать представление о несовместимости этих приготовлений с добрососедскими отношениями. Если это не приведет к желаемому результату, нужны меры демонстративного характера. «При этом, — продолжал Извольский,— имея в виду начавшуюся в 1905 г. интервенцию турецко-курдских войск в Западный Иран, даже, может быть, оказалось бы удобным использовать существующие между Турцией и Персией недоразумения, чтобы, путем привлечения Великобританского правительства к совместному давлению на Порту, понудить ее отказаться от предпринятых ею военных приготовлений, приняв наше посредничество, с обязательством подчиниться тем решениям, к коим оно приведет» [94].

Русской дипломатии не удалось тогда привлечь Англию к задуманной Извольским совместной акции против Турции, а представление, сделанное Зиновьевым, как всегда, не возымело действия. Военный министр, а также граф И. И. Воронцов-Дашков, наместник на Кавказе, предложили, ввиду

---

[91] АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1906 г., д. 6201, лл. 14—24, 61.

[92] План этот был сорван только благодаря нехватке денежных средств и внутриполитическим затруднениям (волнения в Аравии, Македонии, пограничный конфликт с Ираном и т. д.). (АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 1642, лл. 153—157).

[93] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 32, лл. 221—228.

[94] АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 79, лл. 73—74.

угрожающего характера военных приготовлений в Турции, принять самые решительные меры, вплоть до мобилизации войск Кавказского военного округа. Министерство иностранных дел отвергло этот план как чреватый крупными внешнеполитическими осложнениями, но решительно потребовало от турецкого посла Хусни-паши объяснений. Последний категорически опроверг слухи об антирусской направленности военных приготовлений в Восточной Анатолии и о существовании военной конвенции с Германией. Он объяснил передвижение войск к иранской и русской границе необходимостью борьбы с курдскими и армянскими «шайками». Тем не менее Извольский поручил Зиновьеву обратить внимание султана на несовместимость миролюбивых заявлений с турецкими действиями в Малой Азии[95].

Сильный дипломатический нажим со стороны России и общее ухудшение международного и внутреннего положения Османской империи в последние годы царствования Абдул-Хамида II побудили турецкое правительство принять меры к прекращению антирусских провокаций, проводимых командованием IV корпуса. Абдул-Хамид предложил, чтобы в Эрзинджан были командированы два русских офицера генштаба для переговоров с Зеки-пашой. Султан обещал, что им будет оказан любезный прием и предоставлена возможность посетить все местности, которые они пожелают[96].

Это предложение было встречено в Петербурге с удовлетворением. В июле 1908 г. к Зеки-паше выехал полковник генштаба П. И. Аверьянов, большой знаток курдской проблемы, в сопровождении полковника Максимова. В конце концов России удалось на некоторое время добиться затишья на турецкой границе и отказа турецких правящих кругов от подготовки новых провокаций.

Уже отмечалось, что с конца XIX в. Курдистан стал ареной острой межимпериалистической борьбы. Англия продолжала оставаться опасным соперником России в этом районе Ближнего Востока и после оформления тройственной Антанты. Примечательно, что Курдистан был той географической областью, где руссофобские тенденции британской внешней политики проявлялись наиболее долго и обнаженно.

Разведывательно-политическая работа британских агентов в Курдистане приняла в эти годы широкий размах. Многочисленные поездки по стране якобы с этнографическими

[95] Там же, 1908 г., д. 86, лл. 21—24.
[96] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 155, т. I, л. 59.

целями совершали вице-консул в Битлисе и опытный разведчик капитан Диксон. Но особенно кипучую деятельность среди курдских племен развил Марк Сайкс. Его главной «базой» был Мосул, откуда он следил за ходом событий на турецко-иранской границе. Сайкс регулярно совершал поездки в Битлис, Муш и другие места — очаги вооруженной борьбы курдов против турецкого господства. Сайкс интересовался экономическим и политическим положением курдов, влиянием отдельных шейхов, межплеменными отношениями. По словам российского вице-консула в Битлисе Ширкова, «Сайкс обладает весьма подробными сведениями из этой области и знакомствами с разными курдскими шейхами»[97].

Англия вела подрывную работу против нового союзника своей страны — России. Британское посольство в Стамбуле регулярно сообщало турецкому правительству получаемые от английских консулов в Закавказье сведения военно-политического характера. Британские консулы в Эрзуруме и Ване также передавали местным властям агентурные данные, получаемые ими из Закавказья, они призывали турок увеличить свои военные силы в восточных вилайетах.

Абдул-Хамид II, повергнутый было в смятение англо-русским соглашением 1907 г., был весьма изумлен столь своеобразным пониманием англичанами союзнического долга. Он не удержался и запросил британского поверенного в делах Барклея, поступают ли так британские консулы в силу новых или старых инструкций? Барклей уклонился от прямого ответа, но сказал, что «лондонский кабинет не может равнодушно относиться к событиям, могущим повлиять на статус-кво в Малой Азии, и что во всех таковых случаях Турция может рассчитывать на поддержку Англии». Послу Турции в Петербурге Хусни-паше английский посол Никольсон, со своей стороны, сказал, что британское правительство озабочено продвижением русских войск на Кавказе, и оно «не откажется оказать Турции свою нравственную, а в случае нужды и более действенную поддержку»[98].

Вскоре после этого английский консул в Эрзуруме посоветовал местному вали мобилизовать в округе IV корпуса 20 полков хамидие. Вали издал такое распоряжение, но вспыхнувшая в Турции в июле 1908 г. революция помешала претворению его в жизнь[99].

---

[97] АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 540, лл. 187—188.
[98] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 35, т. I, лл. 120—123.
[99] Там же, д. 39, лл. 212—213, 290.

Эти яркие факты неопровержимо свидетельствуют о том, что политика Англии в Турецком Курдистане в рассматриваемое время, несмотря на соглашение от 31 августа 1907 г., была вполне определенно антирусской. Британские правящие круги ни в коем случае не хотели допускать усиления в Курдистане русского влияния. Раздуваемая же англичанами версия о «русской угрозе» была совершенно надуманной, ибо Россия, как уже указывалось, не имела в те годы ни сил, ни возможностей к захватническим действиям на Ближнем Востоке.

В этот период в межимпериалистической борьбе за Курдистан заметную роль стала играть Германия. Молодой и активный германский империализм успешно теснил старые колониальные державы во всем мире, в том числе и на Ближнем Востоке. Не будет преувеличением сказать, что германские экспансионисты уделяли особое внимание Курдистану, как важному плацдарму для наступления на богатейшие области Малой Азии, Арабского Востока, Ирана; Германия подбиралась также к Закавказью и южным районам Европейской России. Важным преимуществом немцев было их быстро растущее влияние на турецкие правящие круги, которые и при Абдул-Хамиде и при младотурках видели в Берлине единственную опору против держав Антанты. Вот почему именно после окончания русско-японской войны, когда наметилась тенденция к смягчению англо-русского антагонизма — этой последней надежды Стамбула, — и была сколочена тройственная Антанта, германское влияние во всей Османской империи, в том числе и в Курдистане, начало расти особенно быстро.

Германские империалисты в целях быстрейшего проникновения в Курдистан успешно использовали все доступные методы: и дипломатические каналы, и миссионерскую деятельность, и «научные» экспедиции; все эти средства были подчинены задачам военной и политической разведки и подрывной деятельности, направленной против других конкурирующих держав, в первую очередь против России.

Так, в 1906 г. в Битлисском вилайете в большом количестве появились германские миссионеры и «ученые», совершавшие продолжительные поездки по всему району. «...До армянских событий в Сасуне в 1903—1904 гг.[100] и до при-

[100] В 1903—1904 гг. в Сасуне вновь имели место волнения, сопровождавшиеся столкновениями армянских повстанцев с турецкими войсками и хамидийцами (см. ЦГА ВМФ, ф. 418, — «Морской Генеральный Штаб», оп. 2, 1903 г., д. 362, л. 17).

бытия в Битлисский вилайет первого Российского консула весной 1904 г.,— писал Ширков,— здесь ни германские ученые, ни германские миссионеры вовсе не появлялись, и лишь начиная с лета только что означенного года они вдруг стали обнаруживать вовсе непонятный по своему быстрому возрождению какой-то интерес и к армянам и к самому вилайету»[101].

Активность германских миссионеров в Битлисском вилайете продолжала расти и в дальнейшем, причем, в отличие от других миссионеров, они пользовались полной поддержкой со стороны турецких властей. Сюда также прибывали для производства военно-инженерных работ германские инженеры[102].

Германские разведчики проникали также и в Иранский Курдистан. В ноябре 1907 г. в район Керманшаха прибыл известный германский публицист, специалист по ближневосточным проблемам и идеолог доктрины «Дранг нах Остен» д-р Гуго Гроте. До этого он долго путешествовал по тем районам Малой Азии, где должна была пройти Багдадская дорога, жил в Мосуле. В Иранском Курдистане Гуго Гроте собирал военные и экономические сведения, особенно в местах проживания курдских племен. По мнению российского консула в Керманшахе Никольского, он имел особое поручение от германского правительства.

Разведывательно-политическая деятельность немцев в Курдистане имела ярко выраженную антирусскую направленность. Шефом впервые учрежденного в конце 1905 г. консульства в Мосуле был назначен крупный германский разведчик, офицер Генерального штаба Эдгар Андерс. Андерс много раз был в России и хорошо изучил ее южные области, особенно Туркестан и Кавказ. Теперь Андерс занялся изучением Курдистана как плацдарма в случае наступательных операций против России. Учреждение германского вице-консульства в Мосуле, писал российский генеральный консул в Алеппо А. Круглов,— «первый шаг немцев в стремлении упрочить свое влияние в Турции в нежелательном и неблагоприятном для нас отношении»[103].

Как и англичане, немцы выразили явную заинтересованность в усилении хамидие, натравливании курдов на Россию и, особенно, укреплении турецких вооруженных сил в

---

101 АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 541, л. 16.
102 АВПР, Там же, л. 224.
103 АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 43 «б», лл. 3—4.

восточных вилайетах. В связи с антиправительственными восстаниями курдов в Диарбекирском вилайете статс-секретарь по иностранным делам Германии фон Шен обратился в середине ноября 1907 г. к турецкому послу в Берлине «с просьбой довести до сведения султана от имени императора Вильгельма, что турецкому правительству следует позаботиться об усилении своих войск в Анатолии, как ввиду возможности повторения внутренних смут, так и с целью предупредить вмешательство со стороны которой-либо из держав (России)» [104].

Видимо, давление немцев на Стамбул сыграло роль в усилении военных мероприятий турок на русской границе, что было важной причиной сохранения напряженности в русско-турецких отношениях.

Почему же Германия боролась в Курдистане в первую очередь не против Англии, своего главного конкурента на Ближнем Востоке, а против России? Объясняется это тем, что в Берлине были убеждены, и не без основания, что именно Россия была той единственной державой, которая, в силу отмеченных выше причин, имела все возможности для наиболее быстрого и успешного проникновения в Курдистан и принятия эффективных мер против германских интриг.

Хотя немцы за первые годы XX в. в общем добились в Курдистане немногого, они заложили основы для развертывания широкой экспансии в этот район в ближайшем будущем.

Итак, на рубеже XX в. Курдистан стал ареной интенсивного политического проникновения со стороны империалистических держав, в первую очередь России и Англии, а также острой конкурентной борьбы между ними. Как будет показано ниже, все эти факторы довольно скоро стали играть существенную роль и оказали большое влияние на внутреннее положение Османской империи и Ирана, на международные отношения на всем Ближнем Востоке.

---

[104] АВПР, ф. «Политархив», 1907—1908 гг., д. 3057, л. 37.

ГЛАВА IV

«ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ» И КУРДЫ. НАЧАЛО ТУРЕЦКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ИРАНСКОМ КУРДИСТАНЕ

В первом десятилетии XX в. в истории народов Курдистана начался новый период. Русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. открыла эпоху «Пробуждения Азии». Под ее влиянием в Азии начало расти революционное освободительное движение, достигшее своей высшей точки в иранской революции 1905—1911 гг. и младотурецкой революции 1908—1909 гг., которые были направлены против самодержавного строя и господства феодально-клерикальных кругов; в то же время они имели антиимпериалистический характер. Конечная неудача этих движений, вызванная экономической и политической слабостью буржуазно-революционных кругов, оторванных от народных масс и их насущных нужд, и контрреволюционной политикой империалистических держав, не умалила их исторического значения. Народы Османской империи и Ирана впервые в своей истории поднялись к организованному движению за демократические свободы и независимость.

В Османской империи новый подъем курдского движения начался уже в 1905 г. Эта исходная дата не случайна.

Под влиянием русской революции и революционных событий в соседнем Иране вырвалось наружу возмущение, долго копившееся у народов Турции против самодержавного, тиранического режима Абдул-Хамида II, распродававшего страну иностранному капиталу. В Македонии и арабских вилайетах произошли массовые выступления против национального гнета, на борьбу с самодержавием поднялся и турецкий народ, значительно активизировалось буржуазно-революционное движение, в котором объединились партии, представлявшие все национальности. Пришли в движение и курдские племена, недовольные централизаторской политикой султанского правительства, страдавшие от произвола и поборов турецких чиновников.

В ноябре 1905 г. восстали курды Дерсима, поддержанные, что весьма примечательно, окрестным армянским населением. Посланные на усмирение турецкие войска встретили упорное сопротивление курдов и армян и не смогли до конца подавить восстание[1]. Одновременно вспыхнули волнения курдов в окрестностях Баязида и Битлиса. В Битлисе поводом для волнений послужило намерение турецких властей впервые собрать с курдов подати. (Прежде многие здешние племена были совершенно независимы от турецких властей; сборщики налогов и судьи не имели права доступа сюда). Попытки администрации прибрать к рукам полунезависимые племена привели к переселению многих из них в Иран. Здешние курды также нередко сближались с армянскими революционерами[2].

В начале 1906 г. курдские волнения вспыхнули с новой силой, главным образом в Эрзурумском и Битлисском вилайетах. Особенно большой размах приняло восстание племен пенджар в Сииртском санджаке во главе с Бешар Чато. Чато выступил в январе 1906 г. Он пользовался большой популярностью среди курдов, со всех сторон к нему стекались недовольные. 22 апреля произошло первое крупное сражение отрядов Чато с турецкими карательными войсками, руководимыми Иззет-пашой. Турки были разбиты и отброшены. После этого успеха к Чато примкнуло много новых сторонников, в том числе и дружины армян[3].

В начале мая турецкие войска, получив значительные подкрепления, начали теснить Чато. Он вынужден был укрыться в горах. Однако оттуда он совершал успешные вылазки, нанося чувствительный урон турецким войскам. Во время одной такой вылазки был ранен Иззет-паша. К Чато вновь стали присоединяться соседние курдские вожди[4].

В середине мая Чато распространил свои операции на Диарбекирский вилайет. Он широко привлекал в свои отряды местных курдов и арабов. Турецкие власти ничего не могли с ним поделать, пока Иззет-паша не начал применять «тактику выжженной земли», сравнивая с землей десятки курдских деревень. Чато, после того как он безуспешно пытался заручиться поддержкой сперва английского, а потом

---

[1] ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 108.

[2] АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 538, л. 117; 1905 г., д. 539, л. 41; ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 108.

[3] Там же, 1906 г., д. 540, лл. 86—89; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1002, л. 29.

[4] АВПР, ф. «Политархив», 1906 г., д. 540, лл. 91—93.

русского консулов, вынужден был бежать в окрестности Мидьята, а вскоре после этого — Мардина. В дальнейшем Чато скрылся, по одним сведениям, в Йемене, а по другим — в Джазире (Северный Ирак). Несмотря на бегство Чато, отдельные выступления его сторонников продолжались. Из Стамбула приехала специальная комиссия с целью успокоения курдов, но ничего не добилась [5].

Неспокойно было и в Южном (Иракском) Курдистане, где курды выступали вместе с арабами. Большое влияние на курдов, в частности, оказало освободительное восстание арабов Йемена против турецкого господства, начавшееся в 1905 г. под руководством имама Мухаммеда Яхьи, а также волнения турецкого населения в Центральной Анатолии [6].

Накануне младотурецкой революции курдское движение продолжало расти. Попытки подавить его вооруженной силой неизменно терпели неудачу. По-прежнему происходили волнения в Дерсиме. Правительство пыталось маневрировать, вступив в переговоры с местными вождями; для этого в Дерсим выехал майор генштаба Кязым-бей. Но курды не шли ни на какие уступки. Тогда власти направили в Дерсим крупные воинские силы (15 батальонов пехоты, 2 эскадрона и горную батарею). Расстреливая пленных и сжигая курдские села, каратели хотели устрашить повстанцев. Тем не менее местные племена отказались покориться. Они препятствовали постройке в Дерсиме военных казарм и прокладке дорог и начали вести длительную партизанскую войну, в ходе которой правительственные войска несли большие потери [7].

Успешно развивалось курдское движение в Битлисском вилайете. Здесь в некоторых районах в начале 1908 г. власть перешла целиком в руки курдских шейхов, поддержанных большинством племен. Правительство вынуждено было сместить битлисского вали [8].

Угрожающее для турецкого правительства положение создалось в конце 1907 г. в Юго-Западном Курдистане, где

---

[5] Наблюдатели отмечают, что коррумпированность турецких властей в данном случае принесла курдам пользу. Битлисский вали Ферид-бей, например, саботировал карательные мероприятия против Чато, так как получал от него и других курдских вождей изрядные денежные подношения. (там же, лл. 98—100, 110, 136, 137, 157).

[6] ЦГВИА, ф. 450, д. 142, лл. 225—226.

[7] Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 1015, лл. 38, 44—50; АВПР, ф. «Политархив», 1908 г., д. 541, л. 93; 1908 г., д. 3059, лл. 232—236.

[8] М. Ардатов, *Турецко-персидский пограничный конфликт*, — «Известия штаба Кавказского военного округа», 1907, № 21, стр. 3.

усилился вождь курдских племен милли Ибрагим-паша, который, по словам Зиновьева, «приобрел в крае такое влияние, что его требования уважаются более, чем приказания самого султана». Ибрагим-паша, крупнейший курдский феодал [9], боролся против турецкого правительства не ради интересов курдского народа, а во имя своих целей. «Влиянием своим,— писал Зиновьев,— Ибрагим-паша пользуется исключительно для удовлетворения своих хищнических наклонностей».

Возглавлявшееся Ибрагимом-пашой движение курдов милли началось еще в 1901 г. С 1901 по 1904 г. он действовал в горах Караджалыдаг. В начале 1905 г. Ибрагим-паша приказал подвластным ему хамидийцам разграбить окрестности Диарбекира. Жители города обратились за помощью к правительству, но из Стамбула пришла не кара, а... благодарность Ибрагиму-паше от самого султана [10].

Вскоре после этого Ибрагим-паша получил приказ следовать с двумя полками хамидие в Йемен. Он решительно отказался это сделать [11] и начал править в Диарбекирском вилайете как удельный князь, опираясь на «свои» хамидие. В 1906—1907 гг. он бесконтрольно хозяйничал в районах Диарбекира, Халеба, Урфы, Мардина, Дерика [12].

Ибрагим-паша прославился жестокими насилиями над местным населением. Даже Зеки-паша просил султана принять срочные меры для борьбы с мятежником. По свидетельству очевидцев, вследствие разбоев Ибрагима «жители не решались удаляться от своих селений для полевых работ и обширные пространства земли в окрестностях Урфы, Мардина и Нисибина оставались необработанными». В течение некоторого времени (осенью 1907 г.) Ибрагим фактически держал в осаде Диарбекир и уничтожил в его окрестностях десятки христианских и мусульманских деревень [13].

---

[9] Ему принадлежало 60 тыс. баранов, несколько сот верблюдов и фактически 400 деревень, жители которых являлись его «подданными», а не султана, ибо были освобождены от уплаты налогов правительству и от военной службы («Revue du Monde Musulman», 1908, avril, p. 823).

[10] Ibid., p. 822.

[11] Это было не впервые. Еще в 1897 г. Ибрагим-паша отказался идти на войну с Грецией (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1889—1914 гг., д. 1602, л. 28).

[12] «Revue du Monde Musulman», 1908, avril, pp. 822—823.

[13] Ширков отмечал, что меры против Ибрагим-паши потому не были успешными, что «...какая-то невидимая рука по-прежнему защищает курдских грабителей» (АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 34, лл. 237—243; д. 348, лл. 374—378, 415—416; ф. «Политархив», 1907—1908 гг., д. 3057, л. 35; 1907 г., д. 541, лл. 276, 291).

Правительство упорно не желало обуздать Ибрагима-пашу. В конце октября 1907 г. жители Диарбекира, возмущенные бессилием властей, окружили дом вали и потребовали немедленно принять меры против Ибрагима. После этого из Стамбула прибыла комиссия, которая начала преследовать не Ибрагима, а тех, кто на него жаловался. В конце концов конфликт между ним и турецким правительством закончился тем, что Ибрагим послал султану 140 мулов, груженных маслом, и на время утихомирился[14].

Хотя возглавлявшееся Ибрагимом-пашой движение курдов милли было и по форме, и по содержанию реакционным выступлением, оно явилось немаловажным фактором, подрывавшим позиции султанского самодержавия в курдских провинциях империи.

В последние годы царствования Абдул-Хамида II окончательно выяснилась бесполезность (по меньшей мере!) хамидие для укрепления султанского самодержавного режима, хотя в Стамбуле не решались это признать и по-прежнему делали ставку на хамидийцев. Оружие, которое по положению должно было выдаваться курдам только на время учебных сборов, в действительности никогда у них не отбиралось. Более того, власти организовывали продажу курдам винтовок и патронов. Хамидие продолжали выполнять карательно-полицейские функции против армян. Однако подавляющее большинство курдов по-прежнему уклонялось от несения обязанностей, связанных с пребыванием в хамидие. В санджаке Хакяри свыше половины всех курдов отказывалось поставлять солдат как в хамидие, так и в низам. Штатный состав каждого из 64 полков хамидие был уменьшен до 459 человек, тем не менее наличный состав полка осенью 1907 г. составлял в среднем, по официальным данным, всего 373 человека. В действительности же в полку было немного более половины этого числа.

Служба в хамидие становилась все более непопулярной среди курдов, особенно после того как турецкое правительство начало использовать их для подавления восстания в Йемене, где правительственные войска несли огромные потери. Так, например, 40-й полк хамидие был почти целиком уничтожен в Йемене[15]. Курды не желали проливать свою кровь за чуждое им дело под руководством ненавистных турецких офицеров. Между Эрзурумом и русской границей,

[14] «Revue du Monde Musulman», 1908, avril, p. 823.
[15] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1015, л. 34; д. 123, лл. 2, 5.

по официальным данным, находилось не более 20 тыс. хамидие, но и эта цифра была преувеличенна. Боеспособных подразделений здесь почти не было.

Курды-хамидийцы, принадлежавшие к различным племенам, часто враждовали между собой, повсюду шла острая междоусобная борьба. В апреле 1906 г. произошло столкновение между хамидийцами из племен джибран и зиркан, во время которого было убито 18 и ранено 60 человек. Курды, служившие в регулярных турецких войсках (в частности, в VI корпусе, дислоцированном в арабских вилайетах), ненавидели, как правило, турецких командиров и во всех отношениях были ненадежны [16].

Усиление отдельных крупных курдских феодалов и безначалие хамидие, приводившие к дальнейшему ухудшению положения многострадального армянского населения, служили постоянным поводом для вмешательства держав.

По инициативе Извольского в середине июня 1907 г. послы России, Англии и Франции сделали специальное представление Порте по поводу бесчинств хамидийцев и черкесов в Битлисском вилайете [17].

В связи с этим турецкое правительство вынуждено было даже послать в Битлис несколько батальонов солдат и отправить особую комиссию для расследования всех жалоб населения на хамидийцев [18]. Однако эти меры предпринимались больше для виду.

В июне 1908 г. для расследования дел о насилиях хамидийцев прибыл в Битлис непосредственный начальник войск хамидие ферик (генерал-лейтенант) Ахмед-паша. Он созвал всех командиров бригад хамидие и вынудил их дать ему крупную взятку. После этого Ахмед-паша нашел жалобы армян ложными и некоторых из жалобщиков засадил в тюрьму [19].

Обогащались за счет ограбления хамидийцами беззащитного населения главный шеф хамидие Зеки-паша и даже более высокопоставленные лица. Как утверждал Ширков,

---

[16] «British documents on the origins of the war 1898—1914», vol. 5, pp. 37—38; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 4110, л. 97. Турецкие офицеры, назначенные в полки хамидие, боялись выезжать из Вана и других крупных центров, «избегая неприятностей со стороны курдов». Многие курды продавали своих лошадей и уходили из хамидие (ЦГВИА, ф. 450, д. 142, лл. 212—213).

[17] АВПР, ф. «Политархив», 1907 г., д. 79, л. 126.

[18] Там же, д. 541, л. 275.

[19] Там же, 1908 г., д. 542, л. 52.

«денежные подарки, отправляемые курдами в Эрзингян (где находилась ставка Зеки-паши.— *М. Л.*), совершают оттуда путешествие и к Босфору в дома пашей и выше»[20].

Не удивительно поэтому, что высокопоставленных хамидийцев, терроризировавших не только христианское, но и мусульманское население Восточной Анатолии и даже неоднократно покушавшихся на турецких чиновников и военнослужащих, обычно прощали, но с условием, чтобы они ограничивали сферу своей «деятельности» армянами. Так поступили, например, с «бичом» Мушского санджака Кязым-беем[21].

Однако стремление правительства опереться на верхушку хамидие не привело к укреплению его позиций в Курдистане. Объективно там сложилась чрезвычайно опасная для Османской империи ситуация.

В эти предреволюционные годы курды неожиданно вновь напомнили о себе в самом сердце империи — в ее столице. В начале апреля 1906 г. был убит префект («шехир-эмини») Стамбула Редван-паша, один из членов султанской клики, снискавший ненависть населения столицы и всей страны как глава турецкой охранки. Убийство было организовано членами семьи Бадр-хана под руководством Абдуррезака. 25 знатных курдов, находившихся в столице и при дворе, после этого были отправлены в ссылку, Абдуррезак и Али Шамиль-паша посажены в тюрьму. Из тюрьмы Абдуррезак написал Абдул-Хамиду, что он жалеет о том, что ему не удалось самому убить «столь презренного человека» (Редван-пашу). Примечательно, что султан не сразу решился покарать курдов, намереваясь сначала только удалить их из столицы и послать на административные должности в Малую Азию. Великий везирь и некоторые министры убедили Абдул-Хамида применить репрессии против курдов только после того, как показали ему найденные при обыске в домах Абдуррезака и Али Шамиль-паши документы, свидетельствовавшие о заговоре курдов против его жизни. Абдуррезак и Али Шамиль были сосланы в Триполи (в Африке), где содержались в тюрьме в крайне тяжелых условиях[22].

Непрерывные курдские восстания в восточноанатолийских вилайетах и особенно заговоры курдской знати в самой

---

[20] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 4087, л. 80.
[21] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 34, л. 469.
[22] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 38, л. 177.

столице развеяли долго лелеемую Абдул-Хамидом надежду использовать курдов для укрепления режима. Были приняты меры к усилению военно-полицейских сил в Курдистане ввиду «необходимости,— как отмечал Зиновьев,— подавить начавшееся в деревнях, среди курдов, движение»[23]. Правительство начало готовиться к широким репрессиям и против курдской знати. В Стамбуле был закрыт курдский лицей («аширет мектеби»), основанный в 1892 г. и предназначенный для обучения детей из знатнейших курдских семейств и подготовки из них верных слуг престолу[24]. Однако ничего существенного предпринять правительство уже не успело, ибо дни султанского самодержавия были сочтены.

Положение в Иранском Курдистане также было далеко не спокойным. Правда, иранские курды, по сравнению с турецкими, меньше ощущали произвол центрального правительства. Тем не менее и здесь они были угнетенным национальным меньшинством. Рядовые иранские курды, райя и аширетные, жестоко страдали от ига иранских помещиков и особенно местных властей, которые в этом слабо централизованном феодальном государстве пользовались фактически бесконтрольными правами в отданных им на «кормление» провинциях[25].

Имели основания быть недовольными шахским правительством курдские феодалы и племенная верхушка. Каджары, захватившие государственное управление в стране, не пытались привлечь на свою сторону курдскую знать и поделиться с нею своими привилегиями, как это делало правительство Абдул-Хамида II. Поэтому у многих курдских феодалов Ирана были сильны протурецкие настроения. В. Ф. Минорский, посетивший некоторые районы Иранского Курдистана юго-восточнее оз. Урмия, сделал следующий вывод: «Курды относятся к Турции сочувственно... Главной причиной является: 1) общность религии, 2) то, что Турция желает пользоваться воинскими качествами своих поддан-

---

[23] Там же, 1906 г., д. 38, лл. 314—315, 339—341; д. 39, лл. 28—29.

[24] См. «British documents on the origins of the war 1898—1914», vol. 5, p. 31; В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции,* стр. 119.

[25] По словам Виктора Берара, французского публициста, много писавшего о Турции и Иране начала XX в., в Иранском Курдистане «...власть шахского губернатора имеет столько же значения, как и верховная власть самого шаха». Автор также отмечал, что некоторые провинции (например, Сенне) фактически были почти независимыми (В. Берар, *Персия и персидская смута,* СПб., 1912, стр. 133—134).

ных курдов и льстит их самолюбию, записывая их в полки хамидие, а Персия лишь боится их и, не располагая возможностью господствовать, опираясь на их силу, относится к курдам с нескрываемым недоверием, держась лишь возбуждением интриг между отдельными родами»[26].

Революция, начавшаяся в Иране в декабре 1905 г., оказала известное влияние на курдов. Курдские племена были вовлечены в вооруженную борьбу, которая происходила во всех провинциях Ирана, особенно в северных и западных, с одной стороны, между бандами реакционеров, вооруженных и предводительствуемых помещиками и шахской администрацией, и с другой — революционерами (их называли тогда «фидаями»). Реакционерам удалось привлечь на свою сторону часть курдов, но большинство из них оказало поддержку фидаям. В районе Хоя и в Макинском ханстве до 30 тыс. курдов выступило против банд, созданных помещиками и макинским ханом[27]. В дальнейшем курды оказали существенную помощь революционерам, действовавшим в районах Урмии, Соуджбулака и Салмаса[28].

Антиправительственные выступления курдов Османской империи и Ирана в рассматриваемое время в основном имели стихийный характер и в большинстве случаев не сопровождались выдвижением ясно выраженных политических требований. Однако уже в то время некоторые курдские феодалы начали выступать за автономию и полное невмешательство властей во внутренние дела племен. При этом одни из них рассчитывали на военную и политическую помощь России, другие — Англии.

Прорусскую ориентацию занимали в то время крупнейшие курдские феодалы — вождь племен хайдеранли Хусейн-паша, вождь зилян Селим-паша и др.[29]. Шейх Мамед Садык, жалуясь российскому вице-консулу в Урмии на иранское и, в особенности, на турецкое правительство, заявил, что «...весь Курдистан, от Баязида до Керманшаха, изнемог от притеснений и поборов, и желание населения — быть под покровительством России, по крайней мере, под протекторатом держав»[30].

---

[26] Сведения, собранные драгоманом генерального консульства в Табризе Минорским во время поездки в Марагу и район рек Джагату и Татаву, в начале августа 1906 г. (ИШКВО, 1907, № 20, стр. 41). Минорский имел в виду часть курдской именной верхушки.

[27] АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 652, л. 24.

[28] Там же, д. 662, л. 21.

[29] ЦГВИА, ф. 450, д. 127, лл. 44—45.

[30] Там же, 1906—1907 гг., д. 1195, л. 66.

Надежды на покровительство и помощь России питали многие курдские шейхи Иранского Курдистана, особенно в пограничных с Турцией районах[31]. Некоторые из них стремились выселиться в Россию. Так, например, некий Мирза-ага, юзбаши (капитан) 37-го полка хамидие и начальник небольшого курдского племени чиноянли, просил принять его и весь его род в российское подданство и назначить ему пенсию. Свою просьбу он мотивировал полной необеспеченностью жизни и имущества в Турции, а также тем, что в России проживало свыше 200 семей его рода[32].

Некоторые курдские шейхи, особенно из Ирана, ориентировались на Англию. Англичане, заигрывавшие тогда с иранскими конституционалистами, пытались использовать курдские племена, участвовавшие в революционном движении, дабы укрепить свои позиции в Иранском Курдистане. Так, они завязали сношения с влиятельнейшим шейхом бекзадинских племен Беха эд-Дином, суля ему ежемесячное жалованье в 100 туманов, если он примет британское подданство и склонит к этому всех курдов бекзадэ. Правда, Беха эд-Дин отказался принять это предложение, но не порывал с англичанами[33].

Расчеты влиятельных курдских вождей на бескорыстную поддержку со стороны России и Англии, как будет показано ниже, были совершенно нереальными и наивными.

* * *

В 1905 г. наступил новый этап в развитии четырехвекового турецко-иранского пограничного конфликта. 17 августа, воспользовавшись таможенным спором в Лахиджане[34], турецкие войска под командованием Мухаммеда Фазыл-паши, состоявшие из отряда кавалеристов регулярной службы («сувари») и подразделения курдов-хамидийцев, вторглись в этот округ. Они оккупировали ряд районов Соуджбулакского губернаторства, а затем начали продвигаться на восток и север.

---

[31] Там же, 1908 г., д. 657, л. 12; д. 1198, лл. 60—61.

[32] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1905 г., д. 4083, л. 17.

[33] АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1907 гг., д. 1195, л. 66.

[34] Бельгиец Лелё, находившийся на службе у иранского правительства, основал таможню вблизи Лахиджана, в местности, на которую претендовали турки. Лелё, исполнявший обязанности главного директора азербайджанских таможен, как отмечал управляющий российским генконсульством в Тебризе, вел себя вызывающе, отличался наглостью и бесцеремонностью (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1904—1907 гг., д. 3541, л. 22).

В 1906 г. турки усиленно сосредоточивали свои войска в оккупированных районах Иранского Курдистана и на иранской границе, просачиваясь дальше, в глубь иранской территории. В июле 1907 г. в западноурмийский район вторгся со стороны Вана отряд в составе турецких регулярных войск и курдов-хамидийцев под командованием Явер-паши, который разбил у Тергевера иранский заградительный отряд Меджида ос-Салтане (иранцы потеряли 35 солдат и 3 офицеров убитыми и более 100 ранеными) и вскоре захватил широкую полосу вокруг Урмии, разграбив и уничтожив несколько селений. К концу года турки захватили округ Миандоаб, в глубине Иранского Курдистана, а также Сердешт, Бане и другие пункты южнее оз. Урмия. Наконец, в январе 1908 г. турецкие войска окружили Соуджбулак, главный центр Иранского Курдистана, и 3 февраля захватили город, но освободили его через три недели. Такова внешняя, чисто военная сторона турецко-иранского конфликта в период наибольших успехов турецких агрессоров[35].

Что же побудило турецкое правительство предпринять столь неприкрытое нападение на соседнюю страну? Основной причиной, на наш взгляд, было стремление Абдул-Хамида II путем легкого захвата чужой территории укрепить свое непрочное положение и одновременно радикально решить курдскую проблему. В Стамбуле, решив направить курдские движения в сторону Ирана, надеялись отвлечь курдов от борьбы с турецким правительством, соблазнить их вождей возможностью легкой наживы в завоеванных областях Ирана. Абдул-Хамид II мечтал объединить под своим господством весь Курдистан и подчинить всех курдов строгому контролю, исключив влияние на них любых внешних сил[36].

Немаловажное значение имело стремление Турции улучшить свое стратегическое положение на восточных границах, утвердившись на всем курдистанском плацдарме, по которому шли основные коммуникационные пути, связыва-

---

[35] М. Ардатов, *Турецко-персидский пограничный конфликт*, стр. 10—12; «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 3 и сл.; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 310; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1904—1907 гг., д. 3541, лл. 110—117; Ghilan, *Les kurdes persans et l'invasion ottomane*, — «Revue du Monde Musulman», 1908, octobre.

[36] Об этом свидетельствовал, в частности, турецкий меморандум от 24 июня 1908 г., в котором говорилось: «Курдистан сам по себе составляет часть Оттоманской империи» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 22).

вшие Закавказье с Турцией, Ираном и Ираком. Вооруженные курдские племена вместе с полками хамидие и с регулярными турецкими войсками могли бы представить довольно грозную силу.

Таким образом, турецкая агрессия в Иранском Курдистане была одновременно и антирусским предприятием.

Для турок не так важно установить свою гражданскую администрацию в захваченных у Ирана округах, писал Б. В. Миллер (в те годы российский генеральный консул в Урмии, впоследствии — известный советский востоковед), «а гораздо важнее укрепить свое влияние над воинственным курдским населением пограничной страны и пользоваться им по своему усмотрению. Пограничный вопрос имел и имеет для турок характер прежде всего стратегический, и вся политика их имеет в виду не Персию, а Россию»[37].

Время, которое турецкие правящие круги выбрали для осуществления своих экспансионистских планов в отношении Иранского Курдистана, казалось, было благоприятно[38]. У России все еще были связаны руки на Дальнем Востоке, и в ней бушевала революция. Иран, и без того крайне слабый в военном отношении, также был потрясен народными волнениями. Поэтому ни от России, ни от Ирана турки не ожидали серьезного противодействия. Порта рассчитывала на нейтралитет Англии, всегда готовой содействовать ослаблению позиций России на Ближнем Востоке, и на поддержку Германии, постоянно помогавшей турецкому правительству во всех его действиях, могущих повредить интересам России.

Этот расчет в значительной степени был обоснован. Британская дипломатия действительно на первых порах заняла, мягко выражаясь, безразличную позицию в турецко-иранском конфликте. По словам Зиновьева, английский посол в Стамбуле О'Конор «относится с полным равнодушием к интересам Персии»[39]. Такое же равнодушие чувствовалось и в Форин офис, что было вызвано не только антирусскими настроениями у руководителей британской внешней политики, но и желанием англичан использовать турецкую интервенцию для подавления иранской революции. По сведениям русского посольства в Стамбуле, англичане ввиду беспорядков в Иранском Курдистане и отсутствия «законных

---

[37] АВПР, ф. «Персидский стол», 1906 г., д. 1233, л. 21.
[38] Имеется в виду начало турецкой интервенции.
[39] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657, л. 6.

властей» посоветовали даже туркам временно занять Соуджбулак, что и было сделано [40]. В то же время англичане не прочь были использовать турецко-иранский конфликт и для реализации своих планов в отношении самой Турции. Турецкий посол в Тегеране утверждал, что, по его сведениям, Англия была бы довольна войной между Турцией и Ираном, ибо это облегчило бы осуществление ее экспансионистских планов Ираке [41]. Таким образом, любые последствия турецко-иранского конфликта в начале турецкой интервенции устраивали англичан.

Россия в первое время по указанным причинам ничего не сделала для прекращения турецкой интервенции. Единственно, что мог посоветовать российский посланник Гартвиг садразаму (премьер-министру) в тот период,— это удерживать курдские племена от набегов на турецкую территорию, дабы не провоцировать турок. Но и этого садразам не мог обещать, ссылаясь на бессилие правительства справиться с племенами [42].

Что касается Германии, то мало кто сомневался в том, что ей были на руку экспансионистские устремления Турции в отношении Иранского Курдистана; она надеялась тем самым продвинуть свое влияние в Западном Иране. Термен, например, утверждал, что занятие турками пограничной полосы было в интересах Германии, ибо железнодорожную линию, проектировавшуюся тогда немцами в Восточной Анатолии для соединения с Багдадской дорогой, предполагалось провести через Урмию и Лахиджан. В 1906 г. германский вице-консул в Мосуле Андерс совершил поездку из Мосула в Ван и вернулся обратно через Иран и пограничную полосу. «Думаю,— писал Термен,— что это был негласный военный агент, посланный в Мосул специально для того, чтобы следить за агрессивными действиями Турции, а может быть, и давать советы» [43]. По словам Термена, такого же мнения придерживался и французский консул в Диарбекире, лично знавший Андерса.

Военный агент в Берлине сообщал, что с 1905 г. немцы держали в Малой Азии три партии топографов — офицеров Генерального штаба на русской и иранской границе. Они вели активную агентурно-политическую работу в погранич-

---

[40] Там же, д. 1197, л. 8.
[41] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 39, лл. 36—37.
[42] Там же.
[43] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 103.

ных районах Ирана. Российский военный агент писал в январе 1908 г., что нельзя принимать всерьез уверения германского статс-секретаря по иностранным делам фон-Шёна в том, что Германия непричастна к событиям на турецко-иранской границе, ибо соединение австрийских железных дорог с турецкими через Ново-Базарский санджак «находится в связи с планами турок (или составленных для турок планами) в Малой Азии на персидской и нашей границах» [44].

Взгляды Термена разделяла российская миссия в Тегеране; к его мнению относились с доверием и в Петербурге [45]. По сведениям посланника в Тегеране Гартвига, Германия в начале 1907 г. пыталась выступать в качестве посредницы в пограничном конфликте между Турцией и Ираном. Султан на это дал лишь условное согласие. Одновременно немцы добивались от Ирана ряда экономических льгот, но безуспешно. Тогда германская дипломатия стала всемерно поощрять турецкую интервенцию, рассчитывая, что Иран, убедившись в неэффективности заступничества России и Англии, обратится к Германии с просьбой о посредничестве. Появились сообщения, что немцы предложили шаху за выдачу им концессии на железнодорожное строительство в Иране финансировать Шахиншахский банк «и разрешить в благоприятном для Персии смысле пограничный вопрос» [46].

Однако у Зиновьева была другая точка зрения. «Предположение, что немцы подстрекают будто бы турок к захватам, не заслуживает, по моему мнению, внимания», — писал он в Министерство иностранных дел [47].

Ссылаясь на какие-то секретные документы, он сообщил, что германский посол в Турции Маршалль фон Биберштейн сделал представление турецкому правительству о необходимости уступок в пограничном споре с Ираном, ибо турецкие захваты могут настроить в пользу последнего шиитов Багдадского и Басорского вилайетов, что, как опасались немцы, будет выгодно Англии, которая получит повод для укрепления своего влияния в Ираке [48]. Позже, писал Зиновьев, немцы предложили туркам свое посредничество в целях мирного улаживания пограничных «недоразумений», дабы избегнуть вмешательства держав, «имеющих прямые и жизненные интересы в Персии». Порта ответила, что она

[44] АВПР, ф. «Политархив», 1908 г., д. 3058, л. 2.
[45] ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 136.
[46] Там же, л. 149.
[47] Там же, л. 143.
[48] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 38, л. 291.

примет посредничество Германии лишь при условии признания ею прав Турции в Везне, Лахиджане и в некоторых других пограничных пунктах [49].

Таким образом, и Зиновьев косвенно признает прямую заинтересованность Германии в ситуации, возникшей в результате турецких захватов в Иране. Его утверждение о незаинтересованности Германии в разжигании турецко-иранского пограничного конфликта представляется ошибочным.

В своих экспансионистских замыслах в отношении Ирана абдулхамидовская клика делала ставку на привлечение курдских племен как Турецкого, так и Иранского Курдистана. И этот расчет частично оправдался. Турецкие власти умело использовали то обстоятельство, что одни и те же курдские племена (бекзадэ, харки, шеккак и др.) жили частью в Иране, частью в Турции или делали сезонные перекочевки, вследствие чего массовые переходы курдов из одной страны в другую стали обычным явлением. Обычным явлением были также ссоры и конфликты из-за пастбищ и кочевий между турецкими и иранскими племенами. Многие турецкие помещики и курдские феодалы имели земли и в Иране (например, шейх Шемдинанский или шейх Эмин из Таваны) [50]. Поэтому туркам не составляло большого труда спровоцировать нападения курдских племен на иранскую территорию, а когда выгодно,— разжечь междоусобную борьбу одних курдских племен против других.

Подготовку к вторжению курдов в Иран турецкие власти начали заранее. Еще в 1904 г. ванский вали Тахир-паша пытался использовать для этих целей шейха Садыка. Последний получал от турецкого правительства крупные денежные подарки, а также ружья и патроны, часть которых переправлялась зависимым от него иранским бекам. В начале февраля 1904 г. шейх Садык вторгся в иранскую пограничную полосу и выстроил в районе Сомая — Барандуза крепостцу. Но Садык вскоре поссорился с турками и попытался (правда, безуспешно) заручиться поддержкой России в своем стремлении возвратить земли, отобранные у его отца Обейдуллы иранским правительством [51].

Турецкое правительство возлагало большие надежды на хамидие. С первых недель после открытой агрессии были приняты меры по мобилизации хамидие и сосредоточению

---

[49] ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 159.

[50] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 96.

[51] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1902 г., д. 14, лл. 58—59, 78—79, 84—85.

их вдоль иранской границы. Однако для восьми полков хамидие, предназначенных для похода на Везне, удалось собрать не более 500 человек, но и они заявили, что разойдутся по домам, если их не обеспечат всем необходимым[52]. Тем не менее власти стремились привлечь к походу на Иран возможно большее число хамидийцев. Командующему IV корпусом было предписано отправить в Везне 4 полка и в Песве — 4 батальона хамидие. В июле 1906 г. по приказу из Стамбула в район Везне выступили два полка хамидие[53]. Одновременно из Мосула к иранской границе были двинуты 8 пехотных полков низами и 7 полков хамидие. Этим войскам было роздано 15 тыс. винтовок и другое снаряжение[54]. В конце 1907 г., в разгар турецкой интервенции, султан приказал подготовить в Ванском вилайете к мобилизации 18 полков хамидие, не считая низама и редифа (запасных)[55].

Однако основной ударной силой турецкой интервенции в Западном Иране были не регулярные войска и даже не хамидие, а «неорганизованные» курдские племена, руководимые протурецки настроенными беями. Именно в этом и состоял хитроумный план султанского правительства, так как широкое использование регулярных войск могло послужить поводом к войне с Ираном и к тяжелым осложнениям с Россией и Англией.

Уже в 1906 г. отряды вооруженных турецким оружием курдов и хамидийцы систематически переходили границу и совершали нападения на населенные пункты, расположенные к западу от оз. Урмии. При этом особенно страдало христианское население[56].

Основное внимание турецкое правительство уделяло привлечению на свою сторону иранских аширетов, особенно крупных феодалов. Так, в начале 1906 г. в Стамбул прибыли вождь племен шеккак и иранский подданный Мохаммед Ага, поссорившийся со своим правительством и ходатайствовавший о принятии его и всех шеккаков под покровительство Турции. Ему была оказана почетная встреча. Он был принят султаном, получил чин лива (генерал-майора), титул паши и вскоре был отправлен на иранскую границу

---

[52] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 38, лл. 17—18.
[53] Там же, д. 39, л. 203; д. 43 «б», л. 7.
[54] Там же, д. 133, л. 119.
[55] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 3545, л. 193.
[56] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 96; д. 631, лл. 2—5; 1906—1907 гг., д. 1195, л. 85.

вести протурецкую пропаганду среди иранских курдов[57].

Турецким агентам удалось подкупить вождей курдских племен мамаш и мангур и уговорить их признать турецкого султана халифом. Весной 1907 г. курдские ханы в окрестностях Сердешта объявили, что как сунниты они признают себя только подданными турецкого султана. Абдул-Хамид, не заставив себя долго упрашивать, немедленно дал указание командующему VI корпусом занять Сердешт[58]. Точно так же поступили курдские ханы в Бане, Чахрике и Сомае. Они изгнали иранских чиновников и приняли турецкое подданство. Курдские вожди нередко обращались с просьбой о присылке турецких войск[59].

По мере углубления внутриполитического кризиса в Иране, вызвавшего, в частности, полный паралич местной администрации в северо-западных районах страны, турки стали активнее привлекать иранских курдов к осуществлению своих аннексионистских планов в отношении Иранского Курдистана. Пограничные районы Ирана превратились в зону полной анархии, где бесконтрольно хозяйничали подстрекаемые турками отряды курдов. Турецкие войска продвигались вслед за курдами, поощряя последних к насилиям и принимая их целыми племенами в турецкое подданство. Так, в окрестностях Бане 142 деревни отказались признавать себя подданными шаха[60].

Турецкие агенты открыто говорили о намерении Турции захватить Иранский Курдистан и Макинское ханство[61]. Именно поэтому из Стамбула была дана директива во что бы то ни стало привлечь всех иранских курдов на сторону Турции.

Осенью 1907 г. к туркам перешли вожди племени мангали шейхи Баязид-ага и Бапир-ага. Они объявили о присоединении к Турции всего района Соуджбулака (называемого также Мукри). Соуджбулакский губернатор был изгнан, курды фактически держали город в осаде. Местные власти были бессильны что-либо сделать для охраны жизни и имущества окрестных жителей. Баязид-ага открыто заявил мукринской знати, что он послан по приказанию турецкого султана и собирается вскоре двинуться дальше в Миандоаб

---

[57] Там же, 1906 г., д. 1194, лл. 104, 131—132.

[58] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 32, л. 44; 1906 г., д. 134, т. I, л. 95.

[59] Там же, д. 34, л. 193.

[60] Там же, д. 124, лл. 321—322.

[61] Там же, 1906 г., д. 134, т. I, л. 116.

для управления им от имени Турции. Большинство мукринской знати и руководимых ею курдов к концу 1907 г. перешло на сторону турок. Как писал российский консул в Табризе Похитонов, «по-видимому, турки приводят в исполнение мечту свою о занятии всего персидского Курдистана» [62].

Турецкие военные власти в Западном Иране стремились опереться в основном на суннитские племена, ведя среди них активную религиозную пропаганду и умело играя на недовольстве курдов-суннитов шахским правительством, которое их всегда притесняло. Так было, в частности, в районе Соуджбулака. В то же время турки в некоторых случаях сознательно разжигали междоусобную борьбу курдов-суннитов с шиитами, чтобы всегда иметь поводы для вмешательства в местные дела под предлогом наведения порядка [63].

Активную подрывную деятельность в Иранском Курдистане вели турецкие консулы, особенно среди местной знати (причем не обязательно из курдов) и верхушки суннитского и шиитского духовенства — улемов и муджтехидов. В результате некоторые видные муджтехиды в Секкезе и особенно в Сенне начали поддерживать турецкие планы в отношении Иранского Курдистана, что внушало особую тревогу тегеранским властям [64].

В первую половину 1908 г. агрессивные действия Турции в Западном Иране достигли наибольшего размаха. В конце мая во время продвижения турецких войск в Салмасском и Сомайском округах только за одну неделю были сожжены 28 деревень и одна церковь. Вскоре отряды курдских ханов совершенно опустошили район Барандуза, что было сделано при явном попустительстве, если не при прямом поощрении турецкого командования [65]. Жители Приурмийского района слали в разные пункты страны телеграммы, в которых описывались бесчинства оккупантов и содержались просьбы о помощи [66].

Таким образом, если по отношению к курдским племенам Западного Ирана турки действовали методами увещевания, посулов, подкупов и т. п., то в отношении остального

---

[62] ЦГВИА, ф. 2000, д. 312, л. 229; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 124, лл. 444, 447; д. 126, л. 460.

[63] АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 1196, лл. 155, 180.

[64] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 62, л. 42; 1908 г., д. 129, лл. 157—158.

[65] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, л. 346.

[66] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 175, л. 66.

населения, в том числе и мусульманского, они применяли самый разнузданный террор и насилия, дабы запугать местное население и заставить его безоговорочно принять турецкую оккупацию.

Стремясь привлечь на свою сторону местных курдских феодалов, турки распускали среди населения Иранского Курдистана всевозможные вздорные слухи, вроде того, что будто бы Турция объявила войну России, но последняя убоялась принять вызов, просила прощения и обещала не вмешиваться в турецкие дела; турки объявляли об аресте русских консулов в Иране и т. д. [67]. В то же время турецкие эмиссары развернули среди тех племен, которые их сначала не поддержали, и особенно среди оседлого населения энергичную деятельность, вымогая у жителей, в первую очередь у курдов, письменные заявления о желании перейти в турецкое подданство (так называемые дехалеты); в случае отказа курдам угрожали репрессии. В окрестностях Урмии более двадцати селений вынуждены были выдать туркам дехалеты [68]. Нередко турецкие захватчики, как рассказывал один из мукринских курдов российскому вице-консулу в Урмии Черкасову, силой заставляли местное население подписывать документы, удостоверяющие давние будто бы «права» Турции на определенные районы в принадлежавшей Ирану пограничной полосе [69].

Разбои и грабежи, которыми сопровождалось турецкое нашествие на Иранский Курдистан, восстановили против Турции значительную часть местных жителей. «Население посещенных мною мест,— писал Черкасов,— не исключая и курдов, турками недовольно, признает себя персидскими подданными...» [70]. Зарегистрированы и такие случаи, когда многие турецкие курды переходили в Иран не с целью грабежа, а боясь войны между Турцией и Россией и не желая быть мобилизованными [71]. Однако в начальный период ту-

---

[67] АВПР, ф. «Персидский стол» 1908 г., д. 657, л. 62.

[68] «Дехалет, — писали несколько позже в совместном отчете о положении на турецко-иранской границе Минорский и английский консул в Тебризе Шипле, — состоит в заявлении, делаемом отдельными лицами или целой общиной о том, что, будучи недовольными своим нынешним положением, они просят Турцию принять их в подданство и оказывать им покровительство». Часто дехалеты предшествовали турецким захватам и служили аргументами для их оправдания («Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 117).

[69] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 3545, л. 141.

[70] Там же.

[71] Там же, л. 179.

рецкой агрессии большинство населения Иранского Курдистана, особенно курдов, оставалось или безразличным, или помогало туркам.

Объяснение этому следует искать в том, что власть шахского правительства над курдами в годы революции была сведена до минимума. Зиновьев писал, что беспорядки среди иранских курдов вызывались часто «безнаказанностью и корыстолюбием персидских властей»[72]. В результате турки выступали чуть ли не в роли «освободителей», что значительно облегчало реализацию их захватнических планов.

Все это способствовало падению авторитета тегеранского правительства в Иранском Курдистане. Примечательно, что когда один муджтехид предложил в меджлисе объявить джихад против Турции, все депутаты высмеяли это предложение, указав на отсутствие оружия и дисциплинированного войска[73]. В апреле 1908 г. меджлис все же потребовал от министров самых энергичных мер против насилий оккупантов в районе Урмии. Правительство, однако, продемонстрировало свое полное бессилие[74].

Губернатор Азербайджана принц Фарманфарма пытался, правда, оказать противодействие турецким захватам и восстановить власть правительства в районе Соуджбулака. В конце 1907 г. он двинулся с небольшим отрядом к Соуджбулаку. Однако, не решаясь дать отпор турецким войскам, в несколько раз превосходившим его числом, Фарманфарма обрушился с репрессиями на курдов, по преимуществу суннитов. Столь неразумные действия губернатора только озлобили местных курдов, усилили среди них оппозицию к шахскому правительству и были прямо на руку туркам. Турки получили возможность свалить всю вину на Фарманфарма за события в Соуджбулаке и все бесчинства, учиненные там, и в то же время попытаться оправдать необходимость своего насильственного вмешательства в иранские дела[75]. Отступление Фарманфарма от Соуджбулака окончательно развеяло у местных жителей надежду на способность шахского правительства защитить их от насилий турок.

Однако, несмотря на все факторы, облегчающие турец-

---

[72] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 34, лл. 71—73.

[73] ЦГВИА, ф. 2000, д. 312, л. 548.

[74] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 3546 л. 176.

[75] См. М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 годов*, М., 1957, стр. 260; АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 657, л. 5; д. 1197, лл. 8, 9; ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 126, л. 460; 1908 г., д. 129, лл. 157—158.

кую агрессию в Иране, Абдул-Хамид все же допустил просчет. Он недооценил способность и решимость России отстаивать свои интересы в сопредельных с Закавказьем районах и ту новую ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке в связи с англо-русским сближением и образованием Антанты.

В 1907—1908 гг., когда турецкая интервенция в Иранском Курдистане приняла наибольший размах, международное и внутреннее положение царской России относительно укрепилось (окончание войны с Японией, подавление революции 1905 г., 2,5-миллиардный французский заем, англо-русское соглашение 1907 г.). У царизма развязались руки для более активных действий на Ближнем Востоке, и в частности в Курдистане. Расчеты Турции на невмешательство Англии также не оправдались. Англия вынуждена была в конце концов отказаться от позиции стороннего наблюдения в турецко-иранском конфликте. При этом британское правительство руководствовалось не столько желанием помочь своему новому союзнику, сколько опасениями, что турецкая интервенция послужит на пользу Германии, приведет к укреплению турецкого господства над курдами, проживавшими в тех районах, на которые претендовала Англия (Ирак, Юго-Западный Иран), и, наконец, ослабит шахское правительство, что было не в интересах английского империализма.

Первыми забеспокоились в Петербурге. В Министерстве иностранных дел начали спешно выяснять обстановку и готовиться принять меры. Забили тревогу и в Военном министерстве, о чем свидетельствует заключение русского Генерального штаба, посланное его начальником — генералом Ф. Ф. Палицыным 7 ноября 1907 г. в ответ на запрос Извольского. Ф. Ф. Палицын высказал свои соображения о серьезной угрозе, которую представляет интервенция Турции в Иранском Курдистане военно-стратегическим интересам России в Закавказье и на Ближнем Востоке[76].

В свою очередь из Стамбула и Тегерана в Петербург поступали все более тревожные сообщения. Гартвиг указывал на серьезные последствия, которые может иметь турецкая интервенция для экономических позиций России в Иране[77], и сообщал о падении престижа России в глазах иранского правительства. «Возрастающая дерзость турок»,—

[76] АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 1196, л. 195.
[77] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1907 г., д. 1126, л. 460.

писал он, — производит здесь «весьма неблагоприятное для нас впечатление» [78].

Обострением турецко-иранского конфликта в 1907—1908 гг. поспешили воспользоваться немцы. Зиновьев извещал, что брат шаха через германского посланника в Иране обещал разрешить в пользу Турции пограничный вопрос, если турки помогут ему в свержении шаха с престола. Султан отказался участвовать в этой комбинации [79]. Немецкие дипломаты стремились в Иране подорвать авторитет Англии и России у шахского правительства. По сведениям Гартвига, турецкий посол в Тегеране «по тайному наущению Германии» получил инструкции убедить шахское правительство, что Россия и Англия не делали никаких представлений Порте касательно турецкой интервенции [80].

Хотя не все эти сведения внушают доверие, само их появление в то время весьма знаменательно. Зиновьев находил положение столь серьезным, что не видел иного выхода, кроме как пойти на уступки Турции, склонив Иран на признание ее прав на некоторые спорные места, и взамен потребовать от Порты обязательства признать границу, определенную при участии держав [81].

Однако русское правительство не прислушалось к советам своего не в меру осторожного представителя в Стамбуле и решило действовать. Основанием для активного вмешательства в турецко-иранский конфликт Россия и Англия сочли предстоящее возобновление работы пограничной комиссии в Урмии (в которой Турцию представлял Тахир-паша, а Иран — Мохташам ос-Салтане) [82].

В конце декабря 1907 г. после совместных представлений русского и британского послов великий везирь вынужден был дать обещание не изменять статус-кво на границе и не привлекать иранских курдов на сторону Турции. По мнению Зиновьева, эти заверения «не могут внушать к себе ни малейшего доверия» [83]. Действительно, как раз в это время турки начали проводить операцию по окружению Соуджбулака.

---

[78] ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 179.

[79] Там же, лл. 176—178.

[80] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907 г., д. 3545, л. 146.

[81] ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 50.

[82] Поэтому Россия и Англия были даже довольны провалом работы турецко-иранской пограничной комиссии, заседавшей в Сулдузе в 1906 г., ибо это давало им больше оснований для посредничества (там же, лл. 163—164).

[83] АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 1196, л. 279.

Поэтому русский и британский послы в Стамбуле продолжали оказывать сильное давление на османское правительство.

В середине января 1908 г. Извольский предписал Зиновьеву потребовать, чтобы Порта воздействовала на курдов «в связи с началом переговоров комиссаров обоих государств (Турции и Ирана.— *М. Л.*) по пограничному вопросу» и не допускать дальнейшего движения вперед турецких войск и курдских племен [84].

В начале февраля 1908 г. Извольский в письме вице-консулу в Урмии подробно изложил позицию русского правительства в связи с турецкой интервенцией в Западном Иране. Притязания турок, констатировал он, нарушают верховные права шаха. Дело значительно осложняется тем, что спорные области населены курдскими племенами, «действующими зачастую самочинно, прикрываясь в свое оправдание именем султана». Для России и Англии, продолжал Извольский, существует «нравственная необходимость поддержать всеми зависящими от нас средствами законные права и требования Персии», ибо территориальный спор затрагивает «наши непосредственные интересы во владениях шаха: спорная полоса почти целиком находится в русской зоне по англо-русскому соглашению, мы не можем быть безразличными не только по экономическим и политическим соображениям, но и по стратегическим». В заключение Извольский сообщал, что турецкое правительство еще не дало официального согласия на посредничество России и Англии [85].

Турецкая интервенция в Иранском Курдистане была главным предметом обсуждения на совещании по вопросу о положении в Малоазиатской Турции и на Балканах, созванном в Петербурге 21 января 1908 г.

Извольский заявил на совещании, что действия Турции на иранской границе не только угрожают стратегическим интересам России, но могут отрицательно отразиться на ее прести-

---

[84] Там же, 1908 г., д. 657, л. 16. Следует отметить, что дипломатическое давление России на Турцию, хотя и было поддержано Англией, но далеко не в такой степени, как ожидали в Петербурге. Это вызвало у руководителей российской внешней политики заметное раздражение. В это время Извольский инструктировал Бенкендорфа о необходимости решительно объясниться с Греем (руководителем Форин офиса), «вызвав его на откровенные объяснения относительно взглядов Лондонского кабинета на указанный вопрос». Нужно выработать, писал Извольский, «общий и согласованный план действий России и Англии» (там же, л. 7).

[85] Там же, д. 659, лл. 1—2.

же на всем Ближнем Востоке. «В этом смысле, — продолжал он, — турецко-персидский конфликт, если он примет более широкие размеры, может поставить нас в весьма затруднительное положение». Вместе с тем министр иностранных дел предупреждал, что «если мы со своей стороны предпримем какие-либо агрессивные действия на азиатской границе Турции, то это неминуемо повлечет за собой осложнения на Ближнем Востоке».

Начальник генерального штаба Палицын в своем выступлении подчеркнул, что захват территории Западного Ирана турками «крайне невыгоден для нас, ибо, заняв персидский Курдистан, Турция устанавливает весьма удобное сообщение между своим VI корпусом и IV-ым, между тем как прежние пути между местами расположения обоих давали возможность пропускать войска лишь в небольшом количестве. Вместе с тем укрепление положения Турции на этом театре крайне опасно и с точки зрения настроения мусульман Кавказа».

Помощник военного министра генерал-лейтенант Поливанов (с которым согласился и министр финансов Коковцов) обратил внимание участников совещания, что контрмеры против военных приготовлений турок на Кавказе следует предпринимать с большой осторожностью; «страна не поймет наших агрессивных действий ради счетов между Персией и Турцией, и таковые действия не будут ею поддержаны». Поливанов указал при этом на военную неподготовленность России, особенно на Кавказе.

Председатель Совета министров П. А. Столыпин подытожил более или менее единодушное мнение своих министров: «Новая мобилизация в России, — заявил он, — придала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить». Нельзя пускаться на авантюры, сказал Столыпин, «или даже активно проявлять инициативу в международных делах»; наша политика должна быть строго оборонительная. В заключение российский премьер-министр провозгласил, что он не может взять на себя ответственность за войну на турецко-иранской границе [86].

Таким образом, русское правительство видело в турецкой интервенции в Иранском Курдистане столь очевидную угрозу государственным интересам России, что даже обсуждало вопрос о возможности мобилизации. Председатель Совета государственной обороны великий князь Николай

---

[86] АВПР, ф. «Секретный архив», 1908 г., д. 266/267, лл. 11—20.

Николаевич писал Столыпину через несколько дней после указанного совещания: «...вследствие создавшейся в последнее время политической обстановки необходимо прежде всего озаботиться подготовкою в военном отношении Кавказского театра войны и обеспечением боеспособности войск Кавказского военного округа». На этом извещении есть помета царя: «Согласен, береженого и бог бережет». В то же время Николай Николаевич указывал в связи с подготовкой возможной войны с Турцией, что следует «избегать таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения» из-за неустойчивого внутреннего положения в самой России и неподготовленности русской армии [87].

Итак, царское правительство при тогдашней внутри- и внешнеполитической обстановке не хотело рисковать применением силы для защиты своих интересов в Западном Иране, на востоке Малой Азии и ликвидации угрозы Закавказью. Оставались лишь методы дипломатического давления, но они при наличии союза с Англией могли дать царской России несколько больший успех, чем в прежние годы.

Под нажимом России и Англии Турция вынуждена была пойти на некоторые уступки. В середине января 1908 г. появилась официальная декларация султана о соблюдении статус-кво в спорной полосе, и через месяц турецкие войска, как указывалось выше, очистили Соуджбулак.

Однако турецкое правительство рассматривало эти уступки как маневр и отнюдь не собиралось отказываться от своих планов в Западном Иране. Оно решило всячески затягивать работу пограничной комиссии в Урмии и под ее прикрытием аннексировать земли в спорной полосе, используя главным образом курдские племена.

Тахир-паша, турецкий комиссар в Урмийской комиссии, выступил с притязаниями на земли, лежащие между 30° и 40° сев. широты, т. е. на весь Иранский Курдистан. В турецком меморандуме от 2 февраля 1908 г. говорилось: «Но местности, для которых мы требуем прекращения несправедливых притязаний на них, делаемых от имени персидского правительства некоторыми вашими пограничными властями, суть курды в пределах санджаков Шехризур, Керкук, Ревандуз, Амадия, Хакари, Ван и Баязид». Казалось бы, что здесь перечислены чисто турецкие области. На са-

---

[87] ЦГИА, ф. 1276 («Совета министров»), оп. 4, д. 628, л. 22.

мом же деле турки разъяснили, что к указанным округам они относят и все населенные курдами местности, прилегающие к ним с востока[88]. Весной 1908 г. турецкие войска и особенно подстрекаемые ими некоторые курдские племена продолжали постепенно расширять зону захватов и терроризировать местное население.

Русское посольство в Стамбуле вынуждено было сделать представление по поводу действий турок[89]. Несмотря на это, после приезда Тахира-паши в Урмию нападения отдельных племен на мирное население увеличились во много раз[90]. Неоднократные протесты, предъявленные Тахир-паше русским консулом в Урмии Миллером и английским консулом Вратиславом, были безрезультатными. Тахир объяснял вторжения курдов интригами иранского представителя в комиссии Мохташама ос-Салтане[91]. По мнению Миллера, цель Тахира — «сорвать комиссию и уехать в Турцию под предлогом небезопасности Урмии»[92].

Работа пограничной комиссии, писал, со своей стороны, Гартвиг в МИД, не может привести к каким-либо результатам, ибо вопрос может быть решен только в Стамбуле. «Здесь (т. е. в Тегеране.— *М. Л.*) укореняется убеждение, что Россия и Англия безучастны к пограничному вопросу». Гартвиг считал (с ним был согласен и британский посланник в Тегеране Марлинг), что «какой-нибудь внушительный акт в Константинополе имел бы здесь громадный успех и изменил бы отношение персов к англо-русскому соглашению»[93].

Убедившись, что Турция не собирается отказываться от политики нажима и провокаций, в Петербурге решили действовать более решительно.

6 июня 1908 г. Извольский предписал поверенному в делах в Стамбуле Нелидову заявить Порте, что «мы не можем отнестись равнодушно к движению оттоманских сил за пределы спорной зоны... и к постоянно увеличивающимся бесчинствам курдов, тем более, что указанное движение начинает распространяться уже на Салмасский округ, расположенный в близком соседстве с нашей границей». В случае продолжения этого движения, отмечал Извольский, бу-

---

[88] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1907—1908 гг. д. 86, л. 28.
[89] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, л. 271.
[90] Там же, л. 331.
[91] Там же, л. 346.
[92] Там же, д. 657, л. 60.
[93] Там же, д. 1197, л. 315.

дут сделаны соответствующие приготовления на кавказской границе [94].

Через два дня, 9 июня, Нелидов сделал энергичное представление великому везирю и министру иностранных дел в соответствии с указанной инструкцией. Великий везирь обещал «безотлагательно предписать Тахир-паше отозвать войска из-за пределов спорной зоны и обуздать курдов». При этом он пытался отрицать участие турецких курдов в бесчинствах и утверждал, что «согласился с Мохташамом о совместных действиях против курдов». Демарш Нелидова поддержал британский поверенный в делах в Стамбуле Барклей [95].

Недвусмысленная угроза, содержавшаяся в выступлении русского правительства, возымела свое действие. Через несколько дней Совет министров Турции постановил вернуть все отряды с иранской территории в пределы спорной зоны. Тахир-паше было предписано не допускать курдов к переходу на иранскую территорию, «хотя бы употреблением силы, не пользоваться курдами как орудием» [96]. В конце июня великий везирь заверил русское посольство в том, что турецкие власти взяли подписку и поручительство от местных курдских беев об отказе от вторжения в иранские пределы. Виновные, уверял великий везирь, будут выданы турецким властям [97].

Нелидов высказал мнение, что на эти заверения полагаться трудно. И действительно, турецкие войска были выведены лишь из пределов «бесспорно» иранской территории. В турецком меморандуме от 2 июля 1908 г. о границе Мосульского вилайета выдвигались притязания на «...округа Сулдуз, Соуджбулак, Сердешт, Бане, Секкез, Хорхор», которые якобы «полностью, со всеми их пастбищами и пашнями, согласно трактатам, являются собственностью нашего государства»; в меморандуме от 30 июля о границах Эрзурумского и Ванского вилайетов турки претендовали на «округа Даштебиль, Ушну, часть Барандуза, Мергевер, Дешт (Бердесур), Тергевер, Барадост, Энзель верхний, Энзель нижний,

---

[94] ЦГВИА, ф. 2000, д. 1033, л. 121.

[95] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, л. 339. Министр иностранных дел Ирана Ала ос-Салтане рассказал Гартвигу, что, когда Мохташам ос-Салтане хотел прибегнуть к силе для обуздания курдов, турки обвинили его в подготовке к насильственным действиям. Ала ос-Салтане жаловался, что турки полностью руководят курдами, и просил от имени правительства и меджлиса заступничества России (там же, л. 317).

[96] Там же, л. 348.

[97] Там же, д. 1198, л. 1.

Сомай, Чахрик, Чердман, Дирек, Худер, Регавэ, а также на округ Маку со входящими в него округами Аленд, Сегменова и Бебеджик» [98]. Иначе говоря, турки не отказывались от своих аннексионистских планов в отношении Иранского Курдистана.

Командующему VI корпусом было дано указание приступить к формированию хамидие в Бане, Сердеште, Везне, Лахиджане, Мергевере, Тергевере и в других районах Иранского Курдистана в целях дальнейшего укрепления «власти и престижа оттоманского правительства» [99].

Не выполнило турецкое правительство и свое обещание прекратить подстрекательства курдских племен к грабежам и насилиям на иранской территории. Сообщения, поступившие уже в конце июня, переполнены сведениями о бесчинствах, творимых курдскими беями на иранской территории с ведома и при прямой поддержке турок [100]. По этому поводу русскому посольству в Стамбуле неоднократно приходилось делать представления султанскому правительству [101].

Тем не менее в результате прямого вмешательства России, поддержанной Англией, экспансионистская политика Абдул-Хамида II встретила значительные препятствия и оказалась под угрозой провала. Турки уже не могли надеяться на присоединение всего Иранского Курдистана и объединение под властью Стамбула всех курдов. По существу летом 1908 г. произошел перелом в развитии турецко-иранского пограничного конфликта. В дальнейшем Турции пришлось придерживаться более гибкой тактики. Это означало наступление кризиса в курдской политике турецких правящих кругов, приближение ее полного краха.

---

[98] Там же, лл. 298, 326.
[99] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1908 г., д. 85, л. 6.
[100] См. АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1197, лл. 385, 386.
[101] ЦГВИА, ф. 2000, д. 1033, лл. 58—59.

ГЛАВА V

КУРДЫ В ПЕРИОД ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРЦИИ И ИРАНЕ (1908—1911 гг.)

23 июля 1908 г. в результате младотурецкого переворота Турция стала конституционной монархией. Девять месяцев спустя, подавив контрреволюционный мятеж, младотурки свергли с престола «кровавого» султана Абдул-Хамида II, этого, по словам В. И. Ленина, «турецкого Николая II», устроителя погромов и душителя национальных меньшинств Османской империи. Младотурецкая революция, несмотря на ее верхушечный характер, глубоко всколыхнула все народы Османской империи и вызвала новый подъем национально-освободительного движения. Однако она не разрешила национальные противоречия в Турции. Младотурки как представители слабой, еще нарождавшейся турецкой буржуазии, чтобы удержаться у власти, пошли на уступки внутренней и внешней реакции. Очень скоро от их революционности не осталось и следа. В области национальной политики они показали себя достойными преемниками Абдул-Хамида, унаследовав его централизаторские и ассимиляторские тенденции [1]. Более того, они дали этой антинародной политике идеологическое обоснование, в которое входили, наряду с абдулхамидовским панисламизмом, великодержавный оттоманизм и расистский пантюркизм. Разумеется, попытки младотурок такими методами укрепить и сохранить прогнившую Османскую империю, эту в подлинном смысле «тюрьму на-

---

[1] Выразительно охарактеризовал национальную политику младотурок Е. В. Тарле. «Младотурки, — писал он, — не только в 1915 году истребили большинство армянского народа и хвалились этим, но они и в 1908 году уже пришли к власти с этим твердым методом разрешать национальные вопросы физическим истреблением всех национальностей, кроме турок и тех, кто согласится немедленно стать турком... В беспощадной борьбе с инородцами младотурки видели единственное средство спасти Турцию от раздела» (Е. В. Тарле, *Европа в эпоху империализма,* изд. 2-е, М.—Л., 1928, стр. 182—183).

родов», были обречены на полную неудачу. Об этом свидетельствовал, в частности, бурный подъем курдского движения при младотурецком режиме.

В эпоху «пробуждения Азии» появились первые ростки курдского национализма, как организованного политического течения. Носителями идей курдского возрождения были представители молодой курдской интеллигенции, выходцы из феодальных слоев, проживавшие в Стамбуле или за границей (в Египте и Европе). Осенью 1908 г., сразу же после младотурецкой революции, по инициативе Эмина Бадр-хана был основан курдский клуб, выпускавший газету на турецком языке «Кюрт теавюн ве теракки газетеси» («Газета курдской взаимопомощи и прогресса»); в ней обсуждались проблемы национального единства курдов, курдской культуры, языка, фольклора и т. д. Эта газета завоевала широкую популярность среди курдов и проникала в самые глухие уголки Курдистана [2].

Создавались и сугубо политические общества. Так, в 1913 г. группой курдов было основано общество «Хивиа-курд» («Курдское единение»), которое начало издавать под редакцией Абдул-Керима еженедельник «Рожа-курд» («Курдский день»), переименованный в 1914 г. в «Хатави-курд» («Курдское солнце»). Этот журнал имел широкое распространение. Он призывал к консолидации курдской национальности, созданию курдского алфавита, к просвещению курдского народа и приближению его к мировой культуре и т. п.[3]. В этот же период депутат парламента курд Лютфи Фикри, враг иттихадистов, основал в Стамбуле партию «Мюджеддад» («Обновление»), по существу — небольшой интеллигентский кружок, «у которой, — по словам В. А. Гордлевского, — программа построена была на отделении церкви от государства, на лишении султана прерогатив халифа» [3].

В Иранском Курдистане накануне и во время первой мировой войны действовало общество «Истихляс-е Курдистан» («Освобождение Курдистана»), выступавшее с призы-

---

[2] Архив В. П. Никитина, папка I, рукопись «Les Kurdes et le Kurdistan (Chemdinan)»; A. Safrastian, Kurds and Kurdistan, pp. 70—71. Первая курдская газета «Курдистан» начала издаваться Мидхатом в Каире еще в 1898 г. В. А. Гордлевский писал о «младокурдах», установивших контакты с младотурками и армянскими революционными организациями. Однако этот термин во всех других источниках и литературе не встречается (См.: В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 120).

[3] «Восточный сборник», кн. 1, СПб., 1913, стр. 233—234; В. Ф. Минорский, *Курды. Заметки и впечатления*, стр. 206; В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 96.

вами к объединению всех курдов и созданию курдского государства [4].

Деятельность первых курдских националистов для своего времени имела прогрессивное значение, но влияние их на народные массы было сравнительно невелико. После младотурецкой революции курдские националисты нередко сотрудничали с армянскими националистами, что вызвало особенно большую тревогу у младотурок. «Так как для самостоятельного выступления курды не чувствовали в себе достаточно силы,— писал В. А. Гордлевский,— то они нащупывали почву для сближения с армянами, чтобы совместно с ними отвоевать себе права». Летом 1909 г. в восточные вилайеты Турции были посланы тайные агенты комитета «Единение и прогресс» со специальным заданием сеять подозрения и рознь между армянами и курдами [5].

Единству курдского национального движения мешали разногласия среди курдских лидеров. Против Эмина Бадр-хана, как представителя Бохтанского рода, выступил шейх Абдул-Қадыр из Шемдинанского рода. Оба они претендовали на главенство над турецкими курдами. Эмин Бадр-хан ссылался на традицию, по которой Бохтанский род издревле поставлял князей, а шемдинанцы — лишь «святых» — сейидов и дервишей. Сторонники Абдул-Қадыра доказывали, что из рода Бадр-хана выходили только полководцы, а не правители.

Соперничавшие стороны старались скомпрометировать друг друга перед турецким правительством. Воспользовавшись этим, младотурецкие власти закрыли «Кюрт теавюн ве теракки газетеси», а к началу первой мировой войны — и другие курдские издания. Большинство курдских лидеров эмигрировало [6].

В этот же период появляются первые курдские массовые политические организации, находившиеся, однако, вне сферы влияния националистов. То были курдские клубы, возникшие во многих городах Восточной Анатолии и в Ираке (в Муше, Диарбекире, Битлисе, Эрзуруме, Мосуле, Багдаде и др.). Любопытно, что, хотя эти клубы считались отделениями комитета «Единение и прогресс», они в действительности занимались антиправительственной деятельностью.

---

[4] B. Nikitine, *Les Kurdes...*, p. 195.

[5] В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 80; A. Safrastian, *Kurds and Kurdistan*, p. 71.

[6] Архив В. П. Никитина, папка I, рукопись «Les Kurdes et le Kurdistan (Chemdinan)».

Мушский клуб установил контакты с главными аширетами вилайета[7]. Большой популярностью среди курдов пользовался клуб в Битлисе. Если при открытии клуба в конце 1908 г. в него записалось около 700 человек, то через два месяца в нем уже насчитывалось свыше 80 тыс. членов. Клуб имел довольно четкую полувоенную организацию. Он посылал во все районы вилайета своих эмиссаров, которые назначали на каждый десяток членов клуба начальника и должны были заботиться об их вооружении и обучении. Деятельность этого клуба благотворно сказалась на обеспечении общественного порядка в вилайете. Почти совсем прекратились грабежи и убийства. После подавления мятежа и свержения Абдул-Хамида II правительство начало повсеместно закрывать курдские клубы, воспользовавшись тем, что они сочувствовали мятежникам. В середине 1909 г. был закрыт и Битлисский клуб[8].

Недолгое существование курдских клубов в Османской империи не прошло бесследно, ибо они положили начало организованной политической деятельности среди курдов. Однако в целом мощные курдские движения, потрясавшие Курдистан в начале XX в., возникали стихийно и проходили под руководством курдских феодалов. А они, далекие от понимания подлинных нужд и чаяний курдского народа, действовали нередко в своекорыстных целях и подчас служили орудием в руках турецких (реже иранских) реакционеров или английских и русских империалистов, а иногда — тех и других, вместе взятых. Во всяком случае общекурдские интересы были им органически чужды.

* * *

Английский посол в Стамбуле сэр Джеральд Лоутер в отчете за 1908 г. писал: «Курды, беи и ага, были, естественно, недовольны новым порядком вещей, так как боялись, что он станет режимом закона и порядка, вместо состояния беспорядка, при котором они могли бы продолжать, как и в прошлом, угнетать беззащитных армян и всех подвластных курдским племенам». Британский посол правильно подметил, что младотурецкая революция, устранившая от власти те феодальные круги, на которые опирался султанский ре-

---

[7] ЦГВИА, ф. 2000, д. 1002, л. 220; д. 397, л. 215.

[8] АВПР, ф. «Политархив», 1909 г., д. 543, лл. 7, 8, 51; ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 1401а, л. 58; 1909 г., д. 1401б, лл. 5—8.

жим, угрожала интересам и курдских феодалов — фаворитов Абдул-Хамида II. Справедливым оказалось и высказанное Лоутером предвидение, что «новый порядок» не скоро водворится в «диких», по его словам, районах Малой Азии; скорее еще следует удивляться, писал Лоутер, что там не царит полная анархия[9]. Но причину, по которой курдским феодалам удалось увлечь за собой народные массы, посол не называет. А она заключалась в том, что те крупицы прогресса и демократии, которые принесла с собой младотурецкая революция, почти не дошли до гор Курдистана и никак не ощущались курдскими народными массами. Напротив, курдский народ очень скоро почувствовал на себе «тяжелую руку» младотурецких заправил, проводивших беспощадную политику отуречивания всех национальных меньшинств.

Первым выступил против младотурецкого правительства предводитель милли Ибрагим-паша. Накануне революции полки хамидие под его командованием были отправлены в Хиджаз на подавление восстания местных племен, препятствовавших постройке Хиджазской железной дороги. Когда пришла весть о революционном перевороте в столице, Ибрагим-паша успел дойти только до Дамаска. Он отказался следовать дальше и вскоре поднял восстание племен милли, которое охватило большой район, от Эрзинджана до Дейр-эз-Зора. Только в середине ноября 1908 г. туркам удалось расправиться с повстанцами, причем Ибрагим-паша был убит[10].

Начались волнения и в Дерсиме. Местное курдское население было убеждено, что восстановление конституционного режима в Турции приведет к укреплению власти турецкого правительства над курдами. Дерсимские племена начали оказывать активное сопротивление властям, препятствовали прокладке дорог, постройке турецких школ.

Правительство сначала решило силой подавить беспорядки в Дерсиме. В районе Хозата было сосредоточено 18 батальонов карательных войск. Началась подготовка к то-

---

[9] «British documents on the origins of the war 1898—1914», vol. 5, pp. 253—254. Курдские вожди встретили установление младотурецкого режима «с нескрываемой враждебностью, предчувствуя в скором времени конец своему своеволию», сообщал также штаб Кавказского военного округа (ЦГВИА, ф. 2000, д. 397, оп. I, л. 18).

[10] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1017, лл. 31, 66, 116; д. 397, л. 32; АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 36, лл. 445—446; см. также: B.W.G. Elphinston, *Kurds and the kurdish question,* — «Royal Central Asian Journal», 1948, January, p. 43.

тальному уничтожению курдских селений. Однако этих сил оказалось недостаточно, чтобы расправиться с повстанцами, которые блокировали турецкие войска. Командование было вынуждено увеличить количество войск в Дерсиме до 6 батальонов низама, 14 — редифа, 1 эскадрона и 10 горных орудий. В Дерсим было отправлено также 4 полка хамидие [11].

В сентябре 1908 г. мушир IV корпуса получил предписание немедленно покончить с волнениями в Дерсиме. Турецкие войска вновь перешли в наступление, но решающего успеха опять не достигли, несмотря на увеличение числа регулярных войск до 24 батальонов. Хамидийцы же, как обычно, «воевали» преимущественно против мирного населения. Кызылбаши отступили в неприступные районы и оттуда совершали успешные вылазки [12].

Турки вынуждены были переменить тактику. Новому командующему турецкими войсками в Дерсиме ферику Али-паше была дана инструкция договориться с повстанцами. С этой целью в Дерсим выехал член Государственного совета Мустафа-бей. В связи с приближением зимы курды временно прекратили борьбу, и турецкие войска частично были выведены из Дерсима, но уже в конце 1908 г. здесь вновь возобновились волнения [13].

Мощные восстания курдов произошли также в Ираке. В октябре 1908 г. поднялись хамавенды, обитавшие между Багдадом и Киркуком. Их поддержали зибары и барзаны. Значительное число иракских курдов перешло в это время на территорию Ирана [14].

Поводом к восстанию мосульских курдов послужило убийство арабами известного курдского шейха Саида. Его сын шейх Махмуд Барзанджи призвал своих соплеменников к мести. Не последнюю роль в этих событиях сыграли английские агенты. Они натравливали курдов на арабских националистов, уже в то время выступавших за независимость Ирака не только от турецкого, но и от любого иностранного господства.

Для усмирения курдов турецкие власти вызвали войска из Мардина и Диарбекира. Командующий карательными войсками Мехмед-паша разграбил и сжег около 40 курдских деревень. В ответ на эти зверства восстало большин-

---

[11] ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. I, 1908 г., д. 10048, лл. 3—8.

[12] Там же, лл. 17—18.

[13] Там же, лл. 27, 52; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 2676, лл. 62—63, 77—78.

[14] ЦГВИА, ф. 2000, д. 397, л. 363; д. 1015, л. 140.

ство курдов Мосульского вилайета. Они нанесли ряд поражений турецким войскам и осадили главный центр Иракского Курдистана — Сулейманию.

Властям пришлось мобилизовать значительную часть войска IV и VI корпусов для освобождения Сулеймании. Окончательно подавить восстание Мехмед-паше удалось только благодаря тому, что он умело использовал межплеменную вражду [15].

Были недовольны политическими переменами в стране и племена, населявшие пограничные с Ираном районы. Распространялись слухи о намерении племен мукри, шеккак и др. поднять восстание против турецкого правительства [16].

Многие курдские пограничные племена (джелали, шеккак и др.) из-за карательной политики правительства начали переселяться в Иран, участились случаи обращения к русским консулам с просьбами о покровительстве России. Все чаще сообщалось о намерении некоторых курдских вождей (например, Омар-бея, Чакир-бея,Ситки-бея) принять со своими племенами российское подданство. Даже если эти сведения не всегда соответствовали истине, само их возникновение симптоматично, ибо, по словам очевидца, это доказывало, «какая глубокая пропасть отделяет младотурок от простого народа» [17].

Хотя в первые месяцы после революции восстания происходили не во всех районах Курдистана, оппозиция курдских племен младотуркам отмечалась повсеместно. Несмотря на широковещательные декларации и увещевания иттихадистов, писал Скрябин, «все курды единодушно отказываются подчиниться новому режиму, а хамидийские полки, продолжая грабить народ, оказывают вооруженное сопротивление и сборщикам налогов, заявляя, что не признают настоящего правительства» [18].

Брожению среди курдов способствовали и противоречия в правящих кругах Турции. Младотурки, в первые месяцы после переворота 23 июля 1908 г. формально не находившиеся у власти, требовали от правительства Кямиль-паши принятий крайних мер против курдов. Правительство же, в

---

[15] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 34, лл. 287—290; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1002, лл. 196, 232, 235; д. 397, л. 395.

[16] ЦГВИА, ф. 2000, д. 1002, л. 203.

[17] Там же, д. 1015, л. 72; д. 1033, л. 153; д. 397, лл. 393—394.

[18] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1909 г., д. 2677, лл. 15—16.

состав которого входило много скрытых реакционеров и сторонников Абдул-Хамида, не желало обострять отношения с курдами. Местные власти кое-где (например, в Ванском вилайете) прямо поддерживали курдов, поощряя их к насилиям над христианами и к набегам на иранскую территорию. Естественно, что все это не способствовало популярности иттихадистов в Курдистане. В Диарбекире курды на главной мечети города вывесили плакат, в котором содержался протест против нового режима и требование восстановления власти султана, ислама и шариата. В городе и его окрестностях усиленно шел сбор денег на покупку оружия [19].

Наибольшие волнения среди курдов вызвал вопрос о судьбах конницы хамидие. Мирное анатолийское население после революции посылало в столицу десятки петиций с просьбой о немедленном расформировании хамидие. Агитация против хамидие началась также в младотурецких кругах и прессе. Многие ведущие деятели комитета «Единение и прогресс» предлагали заменить хамидие регулярными кавалерийскими частями. Особенно возбуждено было общественное мнение против Зеки-паши, организатора хамидие и палача армянского народа. В Стамбуле же Зеки-пашой были недовольны за неспособность справиться с курдским движением в Дерсиме, где по существу никогда не прекращались восстания. Он был отозван из восточноанатолийских вилайетов и отдан под суд, который, однако, так и не состоялся [20].

В сентябре 1908 г. правительство издало приказ о разоружении хамидие, однако он практически не выполнялся, так как местные власти не имели ни силы, ни желания связываться с могущественными курдскими беями: одновременно по вилайетам был разослан циркуляр о желательности крайне осторожного отношения к курдам, даже если они откажутся выполнять те или иные распоряжения правительства [21]. Не оправдались ожидания общественности, что первая сессия османского парламента, собравшаяся в конце 1908 г., упразднит хамидие. Тем не менее курдские беи восприняли кампанию против хамидие как сигнал к общему наступлению на их права. Отношения между частями хамидие и регулярными войсками к осени 1908 г. резко обо-

[19] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 39, лл. 428—430.
[20] ЦГВИА, ф. 2000, д. 1017, л. 31; д. 1015, лл. 47, 54, 57.
[21] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908 г., д. 1595, лл. 120—122.

стрились. Курдские племена решительно воспротивились попыткам зачислить часть хамидийцев в низам. Сопротивление реорганизации хамидие возглавил вождь племен хайдеранли Хусейн-паша [22].

Весной 1909 г. началось частичное разоружение курдов-хамидийцев. От беев и ага потребовали неукоснительного выполнения правил о поставках лошадей, всадников, обмундирования и пр. [23]. Высланные против курдов войска обезоруживали некоторые наиболее непокорные аширеты. Хусейн-паша и ряд других курдских вождей были арестованы. Однако совсем упразднить хамидие младотурки не решались, боясь всеобщего восстания курдов. Более того, в Стамбуле не отказались от мысли о возможности использования курдской конницы в случае войны с Россией. Была сделана даже попытка сформировать в составе хамидие несколько батарей горной артиллерии, и с этой целью правительство обратилось к англичанам с просьбой командировать в IV корпус офицеров-инструкторов, служивших в туземных войсках в Индии. Англичане отклонили это предложение, не желая вызвать неудовольствие России. В конце концов иттихадистам пришлось оставить все по-старому, переименовав только хамидие в «полки легкой кавалерии из кочевников» («аширет хафиф сувари алайлары») [24]. Однако после младотурецкой революции значение хамидие сильно упало. Тяжелый удар по институту хамидие нанес Хусейн-паша, когда, освободившись из заключения, он выселился вместе с аширетом хайдеранли (12 тысяч домов — 6 полков хамидие) из Турции в Иран. Земли хайдеранли были конфискованы правительством и проданы частным лицам. Вся эта история с неудавшейся реорганизацией хамидие сильно дискредитировала младотурецкий режим в Курдистане [25].

Большие опасения у курдских феодалов вызывала политика младотурок в армянском вопросе. Руководители комитета «Единение и прогресс» в первые месяцы после победы революции в демагогических целях всячески агитировали за сближение всех народов Османской империи и, в частности, пытались договориться с лидерами армянских нацио-

---

[22] ЦГВИА, ф. 2000, д. 1015, лл. 71—72; д. 397, лл. 26—27, 31.

[23] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1909 г., д. 1597, л. 16.

[24] ЦГВИА, ф. 2000, д. 1002, л. 201; д. 1015, лл. 159—160; д. 397, лл. 26—27, 73, 124, 190—191, АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1908 г., д. 37, лл. 161—162.

[25] ЦГИА ГрузССР, ф. 71, оп. 2, д. 39.

налистов. Прошел слух о возвращении армянам земель, захваченных у них курдскими феодалами во время армянских погромов 90-х годов. Действительно, кое-где местные власти издали такие распоряжения. Курдские беи, нажившиеся в свое время на экспроприации армянской недвижимости, начали протестовать, ссылаясь на то, что земли отбирались у армян всегда по приказанию турецких военных властей[26]. Несмотря на то, что попытки, реальные или мнимые, восстановить справедливость в большинстве случаев ни к чему не привели[27], а в мае 1909 г. турецкие власти организовали в Адане новый армянский погром, политика правительства по отношению к армянам еще долго вызывала недоверие у курдской верхушки.

Таким образом, происшедшая в результате младотурецкой революции смена правящей группировки в Турции вызвала в первые же месяцы отрицательную реакцию у курдов. В секретном отзыве штаба Кавказского военного округа о курдском вопросе в Турции говорилось: «...младотурецкие правители, ослепленные своими политическими успехами, не отличаются ни дальновидностью, ни знанием края... В данный момент все курды относятся одинаково враждебно к турецким властям и... все они были бы готовы перейти в Персию или в Россию... Сама курдская конница с момента бегства Гусейн-паши фактически перестала существовать»[28].

Оценивая восстания турецких курдов в период младотурецкой революции 1908—1909 гг., следует признать, что, каковы бы ни были их причины и движущие силы, объективно они были направлены против буржуазно-революционного движения в Турции, исторически необходимого и прогрессивного явления, важного звена в цепи событий, ознаменовавших эпоху «пробуждения Азии». Поэтому курдские восстания играли в то время на руку силам внутренней и

[26] ЦГВИА, ф. 2001, д. 397, л. 41. Большие опасения и недовольство у курдской верхушки вызвало то, что после младотурецкой революции армянам было разрешено носить оружие (В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 128).

[27] Так, например, новый ванский вали, решив «примирить» курдов с армянами, учредил смешанные комиссии для разрешения аграрных споров в вилайете. Однако в этих комиссиях армяне не были представлены, а находились лишь одни курдские шейхи во главе с крупнейшим феодалом Абдул-Кадыром. Армяне восприняли эту затею с большим недоверием, не признавая за курдскими беями права представлять их интересы. И действительно, когда улеглась раздутая властями шумиха в связи с работой указанных комиссий, оказалось, что армяне ровным счетом ничего не получили (см. АВПР, ф. «Политархив», 1909 г., д. 717, лл. 52—53).

[28] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910 г., д. 559, л. 96.

внешней реакции, пытавшейся задушить первую турецкую революцию.

Иной характер стали носить движения курдов в Турции по мере поправения младотурецкой верхушки, капитулировавшей перед феодально-клерикальными группировками, компрадорами и империалистами. В этот период курдские движения следует оценивать положительно, ибо они способствовали крушению архиреакционной Османской империи, освобождению от ее ига национальных меньшинств.

Уже в конце 1909 — начале 1910 г. в Турецком Курдистане появились признаки нового подъема освободительного движения. В ноябре 1909 г. началось восстание аширетов барзан (Северный Ирак), возглавляемое шейхом Абдул-Салямом Барзани[29]. Посланные на его подавление турецкие войска были разбиты. В начале 1910 г. восстание распространилось на значительную часть Мосульского вилайета.

Освободительное движение усилилось в Баязиде и соседних с ним районах. Здесь шла открытая пропаганда против правительства. Ее вели глава аширетов адаман Кор-Хусейн-паша, шейх Абдул-Кадыр и другие крупнейшие курдские феодалы. Многие ожидали, что весной 1910 г. здесь вспыхнет всеобщее восстание курдов.

Не менее напряженная обстановка сложилась в начале 1910 г. в Битлисе. Муса-бей, Селим-Али и другие местные курдские вожди вели активную антиправительственную агитацию, организовывали повсюду комитеты и клубы, к которым примкнула значительная часть окрестных курдов. Вали Битлисского вилайета Тахир-паша не решался трогать курдских беев, надеясь использовать их как ударную силу против Ирана. Назначенный вместо него осенью 1910 г. Измаил Хаккы хотел было обуздать племена, но вскоре получил из Стамбула указание не ожесточать курдов, дабы не создавать правительству новых затруднений в тот период, когда ему приходилось тратить большие усилия для подавления освободительного движения арабов Йемена, Сирии, Заиорданья[30].

Курдское движение после младотурецкой революции развивалось в контакте с национально-освободительной борь-

---

[29] ЦГВИА, ф. 2000, д. 3824, лл. 10—11. Абдул-Салям — старший брат лидеров национально-освободительного движения иракских курдов в новейшее время — Ахмеда Барзани и Моллы Мустафы Барзани.

[30] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1402, лл. 11—14, 80—90; 1911 г., д. 1403, лл. 1—3; ф. «Политархив», 1910 г., д. 544, лл. 44—54.

бой других народов Османской империи, в первую очередь арабов. Восстания арабов в рассматриваемое время происходили в Иемене, Ираке, Хауране и Джебель-Друзе (Сирия); враждебную по отношению к турецкому правительству позицию занимали вожди Хиджаза, Неджда, Асира и других областей Аравийского полуострова.

«Насколько турки огорчены своими неудачами в Аравии, — писал русский вице-консул в Баязиде Акимович, — настолько неудачами этими довольны курды и, если арабы успешно будут продолжать сражения с турками, весьма вероятно, что и в Курдистане, где в настоящее время спокойно, произойдет восстание, и турки, несомненно, этого опасаются, зная, что усмирение поголовно вооруженных курдов им бы стоило больших жертв»[31]. Курды Битлисского вилайета также с большим сочувствием внимали вестям об успехах арабских повстанцев в Иемене[32].

Дело не ограничилось платоническим сочувствием арабам со стороны курдов. Курдские вожди, например, установили связи с йеменцами, успешно завершавшими борьбу против турецкого ига. Среди курдов шел сбор денег в пользу повстанцев. В Курдистан прибывали и посланцы из Иемена. Один из них в начале 1911 г. вел переговоры с Хусейн-пашой, другие посетили племена Диарбекирского вилайета, третьих видели в районах Вана, Муша, Хнысса, Алашкерта и др.[33]. В начале марта 1911 г. посланец имама Яхьи шейх Саид провел в Муше совещание с курдскими вождями (вскоре все участники этого совещания были арестованы)[34].

Младотурки были очень встревожены этими очень опасными для них симптомами. Они усилили слежку за курдскими вождями и приезжавшими в Курдистан арабами. Власти ожидали, что под влиянием событий в арабских вилайетах во многих районах Курдистана могут вспыхнуть крупные волнения. Нервозность турецких властей возросла и в связи с тем, что как раз в это время в Дерсиме, Алашкерте, Эрзинджане и в других районах Восточной Анатолии значительно усилилось брожение среди курдов, которые отказывались платить подати, поставлять рекрутов в хафиф сувари и т. д.[35]. Кроме того, многие курдские вожди блокировались с оппозиционными комитету «Единение и про-

---

[31] АВПР, ф. «Политархив», 1907—1914 гг. д. 380, л. 50.
[32] Там же, 1911 г., д. 545, лл. 20—21.
[33] ЦГИА ГрузССР, ф. 71, оп. 2, д. 58, лл. 16—17.
[34] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 2680, лл. 10. 48.
[35] Там же, 1910 г., д. 2678, л. 21; 1911 г., д. 2680, лл. 10, 14, 48.

гресс» элементами в самой Турции, которые, в связи с ростом внутренних и внешних затруднений в стране, усилили с 1911 г. борьбу против младотурок[36].

Бессильные разрешить курдский вопрос, младотурки не нашли ничего лучшего, как вернуться к политике «кнута и пряника», кнут — по отношению к борющимся против турецкого гнета курдским народным массам, пряник — по отношению к курдской знати. Насколько такая политика была перспективной, говорил опыт прошлого. «Если бы турки не были отвлечены восстанием в Аравии, Македонии и внутренними неурядицами,— отмечал в это время российский вице-консул в Урмии Голубинов,— им было бы легче справиться с курдами, чем теперь, когда им приходится задабривать курдских беков подарками, что не всегда достигает цели»[37].

С 1910 г. видные деятели младотурецкого правительства совершали поездки в Курдистан с целью привлечения на свою сторону главных курдских вождей[38]. Власти, отбросив прежние демагогические лозунги, целиком встали в вопросе курдо-армянских отношений на сторону курдской знати. В соответствии со специальным распоряжением министра внутренних дел ей возвращались земли, отобранные было кое-где в пользу армян в начальный период младотурецкого правления. Беи и ага, бежавшие после революции в Иран, начали возвращаться и жестоко притеснять армянское население[39]. Они отбирали у армян не только «свои» земли, но и те, которые принадлежали армянам до революции. Так, например, крестьяне-армяне селения Алтун-Хусейн по требованию курдского шейха Шах-Хусейна, заявившего, что якобы это селение принадлежало его предкам, были выселены турецкой администрацией, их имущество было распродано, дома разрушены, а собранные деньги переданы Шах-Хусейну[40].

Новый командующий IV корпусом и инспектор трех анатолийских корпусов мушир Осман-паша произнес в начале августа 1911 г. провокационную речь с выпадами против армян за их стремление вернуть свои земли, разоружить и удалить из пределов восточноанатолийских вилайетов хами-

---

[36] ЦГИА ГрузССР, ф. 71, оп. 2, д. 58, л. 21.

[37] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 53.

[38] ЦГИА ГрузССР, ф. 71, д. 39, лл. 2—8; д. 58, лл. 61—63, 66.

[39] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, лл. 42—43, 50.

[40] Там же, 1911 г., д. 2680, лл. 56, 75, 76.

дие и за поддержку армянских националистических организаций. Осман-паша во всем оправдывал курдских беев и открыто признавал правомерность чинимых ими насилий [41].

Вскоре после этого в Курдистан приехал министр финансов Джавид-бей, один из столпов младотурецкого режима. Он уверил курдских беев и шейхов в симпатиях к ним правительства, широко раздавал им награды и деньги. Вернувшись в столицу, Джавид-бей заявил, что в Курдистане, как нигде, царят тишина и спокойствие [42].

Подобное утверждение не имело ничего общего с действительностью. Более того, открыто подстрекательские действия турецких властей, которые, боясь возможности соглашения армян с курдами, стремились поддержать и еще более раздуть курдо-армянскую рознь, привели к значительному ухудшению положения в Курдистане, развязали руки курдским феодалам.

Заигрывание с курдскими феодалами не означало, однако, отказа младотурецкого правительства от намерения ликвидировать курдскую «вольницу», подчинить племена, поскольку это возможно, правительственному контролю.

Весной 1910 г. впервые в истории Турции начался набор в турецкую армию немусульман. По-видимому, эта широко разрекламированная младотурецкой пропагандой реформа преследовала, в частности, цель принизить значение и влияние курдской иррегулярной конницы. Во всяком случае, курдские беи были весьма недовольны этим мероприятием. В Эрзуруме, Трапезунде и некоторых других местах власти вынуждены были не производить набор немусульман, опасаясь вооруженного сопротивления курдов [43]. В отношении к курдским племенам, оказывавшим открытое неповиновение, власти применяли самые жестокие репрессии.

Таким образом, младотурки по существу не устранили ни одну из основных причин, постоянно питавших недовольство курдов, в том числе и племенной верхушки, турецким правительством.

Своеобразной формой пассивного протеста курдов против политики правительства явилось переселение многих племен (Ванского, Битлисского и даже несколько более отдаленного Эрзурумского вилайета) в Иран. Власти сначала сквозь

---

[41] Там же, д. 1602, лл. 60—69; д. 1403, лл. 65—66.

[42] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1403, лл. 70, 74—75.

[43] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 33, л. 121.

пальцы смотрели на движение курдов в сторону иранской границы, надеясь использовать их для захватнических целей в Иранском Курдистане. Но оказалось, что некоторые видные курдские вожди имели совсем другие намерения, и турецкие власти усилили охрану восточной границы[44].

В начале 1910 г. в Маку (Иранский Азербайджан) из Турции бежали видные курдские вожди Кор-Хусейн-паша, правитель пограничного княжества Оваджик, Теймур-паша и Эмин-паша. Они жаловались русскому агенту в Игдыре (пограничный пункт на русско-турецкой границе) на притеснения турецких властей и вмешательство их во внутриплеменные отношения. Вскоре Кор-Хусейн-паша отправил письмо Воронцову-Дашкову, в котором от своего имени и от имени шейха Абдул-Кадыра предложил передать под власть России весь Курдистан. По слухам, многие турецкие и иранские беи и шейхи дали клятву повиноваться Абдул-Кадыру. Курдские вожди предлагали при условии получения помощи со стороны России поднять всеобщее восстание в Курдистане, а в случае, если русские не примут этот план, просили разрешить им переселиться в Россию или же принять их в российское подданство[45].

Одновременно Кор-Хусейн-паша и его соратники через своих приближенных и родственников развернули в северо-восточной Турции активную антиправительственную пропаганду, «благодаря чему, — писал новый посол России в Турции Чарыков, сменивший в 1909 г. Зиновьева, — курдские племена этой части Турции сплачиваются в противоконституционный союз, хорошо снабженный деньгами и оружием»[46].

Турецкое правительство было крайне встревожено этим событием. В Маку были посланы тайные турецкие эмис-

---

[44] АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 544, лл. 3—13; ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 37, л. 203; ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 2678, л. 2.

[45] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, лл. 24—25; ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 149, лл. 16, 17; ф. «Политархив», 1907—1914 гг., д. 380, л. 20. Кор-Хусейн — крупнейший феодал Курдистана. У него было 300 деревень, с жителей которых он взимал налоги в свою пользу, от чего казна терпела большой ущерб. После младотурецкой революции Кор-Хусейн был вызван в Ван, где ему было предъявлено обвинение в 65 крупных преступлениях. Власти его посадили в тюрьму, но через три месяца выпустили. (См. В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 116—117). «...Он далеко смотрел вперед и был умный или хитрый политик», — писал о нем Гордлевский во время мировой войны (В. А. Гордлевский, *У сюпхандагских курдов*, стр. 455).

[46] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 33, л. 121.

сары с поручением уговорить курдских беев вернуться на родину[47].

Обращение Кор-Хусейна-паши, Абдул-Кадыра и других курдских вождей поставило русское правительство в затруднительное положение, ибо непосредственный захват Курдистана отнюдь не входил ни в ближайшие, ни в перспективные планы российской внешней политики, поскольку это сразу вовлекло бы Россию в войну с Турцией и вызвало дружный отпор со стороны всех великих держав. Кроме того, в Петербурге и Тифлисе опасались, что активная прорусская деятельность курдских вождей спровоцирует ухудшение русско-турецких отношений и затруднит России достижение ее непосредственных задач на Ближнем Востоке. Достаточно неприятно было то, что некоторые курдские вожди, боровшиеся против турецкого правительства, сознательно распускали преувеличенные слухи о получении ими значительной помощи из России, дабы запугать турецкие власти. Так, по словам Олферьева, один из них, некий Саид-бей, объявлял, что «русский царь находится в дальнем родстве с курдским народом и что последний, в случае нужды, всегда может рассчитывать на помощь России»[48].

Наконец, государственные деятели царской России всегда испытывали тревогу в связи с волнениями в сопредельных с Кавказом районах, что нередко служило источником серьезных трудностей и осложнений. Как писал Извольский, «движение, одновременно охватившее армян и курдов, внушает нам опасение ввиду близости от Кавказа местностей, где оно происходит, и необходимости для нас поэтому своевременно выяснить свой образ действий для предотвращения нарушения в них спокойствия»[49].

Видимо, по этой причине Воронцов-Дашков настаивал, «независимо от соображений внутренней и внешней политики», на безусловном отказе от всех предложений курдов. Ссылаясь на малоземелье в закавказских губерниях, он возражал против допуска курдов на русскую территорию[50]. Сходную позицию занял Чарыков. Он предлагал обязать

---

[47] Там же, л. 121; д. 140, л. 17.

[48] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 111—112. Среди турецких курдов распространился также слух, что в Тифлисе якобы образована специальная комиссия для решения курдского вопроса (ЦГИА ГрузССР, ф. 71, оп. 2, д. 39, лл. 23—24).

[49] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 12.

[50] Там же, лл. 24—25.

Кор-Хусейна отказаться от всякой агитации против турецкого правительства «под угрозой лишиться нашего покровительства» ввиду опасности возникновения серьезных беспорядков в сопредельных с Россией областях Турции[51].

Такая точка зрения не встретила поддержки у руководителей Военного министерства и Министерства иностранных дел. Временно управляющий Военным министерством генерал Поливанов предложил оказать покровительство вождю хайдеранли Хусейну-паше, ибо этот аширет играл видную роль в комплектовании хамидие[52]. Поливанова энергично поддержал и новый управляющий Министерством иностранных дел, ставший скоро министром, С. Д. Сазонов. Он указал на необходимость «в общеполитических видах» поддерживать возможно лучшие отношения с курдами и особенно «привлекать на нашу сторону влиятельных главарей», предоставляя им в нужных случаях временное убежище[53].

«...Совершенно безучастное отношение наше к курдским ханам, ищущим сближения с нами,— писал Сазонов Чарыкову,— могло бы вынудить их пойти на компромиссы с Портой и окончательно связать их судьбу с Турцией»[54].

Такую же точку зрения воспринял в конце концов и штаб Кавказского военного округа. В результате обмена мнениями между внешнеполитическим и военным ведомствами было решено, что «...о принятии всего Курдистана под власть России, как о том ходатайствует Абдул-Кадыр, не может быть и речи», но следует разрешить курдским вождям поселиться на Кавказе. За пределами России покровительство курдам следует оказывать только в Иране, но не в Турции[55]. Русское правительство решило пока воздержаться от предоставления курдским вождям денежных субсидий. Одновременно Сазонов высказал предположение, что «курдское движение могло бы быть использовано нами каким-либо образом для воздействия на Турцию в Урмийском и других персидских вопросах»[56]. Чарыков согласился с необходимостью привлечения на сторону России Кор-Хусейна-паши и «поддержания дружественных отношений с возможно большим числом курдских вождей, желающих этого».

---

[51] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 33, л. 121.

[52] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910 г., д. 559б, л. 93.

[53] Там же, л. 101.

[54] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 3.

[55] Там же, л. 32.

[56] АВПР, «Персидский стол», 1906—1910 гг., д. 1201, л. 138.

Однако он и некоторые другие представители России в Турции и Иране указывали на то, что Абдул-Кадыру нельзя доверять, ибо он в душе является врагом России [57].

Таким образом, обращение Кор-Хусейна и Абдул-Кадыра привело к установлению непосредственных связей России с некоторыми наиболее влиятельными могущественными вождями турецких курдов. Однако использовать эти связи в политических целях руководители российской внешней политики решили на первых порах только в Иране, где позиции России были наиболее сильны. Вмешиваться во внутренние дела Турецкого Курдистана было сочтено делом ненужным.

В это время на политической арене Курдистана появилась наиболее видная фигура — Абдуррезак, освобожденный из тюрьмы младотурецкой революцией.

В ноябре 1910 г. Абдуррезак подал прошение русским властям о разрешении ему принять русское подданство и поселиться в Эривани. Формальным основанием для такой просьбы явились преследования, которым подвергался Абдуррезак и его семья при младотурках. Русское посольство в Турции и власти на Кавказе первоначально отнеслись к просьбе Абдуррезака благоприятно, возражая только против поселения его именно в Эривани, как пункте, слишком близко расположенном к турецкой границе [58].

Вскоре, однако, выяснилось, что у Абдуррезака была более важная цель. Он выработал обширную политическую программу для всех курдов, в реализации которой, по его плану, основное участие должна была принять Россия.

В начале весны 1911 г. Абдуррезак выехал в Маку, а оттуда прибыл в Котур. Во время своих поездок по пограничной полосе он вел переговоры с курдскими вождями и русскими представителями, стараясь сколотить прорусский блок племен Турецкого и Иранского Курдистана. «При этом он высказывал,— писал начальник дипломатической канцелярии при Кавказском наместничестве Кохановский,— что как сторонник России он будет действовать в доброжелательном для нас направлении с целью распространения в Курдистане влияния России и внушения курдам симпатии к русским» [59].

Наиболее полное представление о политической програм-

---

[57] Там же, л. 141.
[58] ЦГИА ГрузССР, ф. 15, оп. 1, д. 310, лл. 1—10.
[59] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1238, л. 23.

ме Абдуррезака и избранной им тактике дает его беседа с русским вице-консулом в Ване Олферьевым в середине апреля 1911 г., отрывок из которой в пересказе Олферьева стоит привести:

«У нас все уже готово. На этих днях я ожидаю приезда в Ван курда Муса-бея, большого патриота, который поедет в Персию вперед меня. Я мог бы теперь же захватить Ван. Имейте в виду, что среди солдат имеется много курдов, на которых мы имеем основания рассчитывать. Однако в захвате Вана я не вижу в настоящую минуту смысла, так как мы не имеем возможности вести правильную войну с турками и отстаивать с успехом занятые позиции. Мы, конечно, не так наивны, чтобы полагаться в данном случае на помощь России. Из Вана я прямо выеду в Персию, где предложу персидскому правительству назначить меня губернатором Персидского Курдистана, с обещанием изгнать турок из Персии. Насрул Мулык меня лично знает, и я надеюсь, что персы добровольно примут мое предложение. Если нет, то я вооруженной силой захвачу Салмас или Урмию. Затем в случае успеха я пошлю покорную телеграмму шаху и предложу свои услуги для изгнания турок из Персии. При этом заранее заявляю, что буду следовать всем предписаниям русского консула в Урмии, о чем я сказал и господину Кохановскому. Мы, курды, должны прежде всего создать для себя прочное гнездо. В Персии нам это удобнее сделать. Это будет первый шаг к основанию независимого курдского княжества. Если нам удастся это сделать, то я немедленно подниму восстание в Турецком Курдистане, где, повторяю я, у нас все подготовлено, и курды ждут лишь подачи мною сигнала. Мы намерены захватить лишь те земли, которые входят в состав Курдистана, без намерения двигаться в глубь Турции или Персии. Затем, курды будут просить русского императора взять их под свое покровительство и обеспечить им независимость. Мы есть и будем верными соседями и союзниками России. Вот наш план. Если его осуществление нам удастся — хорошо, нет,— ответим за него своими головами. Все же мы рассчитываем, что Россия, во имя своих политических интересов, нас не оставит в трудную минуту и скажет за нас нужное слово...» [60].

Через несколько дней Абдуррезак сообщил об участии в его планах котурского шейха Измаила-ага Симко, впоследствии лидера курдского движения в Иранском Курдистане,

[60] АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719, лл. 50—51.

и сердара (правителя) Макинского ханства Муртаза Кули-хана. «Я намерен, — сказал Абдуррезак перед отъездом в Котур,— теперь же вместе с Симко захватить Дильман, предложить Персии признать меня губернатором Урмии и поручить мне охрану границы. Сердар Маку на моей стороне. Свою преданность России докажу на деле»[61].

Таковы были намерения Абдуррезака. Следует отметить, что столь широкую и далеко идущую программу не выдвигал еще ни один из курдских деятелей. В отличие от движения Обейдуллы, в котором все же преобладало стихийное начало, Абдуррезак впервые в истории Курдистана представил план, предусматривавший создание при непосредственной помощи царской России единого курдского государства.

При всем этом на программе Абдуррезака, особенно в тех местах, где говорится о средствах ее реализации, явственно виден налет авантюризма. Абдуррезак переоценил по крайней мере три вещи:

1) *Сплоченность и организованность курдских племен.* Далеко не все курды готовы были немедленно вступить в борьбу за образование единого курдского государства. Еще сильны были межплеменные распри и феодальный партикуляризм; многие влиятельные курдские феодалы считали более выгодным поддерживать турецкое или иранское государство; в военном отношении планируемое Абдуррезаком всеобщее восстание курдов было совершенно не подготовлено, что отчасти им и признается в приведенном выше разговоре с Олферьевым.

2) *Слабость турецкого и иранского правительства.* С одной стороны, он не учел решимость турецких правящих кругов во что бы то ни стало подавить курдское движение в империи и удержать в своих руках Курдистан, с другой — относительную стабилизацию центральной власти в Иране в результате приближавшегося окончательного поражения революции, что делало нереальными его расчеты на то, что шахское правительство допустит превращение Иранского Курдистана в базу для создания единого курдского государства.

3) *Влияние России на Ближний Восток.* Абдуррезак был плохо ориентирован в международных делах, если полагал, что возможно установление безраздельного русского влияния во всем Курдистане.

---

[61] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1238, л. 72.

Таким образом, программа Абдуррезака была построена на песке, что и обнаружилось в самое ближайшее время.

Весной 1911 г. Абдуррезак объехал все населенные курдами пограничные районы Турции и Ирана, агитируя за объединение турецких и иранских курдов в борьбе против турецкого господства и за создание единого курдского государства. Особого успеха эта агитация, по-видимому, не имела, зато Абдуррезак навлек на себя преследования со стороны турецких властей. Во время пребывания Абдуррезака в Урмии (в середине мая 1911 г.) турецкий консул получил из Стамбула предписание немедленно арестовать его и препроводить в столицу. Абдуррезак с трудом избежал ареста, успев сесть в бест в русское вице-консульство[62].

Руководящие круги царской России по указанным выше причинам реагировали на выступление Абдуррезака так же, как и на обращение Кор-Хусейна и Абдул-Кадыра: без всякого энтузиазма. «Широкий размах», которым отличался проект Абдуррезака, не только не произвел ожидаемого впечатления в Петербурге, но, наоборот, там первоначально сочли его автора за провокатора или, в лучшем случае, за авантюриста. Временно управляющий Министерством иностранных дел Нератов писал посланнику в Тегеране: «Судя по некоторым данным, личность Абдуррезака представляется нам подозрительной, и искренность его ненависти к туркам и преданности нам весьма сомнительна. Во всяком случае необходимо зорко следить на месте за действиями этого авантюриста, если не турецкого эмиссара, имеющего целью создать осложнения на границе для оправдания дальнейших турецких захватов»[63].

Вскоре в России эти подозрения в отношении Абдуррезака отпали ввиду полного отсутствия доказательств. Однако ни в Петербурге, ни в Тифлисе, ни в российских посольствах в Стамбуле и Тегеране не было и намека на желание всерьез рассматривать его проект. «Теперешняя агитация Абдуррезака кажется мне преждевременной и опасной»,— писал, например, Чарыков[64]. Вместо рассмотрения курдской проблемы на основе предложения Абдуррезака вершители рус-

---

[62] Там же., д. 672, лл. 41, 44.

[63] Там же, д. 1238, л. 78. Российский вице-консул в Урмии Голубинов также высказал мнение, что Абдуррезак является «исполнителем турецких предначертаний» и, опасаясь встретить сопротивление своим планам в лице сердара Маку, хочет его скомпрометировать в глазах иранского правительства (там же, д. 672, л. 42).

[64] Там же, д. 1238, л. 95.

ской политики на Ближнем Востоке ограничились дебатами о судьбе самого Абдуррезака, о том, можно ли его использовать и в какой степени для распространения влияния России в Турецком и Иранском Курдистане.

Наибольшие споры вызвал бест Абдуррезака в Урмии. Посланник в Тегеране Поклевский-Козелл предлагал не оказывать ему покровительства на иранской территории.

В Петербурге и в российском посольстве, напротив, считали необходимым гарантировать Абдуррезаку личную безопасность, но при этом полностью отмежеваться как от политического деятеля[65].

После продолжительной переписки было решено скорейшим образом удалить Абдуррезака из русского консульства и отпустить «на все четыре стороны». Как писал Нератов, бест Абдуррезака «создает весьма щекотливое положение. Его нельзя ни выдать, ни скомпрометировать близостью к России»[66]. Но русское правительство все же решилось переправить Абдуррезака в Закавказье, причем эриванскому губернатору было предложено организовать тайное наблюдение за ним. В начале июня 1911 г. Абдуррезак прибыл в Табриз, а через несколько дней был уже на русской территории[67].

Даже первые отклики на «дело Абдуррезака» показали, что русское правительство с точки зрения своей «курдской политики» поступило дальновидно, взяв под свою защиту Абдуррезака, вследствие чего, по словам Голубинова, турецкий престиж среди курдов «сразу пошел на понижение». Даже шейх Та, ярый противник русских и организатор набегов на иранскую территорию, поссорившись с турецким правительством, начал вести переговоры с Голубиновым о разрешении сесть в бест в русское консульство[68].

Покинув территорию Курдистана, Абдуррезак отнюдь не отказался от своих планов. «Абдуррезак,— писал Голубинов о своем разговоре с ним накануне его отъезда из Урмии,— не теряет надежды по возвращении в Россию снова начать пропаганду объединения под его главенством персидских и турецких курдов и об образовании самостоятельного курдского государства под протекторатом России». Он лелеял мечту издавать в России свой журнал на курдском языке,

---

[65] Там же, лл. 102, 105.

[66] Там же, д. 1238, л. 108.

[67] Там же, д. 672, л. 452; д. 1238, л. 117; д. 672, лл. 48, 49.

[68] Там же, лл. 65—66. В неточной передаче его имя звучало Таха или Тага.

который пропагандировал бы идеи национального освобождения[69].

Действительно, пробыв недолгое время в Тифлисе, Абдуррезак уехал в Париж для свидания с Кор-Хусейном-пашой, издававшим во Франции курдский журнал «Мешрутийет» («Конституция»), и разработки с ним согласованного плана действий. О результате этой поездки ничего не известно. В октябре Абдуррезак возвратился в Россию и поселился в Эривани[70]. Турецкое правительство было весьма обеспокоено пребыванием Абдуррезака на Кавказе и, по сведениям русского посольства в Стамбуле, собиралось подослать к нему убийц[71].

Между тем особых оснований у турок для тревоги не было. Русское правительство, предоставив Абдуррезаку убежище, отнюдь не собиралось принимать ни малейшего участия в реализации его широковещательных планов. Кохановский, в ведении которого находились сношения с курдскими эмигрантами, был против поселения Абдуррезака в России. Он был убежден, что их планы неосуществимы, ибо курды не могут вести самостоятельную борьбу с Турцией, а вмешательство России по многим соображениям невозможно. По его мнению, отъезд Абдуррезака в Париж избавил бы власти от хлопот постоянно следить за ним, но «...с точки зрения курдского вопроса нам не следовало бы совершенно отталкивать от себя Абдуррезака и желательно было бы поддерживать с ним сношения в Париже»[72].

Таким образом, начальник дипломатической канцелярии предпочитал держать этого беспокойного курда на расстоянии и иметь его в виду только «на всякий случай». Возвращение Абдуррезака в Россию было для кавказских властей, по-видимому, неприятным сюрпризом. Чарыков предлагал обязать Абдуррезака «воздержаться от какой бы то ни было агитации и политической деятельности»[73]. Если кавказское начальство прямо и не запрещало Абдуррезаку заниматься политикой, то во всяком случае не оказало ему никакой поддержки в этом и делало все, чтобы не связать себя с ним какими-либо обязательствами.

Итак, отношение руководящих кругов царской России к предложениям Кор-Хусейна, Абдул-Кадыра, Абдуррезака го-

---

[69] Там же, д. 672, л. 52.
[70] Там же, д. 1204, л. 107.
[71] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 34, л. 334.
[72] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 9.
[73] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 35, л. 172.

ворит об их явном нежелании связывать себя с курдским движением в Турции, об их отрицательном отношении к идее создания автономного Курдистана или независимого курдского государства.

Отказ российского правительства вмешиваться во внутренние дела восточноанатолийских провинций Турции проявился не только в этом. Весьма характерно отношение России к христианам-ассирийцам, издавна считавшим ее своей покровительницей и освободительницей от ига турецких властей и курдских феодалов. В связи с ростом национального угнетения, произвола и беззаконий среди турецких ассирийцев-несториан округа Хакяри все большую популярность приобретала идея перехода в православие, что автоматически приводило бы к распространению на ассирийцев покровительства России. Излишне доказывать, насколько переход ассирийцев в православие укрепил бы влияние и позиции России в самом центре Курдистана. К тому же и курды-езиды начали выражать желание присоединиться к армяно-григорианской церкви, что открывало для России дополнительные возможности в Курдистане.

В то же время среди ассирийцев и езидов усиленную религиозную пропаганду вели католики и протестанты. Особенно активно действовали английские миссионеры, добивавшиеся унии несториан с епископальной церковью[74].

Эта на первый взгляд чисто религиозная проблема для ассирийцев имела реальную политическую подоплеку. Духовный и светский глава турецких ассирийцев мар-шимун Мар-Сергий в июне 1910 г. дал знать русским властям в Иране, что ассирийцы, измученные вечными насилиями, готовы поднять восстание и уверены в благополучном исходе, но ходатайствуют «о покровительстве и моральной поддержке со стороны нашего правительства». В случае согласия России оказать эту поддержку мар-шимун гарантировал переход всех турецких несториан в православие[75].

Стремление мар-шимуна обусловить переход ассирийцев в православие оказанием им со стороны России помощи в борьбе за освобождение от турецкого гнета встретило категорический отказ русского правительства. Просьба мар-шимуна, писал Извольский посланнику в Тегеране, «никоим образом не может быть удовлетворена»[76]. По этой же

---

[74] ЦГИА, ф. 796, оп. 100, д. 211, лл. 2, 8.
[75] АВПР, ф. «Персидский стол», 1910—1917 гг., д. 4481, л. 76.
[76] Там же, л. 77.

причине Россия отклонила ходатайство мар-шимуна Мар-Сергия о принятии его и его паствы в православие. В постановлении синода от 27 августа 1910 г. говорилось, что согласно каноническому праву этот вопрос подлежит компетенции не «святейшего синода», а Антиохийской патриархии, к которой ассирийцам и следует прежде всего обращаться [77].

Правда, в дальнейшем русское правительство изменило свое отрицательное отношение к принятию турецких ассирийцев в лоно русской православной церкви. Сыграли свою роль неоднократные обращения мар-шимуна о соединении православной и несторианской церквей и его разрыв с английскими миссионерами, одно время прочно обосновавшимися в резиденции мар-шимуна Кочанисе. Уже в 1911 г. синод с согласия Министерства иностранных дел решил послать в Кочанис для переговоров с мар-шимуном эмиссара — главу православной миссии в Урмии архимандрита Сергия [78]. Однако, как будет показано дальше, реальные результаты так и не были достигнуты.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что политика России в Курдистане в рассматриваемые годы не была наступательной, что ее правящие круги не имели в отношении восточных районов Османской империи и западных провинций Ирана никаких захватнических планов.

Такая позиция определялась тем, что царизм еще не оправился после русско-японской войны и революции. Программа перестройки и укрепления русских вооруженных сил только начала выполняться, отношения России с ее союзниками, особенно с Англией, были еще недостаточно прочными. Бесспорно сыграли свою роль опасения, как бы бурные события, происходившие в соседних Турции и Иране, не оказали революционизирующего влияния на народы Закавказья.

Главная забота русского правительства заключалась в том, чтобы Курдистан не стал плацдармом для агрессивных действий Турции и ее возможных западных союзников против русских владений на Кавказе. Показательно, например, отношение России к вопросу о железнодорожном строительстве на востоке Малой Азии. Еще в 1900 г. Россия навязала Турции соглашение, по которому строительство железных дорог в Северной Анатолии могло происходить либо на сред-

---

[77] ЦГИА, ф. 796, оп. 100, д. 211, лл. 20—21.
[78] Там же, оп. 193, д. 7027, лл. 7—11, 13.

ства Турции, либо на русские капиталы. Это соглашение Россия использовала, чтобы воспрепятствовать какому бы то ни было железнодорожному строительству в северных и восточных вилайетах и создать, таким образом, «вакуум» между прокладывавшейся в то время немцами Багдадской железной дорогой и русской границей.

Вскоре, однако, выяснилось, что Турция имела возможность строить железные дороги, используя средства из своего бюджета, поступившие от иностранных займов. В июне 1910 г. было созвано Особое совещание по этому вопросу. На нем Извольский заявил, что железнодорожное строительство в Малой Азии «имеет серьезное отрицательное значение» для России. Было решено отказаться от соглашения 1900 г. и добиваться от Турции нового договора, который гарантировал бы Россию от сооружения железных дорог к востоку от линии Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир — Мосул — Ханекин, т. е. на территории всего Курдистана. Для этого было признано целесообразным заручиться содействием Франции (боявшейся усиления германского и английского влияния в Турции), компенсировав ее согласием России на постройку и эксплуатацию линии Самсун — Сивас, и Турции — разрешив ей сооружать линии между Самсуном и Босфором[79].

«Франция,— писал Извольский,— заинтересована в том, чтобы мы в военном отношении были поставлены в более выгодные условия в сравнении с Турцией», тем более, что усиление последней на кавказской границе ослабило бы военный потенциал России на западе. Он рекомендовал использовать проходившие в то время турецко-французские переговоры о займе для «стеснения свободы действия Турции в железнодорожном строительстве в пограничных с Кавказом областях и в северной Персии, а также в постройке и покупке турками военных судов»[80].

В России с недовольством встретили известие о намерении американца Честера добиться от турецкого правительства концессии на железнодорожное строительство и эксплуатацию естественных богатств в ряде районов Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Соглашение Турции с Америкой, писал Извольский, «желательно и возможно, если последняя не поставит непременным условием право для себя свободной постройки железных дорог в зоне, прилегающей

---

[79] АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 12, лл. 4—7.
[80] Там же, д. 112, лл. 33, 34, 37.

к персидской границе, как это вытекает из общего смысла концессии»[81].

Таким образом, покушение на освоение востока Малой Азии, куда входил и Курдистан, иностранным капиталом и особенно на имеющее большое стратегическое значение железнодорожное строительство воспринималось в России как непосредственная угроза ее интересам.

* * *

В то время как в Петербурге и Тифлисе не хотели вмешиваться в борьбу курдов против Турции, многие практические работники, на месте изучавшие обстановку в Курдистане, держались иного мнения. Например, российский вице-консул в Урмии Голубинов писал: «...полное подчинение курдов туркам гибельно отразится на нашем престиже не только на Среднем Востоке (в Турции и Персии), но и на Кавказе... Наше равнодушное отношение к курдскому вопросу явилось бы той искрой, от которой может вспыхнуть пожар. В зареве этого пожара легко могут погибнуть наши вековые исторические интересы на мусульманском Востоке. Если панисламистская пропаганда могла иметь значительный успех в стране шиизма, то тем более при полном безучастии России туркам легко удастся, справившись с арабами и албанцами, подавить единоверных им курдов. Такое объединение Оттоманской империи едва ли послужило бы нам на пользу»[82].

Вице-консул в Ване Олферьев предупреждал, что недооценка в России курдской проблемы, проистекающая отчасти из-за плохой осведомленности относительно положения в Курдистане, используется западными державами. «По теперешним временам наши сведения о Курдистане представляются страшно поверхностными. Имеются такие курдские области, которые до сего времени не были нами обследованы... Англичане не скупятся на путевые издержки своих агентов, а потому их осведомленность о Малой Азии гораздо полнее, чем наша...»

Он указывал на необходимость «притянуть в свою сторону симпатии некоторых курдских беков» и дать последним возможность «ближе знакомиться с русскими людьми и с политикой России на Востоке»[83].

[81] Там же, л. 52.
[82] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 53.
[83] АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 г., д. 719, лл. 64—65.

Аналогичные суждения высказал российский консул в Басре Иванов в своей «Записке по вопросу об организации изучения Ближнего Востока». Полемизируя с теми, кто утверждал, что России выгодно только сохранение статус-кво в этом районе земного шара, он писал: «...между тем по ходу дел может оказаться более отвечающим нашим интересам стремиться к созданию автономного Курдистана из всех областей, населенных курдами и входящих ныне в состав как Турции, так и Персии»[84].

В то же время другие представители России в Курдистане придерживались противоположной точки зрения. Ширков, например, предупреждал об опасности для России создания у самого Кавказа автономного Курдистана. К обращениям курдов о покровительстве, писал он, следует относиться «с величайшей осторожностью», ибо «курдские племена — оружие и средство обоюдоострое...»[85].

Некоторые подчеркивали также необходимость обратить особое внимание на российских курдов, отчего во многом зависели взаимоотношения с их зарубежными сородичами. Вице-консулы в Ване и Баязиде советовали подумать о подъеме экономического и культурного уровня курдов как непременном условии борьбы с панисламистской пропагандой и привлечения на сторону России турецких аширетов[86].

Наличие курдской проблемы в самой России и необходимость ее разрешения начали понимать и царские власти, особенно кавказское начальство. В частности, тревогу внушало снабжение хамидийцев русскими трехлинейными винтовками, высоко ценимыми на Востоке. Этим занимались специальные турецкие агенты, орудовавшие среди российских курдов и с их помощью переправлявшие винтовки за границу. В начале 1909 г. было созвано междуведомственное совещание по вопросу о мерах для воспрепятствования снабжения турецких курдов русскими винтовками[87].

Проблема подъема благосостояния и культурного уровня российских курдов, конечно, меньше всего заботила царских колонизаторов. Но привлечению на сторону правительства верхушки закавказских курдов начало уделяться известное внимание.

В феврале 1910 г. Воронцов-Дашков обратился к Из-

---

[84] «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 117—118.

[85] АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 544, лл. 16—17.

[86] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, л. 34; ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 155.

[87] ЦГИА, ф. 1276, оп. 5, д. 604, лл. 5—6 и сл.

вольскому со специальным письмом, посвященным наиболее влиятельному среди российских курдов роду Шамшадиновых, управлявших аширетом зилян, расселенным по обе стороны границы. Во главе этого рода стоял гвардии полковник Али Ашраф-бек Шамшадинов, предводитель российских курдов, пользовавшийся значительным влиянием за границей, особенно в Маку. Он получал в год от царского правительства пенсию в 2 тыс. руб. и владел 60 десятинами земли. Его брат же получал всего 100 руб. пенсии.

Наместник, отмечая большое влияние рода Шамшадиновых (некоторые его представители занимали видные посты и в хамидие), считал полезным добиться его расположения к России. Для этого, по мнению Воронцова-Дашкова, следовало произвести Али Ашраф-бека в генералы, увеличить его пенсию на 1 тыс. руб., дать пенсии и субсидии другим представителям рода. Но главное, необходимо возвратить курдской верхушке отобранные у нее раньше пастбища. «Чтобы восстановить и укрепить симпатии курдов к русской власти,— писал наместник,— самое верное средство было бы привязать их к земле. Для этого некоторые казенно-оброчные статьи следовало бы сдать им без торгов, за незначительную плату в долгосрочную аренду, которая бы носила наследственный характер». Эти меры, считал Воронцов-Дашков, удовлетворили бы Шамшадиновых и другие знатные семейства. Кроме того, по мнению наместника, необходимо было наделить землей и менее знатные курдские роды, а также (на этом настаивал эриванский губернатор) обратить особое внимание на езидов, издавна относившихся с симпатией к России.

В Петербурге ко всем этим предложениям отнеслись без всякого энтузиазма. Единственно, с чем согласился министр финансов Коковцов,— это увеличение пенсий роду Шамшадиновых и назначение пособий тем из его представителей, которые их не получали [88].

Между тем в Иранском Курдистане в те годы происходили события, которые оказывали влияние на всех курдов и непосредственно затрагивали интересы России и других империалистических держав. «Курдский вопрос в Персии, несомненно, рано или поздно обратит на себя всеобщее внимание...— писал Минорский еще в 1905 г.— Со всеми вопросами, касающимися курдов, так или иначе связана Турция,

[88] Там же., оп. 19, д. 450, лл. 1—9, 19, 23; «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 21.

при всех случаях старающаяся извлечь пользу из слабости своей соседки Персии»[89].

В это же время наступил наивысший подъем революции в Иране, проявившийся в развертывании успешной вооруженной борьбы народных масс против реакции (Табризское восстание, захват власти сторонниками конституции в некоторых городах, низложение Мохаммед Али-шаха в июле 1909 г.).

В этих событиях роль курдов была невелика. Как правило, они не поддерживали шаха и лагерь реакции, ибо никогда ничего хорошего от шахского правительства не видели. В то же время и революционеры-конституционалисты ничего не сделали, чтобы облегчить положение курдских народных масс. Курдская же знать руководствовалась исключительно своекорыстными интересами, к тому же ограниченными рамками одного Курдистана: то, что творилось в других районах страны, ее мало касалось. Так, курдские вожди Керманшаха отказались присоединиться к бахтиарам, участвовавшим совместно с гилянскими революционерами в походе на Тегеран. «Трудно рассчитывать,— писал русский консул в Керманшахе Никольский,— чтобы здешние курды, занятые теперь сбором великолепного урожая, племенными раздорами и грабежами, решились на этот поход»[90]. Так оно и случилось.

В северо-восточных районах Ирана курды также не присоединились к революционерам. Как отмечал русский консул в Урмии, местные курдские вожди предпочитали слушаться российское консульство, а не фидаев[91]. В Макинском ханстве курды часто становились опорой сердара, одного из столпов иранской реакции, участвовали в борьбе с отрядами фидаев[92].

Революционеры со своей стороны тоже не раз пытались использовать курдов, например, во время героической обороны Табриза осенью и зимой 1911 г.[93]. Однако если иной раз курдские вожди и помогали фидаям, то только потому, что это было им по какой-либо причине выгодно. В последний период революции курды составили основную боевую силу возглавлявшегося братом Мохаммед-Али-шаха Сала-

---

[89] «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 18.

[90] АВПР, «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 178, лл. 153, 155.

[91] Там же, л. 188.

[92] Там же, д. 33, л. 481.

[93] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 675, л. 2; 1909 г., д. 662, л. 21; ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 г., д. 3572, л. 58.

ром од-Доуле реакционного движения (о котором подробнее будет сказано дальше).

Смена политического режима в Турции не привела к улучшению положения в пограничных районах Ирана, являвшихся объектом турецкой агрессии. Если до своего прихода к власти младотурки выступали с нападками на интервенционистскую политику Абдул-Хамида II в отношении Ирана (о чем свидетельствовала, например, статья в младотурецкой газете «Стамбул» от 23 августа 1907 г.)[94], то, захватив бразды правления, они целиком и полностью унаследовали эту политику и даже в некоторых случаях превзошли свергнутого ими султана.

В конце августа 1908 г. турецкий делегат в комиссии по разграничению Тахир-паша уехал из Урмии и сорвал, таким образом, работу этой комиссии. Перед отъездом он выступил с притязаниями на все иранские области с курдским населением (округа Сулдуз, Соуджбулак, Секкез и Хорхоре). Тахир, писал Гартвиг в конце августа 1908 г., «систематически осуществляет свой план полного оцепления Урмии»[95].

В сентябре 1908 г. турецкое командование отвело часть войск из оккупированной пограничной полосы. Это был маневр, призванный произвести впечатление на Западе. В действительности турецкое правительство и не думало отказываться от захваченных «спорных» районов. Командующий оккупационными войсками Явер-паша обратился к курдам с воззванием, в котором говорил об исконной принадлежности оккупированных округов Турции и предлагал, по словам Миллера, «энергично отражать всякие посягательства на них персов». Примечательно, что отход небольших турецких подразделений из Ирана сопровождался значительным увеличением числа грабежей и насилий со стороны курдских отрядов. По утверждению Миллера, «в этих ограблениях видна преднамеренность. Подозреваю, что шеккаки следуют инструкции, данной им уезжавшим Явером»[96].

После младотурецкой революции методы осуществления турецкой агрессии в Иранском Курдистане существенно изменились. Теперь основной упор делался на иранских курдов. Турция начала осуществлять против своего восточ-

---

[94] М. Ардатов, *Турецко-персидский пограничный конфликт,* стр. 22—25.

[95] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1033, л. 148; АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, лл. 273—274.

[96] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 406; ЦГВИА, ф. 2000с, оп. 1, д. 355, л. 22.

ного соседа вместо «внешней» агрессии «внутреннюю». Турецкие правящие круги рассчитывали при этом отвести от себя обвинения в открытой интервенции против Ирана, которые грозили крупными внешнеполитическими осложнениями, а также привлечь на свою сторону иранские племена с целью объединения всего Курдистана под властью Турции. Последнее соображение было тем более веским, что, как показал опыт, открытое вмешательство турецких войск и турецких курдов в иранские дела не только не содействовало росту популярности турецкой власти в Иранском Курдистане, а скорее наоборот.

Многие курды пограничной полосы высказывали открытое недовольство турецкой оккупацией, опасаясь установления над ними твердой и жестокой власти турецких угнетателей. Участились случаи обращения местных курдских вождей к русским консулам с просьбами о защите и покровительстве в связи с притеснениями турок. В конце августа 1908 г., например, в российское вице-консульство в Урмии обратились ханы и беи курдских племен Барадоста, Тергевера, Дешта, Мергевера и Ушну, представлявшие свыше 3 тыс. семейств (в том числе Измаил-ага Симко, Сулейман-хан Манашли, Курдо-бек и др.), с просьбой о защите и разрешении сесть в бест в вице-консульстве.

Вице-консул Б. В. Миллер отказался принять их в бест и заявил, что считает их подданными Ирана, а земли, занятые турками,— иранской территорией [97]. Не отклоняя вовсе всякие попытки курдов вступить в сношения с российским вице-консульством, «так как это было бы несомненно истолковано и ими и турками как формальное признание нами турецкого владычества в занятых округах», он обосновал свою осторожную позицию необходимостью не создавать повода для обострения отношений с Турцией. «Несомненно,— писал Миллер,— положение вице-консульства в его отношениях к пограничным курдам крайне щекотливо, и я вполне понимаю необходимость соблюдать наибольшую степень осторожности» [98].

Местные иранские власти, как правило, не только не пытались использовать антитурецкие выступления некоторых курдских племен (например, бекзадинцев) и изъявления ими преданности иранскому правительству, но по согласованию с русскими консулами советовали им оставать-

[97] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 280.
[98] Там же, лл. 413—414.

ся спокойными и «не возбуждать никаких недоразумений с турками» [99].

Между тем турки, не теряя времени, вели активную антииранскую агитацию среди курдов пограничной полосы. Переодетые турецкие солдаты и офицеры разъезжали по всему району, уговаривали население признать власть турецкого правительства и платить ему подати. Турецкие агенты натравливали курдов на иранское правительство и одновременно на местное христианское население с целью принудить его принять турецкое подданство. Правящие круги Турции, по словам Олферьева, открыто проповедовали необходимость «создать из сплоченной воедино курдской народности такую силу, которая служила бы для Турции не только оплотом в Малой Азии, но и облегчила бы для нее в будущем дело закрепления за собой Азербайджана» [100].

Результаты подстрекательской деятельности турецких агентов среди иранских курдов не замедлили сказаться. Используя курдов как ударную силу, турки исподволь расширили оккупированную ранее территорию [101]. Особенно угрожающая обстановка сложилась в Урмии. Здесь турецкая агентура вела интенсивную антирусскую агитацию среди местных курдов-суннитов и пыталась, по словам русского консула в Урмии, «из населения Курдистана образовать большую и сильную армию» [102]. Эти действия сопровождались грабежами и разбоями. В Урмийский район под предлогом «установления порядка» были введены турецкие войска, которые дошли до оз. Урмии. Наблюдатели отмечали, что турки намеревались захватить весь Урмийский район [103].

В конце мая 1909 г. турки спровоцировали нападение на Соуджбулак двух тысяч иранских курдов из племен мамаш и мангур под предводительством Хамзе-Солеймана и Баязид-аги. Курды имели даже артиллерию. Появилась угроза занятия ими всего района Соуджбулака — Миандоаба — Мараги. Только благодаря энергичным мерам, предпринятым марагинским губернатором Шоджа од-Доуле (известный как ревностный сторонник России), курды вынуждены были отступить от Миандоаба и Соуджбулака [104].

---

[99] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1908 г., д. 81, л. 21.
[100] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1599, л. 109.
[101] АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 447.
[102] Там же, 1910 г., д. 666, л. 30.
[103] Там же, 1909 г., д. 661, л. 474; д. 1199, л. 64.
[104] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 177, лл. 44, 45, 59.

В своей захватнической политике в пограничных районах Иранского Курдистана турки опирались на некоторых крупнейших курдских феодалов. Одним из них был Керим-хан, наиболее влиятельный и богатый вождь племени харки. Он был назначен турками правителем Мергеверского, Барандузского и Дештабильского округов. Отряды Керим-хана терроризировали население, вынуждая его к покорности турецким властям [105].

Наибольшие услуги туркам оказал шейх Абдул-Кадыр из Шемдинана, сын Обейдуллы, турецкий сенатор, незадолго до описываемых событий специально командированный из Стамбула в Курдистан, чтобы отговорить турецких курдов переселяться в Иран. То был типичный перебежчик и двурушник, всегда готовый перейти на сторону сильнейшего. Возглавив после младотурецкой революции ориентировавшуюся на Россию антиправительственную оппозицию курдских вождей, он вскоре примирился с иттихадистами и после отказа России от сотрудничества с курдскими вождями стал одним из самых руссофобски настроенных курдских лидеров и главным вдохновителем протурецкого движения среди иранских курдов. Обладая большим авторитетом, он сумел сплотить вокруг себя значительную часть племен пограничной полосы, которых поставил целиком на службу турецким интересам. Впервые в пределах Иранского Курдистана (в Деште) Абдул-Кадыр появился в конце ноября 1909 г. с отрядом хамидийцев. Он заставлял население пограничной полосы принимать турецкое подданство, а в случае сопротивления жителей разрешил курдским вождям грабить их и выгонять из деревень. Особенно активную подстрекательскую деятельность проводил он среди курдов Урмийского района. Он предложил губернатору Урмии свои услуги для борьбы против шахского правительства. Хотя губернатор отклонил его предложения, Абдул-Кадыру удалось восстановить против иранского правительства большинство урмийских курдов [106]. «Приезд в Урмию шейха Абдул-Кадыра,— сообщал штаб КВО в конце октября 1911 г.,— принес туркам большую пользу, так как в конце концов он сумел повлиять на курдов и внушить им, что от русских помощи они все равно не получат; вследствие чего курдские беки, которые чуть ли не еженедельно вели переписку с нашим

[105] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, л. 10; «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 215.

[106] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 177, л. 145; ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, л. 10; ф. «Политархив», 1910 г., д. 1038, л. 77.

вице-консульством, теперь совершенно прекратили ее»[107]. Абдул-Кадыру удалось подчинить своему влиянию и привлечь на сторону Турции почти всех бекзадинцев и даже часть шеккаков, которые раньше были известны своим враждебным отношением к Турции[108].

Под влиянием Абдул-Кадыра на сторону турок перешли и другие курдские вожди пограничных районов Иранского Курдистана. Особенно большую роль в осуществлении захватнических планов турок играли Мир-Мамед, Темир-ага и Курдо-бек, давшие в свое время дехалет туркам. Темир-ага, ярый сторонник турок, по словам вице-консула в Урмии Преображенского, «является бичом Сомайской округи и Салмасской дороги»[109]. В начале июля 1910 г., например, Темир-ага и Курдо-бек полностью разгромили селение Сенгер, отказавшееся признать турецкую власть. Перед нападением на это селение они имели свидание с турецким консулом и действовали по его указанию[110]. «Вслед за курдами, — писал генконсул в Табризе, — двигаются турецкие войска, занимающие разграбленные селения под предлогом защиты от курдов»[111].

В своей экспансионистской политике в пограничных районах Иранского Курдистана Турция использовала отдельных представителей шахской администрации. Особенно большую услугу оказал туркам губернатор Урмии Мохташам ос-Салтане своим нежеланием принять решительные меры против своеволия отдельных курдских вождей. Чего стоило хотя бы решение Мохташама поручить охрану порядка в окрестностях Урмии... курдским вождям, которые получили к тому же право брать различные поборы с охраняемых ими селений. Естественно, что результатом явилось резкое увеличение беспорядков в Урмийском районе[112].

Мохташам сознательно потворствовал беспорядкам в Урмии, Хое и Салмасе с целью побудить население искать

---

[107] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 310.

[108] Там же, л. 310; АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 121. Турки, несмотря на ту большую помощь, которую оказал им Абдул-Кадыр в пограничной полосе, не доверяли ему (и не без оснований). Турецкие власти боялись значительного усиления влияния Абдул-Кадыра; он, например, основал в пограничной полосе национальный курдский фонд, взыскивая с каждой семьи налог в свою пользу. Турецкий посол в Тегеране просил даже отозвать его обратно в Стамбул.

[109] АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 668, л. 86.

[110] Там же, д. 667, л. 90.

[111] АВПР, ф. «Персидский стол», 1906—1910 г., д. 1201, л. 269.

[112] Там же, д. 1201, л. 269; ЦГИА, ф. 797, 1910 г., оп. 80, д. 140, л. 17.

защиту у турок. Это позволило туркам вновь приступить к увеличению своих войск в спорной полосе. Поведение иранского губернатора,— писал вице-консул в Урмии,— приведет к тому, что «доведенное до отчаяния население, потерявшее всякую надежду на помощь откуда-либо, рано или поздно принуждено будет искать спасения у турок, истинных хозяев края»[113]. Деятельность Мохташама ос-Салтане можно квалифицировать не только как полную неспособность управлять краем, но и как прямую измену своему правительству. Он, например, убеждал местных помещиков подчиниться турецким военным властям, иногда и подстрекал курдов грабить христианские селения[114].

В сентябре 1910 г. Мохташам ос-Салтане был уволен со своей должности. На время в крае воцарилось относительное спокойствие. Новый губернатор Эджлаль оль-Мольк начал действовать весьма энергично. В его политике, писал русский вице-консул в Урмии, «намечаются два главных течения: подчинение курдов и преследование дехалетчиков». Однако уже через несколько месяцев все пошло по-старому: бессильная и прогнившая иранская администрация оказалась неспособной противостоять турецким проискам. Как писал Голубинов, Эджлаль оль-Мольк «заявил, что он предоставляет России решение дальнейшей судьбы Урмии»[115].

Позиция макинского сердара Муртаза Кули-хана Эгбаль ос-Салтане также была на руку турецким захватчикам. Маленькое ханство Маку, расположенное в крайней северо-западной части Ирана и занимавшее важное стратегическое положение на стыке границ Ирана, Турции и России, только формально входило в его состав. Сердар, жестокий деспот и реакционер, опирался на курдских ханов, с помощью которых он держал в подчинении и беспощадно угнетал коренное азербайджанское население. Он был ярый враг иранской революции и опора всех контрреволюционных сил в Иранском Азербайджане. Турки были весьма заинтересованы в привлечении макинского сердара на свою сторону; последний же стремился заручиться их поддержкой для борьбы с растущим революционным движением в самом ханстве и в окрестных районах. Он вступил в сношения с вождями турецких курдов и начал усиленно приглашать их

---

[113] Там же, 1910 г., д. 1200, лл. 108, 112; ЦГИА, ф. 796, 1910 г., оп. 191; д. 213, лл. 30—31.

[114] АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, лл. 233, 234.

[115] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, лл. 88, 94, 111.

в Макинское ханство с целью, как писал в феврале 1911 г. генконсул в Тавризе, «обезопасить себя от прихода персидских революционных войск и в случае надобности угрожать азербайджанскому правителю». Турки всемерно поощряли эту деятельность сердара[116]. В то же время сложная обстановка на турецко-иранской границе в рассматриваемые годы позволяла сердару лавировать (иногда не без успеха) между Ираном, Турцией и Россией, опираясь то на иранских, то на турецких курдов. В результате Макинское ханство становилось ареной турецко-иранских и русско-турецких противоречий, а макинский вопрос накануне первой мировой войны приобрел большую остроту.

Организаторами всей подрывной работы в пограничных районах Иранского Курдистана были турецкие консулы в Урмии, Хое, Салмасе и в других больших и малых пунктах «спорной» полосы. Особенно большую роль играло турецкое консульство в Урмии, которое стало штабом всей протурецкой деятельности среди иранских курдов. Русский вице-консул в Урмии писал, что участие его турецкого коллеги во всех курдских делах несомненно. «Очевидно, он снабжен в этом отношении очень определенными инструкциями»[117].

Среди других турецких агентов в Иранском Курдистане выделился консульский агент в Урмии Питер Эллоу (известный также под именем Ага Петроса), находившийся на турецкой службе, выходец из Канады, за которым на родине числилось немало уголовных деяний. Этот авантюрист и проходимец считался одним из наиболее активных агитаторов, действовавших среди иранских курдов. Он оказал значительные услуги турецким интервентам. Недаром Извольский настойчиво требовал, чтобы британское правительство добивалось от Порты его высылки и выдачи[118].

Тактика и стратегия младотурецких экспансионистов в Западном Иране была настолько ясна, что разгадать ее не составляло никакого труда. Исполняющий обязанности начальника штаба Кавказского военного округа генерал Юденич писал в конце августа 1910 г.: «План турок, видимо, состоит в следующем: они подстрекают курдов грабить селения, не желающие принять турецкое подданство, для того, чтобы жители, доведенные до отчаяния и не видящие

---

[116] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1910 г., д. 169, л. 10.
[117] АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 112.
[118] Там же, 1909 г., д. 662, л. 61.

поддержки со стороны русских, обратились за помощью к туркам. Когда они добьются этого, то заявят, что Урмийский округ они не захватили, а сами жители просили турецкого покровительства. План этот приводится в исполнение с большой настойчивостью, причем исполнителем этого плана является также и губернатор, подкупленный турками... Селения, принявшие турецкое покровительство, не подвергаются нападению курдов»[119].

То, что курдский вопрос составлял главное содержание турецкой агрессии против Ирана, подтверждал и вице-консул в Ване Олферьев, наблюдавший события, так сказать, с другой стороны границы. «Помимо всяких заманчивых перспектив и иллюзий,— писал он,— связанных с мечтами о торжестве турецкого оружия в Персии и на Кавказе, младотурки питают в настоящую минуту великие надежды на то, что персидские курды, с усилением военных сил в Ванском округе, добровольно признают себя турецкими подданными и помогут Турции наложить руку на весь Персидский Курдистан. Отношения между курдами и турками ныне вполне наладились, так как первым обещаны всякие милости, на их грабежи закрывают глаза и им не скупятся раздавать деньги и оружие, особенно в Персии. На это следует обратить особое внимание, ибо, по имеющимся у меня сведениям, престиж Турции в Персидском Курдистане крепнет изо дня в день»[120].

Терлецкий, объездивший весь Курдистан и турецко-иранскую пограничную полосу во второй половине 1910 и начале 1911 г., также утверждал об укреплении влияния Турции среди курдских племен Ирана. По его словам, отношение курдских вождей в захваченных турками районах пограничной полосы к иранскому правительству «в большинстве случаев самое пренебрежительное» и что они часто меняют теперь свой персидский титул «хан» на турецкий «ага» или «бей». «Курды, несмотря на любовь к независимости,— писал Терлецкий,— прекрасно понимают, что такое „власть", и уважают ее чрезвычайно. Находясь между двумя государствами, постоянно претендовавшими на их земли, они, благодаря несложной политике, могли сохранить свою независимость или по крайней мере отстранить вмешательство в свои внутренние дела, но теперь, когда одно государство клонится к полному разложению, а другое, напро-

119 Там же, 1910 г., д. 1200, лл. 244—245.
120 Там же, 1911 г., д. 1202, л. 398.

тив, проявляет все признаки государства возрождающегося и крепнущего, курдам уже придется забыть о временных переходах в подчинение то к персам, то к туркам и остановиться на последних окончательно. Курды это сознали и, не видя поддержки ниоткуда (они много возлагали надежд на Россию), подчиняются теперь туркам без сопротивления, изучают их язык и спешат усвоить османскую цивилизацию» [121].

Терлецкий, как будет показано дальше, без достаточных оснований явно переоценил силу «возрождающегося и крепнущего» турецкого государства и успехи турецкой политики среди курдов.

В оккупированных районах Иранского Курдистана турецкие власти организовали свою гражданскую администрацию, которая приступила к переписи населения, завела кадастровые книги, ввела турецкую налоговую систему [122]. Эти районы, первоначально названные невахийе джедиде (новые уезды), были переименованы в невахийе шаркийе (восточные уезды).

Мероприятия турецкой администрации в области социально-экономических отношений имели вполне определенную целенаправленность: создать себе опору в лице безусловно преданных турецкому правительству курдских феодалов и подорвать позиции и влияние той прослойки помещиков, экономические и политические интересы которых по разным причинам издавна были связаны с иранской государственностью.

Поэтому турки всемерно поощряли создание в пограничных районах Ирана класса землевладельцев из турецких курдов. Этот процесс принимал различные формы. Иногда турецкие военные и гражданские власти поощряли аренду курдскими беями и шейхами принадлежащих иранским помещикам имений как в непосредственно оккупированных районах, так и в соседних. Часто турки просто отбирали поместья у местных помещиков и передавали их своим фаворитам из курдской знати. Особенно много деревень было захвачено протурецки настроенными курдами в Барадосте, Тергевере и близлежащих местах под тем предлогом, что эти поместья принадлежали им еще до похода Обейдуллы. Практиковался и такой метод, когда турецкие офицеры в сопровождении воинских команд объезжали курдских вож-

---

[121] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3908, лл. 19—20.
[122] Там же, л. 19.

дей и вынуждали их подписывать мазбата (протоколы), в которых говорилось, что они довольны турецким управлением, что принадлежащие им земли являются действительно турецкими, и т. д. Впоследствии это давало туркам возможность утверждать, что население одобрило их действия [123].

От всех этих мероприятий турецких оккупационных властей выиграли в основном только крупные курдские феодалы турецкого происхождения, вроде Абдул-Кадыра и ему подобных, издавна претендовавшие на земли в Иране. В то же время иранские помещики и мелкие курдские ага были непосредственно ущемлены произволом турок и открыто выражали свое недовольство новыми порядками. «...Именно здесь кроется источник возможных осложнений для турок», — писал по этому поводу Минорский, посетивший пограничную полосу в 1911 г. [124].

Стремясь ослабить влияние недовольных турецкой оккупацией помещиков и одновременно заручиться поддержкой населения края, турки декларировали мероприятия, призванные якобы облегчить положение оседлого крестьянства, райи. Они, например, обещали не взыскивать малиат (подати) с райи [125].

Это давало кое-кому повод делать необоснованные выводы о защите турками интересов крестьянства, об «уравнительных» тенденциях в их аграрной политике и т. п. [126]. Даже В. Ф. Минорский, наиболее компетентный и осведомленный свидетель, допустил эту ошибку. «Судя по моим наблюдениям в 1911 г. во время турецкой оккупации Персидского Курдистана, — писал он в своем очерке «Турецко-персидская граница»,— турки вполне отдают себе отчет в противоположности интересов курдских ханов и их райетов и, открыто становясь на сторону последних, вероятно, смогут существенно затормозить в будущем развитие курдского движения» [127]. В действительности гнет новых помещиков был ничуть не меньше гнета старых иранских феодалов; декларированные турками в демагогических целях реформы остались на бумаге. Более того, трудовое население оккупированных районов жестоко страдало от поборов, реквизиций и произвола турецких властей, не говоря уже о полном от-

---

[123] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1203, лл. 241—242.

[124] Там же.

[125] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, л. 51.

[126] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 7400а, лл. 34—35.

[127] «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 355.

сутствии безопасности и порядка в пограничной полосе. В силу указанных причин основные группы населения в захваченных турками районах, каждая исходя из своих интересов, были настроены против турецких оккупантов.

Достаточно убедительны, к примеру, свидетельства Минорского и британского представителя Шипле, специально изучавших положение в пограничной полосе. «...Мы убедились,— писали они в своем совместном отчете,— что управление турок вообще не пользуется популярностью среди их новых подданных... Господствующим настроением по отношению к новому режиму, в особенности среди феодалов-землевладельцев и их приближенных, является общее недовольство... присутствие турецких войск, тяжесть которого, главным образом, ложится на крестьян, является причиной многих жалоб»[128].

По мере укрепления турецких позиций в пограничных районах Иранского Курдистана росла и вражда местного населения против новой власти. Самым неприятным для турок являлось то обстоятельство, что в эту оппозицию вовлекались не только курдские массы, мелкие и средние ханы, но и некоторые крупные феодалы, пользовавшиеся значительным влиянием по обе стороны границы. Они пытались собирать доходы с тех земель, которые были заняты турками, из-за чего происходили многочисленные инциденты[129]. Позиции турецких оккупантов подрывала борьба между курдскими племенами, обострявшаяся с каждым месяцем вследствие появления здесь выходцев из Турецкого Курдистана, пользовавшихся предпочтительным вниманием и прямой поддержкой турецкой администрации.

Антитурецкую оппозицию курдов пограничной полосы возглавили Бадр-хан, вождь бекзадинцев, и Пиро-бек из племени харки. Несмотря на уговоры и угрозы Абдул-Кадыра, они еще в начале 1910 г. открыто высказались против установления турецкого господства над Иранским Курдистаном и выражали солидарность с иранским правительством. С этого же времени они вступили в контакт с русским вице-консульством в Урмии, ходатайствуя о покровительстве России[130]. Бадр-хан, писал вице-консул Преображенский,—

---

[128] Там же, стр. 119—121.

[129] АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 668, л. 44.

[130] Там же, 1906—1910 гг., д. 1201, л. 20. Бадр-хан заявил вице-консулу, что если просьба будет удовлетворена, многие бекзадинские племена «стали бы самыми преданными слугами русского правительства» (там же, 1910 г., д. 1200, лл. 53—55).

«пропагандирует среди бекзадинских начальников идею, что лучше всего курдам жилось бы под русским владычеством». С жалобами на турок и с просьбами о покровительстве в российское вице-консульство обращались также курдские вожди из Мергевера Абдулла-бей и Абдаль-хан и карапапахи из Сулдуза[131]. «Идея о переходе из персидского в русское подданство,— писал вице-консул,— вообще очень популярна в Урмии. Нисколько не сомневаясь, я могу утвердительно сказать, что почти вся Урмия, за исключением немногих клевретов Мухташамус-Салтанэ, членов пресловутых энджоменов, все почти помещики и купцы, все без исключения христианское население считает единственным для себя спасением от окончательного разорения переход в русское подданство. Зная, что осуществление их желания недостижимо, они все стремятся добиться покровительства нашего правительства»[132].

Стремление населения пограничных районов Ирана, в том числе и курдов, добиться покровительства России наблюдатели справедливо объясняли слабостью иранской власти, полностью дискредитировавшей себя в глазах населения неспособностью противостоять внешней агрессии и обеспечить своим подданным элементарную безопасность. «Явись на место турок кто-либо другой, более сильный и, что еще важнее, более справедливый и энергичный,— писал Преображенский из Урмии,— и курды их немедленно оставят...»[133]

Курды не ограничивались пассивным протестом против захватнической политики Турции, выразившимся в растущем желании перейти под покровительство России. Уже с середины 1910 г. среди них замечалось брожение, направленное против турецкого режима. В конце июня 1910 г. в Сомае под руководством эмира Дженга произошло вооруженное выступление курдов против турок. «Курды сильно озлоблены на турок, их симпатии клонятся на нашу сторону»[134], — писал Олферьев в октябре 1911 г.

Еще больше подлила масла в огонь междоусобная борьба, вспыхнувшая в начале лета 1911 г. между Абдул-Кады-

---

[131] Там же, 1910 г., д. 1200, лл. 53—55. Карапапахи — тюркское племя, воспринявшее от курдов многие черты их культуры и быта. Сулдузские карапапахи эмигрировали из Эриванской губернии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[132] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, л. 77.

[133] Там же, лл. 111—112; ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 56.

[134] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1910 г., д. 60, л. 89; 1911 г., д. 672, л. 35.

ром и его племянником — шемдинанским шейхом Та. В эту распрю ввязались бекзадинцы, шеккаки и некоторые другие племена, поддерживавшие, в зависимости от обстоятельств, то Абдул-Кадыра, то его противника. Большинство шеккаков, однако, отказалось следовать за Абдул-Кадыром: их вожди открыто заявили, что предпочитают иранское владычество турецкому [135].

Преследуя собственные интересы, турки открыто вмешались в эту междоусобную борьбу. Сначала они поддерживали Абдул-Кадыра, а потом, опасаясь усиления его влияния на иранских курдов, стали помогать шейху Та, который был хотя и менее влиятелен, но зато более богат [136]. В результате такой политики турецкое влияние значительно ослабло среди пограничных курдских племен: убедившись, что политика турок имеет двурушнический, своекорыстный характер, им перестали доверять. От Турции начали отворачиваться даже самые верные ее приверженцы.

Наиболее сильного и опасного врага турки встретили в лице правителя Котура Измаила-ага Симко. Ханство Котур всегда было предметом вожделений турецких правящих кругов в силу своего важного стратегического положения в районе стыка границ Турции, России и Ирана. Несмотря на то, что международные соглашения (Сан-Стефанский договор от 19 февраля 1878 г., русско-английское соглашение, заключенное в Лондоне 18/30 мая 1878 г., и статья 60 Берлинского трактата) ясно и недвусмысленно определяли суверенитет Ирана над Котуром [137], Турция мечтала захватить это ханство. Но для этого нужно было привлечь на свою сторону вождя шеккаков Симко, полновластного хозяина Котура.

Осенью 1910 г. турки, успевшие захватить часть территории Котура, предложили Симко перейти в турецкое подданство, обещая ему взамен отдать в пожизненное управление Котур, Чахрик и Сомай. Симко, без труда разгадав истинные замыслы турок, решительно отверг это предложение и одновременно обратился к иранскому правительству через Эджлаль оль-Молька с предложением помощи деньгами и оружием для борьбы против турецкой агрессии [138].

---

[135] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 52; ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, л. 46.

[136] Там же, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 101, 102.

[137] Ф. Мартенс, *Собрание трактатов и конвенций,* т. VIII, стр. 673—674.

[138] АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 666, л. 111.

Не получив ответа от шахского правительства, которое меньше всего было способно организовать действенный отпор турецким интервентам, Симко начал партизанскую войну против турок [139].

Не рассчитывая на собственные силы, он обратился за поддержкой к России. 11 октября 1911 г. Симко отправил письмо русскому вице-консулу в Урмии, в котором говорилось: «Пользуясь внутренними беспорядками в Персии, турки вступили со мной в открытую борьбу... Теперь Персия находится под высоким покровительством России. Поэтому, если другие государства пожелают захватить персидскую территорию, то Россия обязана не допустить подобных захватов. Прошу Вас оказать противодействие злому умыслу турок» [140].

Итак, значительная часть курдов пограничной полосы, даже те, которые на первых порах помогали туркам, в конце концов начали отходить от них, уяснив себе, что турецкое нашествие ничего хорошего им не сулит. Это поставило под угрозу срыва турецкие планы отторжения от Ирана его курдских районов и объединения под эгидой Стамбула всего Курдистана.

Турецкие захватчики не желали примириться с явным провалом намерения сплотить вокруг себя иранских курдов. Особую тревогу внушал правящим кругам Турции рост прорусских настроений в Иранском Курдистане. Поэтому в начале 1911 г. они начали главное внимание уделять антирусской пропаганде среди курдов пограничной полосы, рассчитывая, что вражда к русским бросит курдов в объятия Турции. «...Турки стремятся во что бы то ни стало настроить курдов во вред России и создать в Персии новую смуту для оправдания новых захватов»,— писал Голубинов [141].

К антирусской агитации среди курдов были привлечены панисламисты, выходцы с Кавказа (Ахмед Агаев и другие). По словам Олферьева, они с помощью турецких властей «воспитывают в населении враждебные инстинкты против России, работают над объединением курдов и привлечением Персидского Курдистана в сферу турецкого влияния». На эти цели и на подкуп вождей иранских курдов расходовались деньги, отпущенные на реорганизацию хамидие [142].

---

[139] Там же, 1911 г., д. 672, л. 27.

[140] Там же, д. 1204, л. 19.

[141] Там же, д. 672, л. 67; ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 102—104.

[142] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910 г., д. 1598, лл. 5—6.

В пограничной полосе турецкие власти стали раздавать курдам оружие, патроны, амуницию и открыто поощрять их к враждебным актам против представителей России в Иране и русских войск[143]. В результате подстрекательской деятельности турок возникали инциденты, самый крупный из которых произошел с сотником Бичераховым[144].

Большие надежды возлагали турецкие правящие круги на контрреволюционный мятеж Салара од-Доуле. Некоторые наблюдатели (например, вице-консул в Хое Преображенский) утверждали, что турки поддерживали иранских революционеров, чтобы причинить затруднения России, которая вместе с Англией участвовала в подавлении иранской революции[145]. То были поверхностные, а потому и неверные суждения. В действительности Турция с самого начала иранской революции заняла по отношению к ней резко враждебную позицию[146]. Этот курс не изменился и при младотурках. Турецкая реакция выступила против революционного движения в соседнем Иране не только из-за своей вражды к демократии вообще и стремления нейтрализовать революционизирующее влияние событий в Иране на Турцию, но и потому, что в случае успеха иранской революции реализация турецких захватнических планов в отношении Иранского Курдистана встретила бы еще бо́льшие трудности. Особую ненависть у турецких оккупантов вызвала деятельность в Иранском Курдистане и Азербайджане революционных энджуменов по установлению порядка в крае и борьбе с насквозь прогнившей шахской администрацией.

В конце весны 1911 г. контрреволюционные силы в Иране значительно активизировались. На севере страны к походу на Тегеран готовился Мохаммед Али-шах. На западе в поддержку шаха из Турции выступил его брат Салар од-Доуле.

Во время его пребывания в Турции, по сведениям Ол-

---

[143] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л. 209; 1912 г., д. 1205, л. 76.

[144] 11 ноября 1911 г. при переходе из Хоя в Урмию команда казаков во главе с Бичераховым была атакована у Джемалабада курдами, среди которых находились и турецкие солдаты. Русские понесли потери, сам Бичерахов был ранен (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, лл. 45—47).

[145] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1205, л. 74.

[146] М. С. Иванов приводит материалы, свидетельствующие о сговоре Мохаммед Али-шаха с Абдул-Хамидом II, направленном против иранской революции (см. М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 годов*, М., 1957, стр. 189).

ферьева, почерпнутым от руководителя дашнакской организации в Ване Ишхана, с Саларом вели секретные переговоры члены комитета «Единение и прогресс». Его снабдили деньгами и поручили вести агитацию среди иранских курдов [147] с целью подчинить себе весь Иранский Курдистан, а затем и Азербайджан. В случае удачи он должен был провозгласить себя шахом Ирана и признать протекторат Турции. Даже если это сообщение и не совсем точно, дальнейшие события свидетельствуют об открыто протурецкой направленности деятельности Салара.

В конце апреля 1911 г. Салар од-Доуле появился в северо-западных районах Иранского Курдистана. Сначала он направился в район Сулдуза и Соуджбулака, где посетил, в сопровождении турецких военных и гражданских чинов, курдские селения и имел многочисленные встречи с курдскими вождями. «По-видимому,— писал Миллер из Тавриза,— турки намерены воспользоваться им для набега под его предводительством курдов на Азербайджан, дабы иметь повод вмешаться» [148].

Дальнейшая деятельность Салара отчасти подтверждает это предположение. Он начал собирать войско, значительная часть которого состояла из курдов Южного (Иракского) Курдистана. К Салару примкнули, в частности, шейх Мухаммед из племени джаф (4 тыс. всадников) и шейх Мухаммед Хосров ибн шейх Саид из племени зенгене (2 тыс. всадников) [149]. Кроме того, он усиленно вербовал себе сторонников из иранских курдов. В мае 1911 г. к нему присоединилось около 2 тыс. мукринцев. Поговаривали и о намерении шейха Абдул-Кадыра поддержать движение Салара [150].

---

[147] Такие же инструкции получили и некоторые панисламисты, выходцы из России (Карабеков и другие), направленные в Иранский Курдистан для борьбы с русским влиянием и примирения курдов-шиитов с суннитами.

Кстати говоря, турки пытались, и часто с успехом, использовать для антирусской пропаганды среди курдов и армян-дашнаков, спекулируя на недовольстве армянских националистов политикой царизма на Кавказе. Дашнаки со своей стороны всячески разжигали курдо-армянскую вражду и нередко, чтобы заставить население записываться в их партию и помогать ей материально, терроризировали армян и ассирийцев, переодевшись в курдское платье (см. «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии с конца 1906 г. по 31 декабря 1911 г.», вып. 6, СПб., 1913, стр. 83).

[148] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л.325.

[149] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, л. 24.

[150] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л. 440.

В течение мая — июня 1911 г. Салар объехал весь Иранский Курдистан. В Секкезе он заручился поддержкой многих курдских ханов. Оттуда он проследовал в Сенне в сопровождении большого отряда конных и пеших курдов. Там Салар объявил себя правителем всего Курдистана (в середине июля 1911 г.) и начал готовиться к походу на Тегеран[151] одновременно с Мохаммедом Али-шахом, наступавшим на столицу с севера. Многими курдскими отрядами, входившими в войско Салара од-Доуле, командовали турецкие офицеры. Однако на этом успехи Салара прекратились. Большинство племен Иранского Курдистана отказалось его поддержать, очевидно, разгадав, что он несет с собой турецкое ярмо. Активизировались и революционные силы, организовав отпор притязаниям Салара. Первыми отшатнулись от Салара курдские ханы в Песве. Затем его стали покидать и мукринские курды. Дольше всех Салара поддерживали бекзадинцы, но и их ряды быстро таяли[152]. Оставшись почти без войска, Салар од-Доуле вынужден был бежать в южные районы Иранского Курдистана, откуда он намеревался, собравшись с силами, предпринять новую попытку в ближайшем будущем объединить под своим началом всех курдов и двинуть их на Тегеран.

В конце июля 1911 г. Салар прибыл в Керманшах, а в середине августа занял без всякого сопротивления Хамадан. Но на дальнейшее продвижение у него уже не хватило сил. Намерение Салара од-Доуле и стоявшей за ним Турции с первой же попытки захватить весь Иранский Курдистан и организовать контрреволюционный поход на Тегеран окончилось полной неудачей.

События, происходившие в пограничных районах Иранского Курдистана, привлекали самое пристальное внимание заинтересованных держав — России, Англии и Германии. Особенно были встревожены правящие круги царской России, видевшие в них угрозу как безопасности кавказской границе, так и своим интересам в Иране, в первую очередь в его северо-западных и западных районах.

Многие представители России на Ближнем Востоке давно уже били тревогу в связи с положением по ту сторону Аракса. В. Ф. Минорский в своем отчете о поездке в Ма-

---

[151] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 174, лл. 151, 153; ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1202, л. 437.

[152] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, лл. 5, 11.

кинское ханство еще в 1905 г. писал: «...Для России Курдистан в обширном смысле, несмотря на кажущуюся удаленность, далеко не безразличен. Всякого рода изменения на территории Азербайджана, столь тесно связанного с Россией, для нас нежелательны. В этой пограничной с нами области для нас необходимо поддержание территориального status quo, а так как нарушению его могут прежде всего грозить турки, то мы должны, по возможности, изучать их и наблюдать за ними, помня, что всякий участок, отошедший от Персии к Турции, надо считать ускользнувшим от нашего мирного влияния»[153].

Другой наблюдатель, Д. Беляев, указывал: «...Является излишним доказывать, насколько мы заинтересованы в том, чтобы процесс растворения края и подчинения его законной власти персидского правительства, способной оградить интересы нашей торговли и наших подданных, начался бы возможно скорее и шел без уклонения и остановок... Настоятельной задачей настоящего момента является локализация турецких захватов и ограничение их к югу от Урмийского озера хотя бы пределами, которые они заняли теперь»[154]. Начальник русской духовной миссии в Урмии архимандрит Сергий в связи с подрывной деятельностью турецкого консула среди местных курдов отмечал (в конце июня 1910 г.): «Престиж нашего великого государства падает не по годам, а по месяцам, отзвук былого русского величия здесь в Урмии в последнее время перенесся в Курдистан... Христиане Урмии и Курдистана... ждут спасения от России»[155].

Серьезность положения в Иранском Курдистане постепенно начали понимать и руководящие деятели царской России. 25 июня 1910 г. военный министр Сухомлинов направил председателю Совета министров Столыпину специальное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Кроме невыгодного для нас влияния на возможную группировку турецкой армии при войне с Россией, захват турками персидской территории влечет за собой вообще нежелательное для нас усиление Турции за счет слабой Персии, а также отвечает давнишнему стремлению турецкого правительства объединить и окончательно подчинить своей власти все во-

---

153 «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 18.

154 Д. Беляев, *Очерки северо-восточной части Персидского Курдистана*, стр. 19—20.

155 АВПР, ф. «Персидский стол», 1910—1917 гг., д. 4481, лл. 80—81.

инственные курдские племена, что возможно лишь при овладении и Персидским Курдистаном. Успех этого дела в значительной мере усилит военное могущество Оттоманской империи, так как вместо забот о поддержании спокойствия среди ненадежных курдских аширетов позволит извлечь из них большую пользу формированием дешево стоящей иррегулярной конницы из кочевых курдских племен». Военный министр предлагал немедленно принять меры[156].

Очевидно, назрел вопрос о выработке единого плана действий в отношении турецких захватов в Иранском Курдистане. Этому и было посвящено совещание представителей генштаба и Министерства иностранных дел, собравшееся 1(14) марта 1911 г.

Главный специалист Военного министерства по курдскому вопросу генерал-майор Аверьянов, посвятив свое выступление стратегическим последствиям для России турецких захватов, указал и на важный политический момент: «Объединение курдов,— писал он,— могущее получиться в результате турецких захватов, также невыгодно для нас, и нам желательно всячески поддерживать среди них разъединение».

Одновременно Аверьянов заявил, что он не верит в возможность России использовать курдов во время войны с Турцией.

Военный агент России в Турции генерал-майор Хольмсен предложил в качестве главного средства влияния на курдов подкуп племенной верхушки деньгами.

Директор 1-го департамента, ведающего ближневосточными делами, Министерства иностранных дел России Клемм, напротив, этой мере не придавал серьезного значения, ибо, по его словам, «курды ищут прежде всего фактического покровительства». До сих пор, сказал Клемм, эта проблема еще не решена.

Свое выступление Клемм посвятил в основном выяснению вопроса, каким образом можно воздействовать на Турцию. В первую очередь он считал необходимым заручиться дипломатической поддержкой со стороны Англии, «пока ей важно оказать давление на Турцию для решения в своих интересах вопроса о конечном участке Багдадской дороги». Хотя действия Англии, заметил Клемм, будут находиться «в прямой зависимости от того, удастся ли Германии самостоятельно сговориться с Турцией по вопросу о железной

---

[156] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 70, 72—74.

дороге», в настоящий момент можно рассчитывать на энергичную поддержку британской дипломатии[157].

Итоги совещания, которые подвел Клемм, сводились к следующему:

1) Турецкие захваты представляют для России несомненную опасность, так как «связывают оперативные действия Эриванского отряда и при известных условиях могут явиться прямой угрозой Закавказью».

2) «Нам нежелательно объединение курдов в смысле использования их во враждебных целях; наоборот, нам всеми возможными средствами следует повлиять на персидских курдов, чтобы отвлечь их от Турции; в этом случае надлежит действовать на шейхов и начальников аширетов. В связи с этим желательно расширить территориальные владения макинского хана».

3) На турок следует оказать дипломатическое давление, организовав одновременно совместный объезд спорной полосы представителями России и Англии.

4) Следует возбудить через прессу в Персии патриотизм в связи с турецкой агрессией.

5) В случае неуспеха дипломатических мер русскими войсками должны быть заняты Хой и некоторые другие пункты.

6, 7 и 8 пункты предусматривали меры по усилению русских позиций в Иранском Азербайджане, в том числе продолжение железной дороги до Хоя и Табриза, увеличение персидской казачьей бригады и т. п.[158].

Таким образом, впервые Россия решила принять действенные меры для ограждения своих интересов в Курдистане и перейти от слов к делу.

Ознакомившись с результатами совещания, Сухомлинов вновь обратил внимание Столыпина [в письме от 15(28) апреля 1911 г.] на опасность для России турецких захватов в Иранском Курдистане и предложил провести возможно скорее четкое разграничение между Ираном и Турцией[159].

О методах, с помощью которых Россия могла наиболее быстро и эффективно утвердить свои позиции в Иранском

---

[157] Как раз в это время в дипломатических сферах дебатировался вопрос о постройке конечного участка Багдадской железной дороги — Багдад — Персидский залив. Англия, намереваясь вырвать контроль за строительством этого участка из рук германской группы, была заинтересована в дипломатической поддержке России.

[158] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 162—168.

[159] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 191—192, 194.

Курдистане, существовали различные мнения. Голубинов, например, считал необходимым активно вмешиваться в межплеменные отношения [160].

Посол в Турции Чарыков, напротив, полагал, что Россия должна добиваться своих целей в Курдистане преимущественно дипломатическим путем. «Относительно же воздействия на Турцию в Урмийском и других персидских вопросах,— писал он Извольскому,— представлялось бы нежелательным прибегать к участию курдов». Особенно решительно он отвергал мысль о возможности инспирации курдов против турецкого правительства. «Противоправительственная агитация среди курдов,— утверждал Чарыков,— дала бы Порте, между прочим, приличный предлог не только замедлить отозвание своих отрядов из персидских пределов, но даже усилить свои войска в северо-восточном Курдистане, что не соответствовало бы нашим интересам» [161]. Посольство, таким образом, предлагало выбрать наиболее осторожный путь.

Минорский в своей записке о мерах противодействия турецким захватам в Иране в общем придерживался аналогичных взглядов, но указывал на необходимость заручиться расположением курдских религиозных лидеров (шейхов Зембили, Юсуфа, Баба-Саида и др.), которые имели громадное влияние на «своих суеверных сородичей» [162].

Не было единства и во взглядах, на чем должна Россия основывать свои взаимоотношения с курдскими племенами, что нужно сделать для того, чтобы не допустить враждебных выступлений курдов против России и покровительствуемых ею христианских меньшинств. Кавказские власти предлагали осуществлять активное вмешательство во внутреннюю жизнь Иранского Курдистана. В своем письме министру иностранных дел Воронцов-Дашков одной из причин нападения курдов на сотника Бичерахова считал «нашу нерешительную политику в Константинополе и Персии». Наместник обрушился на посланника в Тегеране Поклевского-Козелл за то, что он из опасений столкновений с турками возражал против посылки в Хой и соседние районы русских войск. «Тем более протестую против совета его о дипломатической волоките в Константинополе». Надо не только говорить, утверждал Воронцов-Дашков, но и действовать, ина-

---

160 АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 672, л. 52.

161 Там же, 1906—1910 гг., д. 1201, л. 141.

162 Там же, 1911 г., д. 1202, л. 94.

че неминуема потеря нашего престижа на Востоке[163]. В другой телеграмме Воронцов-Дашков призывал скорее решить вопрос о спорной полосе, по крайней мере обозначить ее пределы. Он предлагал заставить турок признать в Урмийском районе «статус-кво», «то есть взаимно гарантировать право наше и турок находиться в занятых зонах и не вредить друг другу». Турки готовятся к войне с нами, утверждал наместник[164].

Кавказские власти, таким образом, были убеждены, что скорая война с Турцией неминуема, и предлагали поэтому действовать решительно. Некоторые русские консулы в Иранском Курдистане придерживались таких же взглядов. Еще летом 1909 г. тогдашний российский вице-консул в Урмии Миллер использовал консульский конвой для наказания бекзадинцев, совершивших нападение на одно христианское селение[165]. Архимандрит Сергий также считал необходимым увеличить консульский конвой в Урмии[166]. Голубинов в начале декабря 1911 г. отправил в деревню Сир для защиты местных христиан от курдских беев воинскую команду во главе с поручиком Ивановым. Произошло столкновение, в результате которого курды были выбиты из села[167].

Действия Голубинова вызвали резкое осуждение посланника в Иране Поклевского. «Вам не следует терять из виду цели консульские,— писал Поклевский Голубинову.— Ваш конвой предназначен исключительно для охраны вице-консульства и жизни и имущества русско-подданных в Урмии. Участие конвоя в каких-либо карательных экспедициях в окрестностях этого города недопустимо, так как может вовлечь нас в самые нежелательные осложнения, и Вы нисколько не должны смущаться тем, что воздержание наше от активных выступлений будет принято курдами за слабость. Вопрос же об усилении консульских конвоев в Персии решается министерством на основании заключения миссии, а никоим образом не путем непосредственных сношений между двумя отдельными консульствами»[168].

Эта позиция Поклевского нашла полную поддержку в Министерстве иностранных дел. Клемм рекомендовал вице-

---

[163] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 125, л. 143.

[164] Там же, лл. 425—426.

[165] Там же, 1909 г., д. 130, лл. 246—247.

[166] ЦГИА, ф. 797, 1910 г., оп. 80, лл. 1—3.

[167] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 94.

[168] Там же, д. 560, л. 95. Голубинов обратился к вице-консулу в Хое с просьбой прислать ему подкрепление.

консулу в Урмии быть крайне осторожным, избегать явных сношений с курдами, дабы не подвергать их мести турок; военные экспедиции следовало предпринимать лишь с разрешения посланника в Тегеране. «В задачи наши отнюдь не входит ответственность за спокойствие на всей Урмийской равнине, а только защита российских подданных и поддержание коммуникации»,— писал Клемм[169]. Через некоторое время Клемм снова предупредил Голубинова о необходимости быть осторожным и ни в коем случае не допускать во время «экспедиций» столкновения с курдами, за которыми почти всегда стояли турки. Открытый разрыв с последними «совершенно не соответствовал бы нашим видам»[170]. Клемм сообщил также и вице-консулу в Хое, что «надо стараться не обострять с курдами отношений...»[171].

Таким образом, в Петербурге по-прежнему придерживались осторожного курса и не желали превращения курдского вопроса в камень преткновения в русско-турецких отношениях.

Однако в отношении пограничного с Россией ханства Маку и других прилегающих к русской границе районов Северо-Западного Ирана правящие круги царской России не склонны были идти ни на какие уступки. «Лишь при нейтральности Маку,— писал Минорский еще в 1905 г.,— возможно сберечь массу сил, необходимых для охраны Эриванской границы на случай курдского вторжения». Указывая на стратегическое значение Макинского ханства, а также на его роль как центра торговых путей, Минорский отмечал: «Убеждение мое после поездки в Маку таково, что ханство, столь близко примыкающее географически к нашим пределам и связанное во всех отношениях теснее с Закавказьем, чем даже, например, с Хоем, неизбежно попадает под наше сильнейшее влияние, если только мы приложим к этому какие-нибудь старания. Соседями же ни в коем случае нельзя пренебрегать»[172].

Политика России в Макинском ханстве преследовала две основные цели: во-первых, обеспечить полную лояльность правящей верхушки ханства и, во-вторых, сохранить территориальную целостность ханства от покушения со стороны турок и послушных им курдских вождей. Первая задача

---

[169] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 297.
[170] Там же, 1912 г., д. 1205, л. 90.
[171] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 97.
[172] «Материалы по изучению Востока», вып. I, стр. 37, 50.

была тем более важна, что в период русско-японской войны, когда на кавказской границе возникла серьезная угроза со стороны турок, сердар держался, с точки зрения русских интересов, далеко не безупречно, давая многочисленные поводы подозревать его в связях с турками и панисламистскими агитаторами. Минорский писал, что он вынес впечатление «о недоброжелательном настроении сердара к России, особенно при настоящих обстоятельствах» [173].

В последующие годы, когда внутреннее и внешнее положение России укрепилось, основания прямо подозревать Муртаза Кули-хана в антирусских действиях исчезли. Русское правительство делало попытки привлечь сердара и его окружение на свою сторону, тем более, что он сам в августе 1909 г. в связи с волнениями в ханстве обратился к России с просьбой о переходе в русское подданство или, в крайнем случае, о покровительстве [174]. Эта просьба была частично удовлетворена. Вице-консул в Баязиде Михайлов, в ведении которого находилось и Маку, получил предписание оказать Изетулле-хану, племяннику Муртаза Кули-хана и наиболее влиятельному после сердара лицу в ханстве, и его родственникам «возможное покровительство и вообще расположить их в нашу сторону» [175]. Терлецкий, посетивший Маку год спустя, отметил тяготение макинской верхушки к России; по его словам, сердар ему сказал, что он может противостоять туркам, если будет уверен в полной поддержке русского правительства [176].

Эту поддержку русское правительство охотно оказало. Сазонов предписал поверенному в делах в Стамбуле Свечину «в самых энергичных выражениях указать Министерству иностранных дел, что мы не можем равнодушно относиться к самовольным действиям турок на макинской границе вблизи нашей территории, подкрепив свое заявление формальным требованием немедленного прекращения наступательного движения в персидские пределы» [177].

Однако угроза Маку со стороны турок не миновала. Поклевский уже в самом конце 1911 г. писал, что «особенно желательно» обезопасить от турецкой агрессии Макинское

---

[173] Там же, стр. 37.

[174] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1909 г., д. 38, л. 481.

[175] АВПР, ф. «Политархив», 1909 г., д. 1036, Телеграмма Чарыкова от 23.VIII.1909 г. В то же время Чарыков предупредил, что о принятии в подданство России даже одного сердара «не может быть и речи».

[176] АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 637, Рапорт от 22.VII.1910 г.

[177] АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 115, л. 17.

ханство и добиться отозвания турецких войск на запад от дороги Хой — Салмас — Урмия [178]. Воронцов-Дашков, со своей стороны, предложил отправить в Маку, где находилась всего одна казачья сотня, целый отряд в составе 1 стрелкового полка, 4 пушек, пулеметной команды и 2 сотен казаков. Кроме того, он предложил усилить отряд в Хое и вообще русские войска в Северном Иране. Чарыков высказал такое же мнение [179].

Итак, в руководящих кругах царской России наметился определенный поворот в сторону более энергичного отстаивания своих интересов в Северо-Западном Иране, что привело к значительной активизации ее политики на Ближнем Востоке. При этом поддержку русской дипломатии оказала Англия.

Сразу после младотурецкой революции Россия возобновила дипломатический нажим на Порту с целью побудить ее прекратить захватнические действия в Иранском Курдистане. Новое турецкое правительство, желая, очевидно, заслужить доверие великих держав, на первых порах высказало готовность идти на большие уступки. В конце августа 1908 г. Зиновьев имел беседу с великим везирем Кямилем-пашой и министром иностранных дел Тевфиком-пашой. В передаче Зиновьева турецкие государственные деятели сказали, что «не одобряют образа действий своих предшественников относительно Персии и намерены предписать пограничным военным властям очистить все местности, бесспорно принадлежащие Персии, а затем, что касается спорных местностей, или вступить в непосредственное соглашение с шахским правительством, или же прибегнуть к посредству России и Англии». Тевфик-паша обещал, что Тахир-паша будет заменен «более беспристрастным и благонадежным лицом» [180].

Очень скоро, однако, обнаружилось, что младотурецкое правительство, как указывалось выше, взяло на вооружение старую абдулхамидовскую тактику проволочек, увертох и оттяжек, под прикрытием которой оно продолжало проводить прежнюю агрессивную политику против своего восточного соседа.

Российское правительство с 1909 г. возобновило демарши перед Портой по пограничному вопросу. В июне 1909 г., например, Извольский по этому поводу сделал несколько пред-

---

178 АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1911 г., д. 125, л. 555.

179 Там же., л. 576; д. 149, лл. 197—198, 221.

180 АВПР, ф. «Персидский стол», 1908 г., д. 1198, л. 244.

ставлений турецкому послу Турхан-паше. Порта каждый раз обещала, что турецкие войска не будут вмешиваться в иранские дела и не допустят антирусской агитации в пограничных районах Ирана, но упорно уклонялась от существа вопроса — прекращения наступательных операций и подстрекательской деятельности среди курдов [181].

Несмотря на то, что Порта успешно выдерживала дипломатическое давление России, дело принимало неприятный для нее оборот. Турецкий посол в Лондоне запросил английское правительство, окажет ли оно помощь Турции в случае вмешательства России в турецко-иранский конфликт? Англичане ответили отрицательно. И действительно, в начале июля 1909 г. британский посол в Турции получил указание поддерживать все протесты России против турецких захватов [182].

Россия и Англия продолжали оказывать на Порту уже совместный дипломатический нажим по пограничному вопросу. В середине апреля 1910 г., например, русский и британский послы в Стамбуле сделали представление по поводу захвата турецкими войсками Урмии. Министр иностранных дел оправдывал присутствие турецких войск в Иране «необходимостью противодействовать грабежам и анархии» [183].

Стремясь лишить турецкое привительство возможности прибегать ко всякого рода лживым аргументам, Сазонов предложил Чарыкову добиваться согласия Порты на объезд ее представителем с представителями России и Англии территории от Урмии до «несомненной» турецкой границы для выяснения действительного положения дел. Если турки уклонятся от этого предложения, писал Сазонов, объезд все равно следует совершить, только с сильным конвоем [184].

Одновременно русское правительство предприняло ряд демаршей перед Портой по поводу насилий, творимых захватчиками по отношению к христианскому населению и иностранным подданным в пограничных районах. Эти демарши предпринимались как в Петербурге, так и в Стамбуле. Представление Чарыкова, сделанное в конце июля 1910 г., поддержали также британский посол и французский поверенный в делах. Министр иностранных дел Рифаат-паша вынужден был обещать, что турецкие подданные и лица,

---

[181] Там же, 1909 г., д. 662, лл. 52, 53, 56.
[182] Там же, д. 663, л. 4.
[183] Там же, 1908—1910 гг., д. 1201, л. 91.
[184] Там же, 1910 г., д. 667, л. 29.

пользующиеся турецким покровительством, не будут больше производить насилий над христианами, в противном случае они будут строго наказаны[185].

С момента возникновения турецко-иранского пограничного конфликта до 1910 г. Россия сделала Турции до 70 представлений, многие из которых поддержала и Англия, а результаты были не столь уже велики. Турецкое правительство, правда, вынуждено было в конце июня 1910 г. официально отказаться от притязаний на Урмию, Хой, Салмас и Соуджбулак[186]. Кроме того, России удалось отстоять свои интересы в Маку. 25 июня 1910 г. Чарыков вручил турецкому министру иностранных дел «очень строгую записку о Маку. Министр, кажется, понял, что трогать это ханство нельзя»[187]. Однако, официально делая уступки, турецкое правительство фактически, как уже было показано, продолжало совершать агрессивные действия в Иранском Курдистане. К тому же и эти уступки часто сопровождались такими оговорками, которые в значительной степени сводили их на нет.

Так, например, в ответ на представления России и Англии о положении в Урмии турецкое правительство заявило, что, по его мнению, Урмийский район делится на три зоны: 1) безусловно иранскую, находящуюся вне сферы турецких притязаний; 2) временно занятую турецкими войсками, пока иранские власти не смогут сами поддерживать там порядок, и 3) спорную пограничную зону, на которую турецкое правительство предъявит свои права при разграничительных работах[188]. Совершенно очевидно, что при таком подходе турецкое правительство не только оправдывало свои незаконные действия в пограничной полосе, но и выговаривало себе право совершать их в будущем.

Постепенно в Петербурге начали приходить к мнению, что метод одного лишь дипломатического давления на Порту совершенно непригоден для ликвидации турецкой агрессии в Иранском Курдистане. Особенно встревожилось русское правительство, когда получило сведения о том, что турки, оправдывая захват важных стретегических пунктов вблизи русско-иранской границы, начали зондировать почву

[185] Там же, д. 1200, л. 168. Незадолго до этого Извольский поручил посольству в Париже заручиться поддержкой французского правительства в давлении на Порту (там же, л. 135).

[186] ЦГВИА, ф. 2000с, оп. 1, д. 366, л. 163.

[187] АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 161.

[188] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 75—76.

в Тегеране для выяснения возможности объединения с Ираном против их северного соседа. Этот зондаж находил благоприятные отклики в некоторых кругах иранской столицы. В связи с этим Сазонов писал в Стамбул своему послу, что России придется перейти от слов к делу[189].

Одной из существенных причин неудачи предпринятого по инициативе России дипломатического нажима на Турцию Сазонов с полным основанием приписывал тому, что поддержка со стороны британского правительства «не носила до сих пор достаточно энергичного характера, так как Лондонский кабинет считал себя в значительной мере связанным в этом вопросе присутствием наших войск в Персии». Совместная интервенция России и Англии в Иране с целью подавления революции привела к обострению англо-русских противоречий. Англичане обещали России оказать более действенную поддержку в Стамбуле при условии вывода русских войск из некоторых районов, прилегающих к английской зоне в Иране.

Выполнив это требование, Сазонов был уверен, что дипломатический нажим на Турцию, возобновленный с новой силой, станет более эффективным[190]. Так оно и произошло.

Не нашла поддержки Турция и у Германии. Интерес германских империалистов к Курдистану после младотурецкой революции еще больше возрос. Германские инструкторы, обосновавшиеся в Эрзинджане, были привлечены к реорганизации хамидие. Немцы стали проявлять активность в Иранском Курдистане, что вызвало в Петербурге большую озабоченность. Когда до Министерства иностранных дел дошли сведения, что известный в Тебризе германский агент Шюнеман собирается совершить объезд района Меренда, Хоя, Котура и Маку, Клемм отправил заведующему дипломатической канцелярией в Тифлисе специальное письмо, в котором указывалось, что эта поездка крайне нежелательна

---

[189] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1910—1911 гг., д. 7399, ч. III, лл. 9—10.

[190] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 147. Несмотря на официальную поддержку британской дипломатией русского нажима на Турцию в связи с положением в Иранском Курдистане, британская агентура на местах, особенно в Турецком Курдистане, продолжала проводить враждебную интересам России деятельность. Англичане, а также в меньшей степени и французы, особенно интересовались курдами Дерсима. Олферьев писал, что англичан весьма тревожил тот факт, что кызылбаши «чувствуют особую склонность к России»; они хотят увеличить «свое моральное значение в Дерсиме» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1602, лл. 53—54).

и следует предупредить макинского хана, чтобы не допустить Шюнемана в Маку. За ним надо, писал Клемм, под предлогом обеспечения его безопасности, учредить строгий надзор, не допуская его общения с населением[191].

Поддержка, которую Германия оказывала Турции в ее агрессии против Ирана, имела место и в первое время после переворота 23 июля 1908 г. Согласно сведениям Зиновьева, статс-секретарь по иностранным делам фон Шен заявил турецкому послу в Берлине Осману Низами-паше, что турецких войск, посланных в Урмию для поддержания порядка и в том числе для обеспечения безопасности германских подданных, оказалось недостаточно, местное население, недовольное вступлением русского отряда на территорию Иранского Азербайджана, требует увеличить их число, и поэтому германское правительство советует Порте принять соответствующие меры. Турецкому послу было поручено заявить фон Шену, что в Урмию посылаются еще два батальона[192].

Однако вскоре Германия вынуждена была резко изменить свое отношение к турецкой интервенции в Иранском Курдистане, когда она увидела, что Россия и Англия готовы перейти от бесплодной бомбардировки Порты нотами к непосредственному вмешательству в турецко-иранский конфликт, а Россия начала вводить в Северный Иран войска. В Берлине поняли, что дальнейшие захваты Турции в Иране могут привести к включению всего Курдистана в безраздельную сферу британского и русского влияния, где немцам уже нечего будет делать. Германское правительство решило официально отмежеваться от Турции. Это было сделано во время приезда Николая II и Сазонова в декабре 1910 г. в Потсдам, где Германия предприняла попытку оторвать Россию от Антанты и поэтому решила сделать приятный русскому правительству жест по поводу турецко-иранского конфликта. По словам Сазонова, ему были даны статс-секретарем Кидерлен-Вехтером во время обсуждения вопроса о турецких захватах в Иране «... самые положительные заверения, что Германия в этом деле ни при чем и отнюдь не намерена поощрять турок или поддерживать их домогательства». Кидерлен-Вехтер решительно отмежевался от высказанного турецким министром иностранных дел утверждения, что турецкие войска были двинуты в Урмию по просьбе германского правительства для защиты германской

---

[191] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 310.
[192] Там же, 1909 г., д. 661, л. 4.

миссионерской школы. Николай II в связи с этим заявлением выразил полное удовлетворение[193].

В конце декабря 1910 г. Сазонов указал германскому послу в Петербурге Пурталесу на опасность политики территориальных захватов, которую проводит Турция в отношении Ирана. Пурталес сообщил об этой беседе в Берлин, а оттуда послу Германии в Стамбуле Маршалю фон Биберштейну было поручено сообщить Порте о неодобрении германским правительством турецкой агрессии. Несмотря на это, Сазонов предписал послу в Турции ни в коем случае не привлекать германского посла к совместным акциям России и Англии по этому вопросу[194].

Осторожность русского министра иностранных дел была вполне обоснованна, ибо он не обольщался насчет истинных намерений Германии в Курдистане и не хотел давать ей лишнюю возможность вмешиваться во внутренние дела Турции и Ирана. Германия, конечно, не оставляла намерения утвердить свое влияние среди курдов и в Курдистане и делала это, как вскоре выяснилось, довольно успешно, отнюдь не через официальные каналы. Тем не менее отказ Германии официально поддержать турецкую политику в Иране и тем более осуждение немцами этой политики еще более ухудшили позиции Турции в конфликте с Ираном.

Таким образом, младотуркам не удалось решить оставленную им в наследство прежним режимом курдскую проблему ни во внутреннем, ни в международном плане. Более того, в результате их усилий курдский вопрос стал еще более острым и осложнился открытым вмешательством великих держав.

---

193 «Доклады С. Д. Сазонова», — «Красный Архив», 1923, т. 3, стр. 8.
194 АВПР, ф. «Персидский стол», 1910 г., д. 1200, л. 331.

ГЛАВА VI

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Со второй половины 1911 г. в Турции значительно усилился кризис младотурецкого режима, против которого выступала партия «Свобода и согласие» («Хюрриет ве итиляф»), использовавшая в своих интересах разочарование народных масс младотурками, не выполнившими свои обещания. В то же время империалистические державы, готовясь к предстоящей схватке за передел мира, решили воспользоваться провалом национальной политики иттихадистов и захватить некоторые «плохо лежавшие» провинции Османской империи. Близился полный раздел «оттоманского наследства».

В сентябре 1911 г. вспыхнула турецко-итальянская война, причем западные державы оказали поддержку итальянским империалистам. В результате Турция потеряла свои последние североафриканские владения — Триполитанию и Киренаику (Ливию). В день подписания итало-турецкого мирного договора (18 октября 1912 г.) началась война Турции с балканскими государствами — Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией[1], в которой турецкая армия была наголову разбита.

Поражения Турции в триполитанской и первой балканской войнах были вызваны в значительной степени отсутствием внутренней стабильности. В июле 1912 г. итиляфистам удалось свергнуть младотурецкий кабинет. Однако правление итиляфистов ничуть не облегчило тяжелого внутреннего и внешнего положения Османской империи.

Курды отнеслись к внешнеполитическим неудачам турецкого правительства по меньшей мере с полным равнодушием. Войны, которые вела Турция с Италией и балканскими государствами, не вызвали у них никакого энтузиазма.

[1] Черногория объявила войну Турции еще 9 октября.

Особенно непопулярной была в Курдистане триполитанская война. Судьба отдаленной африканской провинции совершенно не волновала курдов. В Битлисском вилайете, например, потерпели полную неудачу попытки местного комитета «Единение и прогресс» пробудить патриотизм у курдского населения[2]. В Ванском же вилайете курды, как и армяне, встретили с радостью весть о нападении Италии на Турцию, открыто выражая надежду на поражение последней[3].

Во время балканских войн курды уклонялись от призыва в армию, а те из них, которые уже служили, отказывались отправляться на театр военных действий. Вожди большинства курдских племен отвергали сотрудничество с турецкими властями в привлечении курдского населения к «защите отечества»[4].

Неудачи турецкой армии на фронтах вызывали ликование в Курдистане. По признанию губернатора в Ване и комиссара на турецко-иранской границе Джабир-паши, ванские курды не отправили и 100 человек на войну. Курдское население наотрез отказывалось делать какие-либо пожертвования на военные нужды[5].

Тяжелое положение, в котором находилась Турция осенью 1911 г., способствовало новому подъему курдского освободительного движения. Большое влияние на него оказало освободительное движение других нетурецких народов Османской империи, особенно албанцев, которым удалось в результате всеобщего восстания 1912 г. свергнуть турецкое иго[6]. Курды включились в антииттихадистский фронт, образовавшийся в Турции во время триполитанской войны. Многие курдские вожди, в том числе семейство Бадр-хана, примкнули к партии «Хюрриет ве итиляф» и начали принимать активное участие в деятельности оппозиции. В Сиирте курды провалили на выборах кандидата комитета «Единение и прогресс» и выбрали в парламент сына Бадр-хана Хусейна.

---

[2] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911 г., д. 1403, лл. 88, 90.

[3] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, лл. 130—131.

[4] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 157.

[5] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, л. 66.

[6] Курдская верхушка имела еще и дополнительные причины быть недовольной младотурками: временное заигрывание их с дашнаками, что, по ее мнению, усиливало позиции армянских националистов. В действительности младотурецкие заправилы стремились лишь к разжиганию армяно-курдской вражды в Курдистане, но в данном случае эта подстрекательская политика оборачивалась против них (АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 134).

Власти отменили выборы и сместили мутасаррифа. Это вызвало большое недовольство населения. Чтобы предотвратить взрыв, власти стянули в Сиирт несколько батальонов.

Младотурецкое правительство прилагало немало усилий, чтобы отвлечь курдов от оппозиционного движения. Эмиссары правительства делали все, чтобы склонить курдское население к поддержке комитета «Единение и прогресс» [7].

Одновременно правительство решило упорядочить военную организацию курдов для усиления турецкой администрации в Курдистане. В начале 1912 г. правительство решило упразднить 66 полков хамидие, которые числились скорее на бумаге, и заменить их 24 полками, соединенными в 4 дивизии. В эти дивизии предполагалось зачислять только тех курдов, которые обязывались содержать годную для службы строевую лошадь с седлом и ежегодно собираться на учебные сборы. Командовать новыми курдскими полками должны были только строевые офицеры регулярной кавалерии (конечно, турки), аширетные вожди могли назначаться только их помощниками. Один из взводных командиров тоже должен быть офицером регулярной службы, остальные — курдами. Те курды, которые не согласятся на эти условия, обязаны отбывать воинскую повинность на общих основаниях в регулярных войсках [8].

Младотурецкому правительству, однако, не удалось провести в жизнь эту реформу, ибо его власть над большинством курдского населения страны становилась с каждым месяцем все более номинальной. Курды, как правило, отказывались подчиняться турецким офицерам, затея с хафифсувари осталась фактически на бумаге. Хамидие тоже потеряли всякое военное значение, что подтвердили триполитанская и балканские войны. Намерение младотурок добиться лояльности курдов потерпело полную неудачу.

С осени 1911 г. широкое распространение среди курдов получила антиправительственная агитация. Особенно большой популярностью пользовалась листовка под названием «Эв хулли — хулли яммаэ» («Эта земля — наша земля»), имевшая хождение во всем Курдистане. В ней говорилось,

---

[7] Параллельно велась и активная антирусская агитация ввиду значительного усиления прорусских настроений в Турецком Курдистане. Олферьев писал: «Турки более всего напуганы проявлением у курдов некоторых симпатий к России и готовы пойти на всякие уступки и жертвы, чтобы восстановить их против гяуров — русских» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, л. 99).

[8] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 2682, л. 5.

что Битлисский и соседние с ним вилайеты принадлежат только курдам, турки совершенно неспособны управлять Курдистаном и т. д. Распространением подобных листовок занимались многие курдские шейхи, в числе которых выделялся Сеид Али [9].

Не прекращались и вооруженные выступления курдов. В Ванском вилайете, например, успешно сражался с турецкими карательными отрядами Сеид-бей. Партизанскую войну с турками вел Симко, причем не только на иранской, но и на турецкой территории [10]. В районах Сиирта и Битлиса борьбу с правительственными войсками вел Хусейн-паша [11].

Все эти выступления были разрозненными и не могли, конечно, привести к решающему успеху. Поэтому уже в начале 1912 г. Абдуррезак поставил вопрос об объединении всех антитурецких сил и организации всеобщего восстания в Курдистане. Этому вопросу было посвящено совещание некоторых влиятельных курдских вождей, состоявшееся в Эрзуруме в середине февраля 1912 г. [12]. Значительная часть курдов, особенно езиды и али-илахи, продолжали рассчитывать главным образом на помощь со стороны России. «Здешние езиды,— писал Олферьев,— истинные друзья России». Они говорили, что будут сражаться вместе с русскими против турок, «что русский падишах — наш царь — прикажет, то мы и будем делать» [13].

Влияние России росло и в самых отдаленных от нее районах Курдистана, в том числе и в Ираке. Об этом говорило обращение к российскому генеральному консулу в Багдаде вождя курдского племени талабани шейха Мухаммеда Али в середине декабря 1911 г. Он ходатайствовал о переходе племен талабани, даудие, зенгене и хамавенд, проживавших в санджаках Киркук и Сулеймания (всего 30 тыс. дымов) в русское подданство при сохранении за ними их земель. Шейх заверил генконсула, что русские войска, если они вступят в пределы Северного Ирака, встретят дружественный прием и полное содействие со стороны местных курдов. Консул предпочел уклониться от каких-либо обе-

---

[9] Там же, 1911 г., д. 1403, л. 104.
[10] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1204, л. 134.
[11] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 106.
[12] Там же, 1912 г., д. 2682, л. 10.
[13] Там же, 1911—1913 гг., д. 3556, л. 85; 1912 г., д. 1603, л. 9; ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719, лл. 184—186.

щаний[14]. Заручиться покровительством России пытались также вожди пограничных шемдинанских курдов Мамед-Садык и Муса-бей[15].

Освободительное движение курдов было важным фактором, усугубившим кризис младотурецкого режима и приведшим к быстрому захвату власти итиляфистами в июле 1912 г.

Следовало бы ожидать, что курды окажут поддержку итиляфистскому правительству. Такое предположение казалось тем более обоснованным, что итиляфисты во время борьбы за власть выступали за предоставление широких прав провинциям Османской империи, населенным национальными меньшинствами. Однако сразу же выяснилось, что все эти широковещательные обещания имели демагогический характер. Классовая природа турецкой правящей верхушки после прихода к кормилу правления партии «Хюрриет ве итиляф» практически не изменилась. К тому же и внешнеполитическая обстановка была крайне неблагоприятна для итиляфистского правительства Кямил-паши, которому выпала незавидная доля пожинать плоды неудачных для Турции триполитанской и первой балканской войн, а также восстания в Албании. Глубокий внутренний и внешний кризис Османской империи продолжался и при итиляфистах, что, естественно, отразилось на положении в Курдистане.

Итиляфисты приложили немало усилий, чтобы склонить курдов на свою сторону. В августе 1912 г. эмиссары правительства шейх Абдул-Баки и Мулла-Сеид совершили пропагандистскую поездку по всему Курдистану, разъясняя курдам турецкую конституцию «с точки зрения ислама»[16]. Не ограничиваясь одной агитацией, новое правительство решило принять меры экономического и политического характера. Ошибочно полагая, что главной причиной волнений курдов являются земельные споры с армянами, вызванные поддержкой якобы младотурками притязаний последних на захваченные у них курдами во время погромов земли, Совет министров решил в сентябре 1912 г. организовать покупку спорных земель и наделение ими безвозмездно всех безземельных армян, а также выкуп земли у лиц, незаконно захвативших ее, и возвращение этой земли бывшим владель-

---

[14] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 210.

[15] Там же, 1912—1913 гг., д. 3567, лл. 85—86.

[16] Там же, 1911—1913 гг., д. 3556, л. 120.

цам. Было решено на первых порах ассигновать на эти мероприятия 100 тыс. лир и предписать министерству финансов изыскать в дальнейшем необходимые средства [17].

Вряд ли необходимо детально рассказывать о том, что эта затея окончилась полным крахом. Во-первых, вконец разоренная казна не могла выделить средства, во-вторых, курдские феодалы встретили в штыки реформу, расценивая ее как новое посягательство центрального правительства на свои права. К концу 1912 г. аграрная реформа была снята с повестки дня [18].

Естественно, что в результате отказа итиляфистского правительства от аграрных реформ в восточных вилайетах курдо-армянские отношения отнюдь не улучшились. «Армяне могут жить в дружбе с курдами, но при условии, что пережитки феодализма в Курдистане будут уничтожены твердой рукой»,— справедливо отмечал Олферьев [19]. Однако итиляфисты не хотели (да и не могли) предпринять действенные меры для примирения курдов с армянами, на деле всегда поддерживая курдскую верхушку.

Осенью 1912 г. власти Ванского, Битлисского и других восточных вилайетов Анатолии получили из Стамбула указание наладить во что бы то ни стало хорошие отношения с курдами, особенно с вождями племен. В Битлисском вилайете, писал Ширков, местные чиновники «стараются все более и более привлечь на свою сторону курдов и их шейхов...». В конце года вилайетскому начальству было повторено распоряжение о необходимости укрепления контактов с курдами [20]. В это время ванским вали был назначен Иззет-бей, курд по национальности, который привез с собой из Стамбула одного из сыновей Абдул-Кадыра и старался заручиться поддержкой курдских беев [21].

В Стамбуле особенно опасались влияния на курдов успехов национально-освободительного движения народов Европейской Турции, которым в результате балканских войн удалось освободиться от турецкого ига. По сведениям начальника консульских конвоев в Иранском Азербайджане полковника Андриевского, турецкий комиссар на турецко-иранской границе Джабир-паша не раз выражал опасения,

---

[17] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 33, л. 207.

[18] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3561, л. 3.

[19] Там же, 1912 г., д. 1603, л. 199.

[20] Там же, 1912 г., д. 1404, л. 109.

[21] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, лл. 63—65.

как бы курды не уготовили для турок «новую Албанию». Особое внимание обращали турецкие власти на положение в районе турецко-персидской границы, стремясь не допустить «заражения» пограничных и иранских курдов освободительными идеями. Поэтому большое внимание уделялось привлечению на сторону Турции вождей самых крупных и сильных пограничных племен — бекзадэ и харки, а также эмигрировавших в Иран курдских лидеров[22]. Насколько было заинтересовано турецкое правительство в поддержке курдской верхушки, показывает тот факт, что в конце 1912 г. султан даровал амнистию злейшему врагу Турции — Абдуррезаку, а также шейху Та. Специальное послание к Абдуррезаку призывало его позабыть ссору с турецким правительством и отвернуться от России[23].

По сведениям русского посольства в Тегеране, Абдуррезак выразил готовность пойти навстречу турецким предложениям[24] при условии, что в Турции ему дадут участок земли и 2 тыс. лир «на первое обзаведение». Однако турецкое правительство, по-видимому, не доверяло Абдуррезаку, считая, что он слишком тесно связан с Россией. Его предложение было отвергнуто с мотивировкой, что Турция не хочет вызвать неудовольствие России[25].

В планы турецкого правительства входило не только стремление затормозить развивающееся освободительное движение курдов. Играла роль и заинтересованность Стамбула в поддержке курдов в случае предполагавшегося в то время вооруженного вмешательства России в пользу балканских государств, которые воевали с Турцией. Кроме того, Порта была не на шутку встревожена участившимися в некоторых европейских столицах требованиями реформ в армянских вилайетах и опасалась нового взрыва армянского движения в империи. Поэтому турецкие власти в восточных вилайетах начали инспирировать курдов, чтобы они в той или иной форме выразили протест против намечавшихся реформ в Турецкой Армении и, таким образом, сыграли бы на руку правительству[26]. Отсюда и новое обострение курдо-

---

[22] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, лл. 70—71.

[23] Там же, л. 77.

[24] Гирс, правда, опровергал этот слух (см. АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 34, лл. 438, 441).

[25] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, л. 278.

[26] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 1404, лл. 124—126. По сообщению «Нового Времени» (от 14 декабря 1912 г.), Абдул-Кадыр представил Порте проект автономии Курдистана, дабы предупредить намерение европейских держав создать автономную Армению.

армянских отношений, вызванное происками турецких подстрекателей.

Тем не менее, несмотря на все усилия итиляфистов, курдское освободительное движение в период их полугодового пребывания у власти отнюдь не угасло. Курды практически не видели разницы между правлением итиляфистов и иттихадистов. В период итиляфистского правления наблюдался рост антитурецких настроений и одновременно резко усилилась ориентация на Россию. «...Большая часть курдов,— сообщал начальник штаба Кавказского военного округа,— не чувствует никакой привязанности к турецкому правительству, от которого они ничего хорошего не видели, а скорее наоборот». Далее в донесении говорится, что большинство курдов не питает вражды к России и вряд ли примет участие в войне против нее, несмотря на то что турки снабжали некоторые племена оружием (например, аширет джаф) и старались задобрить курдских старшин. Ага одного племени, насчитывающего 10 тыс. человек, говорил, что «его курды с удовольствием подчинились бы России, так как в России больше справедливости и правосудия, чем в Турции». Не только анатолийские, но и многие иракские племена «не прочь бы завязать сношения в Россией и искать ее покровительства. Это относится в первую очередь к могущественному шейху Барзану, который при известных условиях мог бы перейти на сторону России» [27]. На возможность всеобщего восстания курдов указывал и Олферьев [28].

Прорусские настроения больше всего были распространены среди трудовых слоев курдского народа. Вице-консул в Битлисе Ширков сообщал, что если среди шейхов, мулл и ходжей было относительно много врагов России, то подавляющее большинство рядовых кочевников, крестьян-земледельцев, рабочих, ремесленников и торговцев были дружественно настроены к России. По словам Ширкова, они говорили: «Хоть бы скорее пришли русские,— мы избавились бы часом раньше от этого (турецкого.— *М. Л.*) неспособного, слабого и безнравственного правительства». Примечательно, что курды-хамидийцы, среди которых антирусские настроения насаждались особенно усиленно, теперь были «настроены неопределенно по отношению к Турции и России», а мно-

---

[27] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 651—652. Донесение начальника штаба КВО — генерал-квартирмейстеру генштаба, 7.XII.1912.

[28] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3561, л. 5; ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, л. 66.

гие из них начали склоняться на сторону России, выражали желание перейти в русское подданство и даже будто бы заказывали себе кресты [29].

Не удивительно поэтому, что в период пребывания итиляфистов у власти многие видные курдские вожди вели активную подготовку к всеобщему антитурецкому восстанию, ориентируясь на помощь России. Такое восстание с целью создания независимого курдского бейлика (княжества) планировали, в частности, сыновья Бадр-хана Хусейн и Хасан, хотя они и поддерживали прежде итиляфистов. Хусейн и Хасан надеялись поднять против турок от 60 до 100 тыс. курдов. Они заявили, что проектируемый ими курдский бейлик будет поставлен в зависимость от России на тех же основах, на каких различные германские королевства и княжества входили в состав Германской империи. Кроме того, Хусейн и Хасан подчеркнули, что без поддержки России они не начнут восстания, и хотели вступить в переговоры с представителями российского правительства о помощи [30].

В середине августа 1912 г. к генеральному консулу России в Эрзуруме Штриттеру обратился некий Хайреддин-бей с просьбой сообщить, как русское правительство отнесется к всеобщему восстанию курдов. По словам Хайреддина, он является вторым председателем в комитете по организации восстания, и на него возложена задача поднять курдов Эрзурума, Битлиса, Баязида и Муша. В этот комитет, сказал Хайреддин, входят влиятельные курдские вожди, платящие членские взносы. Комитет имеет отделения в Ване, Диарбекире, Урфе и в других курдских центрах; он рассчитывает поднять 70 тыс. вооруженных курдов. Хайреддин уверял своего собеседника, что турецкие войска на $^9/_{10}$ сочувствуют курдам и что можно было бы в 15 дней организовать восстание, но для этого не хватает денег. В заключение он заявил, что курды рассчитывают на помощь русского правительства и что конечная цель борьбы — автономия всего Курдистана [31].

Однако курдским вождям не удалось поднять всеобщего восстания против турецкого господства. Дело здесь не толь-

---

[29] Там же, 1914 г., д. 1404, лл. 98—99, 134—140. Итиляфистское правительство безуспешно пыталось увеличить численность хамидие и повысить их боеспособность. (См. АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 138.)

[30] Там же, 1907—1913 гг., д. 3572, лл. 211—224.

[31] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 2682, лл. 41—42.

ко в том, что Россия не пришла им на помощь. Сами курдские племена по-прежнему оставались разобщенными. Как справедливо отмечал Олферьев, курды Вана мало знали о курдах Диарбекира; в случае же их объединения «положение турок в Курдистане сделается тем же, что и в Албании»[32]. Тем не менее освободительное движение курдов послужило одной из причин, помешавшей итиляфистам удержать власть в своих руках.

23 января 1913 г. под руководством Энвера и Талаата был совершен государственный переворот, и младотурки вновь пришли к власти. Однако возвращение иттихадистов не принесло облегчения стране. Возобновившиеся в начале февраля военные действия против балканских государств принесли турецкой армии новые поражения. Лондонский мирный договор от 30 мая 1913 г. зафиксировал утрату Турцией почти всех ее европейских владений. Вторая Балканская война (июнь — август 1913 г.) между Болгарией и ее вчерашними союзниками, к которым присоединились также Румыния и Турция, лишь частично возместила потери последней; Турции была возвращена древняя столица Османской империи — Эдирне (Адрианополь).

Не прекратились и политические распри. Итиляфисты устраивали заговоры против младотурок. 15 июня они убили великого везиря Махмуда Шевкет-пашу. Иттихадисты, воспользовавшись этим, расправились не только со своими политическими противниками, но и обрушились на демократические элементы. В стране утвердилась и окрепла диктатура триумвирата Энвера — Талаата — Джемаля, в котором первенствовал военный министр Энвер-паша. Младотурецкий триумвират взял на вооружение расистскую пантюркистскую идеологию для обоснования шовинистической внутренней и экспансионистской внешней политики.

Тем временем кайзеровская Германия быстро укрепляла свои позиции на Ближнем Востоке. Миссия германского генерала Лимана фон Сандерса, обосновавшаяся на берегах Босфора в декабре 1913 г., вскоре подчинила своему контролю турецкие вооруженные силы. Турция быстро шла к утрате последних признаков самостоятельности в своей внешней политике. В итоге к началу первой мировой войны Османская империя, разоренная бесконтрольным хозяйничаньем иностранного капитала, связанная по рукам кабальными иностранными займами, ослабленная вутренними

[32] Там же, д. 1603, л. 198.

волнениями и неудачными войнами, стояла на пороге катастрофы.

Курдский вопрос был одним из наиболее сложных и тяжелых проблем, с которыми пришлось иметь дело младотурецким хозяевам Османской империи в последнее пятилетие ее существования. Положение в Курдистане было осложнено вновь обострившимся армянским вопросом и усилившимся вмешательством держав. Российский посол в Турции Гирс писал Сазонову в начале марта 1913 г.: «...Внутреннее положение Оттоманской империи далеко нельзя признать удовлетворительным. Среди курдов постепенно усиливается недовольство нынешним правительством и стремление к автономии». Далее посол утверждал, что Порта, предвидя возможность оккупации русскими войсками восточных вилайетов, «в самой категорической форме предписала ванскому вали принять все меры к предупреждению возможности какого бы то ни было обострения в курдо-армянских отношениях» [33].

Однако не раздуваемая младотурками межнациональная рознь характеризовала обстановку в Турецком Курдистане накануне первой мировой войны. Основное заключалось в дальнейшем развертывании освободительного движения курдов, распространении его вширь на все курдское население Османской империи.

Уже весной 1913 г. во многих районах Курдистана положение стало очень напряженным. Агенты Абдуррезака, шейха Та и других курдских вождей разъезжали по всей стране и вели пропаганду против турецкого правительства. Они убеждали армян, что курдское освободительное движение не принесет никакого ущерба их интересам [34].

В Восточной Анатолии центрами курдского движения, как

---

[33] АВПР, ф. «Политархив», 1913 г., д. 1048, лл. 57, 62. Предположение русского посла о желании турецкого правительства нормализовать курдо-армянские отношения противоречит, однако, свидетельствам очевидцев. Во всяком случае местные власти, видимо, могли действовать по своему усмотрению. Ванский вали Али-паша, сообщал Ширков, по широко распространенному мнению, умышленно советовал курдам «поправить свои дела и заняться „чисткой" армянского населения». Не удивительно поэтому, что восточные районы Анатолии, где всегда было неспокойно, после небольшого перерыва вновь стали ареной насилий, смут, анархии.

Только в одном Ванском вилайете за 1912 г. было убито 50 армян, 23 курда, 4 турка и 19 военнослужащих турецкой армии, ранено 10 человек, угнано 3040 голов скота, в том числе у армян 2000 (АВПР, ф. «Политархив», 1912—1914 гг., д. 546, лл. 140—141; ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719, л. 310).

[34] АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 гг., д. 719, л. 310.

и прежде, были районы Вана и Эрзурума. Его возглавил глава хайдеранли Хусейн-паша, который, по словам вице-консула в Ване Акимовича, призывал курдов к восстанию «для образования из Курдистана автономной области под протекторатом России». Вожди главных аширетов Ванского вилайета начали проводить совещания по вопросу об организации повстанческого движения [35].

Идею независимого Курдистана при политической и материальной поддержке России пропагандировала и семья Бадр-хана. Юсуф Кямиль Бадр-хан и его племянник Сулейман довели до сведения российского вице-консула в Ване, что все аширеты готовы поднять восстание против Турции в целях присоединения Курдистана к России и просят сообщить, могут ли курды надеяться на ее помощь.

Из-за острых разногласий, существовавших в руководящей курдской верхушке, всеобщее восстание так и не было поднято. Абдуррезак считал себя единственным кандидатом на пост правителя курдского бейлика и широко распространял слухи, что Россия поддерживает только его. С ним соперничали Хусейн-паша и его сторонники. Они устроили совещание в округе Ширван Сииртского санджака. На совещании было решено отправить приверженца Хусейна Кямиль-бея в Тифлис, дабы выяснить, примет ли Россия курдов, после провозглашения ими независимости, под свой протекторат и позволят ли русские власти курдам приобрести оружие? Кроме того, Кямиль-бею было поручено выяснить, давали ли русские какие-либо обещания Абдуррезаку? Кямиль-бей утверждал, что Абдуррезак не пользуется симпатиями курдов и большая часть их настроена против него. Без выяснения всех этих вопросов в положительном смысле Хусейн-паша и его сторонники не решались приступить к действиям [36].

В Диарбекирском и соседних вилайетах Юго-Восточной Анатолии против Абдуррезака выступил его двоюродный брат Хасан. «Партия» Абдуррезака считалась прорусской, «партия» Хасана — проанглийской. Оба вождя враждовали между собой, внося разлад в курдское движение. Правда, Хасан и Абдуррезак вскоре помирились, но ненадолго.

Турецкие власти поспешили воспользоваться разногласиями между руководителями курдского движения. Летом

---

[35] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1605, лл. 134—135.

[36] Там же, д. 3573, лл. 109—110.

1913 г. в Курдистан выехал видный иттихадист Неджи-бей. Он объехал всю страну, убеждая курдских беев оставаться спокойными, пока правительство не укрепится, дабы не дать державам повод вмешиваться[37].

В район Сиирта — Джизре для переговоров с курдскими вождями прибыл эмиссар турецкого правительства Фейзи-бей. Курды потребовали отозвания наиболее ненавистных турецких чиновников и помилования своих соотечественников, осужденных турецкими властями. Турки вынуждены были принять эти требования, и на короткое время в этом районе стало спокойно[38]. Однако это спокойствие было иллюзорным и временным. Именно Юго-Восточная Анатолия и Южный (Иракский) Курдистан стали центрами освободительного движения курдского народа в предвоенные годы, ареной наиболее значительных выступлений курдов против турецких угнетателей.

Волнения в Юго-Восточной Анатолии в сущности никогда не прекращались, власть турецкого правительства здесь всегда была особенно непрочной, а в некоторых районах существовала лишь номинально. Например, аширет джаф (15 тыс. семейств) никогда не платил податей турецкому правительству. Большинство курдов джаф, часть которых обитали на территории Ирана, вообще не признавало ничьей власти. Традиционно враждебным отношением к турецкому правительству отличались аширет хамавенд и бохтанские курды (25 аширетов). Последние признавали право на халифат только за потомками Аббасидов. В казе Шемдинан власть турецкого каймакама была фиктивной. Здесь фактически правили потомки Обейдуллы. Появление представителей турецкой администрации в районах Амадии, Джуламерка и Равандуза обязательно вызывало активный протест местного населения; в Хакяри правительство даже платило курдам за пребывание там турецких чиновников[39].

Весной 1913 г. в Юго-Восточной Анатолии начались открытые антиправительственные выступления. В конце марта территория к северу от Мосула была охвачена курдским восстанием. В апреле оно охватило районы Верхнего Тигра и грозило распространиться на всю Юго-Восточную Анатолию. Центры движения находились в Джизре, Мидьяте и

---

[37] Там же, 1913 г., д. 2684, лл. 89—90.

[38] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 146—147.

[39] П. И. Аверьянов, *Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Оттоманской империи,* стр. 39.

Хасанкейфе, возглавлял его род Бадр-хана. В Диарбекирском вилайете и Сииртском санджаке несколько раз происходили вооруженные выступления курдских племен. Среди населения широко распространялись слухи о скором переходе Диарбекирского, Харпутского (Мамурет-уль-Азизского) и других вилайетов Юго-Восточного Курдистана под власть России [40].

Турецкие власти лишь с большим напряжением всех своих сил подавляли эти выступления. Только из-за отсутствия единства у курдских вождей в Юго-Восточной Анатолии не разразилось весной 1913 г. всеобщее восстание курдов.

Между тем важные события назревали в Иракском Курдистане, где шейх Махмуд Барзанджи готовил выступления курдов. Его популярность и влияние быстро увеличивались. Он связался с сыновьями Бадр-хана Хусейном и Кямиль-беем, которые к весне 1913 г. установили свою почти неограниченную власть в Джазире и не позволяли турецким властям даже собирать налоги с населения. Шейх Барзанджи вынашивал планы создания курдского федеративного государства. В отличие от Абдуррезака, Барзанджи рассчитывал на помощь и содействие Англии. Он был в переписке с британским вице-консулом в Мосуле — Хони, установил также связь с генеральным консулом Англии в Багдаде Лоримером. Все это давало повод некоторым наблюдателям утверждать, что курды северо-восточной части Мосульского вилайета (округа Амадии, Дхоха, Акры, Равандуза), на которую распространялось влияние Барзанджи, в отличие от курдов Сиирта, Джазиры, Мардина, Сулеймании, а также ассирийцев из округа Тиари, настроены против России и в пользу Англии [41]. Поговаривали, что шейх Барзанджи намеревался создать в Иракском Курдистане нечто вроде буферного государства между Северным Курдистаном, где, как предполагалось, вскоре утвердится Россия, и Южным Ираком, на который имела виды Англия [42].

Тем не менее вывод о враждебном отношении шейха Барзанджи к России не верен. Делая ставку на Англию, он одновременно старался заручиться поддержкой России. С этой целью шейх в конце апреля 1913 г. направил к рос-

---

[40] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 114, л. 172; ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 2684, л. 89; 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 88—89, 95; ЦГИА, Груз.ССР, ф. 71, оп 2, д. 110, лл. 1—3, 11—39; д. 113, л. 1.

[41] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 102—106.

[42] ЦГИА Груз.ССР, ф. 71, оп. 2, д. 118, лл. 121—123.

сийскому консулу в Мосуле Кирсанову своего родственника Сеида Мухаммеда; последний заявил, что курды готовы оказать России помощь, «которую она могла бы от них потребовать, вплоть до вооруженного восстания против турецкого правительства». По словам Сеида Мухаммеда, курды могут выставить до 50 тыс. бойцов. Он уверял Кирсанова, что пропаганда турецких властей, пугающих курдов агрессивными замыслами России, не пользуется никакой популярностью в Курдистане. Сеид Мухаммед пытался узнать у русского консула о намерениях российского правительства в Курдистане, а также о льготах и привилегиях, на которые могут рассчитывать курды от России. Консул высказал удовлетворение установлением связи с шейхом Махмудом и заявил о желательности помощи курдов в случае войны [43].

Непрекращавшиеся курдские восстания привели к дальнейшему ослаблению позиций младотурецкого правительства в Курдистане. Опыт показал, что одними карательными экспедициями невозможно подавить курдское освободительное движение. Поэтому турецкие власти вынуждены были искать иных путей для усмирения курдов.

В некоторых местах были проведены показные мероприятия, призванные убедить курдов в том, что власти начинают проявлять заботу о поднятии их экономического и культурного уровня. Вали Ванского вилайета Тахсин-паша, например, возглавил курдское общество «Нешри меариф ве тиджарет ве санаи» («Распространение просвещения, торговли и промышленности») и организовал курдское кооперативное общество [44]. Одновременно была усилена и антирусская пропаганда среди курдов [45].

---

[43] ЦГИА Груз.ССР, ф. 71, оп. 2, д. 110, лл. 7—8; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 38—39.

[44] ЦГИА Груз.ССР, ф. 15, д. 371, лл. 163—164.

[45] Она велась не только в Турции, но и в самой России, среди закавказских курдов. Здесь орудовали панисламисты, связанные с турецким правительством. В сводке агентурных сведений Департамента полиции по Карсской области и городу Карсу за февраль 1912 г. говорилось: «Турецкие бродячие эмиссары и муллы, находя у курдов радушный прием и приют, беспрерывно посещают курдские поселки, причем, пользуясь близостью границы, немедленно скрываются в Турцию при первых сведениях, заблаговременно получаемых местными курдами». Панисламистским агитаторам потворствует «местная же низшая администрация». Она «преимущественно принадлежит к курдским влиятельным бекам». Подрывной деятельности турецкой агентуры в Закавказье способствовало широкое недовольство предводителем российских курдов Али Ашраф-беком Шамшадиновым, который раболепствовал перед царской администрацией и пренебрегал нуждами рядовых кочевников. Турецкие эмиссары агитировали за выдвижение

Младотурецкие агенты пытались использовать англо-русские противоречия и не боялись пропагандировать идеи о желательности укрепления влияния Англии на курдов, хотя истинные цели британской политики по отношению к Турции не составляли, конечно, секрета для Порты. По словам генконсула в Эрзуруме Адамова, армянский патриарх Евгиян считает, что эмиссары правительства «...деятельно работают в настоящее время над антирусской пропагандой среди курдов, которых они не прочь видеть в объятиях Англии, давшей гарантию неприкосновенности Азиатской Турции на 40 лет, лишь бы этим путем ослабить влияние России среди курдских аширетов» [46].

Все эти маневры младотурецких властей почти не производили впечатления на курдское население. Некоторые вожди, правда, выразили готовность к переговорам с правительством. Так, по утверждению вице-консула в Хое Чиркова, Абдуррезак выставил следующие условия примирения с турками: официальное признание курдской народности, учреждение школ для курдов, возвращение курдам вакуфных имуществ, назначение его сенатором, возвращение ему земель, предоставление постов его родственникам и т. д. [47]. Даже если это сообщение верно, переговоры курдов с турецкими властями так и не состоялись, ибо правительство не желало идти на уступки курдской верхушке, боясь ее усиления и роста автономистских тенденций в Курдистане, а подавляющее большинство курдов по-прежнему было настроено резко против правительства.

Во второй половине 1913 г. и особенно в первые месяцы 1914 г. в Турецком Курдистане произошли новые мощные антиправительственные выступления курдов. Одной из глав-

---

на этот пост в случае смерти Шамшадинова не его брата, а Орговского старшину Рашид-бека, одного из самых влиятельных курдских вождей в Закавказье, или Зорба-бека, старшину из Кагызмана.

Во время балканских войн турецкая агентура организовала среди российских курдов сбор пожертвований и вербовку добровольцев. Завербованные ею курдские беи и старшины снабжали деньгами своих неимущих соплеменников и переправляли их в Турцию. Одновременно было налажено снабжение турецких курдов русским оружием, доставлявшимся из Эривани. Особенно активно действовал в курдских селениях Кагызманского, Ольтинского и Ардаганского округов турецкий агент Мустафа-бей, занимавшийся сбором пожертвований в пользу турецкой армии и пропагандой панисламизма [ЦГАОРСС, ф. 102 («Департамент полиции. Особый отдел, 3-е делопризводство»), оп. 13, 1912 г., д. 74, ч. 92, литер Б, лл. 16—17, 43; оп. 14, д. 74, ч. 92. литер Б, лл. 1—4, 8].

[46] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 195.

[47] Там же, 1912—1915 гг., д. 568, л. 38.

ных причин их было усиление турецким правительством после окончания балканских войн налогообложения курдов, прежде почти свободных от прямых налогов. Была установлена подушная подать — около 4 лир на каждого взрослого и немного меньше на подростка. Власти начали взимать также зерновой налог — свыше 7 лир на мужчину; был увеличен и размер налога на скот — агнама. Срок давности для взыскания недоимок был увеличен вдвое — с 10 до 20 лет. Кроме того, начало проводиться в жизнь принятое незадолго до этого распоряжение о распространении на курдов всеобщей воинской повинности и отбывании ее в регулярных войсках [48].

В ответ на эти меры среди курдов усилилась агитация за всеобщее восстание. Во многих местах возникали курдские клубы и общества. Была организована регулярная доставка оружия племенам. По всей стране распространялись листовки («мазбата») с призывами к борьбе за автономный Курдистан [49].

Выступили со своей политической программой и курдские националисты, обеспокоенные ожидавшимися реформами в Армении [50]. Они требовали для курдов тех же прав, которых добились албанцы и за которые боролись арабы. По словам видного французского знатока ближневосточных проблем того времени Эжена Юнга, программа курдских националистов сводилась к следующему: соблюдение постановлений прежних султанов об административной автономии Курдистана, уменьшение и упорядочение налогов, создание территориальной курдской армии для охраны русско-турецкой границы, введение местной курдской администрации, основание школ с преподаванием на курдском языке, все чиновники и офицеры в Курдистане должны быть курдами.

Однако в курдском освободительном движении по-прежнему отсутствовало централизованное политическое руковод-

---

[48] «Кавказ», 15.VI.1914; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 7—8.

[49] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1405, лл. 192—193.

[50] Один из них, генерал Шериф-паша, в апреле 1914 г. опубликовал в газете «Мешрутийет» статью под названием «Курдские восстания и их причины». Автор резко критиковал младотурок за их национальную политику, особенно за организацию армянских погромов, цель которых, по мнению Шерифа-паши, состояла в том, чтобы дискредитировать курдов в глазах Европы. (E. Jung, *La révolte arabe,* vol. I, p. 182).

ство и единство цели: одни выступали за независимый курдский бейлик, другие требовали реформ, у третьих была негативная программа — отказ правительства от проведения армянских реформ, четвертые хотели просто удаления турок из Курдистана[51].

Весной 1914 г. центром массовых вооруженных выступлений курдов стал район Битлиса[52]. В начале марта 1914 г. власти арестовали влиятельного и весьма почитаемого местного вождя Моллу Селима. Однако по дороге в Битлис, в местечке Кумач вблизи Хизана, курды напали на конвой и освободили Селима. Этот эпизод стал сигналом к всеобщему восстанию битлисских курдов. Со всех сторон в Хизан начали стекаться повстанцы. 9 марта их насчитывалось 4 тыс., а через день — вдвое больше. Они потребовали восстановления шариата и удаления турецкой администрации, которая «разорила курдов и продает страну иностранцам»[53]. Власти первоначально бездействовали, ибо, по предположению Гирса, были «намерены, по-видимому, противопоставить курдское восстание и их требования вопросу о введении армянских реформ». Но вскоре турки спохватились и послали в Хизан отряд, без труда рассеянный курдами[54].

Положение турок становилось критическим. В середине марта курды осадили город Битлис. Вали вступил с повстанцами в бесплодные переговоры. Тогда правительство назначило в Битлис другого, более энергичного вали и одновременно послало туда из Эрзинджана отряд (который вскоре был разбит курдами). 3 апреля повстанцы вступили в Битлис. Но на этом их успехи кончились.

К вечеру того же дня в Битлис прибыли крупные подкрепления из Муша (один батальон пехоты и два полка кавалерии), и курды вынуждены были поспешно покинуть город. В этот день они потеряли до 60 человек убитыми (турки — только четверых). Шейх Молла Селим и трое его соратников успели укрыться в русском консульстве, остальные руководители восстания попали в плен; рядовые повстанцы рассеялись по окрестностям.

---

[51] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 309—310.

[52] Еще в сентябре 1913 г. восстал один ашират, предводительствуемый Мурад Сеид-беем. Курды нанесли ряд поражений турецким войскам и жандармам (ЦГА ВМФ, ф. 418, 914 г., д. 524, л. 450).

[53] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, л. 340.

[54] АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 3312, лл. 2, 20; ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 11—12, 21—25, 28—30.

Турецкое правительство жестоко расправилось с участниками битлисского восстания. Повсюду были произведены аресты. Было схвачено большинство курдских вождей Битлисского вилайета. Арестованные курды подвергались избиениям и пыткам. 7 мая 1914 г. в Битлисе были повешены шейхи Сеид Али, Шехабеддин и девять других руководителей восстания. Вскоре были казнены еще некоторые вожди[55].

По мнению Ширкова, причина столь суровых репрессий против курдов заключалась в том, что восстание было направлено не против армян, как ожидали власти, а целиком против турецкого правительства[56]. Однако террор не запугал курдов. Один из повешенных 7 мая, Молла Расул, за несколько минут до казни обратился к турецким солдатам и чиновникам с гордыми и мужественными словами, в которых выражал надежду на скорое и неминуемое освобождение курдского народа от турецкого ига.

Расправа с битлисскими повстанцами, в том числе казнь шейха Шехабеддина, почитавшегося курдами «святым», вызвала огромное возмущение во всем Курдистане[57]. По всей стране агитаторы призывали курдов подняться на вооруженную борьбу против турок. Во многих районах Восточной Анатолии начались волнения. В Эрзурумском вилайете, например, наблюдалось массовое уклонение курдов от уплаты возросших налогов. На этой почве часто происходили бурные столкновения курдов с властями. Волнения вспыхнули в Эрзинджане и на турецко-иранской границе, причем до 5 тыс. иранских курдов объединились с турецкими во время боев с правительственными турецкими войсками[58].

Наиболее острые формы курдское движение приняло весной 1914 г. в Ираке.

Еще в конце января 1914 г. представитель шейха Барзанджи Сеид Мухаммед вновь обратился к русскому вице-консулу в Мосуле Кирсанову с просьбой разъяснить ему русскую политику в Курдистане. Сеид Мухаммед информировал

---

[55] АВПР, ф. «Политархив» 1914 г., д. 3311, л. 29; ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 39—46.

[56] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 50—51. В беседе с Бекгулянцем ванский вали Тахсин-паша сказал, что курдов столь беспощадно покарали «за дружбу с соседним государством и за излишние мечты» [Р. Бекгулянц (Северянин), *По Турецкой Армении...*, стр. 76].

[57] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, л. 57.

[58] ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, 1914 г., д. 4037, лл. 39—40.

Кирсанова о начавшемся движении в районе Сулеймании и одновременно передал ему очень любезное письмо от шейха Махмуда[59].

В марте 1914 г., т. е. в разгар событий в Битлисе, большая часть Иракского Курдистана была охвачена восстанием, которое возглавлял шейх Абдул-Салям Барзани. Непосредственным поводом к восстанию послужило увеличение налогов на 25%. В самом начале восстания шейх Абдул-Салям телеграфировал министру внутренних дел о том, что требования курдского населения Османской империи получают поддержку за границей. По-видимому, Барзани предпринял этот шаг, чтобы запугать турецкое правительство и вынудить его пойти на уступки курдам. Есть сведения, что шейх Абдул-Салям искал покровительства у английских консулов в Ираке. Эти маневры курдского вождя не достигли цели. Уже в середине марта турки начали сосредоточивать войска в Равандузе, Акре и Амадии, предназначенные для подавления курдского восстания в Ираке[60].

Между тем восстание охватило весь Мосульский и значительную часть Багдадского вилайетов. К Абдул-Саляму присоединились племена хамавенд, джаф, дизаи и другие. Некоторые из участвовавших в восстании курдских вождей рассчитывали на помощь России и обращались в русские консульства за покровительством[61]. Однако этой помощи курды не дождались, а силы были слишком неравны. Турецкое правительство было крайне встревожено восстанием Барзани, по некоторым сведениям даже больше, чем событиями в Битлисе[62]. Против Барзани были брошены значительные силы, и к началу июня восстание в Иракском Курдистане было в основном подавлено. Шейх Барзани бежал сперва в Урмию, где скрывался в одной из окрестных деревень, а вскоре был переправлен в Россию и поселен в Нахичевани[63].

События, происходившие в Курдистане весной 1914 г., и особенно битлисское восстание всерьез встревожили младотурецкую верхушку. Правительство опасалось, что беспорядки в Курдистане окажут неблагоприятное впечатление на европейское общественное мнение и, в частности, на происходившие тогда франко-турецкие переговоры по экономи-

---

[59] ЦГИА Груз.ССР, ф. 71, д. 118, лл. 53—54.
[60] Там же, лл. 75—80; АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 3312, л. 9.
[61] Там же.
[62] ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4288, л. 55.
[63] ЦГИА Груз.ССР, ф. 71, д. 118, лл. 163—164.

ческим вопросам (турки рассчитывали получить от Франции новый крупный заем). В Стамбуле боялись также, что курдские восстания приведут к дальнейшему ухудшению отношений с Россией и к ее активному вмешательству. Не случайно на подавление битлисского восстания были брошены не дислоцированные в непосредственной близости к Битлису воинские части из пограничных с Россией районов, а вызваны подразделения из сравнительно отдаленного Мосула[64]. Наконец, особую тревогу у младотурецких заправил вызвало то обстоятельство, что подъем курдского освободительного движения, вопреки всем ожиданиям, стимулировал антифеодальные и антиправительственные выступления армянского народа. Армянское крестьянство, в частности, усилило борьбу за ликвидацию кяфирного права и установление системы арендных отношений с владельцами земель. Наибольшего размаха движение против кяфиризма достигло в Ване и Муше. Ванский вали Тахсин-паша даже вынужден был пойти на частичные уступки армянскому крестьянству и принять некоторые ограничительные меры против произвола курдских беев, что привело к ухудшению отношений между курдскими феодалами и турецкой администрацией в Восточной Анатолии. В результате турецкие власти быстро пошли на уступки курдской верхушке и отказались от всяких поползновений на их права[65]. Короче говоря, положение в Курдистане стало одной из важнейших проблем внутренней политики турецких правящих кругов накануне мировой войны.

4 апреля 1914 г. состоялось специальное заседание комитета «Единение и прогресс», на котором рассматривался один вопрос: как быть с курдами? Председатель комитета Мидхат Шюкрю-паша сказал, что стремление правительства убедить курдов в превосходстве новой формы правления и заставить их отказаться от старых привилегий далеко не везде имело успех. Этим воспользовались, продолжал Мидхат Шюкрю, враги нынешнего правительства, влиятельные курдские вожди — потомки Бадр-хана, которые, опираясь на содействие турецких эмигрантских комитетов, обосновавшихся в Одессе и Батуме, решили поднять восстание с целью свержения младотурецкого режима.

В ходе прений были высказаны пожелания пойти на компромисс с главнейшими курдскими вождями, им были обе-

---

[64] ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4288, лл. 45—46.

[65] Р. Бектулянц (Северянин), *По Турецкой Армении...*, стр. 76—77; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1606, лл. 19—21.

щаны депутатские и сенаторские кресла. Эти предложения не вызвали сочувствия у большинства членов комитета, выразивших опасения, что курды и в столице начнут бунтовать.

В соответствии с решениями комитета «Единение и прогресс» правительство разработало ряд мер. Было решено все же попытаться привлечь курдскую знать раздачей крупным вождям субсидий и назначением их на различные высокие должности, в том числе и в столице. Вали Битлиса и Вана было разрешено в случае необходимости объявлять военное положение. Великий везирь Саид Халим-паша обратился к военному министру Энверу с просьбой, чтобы по первому требованию административных властей в курдские вилайеты высылались войска. В то же время Саид Халим предписал вали Ванского, Битлисского, Эрзурумского, Диарбекирского, Мамурет-уль-Азизского, Сивасского и Трапезундского вилайетов принять все меры предосторожности, чтобы в случае курдских волнений не пострадали христиане и особенно иностранцы. Министр внутренних дел Талаат-паша обратился к великому везирю с просьбой сделать представления России и Ирану о недопущении Симко к турецкой границе [66].

Ни новые попытки подкупить курдскую верхушку, ни свирепые расправы с курдскими повстанцами не привели к желаемым результатам. Репрессии только еще более ожесточили курдский народ, а посулы и награды уже не имели прежней притягательной силы для курдских беев и шейхов, потерявших последние остатки уважения и доверия к турецкому правительству.

Поражения битлисского и иракского восстаний не обескуражили курдов, не лишили их решимости бороться за свое освобождение от турецкого гнета.

Руководители курдского движения, учтя уроки битлисского восстания, подготовляли новое выступление. Самым важным и непременным условием в деле организации всеобщего восстания курдов и обеспечения его успеха они по-прежнему считали оказание Россией действенной военной и политической помощи и стремились во что бы то ни стало договориться с русскими. В конце июня 1914 г. один из сотрудников российского посольства в Стамбуле Якушев встретился с потомком Бадр-хана Юсуфом Кямилем, направлявшимся в Россию. Юсуф Кямиль — участник битлисского вос-

---

[66] АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 3312, лл. 25—26.

стания, поражение которого он объяснял тем, что Молла Селим выступил на месяц раньше условленного срока. Если бы не это упущение, утверждал Юсуф Кямиль, Мосульский, Ванский и Диарбекирский вилайеты отложились бы от Турции. «Весь Курдистан,— заявил курдский вождь,— ищет покровительства России и хочет работать с ней совершенно искренне». Юсуф Кямиль дал своему собеседнику адреса курдов, которые проживали в столице и могли быть полезны посольству как информаторы [67].

К генконсулу в Эрзуруме Адамову прибыли в конце июня 1914 г. шейхи из племени хайдеранли Абдул-Азиз и Абдул-Хамид. Они намеревались выяснить, готово ли русское правительство помочь курдам в случае восстания? Причем они имели в виду не только снабжение курдов оружием и боеприпасами, но и вооруженное вмешательство России и оккупацию русскими войсками всего Курдистана. Абдул-Азиз сказал консулу, что он действует по поручению Моллы Селима, укрывавшегося в русском вице-консульстве в Битлисе. Абдул-Азиз заверил, что турецкие курды тесно связаны с российскими курдами, а также добились согласия армян на совместное выступление против турецкого правительства. Резко отрицательно он отозвался только о дашнаках [68]. В заключение шейхи заявили консулу, что если Россия не окажет курдам вооруженную помощь, то многие из них готовы выехать в Россию [69].

Взоры к северному соседу Турции обратили даже те курдские вожди, которые прежде держались протурецкой ориентации. Шейх Абдул-Кадыр через проживавшего в Стамбуле брата мар-шимуна, патриарха ассирийцев-несториан, предложил Питеру Эллоу (Ага Петросу), переметнувшемуся к тому времени на сторону России и претендовавшему на роль главного проводника русского влияния среди иранских курдов, прибыть в Стамбул, чтобы обсудить вопрос о командировании его в Петербург для переговоров «о покровительстве Великой Империи». Абдул-Кадыр указал на необходимость освобождения курдов от турецкого ига и отмечал возмущение, охватившее весь Курдистан в связи с расправой над битлисскими повстанцами. Ага Петрос, однако, отказался приехать в столицу [70].

---

[67] АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 1032, лл. 48—49.

[68] АВПР, ф. «Турецкий стол (новый)», 1914 г., д. 5350, лл. 2—7.

[69] Как будет показано ниже, Россия на все эти обращения ответила отказом.

[70] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, лл. 104—105.

Летом 1914 г., в последние месяцы перед началом мировой войны и вступлением в нее Турции, во многих районах Восточной Анатолии курды успешно вели партизанскую войну, нанося ощутимый ущерб турецким войскам и администрации. В казе Гарзан, например, успешно действовал Бешар Чато[71].

Активно агитировал против турецкого правительства Кор-Хусейн-паша, который призывал племена подняться на новое восстание. Курды не признавали властей, не платили налогов. Командиры хафиф сувари сообщали о невозможности привести полки для обучения в Эрзурум, так как курды отказывались выступать в поход. По поручению Энвера командующий III округом Иззет-паша начал широко раздавать курдским вождям чины, ордена, денежные подарки, лишь бы они привели полки в Эрзурум. Но и эти чрезвычайные меры не имели успеха[72].

В августе 1914 г., т. е. уже после начала мировой войны, в некоторых районах Восточной Анатолии, главным образом в Ванском вилайете, возникли курдские комитеты для пропаганды национальных идей среди курдов и подготовки всеобщего восстания. Они призывали курдов перейти на сторону России в случае присоединения Турции к блоку Центральных держав[73].

Угрожающее для турецкого правительства положение сохранялось и в Иракском Курдистане. После подавления восстания Барзани власти усилили надзор над курдскими племенами, стремясь ликвидировать полунезависимое положение влиятельных беев и шейхов. Эффект, однако, получился обратный. Среди иракских курдов значительно укрепилось национальное самосознание, широкое распространение в стране получил курдский журнал «Хатави курд», издававшийся в Стамбуле, а также антиправительственные листовки и прокламации. Некоторые крупные курдские вожди, в том числе вождь племени джаф Махмуд-паша, мечтавшие о сохранении курдской «вольницы», хотели перейти в иранское подданство. Центром курдского национального движения в Ираке, оплотом курдской свободы в стране стал район Сулеймании,

---

[71] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, лл. 68—69.

[72] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 2685, лл. 82—83.

[73] АВПР, ф. «Политархив», 1911—1914 гг., л. 408. Эти комитеты практиковали и террористические методы, особенно в отношении тех курдов, которые помогали турецким карателям.

где местная низовая администрация, а также солдаты и офицеры были по национальности курды.

Приближение мировой войны вселило в иракских курдов надежды на скорое освобождение от турецкого гнета. Согласно сведениям, полученным русским консулом в Соуджбулаке полковником Иясом от одного курдского вождя из Бане, «...все курдские племена Мосульского и Багдадского вилайетов, объединенные клятвой на коране, решили в случае принятия участия в военных действиях европейских держав поднять знамя восстания в надежде на тайную поддержку России их домогательствам независимости» [74].

Таково было положение в Турецком Курдистане накануне первой мировой войны. Турецкие правящие круги пытались приписать подъем курдского движения в этот период, по словам Кирсанова, «исключительно русским интригам и русскому влиянию» [75]. Абсурдность такого объяснения отмечали тогда все наблюдатели, даже и те, которые недружественно относились к России. Германский консул в Трапезунде Бергфельд, например, писал, что «невозможно установить», какую роль играл «русский рубль» в курдском движении, которое, в отличие от прошлых лет, нисколько не было направлено против армян, а исключительно против турецкого правительства. «Цель движения» — писал он,— состоит в том, чтобы «причинить затруднения турецкому правительству» [76].

В основе курдского движения в предвоенные годы был протест курдских народных масс против угнетательской политики турецких правящих кругов и стремление добиться освобождения всего Курдистана от ненавистного турецкого ига. Борьба курдского народа стала в этот период более зрелой, она вдохновлялась в основном национальными идеями. Враждебное отношение к армянам, десятилетиями прививаемое курдам турецкими провокаторами, отошло на задний план. Однако курдское освободительное движение по-прежнему оставалось раздробленным и в значительной мере стихийным; личные интересы отдельных вождей зачастую превалировали над общенародными. Тем не менее и такие локальные восстания, как в Битлисе и в Ираке, наносили сильнейшие удары турецкому господству в Курдистане и

---

[74] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 85, л. 7.

[75] ЦГИА, Груз.ССР, ф. 71, д. 118, л. 61.

[76] «Deutschland und Armenien 1914—1918 Sammlung diplomatisches Aktenstücke. Herausgegeben und eingeleitet Dr. Johannes Lepsius», S. 17, Doc. 8.

содействовали дальнейшему углублению внутреннего кризиса Османской империи.

* * *

Резкое обострение положения на Ближнем Востоке в связи с началом триполитанской войны активизировало политику царской России в Турецком Курдистане. Интерес российского правительства к курдской проблеме усилился в связи с тем, что Турция после бомбардировки итальянским флотом Дарданелл закрыла проливы. Русско-турецкий конфликт, вызванный этим актом, не исключал возможности военного столкновения между обеими странами. Вопрос о роли курдов в случае войны Турции с Россией, писал посол Чарыков в Министерство иностранных дел, «заслуживает серьезного внимания, но вместе с тем и крайне осторожного к нему отношения». Чарыков считал, что курды представляют интерес для России только в случае вооруженного столкновения с Турцией, которого турки стараются избегнуть. Отмечая, что преждевременно обсуждать вопрос о прекращении самостоятельного существования Ирана и Турции, посол писал далее: «Тем не менее, курдам можно внушать, что, согласно всем известным примерам, туземные племена, пользующиеся защитой русской власти, всецело сохраняли и сохраняют обитаемые ими земли и вместе с тем неизменно получают возможность успешно развивать свои экономические интересы, без ущерба для своего исторически сложившегося национального и культурного быта». В заключение Чарыков высказался против массового приема курдов в русское подданство[77]. Таким образом, Чарыков отводил курдам чисто служебную роль союзников России в случае русско-турецкой войны, ни слова не говоря ни о поддержке курдских движений Россией в мирное время, ни об отношении России к национальным чаяниям и требованиям курдов.

Министерство иностранных дел России одобрило подобную точку зрения на курдский вопрос, но сочло необходимым в то же время побудить вождей турецких курдов оказать влияние на их сородичей в Иране, дабы они перестали поддерживать турецких интервентов[78].

Несмотря на столь осторожную позицию России в курд-

[77] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 99.
[78] Там же, л. 114.

ском вопросе, турецкое правительство было уверено, что русские играли важную роль в инспирации курдских движений. В начале февраля 1912 г. министр иностранных дел Турции Ассим-бей сделал Чарыкову представление по поводу антитурецкой деятельности Абдуррезака. Он просил воспрепятствовать агитации Абдуррезака против Турции и удалить его с границы[79]. В конце февраля Ассим-бей возобновил ходатайство об удалении Абдуррезака с территории Закавказья «в видах желаемого успокоения умов в пограничных курдских областях». Если Абдуррезак откажется от политической агитации, заявил турецкий министр иностранных дел, он будет просить султана о даровании ему амнистии и разрешении вернуться в Турцию[80].

По мере роста напряженности на Ближнем Востоке (обострение конфликта между Турцией и Балканскими странами) русское правительство начало уделять больше внимания курдской проблеме в Османской империи. В апреле 1912 г. наместник на Кавказе Воронцов-Дашков через эриванского губернатора и макинского хана предпринял шаги для сближения с турецкими курдами «в целях привлечения их на нашу сторону в случае столкновения с Турцией». Курдские вожди (в том числе вождь хайдеранли Хусейн-паша) выразили желание перейти на сторону России при условии снабжения их деньгами и оружием. Они просили также дать им и их аширетам в случае необходимости убежище в России с назначением постоянных субсидий[81].

Воронцов-Дашков благоприятно отнесся к этой просьбе и просил Петербург ее поддержать, но председатель Совета министров Коковцов держался другого мнения. Прося министра иностранных дел Сазонова высказать свое отношение к сообщению наместника, он писал: «Со своей же стороны, не могу не выразить серьезных сомнений в возможности принятия русскими властями каких-либо обязательств по устройству курдов в наших пределах и, в особенности, по обеспечению курдских вождей постоянными субсидиями на казенный счет»[82].

Ответа Сазонова нам не удалось найти. В течение нескольких месяцев руководители российской внешней поли-

---

[79] Там же, л. 102.

[80] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 32, л. 95.

[81] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 555.

[82] «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и Временного правительств. 1878—1917 гг.» (далее — М. О.), серия II, т. XIX, ч. II, стр. 493.

тики воздерживались от определения своей позиции по курдскому вопросу, следя за развитием событий на Ближнем Востоке. Между прочим, летом 1912 г. вновь возник вопрос о строительстве французами в Малой Азии железнодорожной сети. По этому поводу Сазонов писал послу в Турции Гирсу, что вопрос о строительстве железнодорожных линий к Эрзинджану, Эрзуруму и Трапезунду следует рассмотреть позднее. Ввиду неспокойного положения в Восточной Анатолии, где Россия пока не может думать «о культурных мероприятиях», отмечал Сазонов, дальнейшее расширение железнодорожной сети до Эрзинджана и Диарбекира должно быть растянуто на 15—16 лет, «в каковой промежуток времени несомненно наступит спокойствие»[83]. Из этого следует, что в Министерстве иностранных дел оценивали обстановку на Востоке Малой Азии, как угрожавшую интересам России и безопасности ее границ.

Осенью 1912 г., в разгар первой балканской войны, правительство России заинтересовалось возможностями привлечения курдов на свою сторону не только в случае войны, но и в мирное время. 14 (27) ноября 1912 г. Сазонов обратился с циркулярным письмом к послу в Стамбуле и к вице-консулам в Ване, Урмии, Баязиде и Соуджбулаке по курдскому вопросу. Желательно, писал он, «использовать настоящий момент для укрепления нашего влияния среди курдов и возможного отвлечения их от Турции». «Важно выяснить,— продолжал Сазонов далее,— ...возможно ли объединение курдских племен и каким путем ему можно было бы способствовать, ибо лишь в массе курды могут образовать серьезную силу. Не следует, однако, упускать из виду тесную связь между вопросами курдским и армянским»[84].

Таким образом, русское правительство впервые, хотя и в весьма неопределенной форме, поставило вопрос о необходимости решения всей курдской проблемы на политической основе. В курдской политике России, несомненно, произошел некоторый сдвиг.

В связи с этим многие русские дипломаты в Турецком Курдистане предлагали применить новые, более эффективные методы, которые бы способствовали быстрому распространению влияния и авторитета России на все курдские племена. Они указывали, в частности, на желательность открытия новых консульств. Олферьев, например, настойчиво

---

[83] АВПР, ф. «Политархив», 1912 г., д. 128, л. 46.
[84] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 161.

требовал основания дипломатического поста в Харпуте для поддержания связей с курдами Дерсима, которые питали «особые симпатии» к России, и для противодействия антирусской пропаганде, которую вели немецкие и другие миссионеры. Он считал недопустимым, чтобы русский вице-консул в Мосуле постоянно проживал в Багдаде[85].

Эти призывы нашли отклики в Петербурге. Особенно настаивало на открытии новых консульств в восточных вилайетах Турции Министерство торговли и промышленности. Сазонов разработал проект открытия консульства в Диарбекире, Мосуле, Сивасе и Харпуте, вице-консульств — в Адане, Карасу и Эрзинджане, преобразования вице-консульства в Ване в консульство. «Посты эти,— писал Сазонов председателю Совета министров И. Л. Горемыкину,— предполагается учредить по весьма важным и веским политическим соображениям... Консульские посты в Диарбекире, Мосуле, Сивасе, Харпуте и Ване устанавливаются в важных политических целях, из коих главнейшею является контроль над проведением в Турции армянских реформ».

Министерство финансов из-за отсутствия необходимых ассигнований возражало против этого проекта. Сазонов, однако, продолжал отстаивать свое мнение, соглашаясь только повременить с основанием вице-консульства в Эрзенджане[86]. В проекте изложения дела, представленном Министерством иностранных дел в Думу, в частности, говорилось: «...Консульства в Диарбекире и Харпуте имели бы задачей наблюдение за армянами, за курдским населением, а равно за арабами санджака Дейр-аз-Зор». В Мосуле же «...требуют с нашей стороны внимания местные курды и пестрое христианское население Верхней Месопотамии»[87]. Таким образом, в обоснование необходимости создания новых консульств в Турции правительство России исходило не только из своих «армянских», но и «курдских» интересов. Учреждению новых консульств помешала лишь начавшаяся вскоре мировая война.

Среди различных предложений по улучшению и усилению деятельности России в Курдистане следует особо выделить указания на необходимость культурно-просветительной работы среди курдов. Так, Олферьев, отмечая успехи американских и иных миссионеров в последние годы и отставание

---

[85] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 1605, л. 91.
[86] ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 866, лл. 1—5.
[87] Там же, л. 9.

русских в Турецкой Армении и Курдистане, писал: «Мы должны начать в Турецкой Армении и Курдистане серьезную культурную работу, не останавливаясь ни перед трудностью задачи, ни перед денежными затратами. В результате мы добьемся блестящих последствий, и потуги тех, которые стремятся выставить нас перед глазами пробуждающихся восточных народов „варварами", окажутся тщетными»[88].

Таковы же были взгляды главы прорусской партии в курдском освободительном движении Абдуррезака. В начале 1913 г. в Хое под председательством Абдуррезака было организовано курдское просветительское общество «Воспитание». Оно предполагало основать курдскую газету, типографию, школы. Абдуррезак обратился в русское консульство с просьбой взять это общество под свое покровительство[89].

В феврале 1913 г. Абдуррезак через вице-консула в Хое Чиркова направил русскому правительству докладную записку, в которой была намечена серия мероприятий по русско-курдским культурным связям. Абдуррезак советовал командировать в Курдистан известного уже в те времена русского курдолога И. А. Орбели, впоследствии академика, видного советского искусствоведа и этнографа, для составления курдской грамматики и словаря. По мнению Абдуррезака, И. А. Орбели должен «сделать перевод с русского на курдский интересных произведений русской литературы и перевести с курдского известные сочинения курдских поэтов, которые еще никогда не были переведены ни на один европейский язык. Работа г. Орбели в этом направлении будет много способствовать сближению двух народностей».

В следующей докладной записке Абдуррезак, ссылаясь на свои беседы с академиком Н. Я. Марром, указывал на настоятельную необходимость создания в Петербурге центра по изучению курдского языка и литературы, первоочередной задачей которого было бы создание курдского алфавита на русской основе. Абдуррезак подробно обосновывал важность замены арабской письменности русской. Он особенно настаивал на посылке в Россию молодых курдов для получения там образования и на важности организации изучения курдами русского языка. Расходы на это, по его мнению, можно покрыть за счет зяката (предписываемой шариатом милосты-

---

[88] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1914 гг., д. 3726, л. 125.

[89] Там же, 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 24—25.

ни на благотворительные цели). «Образованные курды,— писал Абдуррезак,— желали бы, чтобы главная роль в изучении Курдистана, его истории и курдского языка и литературы принадлежала бы России, тем более что значительное количество курдов живет в России и что симпатии курдов все более склоняются в сторону русских. К тому же учреждение курдской кафедры при императорском Санкт-Петербургском университете, сделавшись известным в Курдистане, еще более укрепило бы у курдов стремление приобщиться к русской культуре». В заключение Абдуррезак особо подчеркивал, что вышеуказанные мероприятия принесли бы большую практическую пользу Министерству иностранных дел и особенно для деятельности русских консульств в Курдистане[90].

Идеи Абдуррезака нашли полное сочувствие у вице-консула в Хое Чиркова, с которым Абдуррезак был наиболее близок. «Доверие курдов к нам растет с каждым днем»,— писал Чирков. Россия, по его мнению, должна это использовать и помогать Абдуррезаку во всех его культурных начинаниях, особенно в связи с опасностью усиления влияния Англии и Германии в Курдистане. Чирков выражал уверенность, что больше всего выиграет в глазах курдов тот, «кто ранее приступит к созидательной работе», в том числе и в области просвещения и культуры[91].

Российский вице-консул сделал попытку реализовать идеи Абдуррезака в подведомственном ему округе Иранского Курдистана. 4 ноября 1913 г. в Хое в торжественной обстановке была открыта первая в городе курдская школа, построенная на средства, собранные самими курдами. В программу школы было включено изучение русского языка и литературы. Курдский язык преподавался на русском алфавите. При школе была открыта и небольшая амбулатория. Учеников в школе насчитывалось вначале всего 29 человек[92].

Открытие школы в Хое вызвало отклики во всем Иранском Курдистане. Сторонники Турции начали вести ожесточенную антирусскую агитацию среди местной знати и

[90] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 121, лл. 21—22; ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 24—25. «Проникновение цивилизации из России в Курдистан, — писал Абдуррезак несколько позднее, — положит конец тем остаткам моральной связи, которая существовала между халифатом и курдами» (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, лл. 82—83).

[91] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1915. гг., д. 3573, л. 27.

[92] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 121, лл. 1—2.

духовенства. В Иранском Азербайджане агенты бельгийской таможенной администрации распускали ложные слухи о поборах и насилиях, которыми якобы сопровождалось строительство школы.

Особенно был недоволен макинский сердар, мракобес и реакционер, выдававший себя за друга России. По его наущению хойский губернатор преследовал мастеров, работавших на постройке школы.

Турки, опасавшиеся роста симпатий курдов к России, поспешили предпринять контрмеры. Несмотря на отсутствие в казне денег после окончания балканских войн, они поспешили объявить об ассигновании крупных сумм на строительство курдских школ вблизи турецко-иранской границы. Интерес к просвещению курдов внезапно пробудился и у немцев. Германский вице-консул в Мосуле Гольдштейн предложил посылать курдских мальчиков для обучения в Германию и обещал принимать курдов в немецкие миссионерские школы в Ване. Реакция турок и немцев свидетельствовала о том, что культурно-просветительская деятельность оказалась эффективным средством привлечения курдских народных масс. «Нам тем более следовало бы позаботиться о культурном привлечении курдов на нашу сторону»,— писал Чирков в связи с попытками турок и немцев перехватить у России инициативу в этом деле; он предлагал одновременно приступить к подготовке учителей для курдов и открыть новые школы в Чахрике, Сомае и Барадосте [93].

Однако призывы к культурно-просветительской работе среди зарубежных курдов не могли найти отклика в руководящих кругах царской России. Традиционная косность правительственного аппарата, нежелание и боязнь царских властей содействовать просвещению народных масс, тем более «инородцев»,— все это мешало русским правящим кругам применять в Курдистане более гибкие методы, которые давно уже применяли германские, английские, американские и иные колонизаторы. Российские чиновники предпочитали ограничиваться только контактами с курдской «элитой», и то по преимуществу находившейся в эмиграции. Естественно, что это значительно затрудняло достижение тех целей, которые ставила перед собой русская дипломатия в отношении курдов и всего Курдистана.

Главной проблемой русской политики в Курдистане попрежнему было отношение к курдским освободительным

---

[93] Там же.

движениям, потрясавшим Османскую империю в последний год перед первой мировой войной. Как и прежде, позиция России была весьма осторожной. Гирс в донесении Сазонову от 14 февраля 1913 г. отмечал, что русские дипломатические представители стараются воздерживаться от близких сношений с курдскими вождями и особенно от каких-либо обязательств[94]. Когда к Абдуррезаку, например, незадолго до этого прибыл от хайдеранлинцев Хасан-ага с письмами от главнейших курдских вождей и начальников полков хамидие, в которых содержались выражения доверия и симпатии к России и надежды на помощь от нее, Абдуррезак по совету Чиркова отказался дать определенный ответ и возглавить подготовляющееся выступление, о чем просили хайдеранлинцы[95].

В середине марта 1913 г. Гирс, а в августе того же года генеральный консул в Багдаде Орлов вели переговоры с представителями Махмуда Барзанджи. Курды пытались выяснить, чего им следует ждать от России в случае восстания против турецкого правительства. Они обещали немедленно перейти на сторону России[96], «если только им будут гарантированы личная и имущественная неприкосновенность и существующее племенное устройство, исключающее вмешательство чуждой им администрации в их повседневные взаимоотношения... Положение объединенного Курдистана в отношении России,— писал Орлов,— рисуется курдам в виде существующего политического положения Бухары и Хивы или индийских полунезависимых провинций по отношению к Англии с присущей последним военной организацией».

Эти предложения Барзанджи не вызвали никакого сочувствия ни у Гирса, ни у Орлова, наотрез отказавших дать курдам какие-либо политические обязательства[97]. Русские дипломаты в своих сношениях с курдскими вождями предпочитали играть роль осторожных советчиков, так сказать «сдерживающей силы». Больше всего русские дипломатические представители в Османской империи боялись, как бы их связи с лидерами освободительного движения турецких курдов не дали поводов Стамбулу, а также европейским столицам, квалифицировать эти движения как инспирированные Россией.

---

[94] Там же, 1910 г., д. 559, ч. I, л. 65.
[95] Там же, л. 108.
[96] Там же, 1913 г., д. 562, л. 23.
[97] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, лл. 140—142.

«Ни Абдуррезак, ни один из отдавшихся под наше покровительство курдских главарей,— писал Чирков,— не решится на выступление против Турции без нашего на то согласия, во всех своих действиях обращаясь ко мне за указаниями»[98]. В другом донесении Чирков, отмечая, что турецкое правительство «бьет ложную тревогу по поводу фантастических приготовлений Абдуррезак-бея к вторжению в турецкие пределы» с целью оправдать увеличение своих войск на турецко-иранской границе, указывал: мы «стараемся использовать все наше влияние на пограничных персидских курдов для удержания их от ответных враждебных выступлений против турок»[99].

Немаловажной причиной столь осторожной политики русских властей, их нежелания поддерживать курдские движения в Турции были опасения осложнить положение христиан в восточных провинциях Турции. Дело было, конечно, не в афишируемых официальными кругами «гуманных» чувствах к «единоверцам», а в том, что армяне и ассирийцы считались главной опорой русского влияния на востоке Османской империи и русское правительство всегда им отдавало предпочтение перед курдами, как бы последние ни стремились добиться благорасположения России.

Значительно больше внимания, чем прежде, начали в России обращать и на ассирийцев. Гирс указывал на необходимость поддержки ассирийцев денежными субсидиями, покровительством консулов, сдерживающим воздействием на курдов и т. п. По мнению посла, делать это надо осторожно, чтобы не ухудшить положение ассирийцев. Он считал также преждевременным (до окончательного выяснения международного статуса Армении и Курдистана) побуждать ассирийцев к активным выступлениям против турецкого правительства. Главная задача сейчас, писал Гирс, это организация поездок наших миссионеров к ассирийцам. Но и здесь надо быть очень осторожным, не возбуждая подозрений других миссионеров и поддерживая хорошие отношения с курдами, ибо надо «...иметь в виду, что в удаленных углах Турции мы не располагаем такими средствами покровительства, как в при-Урмийском районе»[100].

Гирс был сторонником обращения ассирийцев в православие, считая, что это будет иметь важное политическое

---

[98] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, л. 313.
[99] Там же, л. 353.
[100] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 114, л. 323.

значение. «Несториане являются,— отмечал посол,— существенным орудием возможного расширения нашего влияния в Курдистане» [101].

Если прежде Министерство иностранных дел настаивало на отклонении просьбы мар-шимуна о переходе в православие именно потому, что она имела политическую подоплеку— стремление добиться покровительства России ассирийцам, то в канун первой мировой войны позиция правительства России в этом вопросе несколько изменилась. В 1914 г. была увеличена правительственная субсидия православной миссии в Урмии — с 34 400 руб. до 40 тыс. руб. ежегодно (правда, Совет министров отверг просьбу архимандрита Сергия о дальнейшем увеличении субсидии) [102].

Урмийская миссия стала центром прорусской пропаганды во всем Курдистане, не только иранском, но и турецком. Она вела и некоторую просветительскую работу. При миссии существовало училище-пансион с 73 учениками и женская школа с 43 ученицами. Кроме того, миссия организовала и управляла 64 сельскими трехклассными школами, в которых обучалось 1945 учеников [103]. Однако основной задачей миссии была пропаганда православия среди населения Иранского и Турецкого Курдистана, главным образом среди ассирийцев. Особенно значительных успехов добились православные миссионеры среди пятидесятитысячного ассирийского населения приурмийского района. В 1911 г. приняла православие часть ассирийцев Салмаса, в 1912 г.— Тергевера, в 1913 г.—Сулдуза, в 1914 г.—Мергевера и Барадоста [104]. В первой половине 1914 г. был положительно решен вопрос об открытии отделения миссии в Салмасе [105]. «Принятие православной веры сирийцами,— писал архимандрит Сергий в отчете о деятельности миссии за 1912 г., — должно непременно идти параллельно с утверждением политического влияния России в Курдистане, в противном случае было бы невозможно насаждать среди тамошних христиан церковные православные порядки. Невозможно также оставлять этих сирийцев без нужной помощи в их тяжелом положении среди курдов». «Русское политическое и культурное влияние, — с удовлетворением писал Сергий,— завоевывает Северную Персию, прилежащую к Курдистану». Это, отмечал Сергий,

---

[101] АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 4486, л. 26.
[102] ЦГИА, ф. 796, оп. 199, VI отделение, I стол, д. 242, лл. 1—7.
[103] Там же, д. 219, лл. 13—16.
[104] Там же, л. 19; оп. 193, д. 7015, лл. 238—240.
[105] Там же, ф. 797, 1914 г., оп. 84, д. 82, лл. 1—7.

оказало большое влияние на «горных» (турецких) ассирийцев [106].

В мае 1913 г. мар-шимун вновь обратился с просьбой о принятии его 70-тысячной паствы в православие. Это обращение было вызвано ухудшением положения хакярийских несториан, на которых турецкие власти натравливали курдские племена, распространяя слухи, что Россия вооружает ассирийцев и хочет их побудить напасть на курдов [107]. Кроме того, позиции несторианской церкви вообще были подорваны деятельностью западных миссионеров. На этот раз правительство России решило пойти навстречу просьбам мар-шимуна и оказать турецким ассирийцам покровительство в форме присоединения их к православной церкви. По согласованию с патриархом Антиохийским и всего Востока Григорием было решено для этого командировать в резиденцию мар-шимуна — селение Кочанис Сергия. На поездку ему было отпущено 5 тыс. рублей.

Однако, положительно решив вопрос об обращении ассирийцев в православную веру, Министерство иностранных дел России по-прежнему проявляло крайнюю осторожность. Поездка Сергия в Кочанис под разными предлогами откладывалась с месяца на месяц. Весьма характерно в этом отношении письмо Нератова обер-прокурору Синода Саблеру от 7 (20) февраля 1914 г. «Принимая во внимание всю важность для нас с церковной и политической точки зрения вопроса о переходе несториан в православие,— писал Нератов,— Министерство признает необходимым действовать с особой осторожностью, дабы не вызвать напрасных подозрений со стороны турок и не задевать их самолюбия. Это представляется тем более важным, что при сложившейся ныне политической обстановке можно рассчитывать довести до благополучного конца это трудное дело с помощью дружественных переговоров с турецким правительством и Патриархатом». Далее Нератов напоминает, что необходимо поставить несториан в каноническом отношении в зависимость не от Синода, а от Антиохийской Патриархии. «При этом, однако, представляется желательным, чтобы Мар Шимун и его паства имели бы точное представление о заботе русской церкви в отношении их и понимали бы, что по существу они будут в известной зависимости от св. Синода и лишь номинально от Антиохийской патриархии». Министер-

---

[106] Там же, 1913 г., оп. 197, д. 5136, лл. 13—16.
[107] Там же, ф. 796, оп. 193, д. 7027, л. 34.

ство иностранных дел, писал в заключение Нератов, согласно на поездку Сергия в Кочанис лишь при условии, чтобы она «носила частный и осведомительный характер»[108]. Нератов настаивал на обязательном участии представителя Антиохийской патриархии в обращении ассирийцев в православие. Саблер сообщил Сергию, что инициатором такой сверхосторожной тактики в отношении ассирийцев был посол в Турции Гирс[109].

Показателен и инцидент, который возник в связи с опубликованием в журнале «Православная Урмия» (№ 19) частного письма архимандрита Сергия. В этом письме содержался рассказ о том, что во время аудиенции, которую дал Николай II Сергию 21 января 1914 г., царь одобрительно отозвался о намерении ассирийцев принять православие. Турецкий консул в Урмии немедленно телеграфировал своему послу в Тегеран об агрессивных намерениях России в Турецком Курдистане и советовал срочно принять меры. Всполошились и английские миссионеры[110].

В Министерстве иностранных дел России были весьма встревожены этим, казалось бы, незначительным происшествием. Обер-прокурору Саблеру Сазонов с раздражением писал, что Сергию следует впредь воздерживаться от подобного рода действий и вообще соблюдать крайнюю осторожность, чтобы ни у кого не возникло впечатления о политическом значении перехода несториан в православие[111]. В конце концов долгожданная поездка архимандрита Сергия в Кочанис и обращение ассирийцев в православие так и не состоялись. 8 июля 1914 г., когда в Европе возник вызванный сараевским убийством кризис, Саблер дал указание Сергию отложить отъезд к мар-шимуну[112]. Наступившая вскоре война похоронила все планы России по отношению к «горным» ассирийцам.

История взаимоотношений России с турецкими ассирийцами весьма важна для характеристики русской политики в Турецком Курдистане накануне первой мировой войны. В ней, как в капле воды, отражается не только отсутствие у России каких-либо агрессивных планов в этом районе, но и боязнь русского правительства навлечь на себя даже подозрение в желании активно вмешиваться во внутренние

---

[108] Там же, л. 58.
[109] Там же, лл. 157—158; ф. 197, 1913 г., оп. 83, д. 425, лл. 17—18.
[110] Там же, ф. 796, оп. 193, д. 7027, лл. 151—156.
[111] Там же, л. 150.
[112] Там же, ф. 797, оп. 83, д. 454, л. 31.

дела восточноанатолийских провинций Турции. Сохранение во что бы то ни стало равновесия в русско-турецких отношениях, особенно в связи с надвигавшейся с Запада военной угрозой,— в этом состояло кредо ближневосточной, в том числе и «курдской», политики России накануне первой мировой войны.

Единственное средство, которое решалось использовать правительство России для укрепления своего влияния на турецких христиан, было дипломатическое давление [113].

В конце мая 1913 г. Гирс обратил самое серьезное внимание турецкого министра иностранных дел на необходимость спешно принять меры к прекращению бесчинств, «могущих поставить во весь рост армянский и курдский вопросы, что, несомненно, грозило бы крупными осложнениями для Турции» [114]. Через несколько дней по указанию Сазонова Гирс вновь сделал энергичное представление министру иностранных дел и великому везирю. Последний, однако, приписал беспорядки агитации Абдуррезака, подогревавшего у курдов национальные чувства [115].

Таким образом, русское правительство, будучи несомненно заинтересовано в курдах, все же отдавало предпочтение христианским подданным Порты и постоянно выступало в их защиту (исходя, конечно, из собственных интересов) от притеснений со стороны турецких властей и курдских фео-

---

[113] Правда, русское посольство в Турции предприняло попытки защитить ассирийцев от насилий посредством и недипломатических методов. Ширков вел переговоры о прекращении насилий над армянами и ассирийцами с курдским вождем Сеидом Али. Гирс предложил через шейха Та воздействовать на Барзани, от которого зависела нормализация обстановки в районах Северного Ирака, где проживало смешанное курдо-ассирийское население. Однако проект такого вмешательства в защиту ассирийцев был вскоре отклонен ввиду нежелания русских властей поощрять сношения иранских курдов с турецкими и недоверия к некоторым курдским вождям. «Обращение шейха Тага к шейху Барзану, принадлежащему к враждебной первому партии Абд-уль-Кадира, только ухудшило бы положение несториан»,— писал вице-консул в Урмии Голубинов. Он утверждал, что увеличение случаев насилий над ассирийцами вызвано подстрекательством со стороны турецких властей (АВПР, ф. «Персидский стол», 1911—1917 гг., д. 4482, л. 129; ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1914 гг., д. 3573, л. 261).

[114] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 114, л. 294.

[115] Там же, л. 306. Русские дипломатические представители в Турции выступали в защиту не только армян и ассирийцев, но и курдов-езидов. В июле 1913 г., например, Гирс обратил серьезное внимание великого везиря на недопустимость принуждения езидов продавать свои земли и дома с целью поселения там курдских эмигрантов из Ирана (АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 114, л. 409).

далов. Всегда, когда возникал вопрос об отношении к тому или иному курдскому движению, в России в первую очередь смотрели на то, не приведет ли оно к обострению курдо-армянских или курдо-ассирийских отношений.

Эту особенность внешней политики России на Ближнем Востоке отмечали многие современники. Например, А. Мандельштам, видный юрист-международник, много лет прослуживший первым драгоманом российского посольства в Стамбуле, отмечая заинтересованность России в привлечении на свою сторону курдов, решительно отвергал клеветнические обвинения руссофобских элементов на Западе в адрес русских властей, которые якобы разжигали курдо-армянскую вражду с целью дискредитации младотурецкого режима и облегчения своего вмешательства в турецкие дела. Автор утверждал, что русские консульские агенты всегда стремились наладить хорошие отношения между курдами и армянами [116].

Извратить политику России в Курдистане пытались в первую очередь германские агенты в Турции и Иране, в том числе и занимавшие дипломатические посты, а также некоторые элементы из зарубежных дашнакских кругов, ориентировавшиеся на западные державы. Так, по словам германского посла в Стамбуле фон Вангенгейма, один из видных армянских деятелей в столице сказал ему, что Россия в Восточной Анатолии натравливает одну национальность на другую, для того чтобы спровоцировать новую резню армян [117]. Эту же версию приводил в своих донесениях канцлеру Бетман-Гольвегу и сам Вангенгейм, хотя в его распоряжении должно было быть достаточно данных, позволявших правильно осветить политику России в Курдистане и не дезинформировать свое правительство. Справедливо отмечая, что положение в Курдистане критическое и там, по словам самих турецких министров, может рухнуть турецкое господство, германский посол вместе с тем без всяких оснований утверждал, что Россия стремится превратить Курдистан в русскую провинцию, используя в этих целях и турецко-иранский пограничный конфликт [118].

На деле замыслы России в Курдистане были гораздо скромнее, а ее политика — гораздо осторожнее, чем это

---

[116] A. Mandelstam, *Le sort de l'empire Ottoman,* Lausanne—Paris, 1917, p. 298.

[117] «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914», Bd 38, S. 38.

[118] Ibid., Ss. 16, 22—23.

представлялось германскому дипломату, который, вольно или невольно, поставлял в Берлин искаженные сведения. Достаточно проследить за взаимоотношениями России с руководителями курдского движения в последние месяцы перед мировой войной.

Главной фигурой в руссофильских курдских эмигрантских кругах был по-прежнему Абдуррезак. В конце 1913 г., ввиду явного нежелания русского правительства помочь в организации всеобщего восстания в Турецком Курдистане он предложил Воронцову-Дашкову превратить Иранский Курдистан в главную базу общекурдского движения. Сам Абдуррезак изъявил готовность отказаться от турецкого подданства и перейти в иранское при условии, что правительство назначит его на соответствующую его положению должность. В противном случае Абдуррезак просил посредничества России в примирении с турецким правительством и даже угрожал, что может обратиться к немцам.

Кавказский наместник поддержал новые замыслы Абдуррезака. «Для нас было бы очень выгодно,— писал он в середине декабря 1913 г. в Министерство иностранных дел,— организовать персидских курдов в желательном для нас направлении, тем более что такая организация персидских курдов, несомненно, обеспечила бы нам в будущем решающее влияние на турецких курдов... Нам следовало бы принять услуги Абдуррезака на определенных условиях: непременным условием является материальная поддержка его, которая, ввиду его очень стесненного в этом отношении положения, составляет, вероятно, главнейшую цель настоящей поездки в Санкт-Петербург»[119].

Однако взгляды кавказского наместника не разделяли ни посол в Стамбуле, ни министры в Петербурге. Гирс с большим предубеждением относился к Абдуррезаку, считая, что поддержка его планов сулит России одни только осложнения. «К деятельности Абдуррезака,— телеграфировал он в Петербург,— следует относиться крайне осторожно, и во всяком случае появление его на турецкой границе крайне нежелательно, так как оно возбудит лишь подозрение турок и побудит их искать сближения с курдами и смягчить принимаемые против них меры»[120].

Не на много лучшего мнения об Абдуррезаке были и в Петербурге. Турецкий посол Турхан-паша еще в начале

---

[119] М. О., сер. III, т. II, стр. 250—251.
[120] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 56, л. 154.

1913 г. выразил убеждение, что Абдуррезак не пользуется покровительством правительства России, которая не придает его личности никакого значения [121]. Пожалуй, турецкий посол преувеличивал, но несомненно, что в русском Министерстве иностранных дел неприязненно относились к широковещательным планам Абдуррезака и к его претензии на лидерство в курдском движении. Об этом свидетельствуют итоги поездки Абдуррезака в русскую столицу в марте 1914 г.

В результате нескольких бесед Абдуррезака с Клеммом «...решено было,— по словам последнего,— впредь пользоваться услугами его в качестве нашего агента-осведомителя и проводника нашего влияния среди персидских и турецких курдов. Одна из главных задач, возложенных пока на Абдуррезака, — способствовать возможному сближению курдов с армянами и айсорами, необходимость чего, в интересах самих курдов, он вполне оценил». Абдуррезак сблизился, отмечал Клемм, с армянскими кругами в Петербурге «и склонил их к образованию общества армяно-курдского сближения». Такое же общество, по мнению Клемма, должно быть образовано в Тифлисе или в другом месте на Кавказе. Далее Клемм пишет, что изложенная Абдуррезаком широкая программа культурных и экономических преобразований в Курдистане трудно осуществима. Ему предписано пока воздержаться от интриг против турецкого правительства. Стремление Абдуррезака принять иранское подданство и получить при содействии правительства России крупный административный пост в Иранском Курдистане также неосуществимо; иранское правительство не пошло бы на этот шаг из-за страха ухудшить отношения с Турцией. Кроме того, это могло бы испортить русско-иранские отношения и скомпрометировать дело ирано-турецкого разграничения.

Было решено, что Абдуррезак направится из Тифлиса в Табриз, где постарается сблизиться с известным сторонником России азербайджанским губернатором Шоджа од-Доуле. Абдуррезаку была назначена субсидия в 300 руб. в месяц, «каковую он и будет получать впредь до того, когда удастся так или иначе обеспечить его положение» [122].

Таким образом, роль, которую отводило русское правительство Абдуррезаку, была довольно скромной, ограничен-

---

[121] АВПР, ф. «Политархив», 1913 г., д. 1047, л. 38.
[122] М. О., сер. III, т. II, стр. 249—251.

ной по существу информаторскими функциями и подчиненной скорее задачам «армянской», чем «курдской» политики; сравнительно умеренным было и содержание, установленное курдскому вождю. Более всего русское правительство опасалось самостоятельных действий Абдуррезака среди зарубежных курдов, его заветного желания организовать и возглавить всеобщее восстание в Турецком Курдистане. В связи с приездом Абдуррезака в Табриз Клемм писал генеральному консулу Орлову, что, во-первых, он не должен поддерживать явные отношения с Абдуррезаком, и, во-вторых, Абдуррезаку надо внушить «необходимость действовать крайне осторожно и отнюдь не предпринимать ничего против турок»[123].

Вообще отношение России к курдскому движению в Османской империи было более чем сдержанное. Создавалось впечатление, что русское правительство не только стремилось отстраниться от всякого участия в курдских восстаниях, но и делало все, чтобы удержать курдских вождей от выступлений против турецкого правительства. В марте 1914 г. хан макинский встретился с министром иностранных дел Сазоновым и кавказским наместником Воронцовым-Дашковым. Информировав Сазонова о своих переговорах в Тифлисе с представителями хайдеранли, он сказал, что «курды и армяне ныне, соединившись на общей почве ненависти к туркам, желали бы отдаться под покровительство России и лишь по одному знаку русских готовы поднять мятеж против бессильных в занимаемых ими областях турок и, отделившись от Турции, облегчат России исполнение намеченных ею задач». Министр уклонился от определенного ответа, заявив, что сердар может вести переговоры с курдами в Тифлисе[124]. Наместнику же хан сообщил (по словам исполняющего обязанности чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Эльзенгра) «...о целом плане курдского восстания в Турции в союзе с армянами и просил поддержки России этому движению, указывая, что в силу вещей он, как глава персидских курдов, может оказать влияние на турецких курдов. Наместник,— продолжал Эльзенгр,— ему никакого положительного ответа на это не дал, а просил лишь держать его постоянно в курсе всех перипетий этого движения, указывая, что в случае необходимости для хана быть осведомленным в том или ином

[123] Там же, стр. 530.
[124] Там же, т. I, стр. 549.

отношении России к вопросу он может обратиться к российскому вице-консулу в Маку»[125].

Битлисское восстание поначалу не вызвало никакого энтузиазма у русского правительства. Одной из причин этого было сложившееся в Петербурге ошибочное мнение, что это восстание вспыхнуло в связи с намерением держав осуществить армянские реформы. В разгар восстания Сазонов запросил Гирса, не нужно ли оказать на курдов воздействия сдерживающего характера через находившегося в России Абдуррезака. Гирс со своей стороны обратил внимание великого везиря на курдское движение в Битлисском вилайете, имея в виду случаи насилий над армянами. Саид Халим-паша обещал принять все меры к предупреждению осложнений[126]. Вскоре Гирс телеграфировал Ширкову о недопустимости принятия руководителя битлисских курдов Моллы Селима и трех его соратников, укрывшихся в русском вице-консульстве, в русское подданство[127].

Однако русское правительство очень быстро изменило свое отношение к восстанию, отказавшись под воздействием неопровержимых фактов от квалификации его как «разбойничьего» движения. Россия выступила в защиту руководителей восстания. Гирс отклонил просьбу великого везиря о выдаче Моллы Селима и троих его соратников, заявив, что курдское движение имеет чисто политический характер[128]. Тем не менее Россия не использовала битлисское восстание для укрепления своих позиций и своего влияния в Восточной Анатолии.

Аналогичным было отношение правительства России к восстанию шейха Барзани в Иракском Курдистане. Надо сказать, что вице-консул в Хое Чирков еще в начале восстания шейха Абдул-Саляма резко протестовал против нейтрального отношения России к курдским движениям в Турции и требовал «настоять на отмене военных действий Турции против шейха Барзана в Ревандузе». «Постоянное оберегание нами турок от мщения со стороны курдов,— писал он,—...может крайне невыгодно отразиться на нашем дальнейшем воздействии на аширеты и толкнуть их в сторону германского покровительства, могущего оказаться для них более существенным, чем сдерживающие уроки. Настоящий

---

[125] Там же, сер. III, т. II, стр. 143.
[126] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 56, л. 191.
[127] Там же, лл. 165—166.
[128] М. О., сер. III, т. II, стр. 207.

момент крайне благоприятен для германских видов в Курдистане»[129].

С Чирковым был солидарен и вице-консул в Урмии Введенский. Услугами Барзани, говорил он, можно воспользоваться «при предстоящей нам работе среди его соседей — несториян»[130].

Русское правительство, однако, и пальцем не пошевелило, чтобы поддержать восстание иракских курдов, хотя и оказало, как уже отмечалось, личное покровительство шейху Барзани. После водворения его в Нахичевань ему была даже выделена небольшая субсидия (150 руб. в месяц). В то же время — русские власти употребили свое влияние на шейха Абдул-Салама, чтобы не допустить его дальнейших выступлений против турецкого правительства. В конце апреля 1914 г. одновременно с просьбой о покровительстве шейх Барзани предложил России помочь ему поднять восстание в Равандузе[131]. Из Петербурга последовал категорический отказ. Клемм писал вице-консулу в Урмии: «Барзана в Ревандуз пускать не следует, предупредив его, что какие-либо дальнейшие выступления его против турок лишат нас всякой возможности оказывать ему даже негласное покровительство»[132]. Согласно этому указанию Введенский во время пребывания шейха Абдул-Салама в Урмии удержал его от похода на Шемдинан[133].

Хотя роль России в освободительном движении курдов Османской империи накануне первой мировой войны ограничилась только покровительством бежавшим в Иран или Россию отдельным курдским вождям, восстания в Турецком Курдистане ухудшили русско-турецкие отношения. С Гирсом в турецком Министерстве иностранных дел велись беседы по поводу мнимого участия Абдуррезака и Симко в битлисском восстании[134]. Порта так же, без каких-либо доказательств, обвиняла Орлова, русского консула в Багдаде, в антитурецких интригах среди иракских курдов[135].

Озабоченность турецкого правительства мнимым вмешательством России в курдские движения не прошла и после подавления восстаний в Битлисе и Ираке. В середине мая

---

[129] АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 51.
[130] Там же, 1911—1917 гг., д. 4482, л. 181.
[131] М. О., сер. III, т. II, стр. 370—371.
[132] АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 75.
[133] Там же, л. 74.
[134] М. О., сер. III, т. II, стр. 298—299.
[135] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 80, л. 67.

1914 г. турецкий поверенный в делах Фахреддин известил русское Министерство иностранных дел, что Абдуррезак вместе с Саид-беем намереваются сформировать «банды» для вторжения в Турцию. Фахреддин просил удалить Абдуррезака с границы. Клемм отрицал указанные факты. (Одновременно он предписал Чиркову, чтобы тот посоветовал Абдуррезаку не предпринимать никаких враждебных действий против Турции) [136]. Несколькими днями позже великий везирь обратился к Гирсу с просьбой повлиять на Симко и Абдуррезака, которые возбуждали курдов против турецкого правительства. По мнению посла, следовало немедленно удалить Абдуррезака с турецкой границы [137].

Одной из причин, по-прежнему осложнявшей русско-турецкие отношения, были переселения курдских вождей, а также целых племен из Турции в Иран и Россию и частые просьбы курдов к русскому правительству о покровительстве. Эти действия нередко ставили русские власти в затруднительное положение, поскольку обостряли и без того накаленную обстановку на стыке русско-турецкой и русско-иранской границ. Например, в мае 1914 г. известный курдский вождь Сюто просил у русского правительства разрешения перейти на иранскую территорию и стать под покровительство России. Вице-консул в Урмии Введенский считал, что удовлетворение этой просьбы «с местной точки зрения» было бы совершенно нежелательным [138].

Сазонов счел своевременным разъяснить Турции позицию русского правительства в связи с подобными действиями курдских вождей. «Ввиду частых жалоб турок,— инструктировал он Гирса,— на неурядицы на персидской границе и их подозрений против проживающих в Персии курдских выходцев, а с другой стороны — нежелательности отталкивать от нас курдов и затруднительности устраивать и обеспечивать означенных выходцев в Персии или на Кавказе, полагал бы полезным обратить внимание Порты на то, что неурядицы и притеснения, испытываемые в смежных с Персией областях, вызывают крайне нежелательную эмиграцию курдов и что поэтому турецкому правительству надлежит принять меры к устранению причин, вызывающих это явление» [139].

---

136 М. О., сер. III, т. III, стр. 43.
137 Там же, стр. 106.
138 АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 87.
139 Там же, л. 89.

Из этой инструкции, между прочим, следует, что правительство России, несмотря на свое нежелание оказать курдам какую-либо помощь в борьбе против турецкого господства и осложнять из-за них свои отношения с Портой, все же было заинтересовано в привлечении на свою сторону курдских племен Турции. Поэтому, несмотря на постоянный нажим со стороны турецкого правительства, Россия по-прежнему покровительствовала главнейшим курдским вождям. Когда, например, пронесся слух, что иранское правительство намеревалось выдать туркам Абдуррезака, шейха Барзани и шейха Та, Клемм написал посланнику в Тегеране Коростовцу о необходимости убедить иранцев, «насколько невыгодно для Персии отталкивать от себя турецких курдов». В случае опасности выдачи, писал Клемм, надо посоветовать курдам поскорее перебраться на Кавказ [140].

Итак, в предвоенные месяцы правительство России не пожелало использовать для укрепления своего влияния в Турецком Курдистане освободительное движение курдов. Это отрицательно сказалось на престиже России среди курдов, на чем пытались сыграть западные державы. Поддержка русским правительством отдельных курдских вождей, главным образом находившихся в эмиграции в России и Иране, не имела существенного значения, тем более что многие из них, естественно, перестали доверять правительству России.

Был еще один немаловажный аспект ближневосточной политики России, непосредственно затрагивавший курдскую проблему,— реформы в Турецкой Армении. Этому вопросу посвящена обширная литература, и здесь не место на нем останавливаться. Вкратце стоит коснуться лишь тех сторон данной темы, которые связаны с положением курдов.

В период балканских войн Россия вновь начала настаивать на проведении реформ в армянских вилайетах Турции, обещанных турецким правительством еще по Берлинскому трактату. Выдвигая армянский вопрос на повестку дня, Россия рассчитывала, во-первых, что тяжелые внешнеполитические и военные затруднения вынудят турецкое правительство на этот раз пойти на серьезные уступки и, во-вторых, что Англия и Франция в обострившейся международной обстановке не будут чинить ей препятствий на востоке Малой Азии, как это они делали прежде. Эти расчеты оправдались: Порта вынуждена была пойти на переговоры с Россией.

---

[140] М. О., сер. III, т. II, стр. 279.

Германия и Австро-Венгрия, выступавшие в защиту шовинистической политики турецких правящих кругов по отношению к армянам, не могли ослабить поддержанного Англией и Францией нажима русского правительства на Порту относительно реформ в армянских вилайетах.

Была еще одна причина, благоприятствовавшая стремлению России добиться от Турции уступок в армянском вопросе,— это тенденция к смягчению армяно-курдской вражды в Восточной Анатолии.

Многие видные деятели армянского освободительного движения начали выступать с призывами к курдским вождям насчет создания единого антитурецкого фронта. Из России в Турецкий Курдистан прибыли посланцы армянских организаций, которые стремились привлечь курдов на сторону России и побудить их вместе с армянами выступить против турецкого правительства. На эти призывы откликнулись некоторые влиятельные курдские вожди, в том числе Кор-Хусейн-паша, высказавшие готовность примкнуть к антитурецкому союзу курдов и армян. Турецкие власти, перехватившие секретную переписку русского вице-консула в Баязиде с Кор-Хусейном-пашой, были весьма встревожены этими известиями [141].

Армянские националисты в своих попытках сплочения курдов с армянами больше всего полагались на содействие России. В середине августа 1913 г. видный армянский деятель Я. Х. Завриев обратился в Министерство иностранных дел России со следующим предложением: «Не признано ли будет возможным попытаться склонить преданных России курдов к примирению с армянами в Малой Азии?»

Просьба Завриева была поддержана Сазоновым. «Считая со своей стороны осуществление этого предложения вполне целесообразным,— писал он Гирсу,— имею честь покорнейше просить Вас снабдить подлежащих консульских наших представителей соответственными указаниями, если Вы не встречаете со своей стороны возражений против воздействия в этом смысле на курдское население» [142].

Эти факты наглядно разоблачают лживость распространявшихся тогда германскими и некоторыми другими иностранными представителями в Турции инсинуаций о разжигании русскими армяно-курдской вражды. Некоторые наиболее

---

[141] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1914 г., д. 3726. л. 88.

[142] Там же, 1912—1914 гг., д. 3573, л. 257.

компетентные знатоки ближневосточных проблем в России, отмечая неразрывную связь курдского и армянского вопросов, требовали их одновременного разрешения. Ширков, например, писал Минорскому в начале августа 1913 г.: «...Армянский вопрос был всегда курдо-армянским, так как армяне страдали и страдают именно от курдов при слабости и неспособности (умышленной или неумышленной — это тоже большой вопрос) турецких властей». Далее Ширков указывал на важность скорейшего разрешения «курдского вопроса», то есть вопроса о курдской автономии [143].

Однако руководители русской внешней политики попрежнему были озабочены только армянскими реформами. Во время переговоров с Портой по армянскому вопросу русская дипломатия касалась курдской проблемы лишь в той мере, в какой надо было обеспечить национальные интересы армян и безопасность в армянских вилайетах. Так, русское правительство потребовало роспуска хамидие. Когда турецкий поверенный в делах в Петербурге заявил, что его правительство готово принять русский проект реформ в Армении при условии согласия России на некоторые уступки, в том числе на сохранение хамидие, Сазонов категорически отверг эту оговорку [144].

Предварительное соглашение о реформах в Армении было парафировано в Стамбуле 8 февраля 1914 г. поверенным в делах России Гулькевичем и великим везирем Саид Халим-пашой. Оно предусматривало некоторые гарантии прав армян от произвола турецких властей и курдских феодалов в районах со смешанным населением.

Вводился, например, принцип пропорциональности по религиозной принадлежности членов генеральных советов вилайетов и административных советов. Соглашение содержало и новый статус хамидие: «Полки хамидие,— говорилось в нем,— будут преобразованы в запасную кавалерию. Их оружие будет сохраняться в военных складах и будет им выдаваться только в случаях мобилизации или маневров. Они будут подчинены командирам тех армейских корпусов, в округе которых они находятся. В мирное время начальники полков, эскадронов и взводов будут избраны из среды офицеров действующей оттоманской армии. Солдаты этих полков будут отбывать военную службу в течение одного года. Чтобы получить доступ в эти полки, солдаты должны

---

143 Там же, л. 231—232.
144 М. О., сер. III, т. I, стр. 40.

снабжать себя за свой счет лошадьми и полной их экипировкой. Каждое лицо без различий расы и религии, проживающее в данном округе, подчиняющееся этим требованиям, может быть зачислено в эти полки. Собранные во время мобилизации и маневров, эти полки будут подчинены тем же мерам дисциплины, как и регулярные войска»[145].

Таким образом, хамидие фактически должны были быть разоружены, лишены привилегированного положения, подчиняться общевойсковой дисциплине. Однако ввиду начавшейся вскоре войны турецкое правительство так и не приступило к осуществлению вышеуказанного проекта реформ. Все попытки царского правительства мирным путем добиться нормализации положения на востоке Малой Азии остались безрезультатными.

* * *

Как уже неоднократно приходилось убеждаться, Турецкий Курдистан привлекал внимание не одной только России. И другие западные державы, в первую очередь Германия и Англия, в предвоенный период значительно усилили попытки укрепить свои позиции в этом районе, значение которого на ближневосточной арене в западных столицах хорошо понимали.

Отличительной чертой политики всех западных держав в Турецком Курдистане в предвоенные годы являлась ее антирусская направленность. В этом сходились и друзья России из Антанты, и ее враги из Тройственного союза. Причину такого редкого в то время единодушия следует искать в опасениях западных империалистов, что Россия может единолично утвердиться на востоке Малой Азии и вытеснить оттуда все другие державы. Французы вели антирусскую пропаганду в основном через католических миссионеров. Немцы действовали главным образом через своих торговых и консульских представителей. Англичане старались использовать агентуру среди курдов и ассирийцев, а также деятельность американских миссионеров. «...Наши интересы здесь,— писал Олферьев,— находятся в полном противоречии с интересами европейцев, и на добрые услуги последних нам положительно нечего рассчитывать»[146].

---

[145] «Сборник договоров России с другими государствами», стр. 423.

[146] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1908—1912 гг., д. 3922, лл. 43—44.

Западная агентура в Турецком Курдистане распространяла клевету и дезинформацию о политике России, по многим вопросам поддерживала турок, особенно в их происках на турецко-иранской границе и в Иранском Курдистане. Наибольшее внимание, однако, она по-прежнему уделяла разведывательной деятельности. Англичане, немцы, французы, американцы объезжали самые отдаленные уголки Турецкого Курдистана. Немецкий офицер в отставке Гудброд в компании с одним австрийцем, например, весной 1912 г. совершили поездку в такие районы, куда европейцы вообще никогда не заглядывали. Они производили фотосъемки и делали топографические чертежи. Окрестности Вана изучали немецкие «естествоиспытатели». По всему Курдистану разъезжали американские миссионеры [147].

Если многие западные агенты, особенно американцы и немцы, проводили антирусскую подрывную деятельность на востоке Малой Азии осторожно, келейно, то там были и явные, открытые руссофобы, считавшие излишним маскировать свои враждебные России происки. К их числу принадлежал французский вице-консул в Ване Зарзецки, друг местного вали, ярого противника России Иззет-паши (о котором говорили, что он в свое время был шпионом французского посольства в Стамбуле). Зарзецки с помощью миссионеров-доминиканцев вел активную антирусскую пропаганду среди восточноанатолийских и пограничных курдов, стараясь охладить их симпатии к России. Его интриги распространялись на округ Хакяри, где ему удалось заручиться содействием местного мутесаррифа Джевдет-бея, а также на Иранский Курдистан. Им был инспирирован ряд враждебных выступлений турецких и иранских курдов против России [148].

---

[147] Там же, 1911—1912 гг., д. 3558, лл. 51—53.

[148] Там же, 1912—1914 гг., д. 3573, лл. 54—65, 81—86. Зарзецки грубо извращал политику России в Курдистане и Турецкой Армении в глазах общественного мнения Европы а также в искаженном виде освещал курдское и армянское движение в Турции. Об этом, в частности, свидетельствует его статья «Курдо-армянский вопрос» в журнале «Ревю де Пари». В этой статье автор утверждал, что при младотурецком режиме армяне не могут считаться угнетаемым народом, ибо вред, причиняемый их политическими организациями, равен тому, который приносили курдские ага. Далее Зарзецки писал, что большинство армян и курдов предпочитают турецкое владычество господству «соседней нации», первые из национальных, вторые из религиозных соображений. Наконец, Зарзецки указывал на четыре возможности решения армяно-курдской проблемы в Турции: 1) автономия курдо-армянская, 2) автономия отдельно курдская и армянская, 3) реформы в Турции и 4) оккупация восточных провинций Малой Азии Россией.

В Юго-Восточной Анатолии и Ираке активно боролись с русским влиянием на курдов британские консульства в Диарбекире и Мосуле, стремясь восстановить местное мусульманское и христианское население против России. Весьма пристально следили англичане за положением в Дерсиме; ненависть местных курдов к туркам и их симпатии к России, по словам очевидца, «почему-то беспокоят англичан». Нередко англичане действовали в этом направлении совместно с американскими благотворительными и миссионерскими учреждениями [149].

Стремясь укрепить свое влияние на курдские племена, британские агенты распространяли среди курдов сведения, что будущее на Ближнем Востоке принадлежит не России, а Англии и что последняя является сторонником реформ, которые облегчат их положение. В результате англичанам удалось укрепить свой престиж среди племен Ванского вилайета и окрестных районов. Большой интерес проявили британские представители к битлисскому восстанию. В марте — апреле 1914 г. в Битлисе находился британский вице-консул в Ване Смит. Собирая сведения о курдском движении, он неоднократно встречался и вел переговоры с вождями битлисских курдов [150].

Наибольших успехов по сравнению с другими западными империалистами добились в Турецком Курдистане в предвоенный период немцы. Они «...с особой настойчивостью задались целью проникнуть в восточную Турцию и прочно утвердиться в ней»,— писал один наблюдатель [151]. Важным преимуществом германских империалистов по сравнению с русскими, английскими и другими было то, что они опирались на полную поддержку и содействие как центрального правительства, так и местных властей. Германская агентура, кроме того, выгодно отличалась своей инициативностью, цепкостью, знанием местных условий. Она умело использовала также русско-английские противоречия. Вместе с немцами действовали и австрийцы, которые добились значительных успехов в торговле на востоке Малой Азии.

Первые два решения, по мнению автора, невозможны. Если же не будет обеспечено третье решение, то неизбежно наступит четвертое. Трудно сказать, чего больше в этих рассуждениях: недомыслия или сознательной клеветы (S. Zarzecki, *La question kurdo-arménienne*, — «La revue de Paris», 1914, № 8, pp. 884—891).

[149] ЦГИА Груз.ССР, ф. 71, оп. 2, д. 113, л. 1; д. 118, лл. 24, 147.

[150] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 1406, л. 37.

[151] ЦГИА Груз.ССР, ф. 71, оп. 2, д. 118, л. 26.

Германским представителям в Турции удалось установить связи с многими влиятельными курдскими вождями. Вице-консул в Мосуле Гольдштейн в мае 1913 г. имел в Джизре встречу с сыном Бадр-хана Хасан-беем. Гольдштейн пытался выяснить, какие соглашения заключили курды с Россией, и заявил о желательности вмешательства держав с целью предоставления курдам автономии. Хасан-бей, однако, держался с германским вице-консулом весьма осторожно и на его расспросы отвечал уклончиво [152].

Наиболее активную работу среди курдов развернул германский консул в Эрзуруме Андерс. После подавления битлисского восстания он совершил поездки в Дерсим, Харпут, Муш, Битлис, Ван, Баязид, тщательно выяснял обстановку, встречался со многими курдскими беями [153].

По-видимому, размах курдского освободительного движения в Турции начал всерьез тревожить Германию, опасавшуюся подрыва внутренней безопасности и обороноспособности своего восточного вассала. Германские представители в Турции начали оказывать сильный нажим на Порту, чтобы она приняла действенные меры для наведения порядка в курдских вилайетах. По жалобе Андерса был смещен со своей должности эрзинджанский мутесарриф Фатих-бей. По всеобщему убеждению, причиной его смещения была неспособность усмирить дерсимских курдов. Вообще Андерс держал себя во вверенном его наблюдению районе полноправным хозяином, не считая нужным соблюдать элементарные приличия и дипломатический такт. Он проводил смотры местным войскам, публично распекал турецких военных и гражданских чинов, ездил в сопровождении многочисленной курдской и турецкой военной охраны, экзаменовал учащихся в германских миссионерских школах и т. д. [154]. Очевидно, Андерс и ему подобные предвкушали возможность расположиться в ближайшем будущем в восточных районах Малой Азии, как в своей колонии.

Оценивая бурные события, происходившие в Турецком Курдистане в 1912—1914 гг., можно сделать следующие выводы: курдам не удалось завоевать себе свободу или добиться от турецкого правительства хотя бы частичных уступок: турецкие правящие круги были бессильны пода-

---

[152] Там же, д. 113, лл. 3—6.
[153] АВПР, ф. «Политархив», 1912—1914 гг., д. 1648, л. 206.
[154] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1914 г., д. 2685, лл. 77—78.

вить курдское освободительное движение. Россия не хотела использовать те чрезвычайно благоприятные возможности, которые представляло для нее курдское освободительное движение, а также не успела до конца разрешить армянский вопрос. В этом немалую роль сыграли западные державы, боявшиеся, что разрешение армянского вопроса усилит позиции России. Но и другие империалистические державы не сумели захватить доминирующие позиции и уничтожить влияние России в Восточной Анатолии. Стало быть, сохранились причины, которые делали курдскую проблему в Османской империи одной из самых острых и трудноразрешимых ближневосточных проблем.

ГЛАВА VII

ИРАНСКИЙ КУРДИСТАН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бурные события, происходившие в Турецком Курдистане в предвоенные годы, оказывали непосредственное влияние на населенные курдами западные провинции Ирана. В то же время положение в Иранском Курдистане имело свои особенности, вызванные в первую очередь непосредственным вмешательством России, которая, превратив весь Северо-Западный Иран в свою полуколонию, оккупировала при подавлении иранской революции своими войсками Иранский Азербайджан и значительную часть Курдистана.

В главе V было показано, что экспансионистская политика Турции в Иранском Курдистане встречала все возраставшие трудности внешнего и внутреннего порядка и к концу 1911 г. оказалась на пороге полного краха. Между тем в первой половине 1912 г. в Юго-Западном Иране произошли события, которые могли дать туркам надежду на отсрочку их неизбежного ухода из пограничной полосы.

В феврале 1912 г. Салар од-Доуле, собравшись с силами, вновь поднял восстание в этом районе. К нему примкнули племена Керманшаха, в первую очередь курдское племя бени-ардалан. 22 февраля Салар овладел Керманшахом. Захват города сопровождался массовыми насилиями. Через две недели отряд курдов-повстанцев во главе со сторонником Салара Моджеллялем взял Сенне. Вскоре Салар контролировал большую часть Юго-Западного Ирана и призвал всех курдов страны присоединиться к нему [1].

Турки немедленно попытались использовать эти события, чтобы поправить свои дела в Иранском Курдистане. На иракско-иранской границе, в районе Сулеймании, начали концентрироваться турецкие войска. Под предлогом охраны консульства в Сенне был введен турецкий отряд. Новые

---

[1] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 166, лл. 92, 96.

турецкие отряды появились и в других местах Иранского Курдистана, в частности в районе Керманшаха — Хамадана [2].

Однако расчеты турок на то, что Салар с радостью ухватится за возможность опереться на их помощь, не оправдались. Он приказал верным ему курдам не пускать турецкие войска на иранскую территорию и обратился к русскому правительству с просьбой о воздействии на правительство Турции с целью предотвращения оккупации всего Иранского Курдистана турецкими войсками [3]. Столь неожиданное поведение иранского принца объясняется тем, что он был далеко не уверен в своих курдах, которые к нему относились с большими подозрениями, а к России, наоборот, весьма дружественно [4]. Салар понимал, что если он призовет на помощь турок, он рискует лишиться всякого доверия со стороны курдов и наживет себе могущественного врага в лице России.

Тогда Турция резко переменила тактику и попыталась извлечь для себя выгоду из восстания Салара противоположным способом. Турецкое правительство решительно отмежевалось от Салара, предложило правительству Ирана оказать помощь против него.

Но и этот маневр провалился из-за вмешательства России и Англии. Восстание в Иранском Курдистане вызвало большую озабоченность у этих держав. «Движение Салара,— писал Сазонов послу в Лондоне Бенкендорфу,— внушает нам серьезное беспокойство, так как оно грозит новыми крупными осложнениями». Сазонов высказал подозрение, что турки оказывали Салару тайную финансовую поддержку [5]. Британский кабинет разделил тревогу русского правительства по поводу событий в Иранском Курдистане. В Форин офисе Бенкендорфу сказали, что следует поддержать иранское правительство против Салара [6].

Русские дипломаты в Иране и Турции немедленно предприняли шаги, чтобы не допустить турецкого вмешательства в связи с восстанием Салара. Посланник в Тегеране Поклевский-Козелл предупредил иранского министра иностран-

---

[2] Там же, д. 1066, л. 126; ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, л. 45.

[3] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 166, л. 126.

[4] Там же, л. 96.

[5] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 36.

[6] Там же, л. 40.

ных дел, что турецкая помощь обошлась бы Ирану слишком дорого, особенно при предстоящем турецко-иранском разграничении, и посоветовал иранскому правительству энергично подавить мятеж, обещая ему поддержку России[7]. Послу в Стамбуле было предписано, действуя совместно с британским послом Лоутером, добиться от Порты заверения не посылать турецких войск в Иранский Курдистан на помощь Салару[8].

Ободренное поддержкой со стороны России и Англии, иранское правительство отправило против Салара войска под командованием Фарманфарма и главаря дашнаков Ефрема Давидиянца. Силы мятежного принца были весьма незначительны: не более двух тысяч курдов. Среди поддерживавших его курдских племен начались междоусобицы, оседлое население вообще относилось к нему враждебно. 19 мая Фарманфарма разбил передовой отряд Салара (в этом бою был убит Давидиянц), после чего население Иранского Курдистана изъявило покорность правительству. 29 мая под Керманшахом Фарманфарма нанес полное поражение основным войскам Салара и Моджелляла. Керманшах был занят правительственными войсками[9].

Через некоторое время Салар, оправившись от поражения и собрав своих сторонников, возобновил борьбу с правительственными войсками. Одно время ему удалось даже подойти к Керманшаху. Однако Салар не встретил никакой поддержки у крупных племен Керманшахской провинции, что и предрешило исход борьбы. Его отряды были в конце концов рассеяны правительственными войсками, а сам он вынужден был бежать на турецкую территорию[10]. Поражение восстания Салара од-Доуле свидетельствовало об отходе основной массы курдского населения Ирана от Турции и ускорило крушение турецкой экспансии в Иранском Курдистане.

Турки, однако, не хотели принимать во внимание настроения основной массы населения Западного Ирана и не спешили очистить захваченные районы. Более того, оккупанты не оставляли попытки приобрести поддержку местного курдского населения мерами административного, социально-

---

[7] Там же, лл. 41—42.

[8] Там же, л. 65.

[9] Там же, д. 3566, лл. 76—82, 85; ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 119, л. 348.

[10] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3566, л. 85.

го и политического характера, дабы легализовать свои агрессивные действия.

С первых месяцев 1912 г. турецкие власти в оккупированных районах Ирана начали производить перепись мужского населения, а также домов и скота. Эта мера преследовала как фискальные, так и, главным образом, политические цели: укрепить власть турецкой администрации над местным населением, в первую очередь над кочевниками-курдами, продемонстрировать перед ним и перед всем миром намерение Турции надолго обосноваться в Иранском Курдистане. Кроме того, турки полагали, что перепись облегчит им осуществление давней мечты — привлечение иранских курдов в регулярные турецкие войска или формирование из них иррегулярных отрядов типа хамидие. Курдским ханам турки обещали за несение службы значительное жалованье — 150—200 лир в месяц, рядовым курдам — 4 лиры. Для этого турецкие власти обложили денежными и натуральными налогами местное оседлое населения (эти деньги взимались якобы на постройку дорог, мостов и т. д.), хотя раньше было объявлено, что население освобождается от всех податей на 7 лет[11].

Первые результаты этой новой затеи были для турецких оккупантов неутешительными. Все население встретило перепись в штыки. Оседлое население было, естественно, недовольно новыми обременительными налогами. Курдские племена настрез отказались покоряться турецким чиновникам и, тем более, служить под турецкими знаменами. В районе Песве против турок выступили племена пиран, мангур, мамаш, возглавлявшиеся Баязидом-агой, Мухаммедом Наге и Хамзе-Солейманом, а также местные христиане. 3-тысячный отряд восставших выгнал турок из Песве. Против курдов был выслан карательный отряд[12]. В начале лета 1912 г. волнения вспыхнули в округах Сулдуза, Ушну и Лахиджана. Турки хотели было применить вооруженную силу, но из Стамбула пришло предписание немедленно прекратить перепись[13]. Таким образом, попытка путем переписи укрепить турецкие позиции в оккупированных районах Иранского Курдистана полностью провалилась.

Несмотря на возросшие внешне- и внутриполитические

---

[11] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, лл. 571—572; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3559, л. 44.

[12] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3559, л. 44.

[13] ЦГВИА, ф. 2000, д. 60, л. 630.

трудности, младотурецкое правительство, поощряемое Германией, продолжало настойчиво стремиться к созданию антирусского плацдарма в Северо-Западном Иране. Как писало «Новое время», «Турецкая оккупация Урмийской провинции, совершенно не нужной Турции персидской территории, была задумана с единственной целью: провести в исполнение начало подготовительного плана русско-турецкой кампании» [14].

Тем не менее обстоятельства вынуждали турецкое правительство действовать осторожно и избегать откровенно агрессивных акций, могущих вызвать отпор со стороны России или Англии. В середине марта 1912 г. турецкий посол в Петербурге информировал Сазонова о решении турецкого правительства «не посылать более войск в оккупированную турками персидскую пограничную зону и не занимать более никаких пунктов в этой зоне». Сазонов, выразив свое удовлетворение этим заявлением, попросил, однако, посла передать в Стамбул пожелание, того, чтобы турецкое правительство «осуществит это намерение на деле» [15].

Скептицизм русского министра иностранных дел был вполне обоснованным. В марте — апреле 1912 г. турецкий комиссар в пограничной полосе Джабир-паша совершил объезд «спорных» районов якобы с целью успокоения курдов и прекращения многочисленных инцидентов. В действительности перед Джабиром-пашой была поставлена задача укрепить позиции турецких войск в пограничной полосе и натравить курдов на Россию. Турецкое командование организовало раздачу курдам оружия и патронов, во многих местах создавались военные склады, курдские вожди получали подробные инструкции насчет методов ведения диверсионной партизанской войны; наиболее усердные из них награждались турецкими орденами. В руки Голубинова попало, например, следующее письмо генерала Фазыл-паши курдскому бею Хамза-аге: «Я занят теперь формированием стотысячного отряда из арабов и курдов, в числе которых я считаю 2 тыс. человек из племен мамаш, мангур и пиран. Предупреждаю вас, чтобы ко дню моего приезда к вам вы все были готовы для защиты ислама» [16].

В результате туркам удалось в ряде мест вызвать враж-

---

[14] «Новое время», 13.III.1912. Газета утверждала, что этот план разрабатывался инструкторами «одной из европейских держав».

[15] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г. д. 7407, л. 3.

[16] Там же, 1911—1913 гг., д. 3559, л. 91.

дебные выступления курдов против России. Всю вину за эти инциденты Джабир-паша сваливал на Симко, желая его дискредитировать в глазах русских[17]. Нередко турки организовывали инциденты в провокационных целях, рассчитывая, что ответные репрессии русских войск, с одной стороны, обрушатся на антитурецки настроенных вождей, а с другой — побудят курдов чаще обращаться к заступничеству Турции. Особенно известен был своей провокационной антирусской деятельностью среди иранских курдов хакярийский мутесарриф Джевдет-бей[18].

Кроме того, выставляя курдов единственными зачинщиками беспорядков, турки тем самым маскировали свою неприглядную роль в этом деле. Джабир-паша, например, заявил, что «главным препятствием к восстановлению искренних отношений с Россией являются разбои курдов» и что турецкие власти не только не покровительствуют им, а наоборот, имеют инструкцию пресекать их[19].

Особенно активно действовала турецкая агентура среди курдов Маку, наиболее важной в стратегическом отношении области Северо-Западного Ирана. Турецкие эмиссары, широко используя панисламистскую агитацию, старались вызвать у макинских курдов вражду к России, натравить их на русские войска. В ряде мест подстрекатели добились успеха, особенно среди племен джелали и милан[20].

Объектом нападок турецких подстрекателей были не только все русские вообще, но и сам макинский сердар Муртаза Кули-хан. Цель турок состояла в том, чтобы восстановить против сердара курдское население ханства и тем самым вынудить его сблизиться с Турцией[21]. Для дискредитации сердара турки не только выдавали его за платного агента России, но и широко применяли социальную демагогию, пытаясь сыграть на недовольстве населения грабительскими поборами в пользу ханской клики и обещая, что с их приходом тяжелое налоговое бремя с крестьян будет снято. Такими же методами турки пытались использовать растущее недовольство населения Иранского Курдистана котурским правителем Симко, «прославившимся» своим самоуправ-

---

[17] АВПР, ф. «Персидский стол», 1911 г., д. 1203, л. 601.

[18] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 1603, л. 17.

[19] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1206, лл. 210, 248.

[20] Там же, лл. 50—51, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3559, л. 48.

[21] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, л. 121; ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3941, лл. 18—20.

ством, грабежами и разбоями. По словам одного из котурских жителей, Симко «немного осталось, чтобы стать царем» [22].

Однако, несмотря на всевозможные ухищрения турецких оккупантов, им так и не удалось привлечь на свою сторону основную массу населения пограничной полосы, в том числе и курдов. По словам Чиркова, турки убеждаются в том, что «верность Ирану, несомненно покровительствуемому Россией, для них выгоднее турецкой опеки, принесшей новые налоги и поборы и лишившей владетельных курдских беков их самостоятельности и свободы действий» [23]. Голубинов также подтверждал, что курды, озлобленные переписью и всевозможными притеснениями со стороны турецких оккупантов, все более склонялись на сторону русских, видя в них своих защитников от турок. «Если бы туркам удалось подчинить своей воле неподатливых кочевников,— писал он,— то они заговорили бы с нами совершенно другим языком и подготовили бы нам в Курдистане второе Триполи». Единственная надежда турок теперь, утверждал Голубинов,— это «воинственный фанатизм кочевников» [24].

Тогда младотурецкие авантюристы прибегли к излюбленному средству — насилию, рассчитывая запугать курдов и заставить их служить турецким интересам. Против некоторых племен систематически снаряжались карательные экспедиции. Еще осенью 1911 г. Голубинов предупреждал, что «...турки намерены терроризовать курдов Персии, особенно Маку, и затем поднять среди них престиж Турции» [25].

Хотя турецкая военщина и не рискнула осуществить этот план в широких масштабах, она не отказалась от намерения порою «вразумлять» курдов силой оружия.

Так, 20 мая 1912 г. турки совершили нападение на две курдские деревни Котурского ханства. Только быстрые и решительные действия Симко, поспешившего на выручку, заставили турок отступить. По словам Гирса, «...основной целью турок являлась карательная экспедиция против стойкого курдского вождя, имевшего с турками личные счеты» [26].

В середине июня 1912 г. турки предприняли карательную

---

[22] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3941, л. 21.

[23] Там же.

[24] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1206, л. 250.

[25] Там же, 1911 г., д. 1204, л. 124.

[26] М. О., сер. II, т. XX, ч. I, стр. 77, 113.

экспедицию против шеккакских вождей Измаила-ага Керира, Омара-хана и Темира Джанго. На помощь туркам выступили и предводители бекзадинцев Курдо-бек и Пиро-бек. В случае успеха турок, писал Голубинов, «престиж их среди курдов сильно поднимется в ущерб нашему влиянию. В случае же неудачи следует ожидать антитурецкого восстания во всем Персидском и Турецком Курдистане»[27]. Особого успеха турки не добились, главным образом из-за нежелания бекзадинцев оказать им действенную помощь, но и предрекаемого Голубиновым антитурецкого восстания не последовало.

В конце августа в Дизе из Равандуза прибыл турецкий карательный отряд, чтобы наказать непокорных курдов. Было арестовано несколько влиятельных курдов из племени харки. Одновременно турецкие агенты начали усиленно обрабатывать некоторых вождей бекзадинцев, обвиняя их в прорусской ориентации[28].

Широкое применение «мер пресечения» не уменьшило, однако, трудностей, с которыми сталкивалось продолжение оккупации пограничных районов Иранского Курдистана. После того как вспыхнула первая балканская война, турецкое правительство не имело уже ни сил, ни возможностей сдерживать широкое недовольство населения оккупированных районов и оказывать активное противодействие России, а также и Англии. 17 (30) октября 1912 г. турецкий посол в Петербурге Турхан-паша сообщил Сазонову о решении турецкого правительства вывести свои войска из пределов спорной полосы до линии границы, существовавшей в 1905 г. В турецкой ноте содержалась просьба к России обеспечить защиту и безопасность суннитов и выражалась надежда, что Россия «не предпримет никаких мер» в отношении спорной территории[29]. Таким образом, турецкая агрессия в Иранском Курдистане полностью провалилась.

В середине ноября 1912 г. турецкие войска ушли из пограничной спорной полосы. Все курдские вожди изъявили готовность следовать указаниям губернатора и русского вице-консула в Урмии. Населению была объявлена амнистия «с условием,— по словам Голубинова,— признания суверенитета покровительствуемого Россией персидского прави-

---

[27] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, л. 78.

[28] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 641; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3565, лл. 18—19.

[29] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3567, л. 18.

тельства и прав персидских помещиков»[30]. Перед своим уходом турки старались всячески восстановить курдов против России, распуская слухи, что русские разграбят их кочевья. Кое-где этим разговорам поверили, но в целом население благожелательно встретило русские войска[31]. Турецких же оккупантов население Западного Ирана «провожало» совсем по-иному. Оно, например, отказывалось предоставить им тягловый скот. Турецкое командование вынуждено было даже обратиться к иранским властям с просьбой, чтобы они дали в сопровождение эвакуировавшимся турецким войскам сарбазов (солдат) ввиду угрозы нападений курдов в горах[32].

Турецким правящим кругам пришлось отложить реализацию своих планов в отношении объединения всего Курдистана в рамках Османской империи.

Но это была лишь отсрочка. Авантюристические пантюркистские элементы в турецком правительстве и генералитете, ставшие вновь у кормила власти после январского переворота 1913 г., ждали окончания войны на Балканах и некоторой стабилизации внутреннего положения страны. Уже в феврале 1913 г. возникли слухи о намерении турок весной, после окончания балканской войны, снова начать пограничную «смуту». В некоторых районах (в Лахиджане, Сердеште и др.) турецкие агенты говорили о скором возвращении турецких войск[33]. В связи с этим Сазонов поручил Гирсу сделать турецкому правительству представление «в осторожной форме»[34].

Турецкие пограничные власти в Равандузе и Сулеймании начали распространять слухи о том, что восточные округа вплоть до Хамадана скоро отойдут к Турции. Здесь сосредоточивались турецкие войска. Турецкий консул в Соуджбулаке заявил даже о присоединении спорной зоны к Турции и призывал население не повиноваться иранским властям. Эти провокационные действия вызвали протест русского посольства в Стамбуле[35]. «Турки прекрасно сознают,— писал Голубинов,— что если курды будут находиться под их исключительной опекой, то персидский Курдистан не будет

---

[30] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, л. 206.

[31] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3567, л. 60.

[32] С. Бабич, *По Северной Персии,* — «Военный сборник», 1913, № 5, стр. 156.

[33] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 7408, л. 44, 1912—1913 гг., д. 3567, л. 89.

[34] Там же, л. 88.

[35] Там же, д. 3560, лл. 75, 84.

больше существовать; если же персидские курды попадут под влияние России, то это влияние подчинит себе и турецких курдов, из коих некоторые уже теперь мечтают об автономном Курдистане под протекторатом России»[36].

Важнейшей задачей политики Турции в Иранском Курдистане после вынужденного отвода турецких войск из спорной зоны было помешать сближению иранских курдов с Россией. «Малейшее улучшение курдо-русских отношений,— писал Чирков, — рассматривается Портой как тревожный симптом, в коем турки не отказались бы усмотреть также достаточного повода к нарушению переговоров об установлении границы»[37].

Турецкая агентура в Иране пыталась расправиться с курдскими вождями — приверженцами России и в первую очередь с Симко, на которого турки натравливали своих сторонников, в частности Измаила Кардара и Темира Джанго. В июне 1913 г. в Сомае и Котуре между ними и Симко произошли кровопролитные столкновения[38].

Туркам удавалось неоднократно использовать в своих целях шемдинанского шейха Та, продажного и корыстолюбивого человека, который все время пытался лавировать между Россией и Турцией, оказывая услуги то той, то другой стороне, в зависимости от обстановки. В октябре — ноябре 1913 г. русские консулы часто сообщали об антирусских интригах шейха Та. Чирков писал, что он находится «в тайных и невыгодных для нас сношениях с турецкими пограничными властями»[39]. Однако уже в начале декабря Та изменил туркам, за что они разорили несколько принадлежавших ему селений[40]. Активно действовала турецкая агентура среди курдов Урмии и Маку, пытаясь вызвать инциденты против находившихся в этих районах русских войск[41].

В Иранском Курдистане турецкой агентуре удалось завербовать на свою сторону не только отдельных курдских вождей, но и некоторых видных шахских сановников. В мае 1913 г. был организован иранско-курдский комитет, имевший задачу бороться с русским влиянием в Иранском Кур-

---

[36] ЦГИА, Груз. ССР, ф. 15, д. 370, л. 214.

[37] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1210, л. 286.

[38] Там же, л. 370.

[39] ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 371, лл. 78—79; ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, л. 608.

[40] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, лл. 717—718.

[41] М. О., сер. III, т. II, стр. 522—523; АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, л. 199.

дистане. По слухам в этот комитет входили: губернатор Урмии Муаззам од-Доуле, а также многие влиятельные чиновники, сейиды, муллы и курдские ханы [42].

Таким образом, турецкие правящие круги, вынужденные временно воздержаться от прямых агрессивных действий в Иранском Курдистане, продолжали активно вмешиваться во внутренние дела своего восточного соседа. Тем самым Турция подготовляла почву для возобновления агрессии в Иранском Курдистане в благоприятный для себя момент, который наступил очень скоро.

Как и прежде, союзником турецких экспансионистов была Германия, в полной мере оценившая важность курдистанского плацдарма в предстоящей войне с Россией, а также в планировавшемся захвате британских колоний в Азии. Кроме того, немцы стремились претворить в жизнь и собственные колониальные планы в Западном и Северо-Западном Иране, который давно стал объектом устремлений германского империализма.

Пребывание турецких войск в спорной зоне до конца 1912 г. давало немцам удобный повод для военно-разведывательной деятельности в Иранском Курдистане. «...Германия, в предвидении возможности нашего столкновения с Турцией,— писал Голубинов,— желает быть осведомленной о нашей и турецкой готовности встретиться на персидском театре военных действий». Летом 1912 г., например, по Турецкому и Иранскому Курдистану совершили разведывательную поездку под видом спортсменов офицеры генштаба фон Вестарн и Эрнст Ланге. В Восточной Анатолии они особенно интересовались состоянием хамидие и пришли к самым отрицательным выводам касательно их боеспособности. Приезд их в Иранский Курдистан «совпал» с рядом выступлений курдов против русских войск [43].

Осенью и зимой 1913—1914 гг. германские разведчики, невзирая на бездорожье и суровый климат, продолжали всесторонне исследовать различные районы Иранского Курдистана. В январе 1914 г., например, один германский офицер под видом торговца посетил районы Маку, Хоя, Урмии и Ушну [44].

После ухода турецких войск с иранской территории ак-

---

[42] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 147.

[43] ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 366, лл. 14—15; АВПР ф. «Миссия в Персии», 1911—1912 гг., д. 57, л. 64.

[44] ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 371, лл. 135, 163; АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, л. 118.

тивность немцев в Иранском Курдистане не снизилась, как следовало бы ожидать, а наоборот, еще более выросла. В мае 1913 г. район турецко-иранской границы и Западный Иран посетил советник германского Министерства иностранных дел Надольный[45]. Подробности этой поездки неизвестны, но, несомненно, она была в прямой связи с заметной активизацией германской политики в Иранском Курдистане и Азербайджане.

Основной удар немцы направили против возросшего влияния России в Северо-Западном Иране как в экономической, так особенно в политической области. Была поставлена задача ликвидировать монопольное положение русской торговли в этой части страны. В Урмии под управлением германского подданного Неймана, в чьих руках находилось судоходство по Урмийскому озеру, и австрийского инженера Хонека было образовано «Техническое бюро» с целью завоевания урмийского рынка германскими и австрийскими товарами. Эта затея частично увенчалась успехом: германские, а также и австрийские товары начали в ряде мест вытеснять русские.

Торговую борьбу немцы, как всегда, успешно сочетали с политической пропагандой явно антирусской направленности. По словам Голубинова, Нейман «содержит агентов для антирусской пропаганды как среди персов, так и в Курдистане». Даже занимаясь сугубо коммерческими делами, немцы никогда не забывали о поднятии германского престижа в стране. Например, в арендованных ими имениях, в принадлежащих им магазинах и складах они начали вывешивать германские флаги, что вызвало протест со стороны России[46].

Центрами германо-турецкой подрывной работы были турецкие консульства в Иране. Глава германской резидентуры в Иранском Азербайджане Шюнеман согласно специальной инструкции из Берлина являлся советником турецкого генконсула в Табризе. Шюнеман требовал скорейшего открытия турецких консульств в Ардебиле и особенно в Маку, «указывая, — по словам управляющего русским генконсульством в Тебризе Преображенского, — что активная деятельность турецких консульств в указанных местах сослужит прекрасную службу в будущем общим задачам турецкой и германской дипломатии». Шюнеман настаивал на том, чтобы на первых

[45] Впоследствии в Веймарской республике и гитлеровском рейхе Надольный занимал видные дипломатические посты, в том числе посла в Турции и в СССР.

[46] ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 366, лл. 212—213; АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 147, л. 112.

порах был назначен хотя бы турецкий агент в Маку для установления хороших отношений с сердаром и привлечения на свою сторону макинского населения; он требовал открытия здесь германского консульства. Шюнеман предлагал, наконец, использовать в интересах турецкой политики в Маку единоверных туркам макинских курдов-суннитов. «Намерения германской дипломатии слишком серьезны и заслуживают самого бдительного внимания и принятия экстренных мер с нашей стороны», — писал по поводу проектов Шюнемана Преображенский, предлагая со своей стороны, немедленно открыть в Маку русское вице-консульство [47]. В то же время по настоянию германских дипломатических представителей в Стамбуле и Тегеране турецкое правительство решило тайно заменить своих консулов в Соуджбулаке, Хое, Урмии и Салмасе офицерами генштаба, обученными германскими инструкторами [48].

С начала 1914 г. объектом особенно пристального внимания германской агентуры стал Урмийский район — центр Иранского Курдистана. Изучался вопрос об открытии в Урмии германского консульства, сюда в начале января 1914 г. выехали Шюнеман и австрийский вице-консул в Тавризе. Они с особым тщанием изучали острова оз. Урмия [49]. «...Немцы, — писал с тревогой вице-консул России в Урмии Введенский,— решили включить в сферу своих интересов и Урмийский район», проявляя при этом «большую смелость». Введенский особо отметил, что «...немцы уже сейчас стараются завязать сношения с наиболее видными представителями Курдистана». Нейман при посредничестве турецкого консула в Урмии вступил в переписку с сыновьями Абдул-Кадыра шейхами Абдуллой и Мамедом. Хотя эта переписка была посвящена различным вопросам торговли, фактически в ней речь шла о покровительстве курдам со стороны Германии. Весной 1914 г. участились поездки в район Урмии немцев, в том числе разведчиков германского генерального штаба. Они посетили много мест, фотографировали военные объекты и особенно интересовались военными и экономическими позициями России в Северо-Западном Иране [50].

Кроме самой Урмии, немцы облюбовали крупный курдский центр Ушну. Шюнеман вступил в переговоры с турецким генконсулом в Табризе о назначении совместного кон-

[47] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1913 г., д. 7409, л. 58.
[48] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 147, л. 186.
[49] Там же, л. 184.
[50] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912—1915 гг., д. 142, л. 185.

сульского агента в Ушну[51]. «Политически Ушну, как ворота в Курдистан,— писал Введенский,— имеет большое значение для задач германской политики, прилагающей вполне понятные, хотя временно неудачные попытки обосноваться там». Введенский отмечал, что Ушну важен для немцев и как центр сбыта шерсти, которая шла на германскую ковровую фабрику в Тебризе. Здесь немцам удалось использовать некоторых местных жителей из числа торговых агентов. Один из них, например, некий Мир Мехти, убеждал курдов в том, что Германия — покровительница ислама и курдов, как в Иране, так и в Турции[52].

Роль проводников германского влияния в Иранском Курдистане играли германские протестантские миссии. Правда, полковник Ияс утверждал, что деятельность немецких, а также американских протестантских миссий не имела политического характера и что слухи о совместной германо-американской миссионерской деятельности среди мукрийских курдов с целью «образовать здесь рассадник германизма» сильно преувеличены[53]. Однако большинство источников говорит другое. Введенский, к примеру, сообщал, что германский генконсул в Тебризе Литтен официально выдвинул претензию на покровительство протестантам-ассирийцам в Урмии «в целях борьбы с русским влиянием не только на экономической почве»[54].

К лету 1914 г., когда на Ближнем Востоке, как и во всем мире, назревали грозные события, а Турция, если не формально, то фактически стала уже союзницей Германии, германо-турецкая подрывная деятельность в Иранском Курдистане приняла особенно значительные размеры. Германские и турецкие эмиссары внушали курдам, что русские скоро уйдут и вновь появятся турецкие войска, обещали помощь людьми и оружием. Эта агитация нередко имела успех[55]. Как

---

[51] Там же, 1914—1917 гг., д. 150, л. 74.

[52] Там же, 1912—1915 гг., д. 142, лл. 276—277.

[53] ЦГИА, Груз. ССР, ф. 71, оп. 2, д. 153, лл. 32—35..

[54] М. О., сер. III, т. II, стр. 143, 522—523.

[55] ЦГИА, Груз. ССР, ф. 71 оп. 2, д. 153, л. 206; М. О., сер. III, т. VI, стр. 323, т. V, стр. 57. Заметных успехов добились немцы в Макинском ханстве Сердар начал получать крупные партии оружия, в основном винтовок, из Германии, и макинские курды, — писал Чирков, — «крайне интересуются неизвестной им доселе Германией». Сам сердар, по мнению наблюдателей, был настроен прогермански и антирусски. «Маку, — писал начальник Азербайджанского отряда, — это есть германо-турецко-персидская кооперация» (АВПР, ф. «Персидский стол», 1912—1915 гг., д. 142, лл. 279—280; ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 176; ЦГИА Груз. ССР, ф. 71, оп. 2, д. 153, л. 78).

передавал российский генконсул в Табризе Орлов, судья турецкого генконсульства Музаффер-бей, противник агрессивной политики Турции в Иранском Курдистане, считал, что «агрессивная и провокационная деятельность консула и военного атташе Неджати-бея должна в непродолжительном времени вызвать враждебные нам действия курдов»[56]. Таким образом, несмотря на отсутствие турецких войск, к середине 1914 г. немцам и туркам удалось достичь в Иранском Курдистане вполне осязаемых успехов и подорвать в некоторой степени позиции России.

Правительство России, которое было кровно заинтересовано в нормализации обстановки в Иранском Курдистане, не могло более мириться с постоянной турецкой угрозой, а главное, с быстрым увеличением германской опасности вблизи жизненно важных центров страны[57].

---

[56] АВПР, ф. «Персидский стол», 1914 г., д. 1212, л. 80.

[57] Турецко-германская угроза представляла главную опасность для интересов России в Северо-Западном Иране, хотя и другие державы стремились подорвать здесь русское влияние. Особенно усердствовали католические миссионеры преимущественно французского происхождения. В Хосровабаде, например, они ополчились на православное население, натравливая на него несториан и курдов. В результате стараний «святых отцов» в окрестностях Хосровабада царили террор и насилия (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 49). Даже ближайшие союзники России в Иране — англичане вели в русской зоне антирусскую подрывную работу. В частности, Филиппс Прайс, впоследствии член палаты общин и корреспондент «Манчестер Гардиан» (в последнем качестве известный своими клеветническими нападками на ближневосточную политику Советского Союза), был уличен в шпионаже, который он вел в местах расположения русских войск, в особенности в Маку, за что и был подвергнут кратковременному аресту. Прайс собирал также сведения о курдских племенах (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3565, л. 110). В своих путевых очерках «Путешествие по Азербайджану и Персидскому Курдистану» Прайс подробно описывает это приключение, а также приводит много фактов, характеризующих политику России в северо-западном Иране (см.: G. Kirk, *The Middle East in the war,* London, 1954, pp. 484—485). Враждебные России державы часто вербовали на свою сторону также других европейцев, служивших в иранской жандармерии, таможнях, на почте, — шведов, бельгийцев и пр.

Последние снискали среди местного населения весьма дурную славу. Служащий иранской таможни бельгиец Дюме и его спутники, например, грубо оскорбили курдов одного селения во время свадьбы, за что и поплатились жизнью. По этому поводу русский вице-консул в Соуджбулаке Ияс писал, что бельгийцы совершенно не считаются «с самолюбием туземцев, которых они привыкли третировать свысока, не признавая за ними никакого человеческого достоинства. Пусть эти бывшие ефрейторы и унтер-офицеры бельгийской армии, из которых главным образом рекрутируется персидская таможня и на которых, к сожалению, всюду в Персии смотрят, как на наших ставленников, помнят впредь, что иногда и культуртрегерские приемы их могут встретить надлежащий отпор и окончиться

В первую очередь царское правительство позаботилось об усилении русских войск в самом Иранском Курдистане и прилегавших к нему районах Ирана, введенных сюда еще в 1909 г. для подавления революции. К концу 1911 г. русские вооруженные силы в Северном Иране были значительно увеличены. В конце декабря Совет министров специально обсуждал угрожавшую интересам России ситуацию в прилегающих к Турции районах Северо-Западного Ирана и решил значительно усилить русский отряд в Хое, а также занять некоторые пункты Урмийского района «для защиты русских подданных...». Занятие Маку было признано несвоевременным, но подготовительные мероприятия к этому—необходимыми [58].

Эти чрезвычайные меры были приняты не только в целях создания заслона против турецких войск, но, как будет показано дальше, и для воздействия на курдов. В правительственных кругах России с большой тревогой следили за подстрекательской деятельностью турок среди иранских курдов, опасаясь ее влияния на закавказских курдов. Другой мерой, осуществленной русским правительством в конце 1911—1912 гг., было расширение консульской службы в Иранском Курдистане [59]. В конце 1911 г. было открыто вице-консульство в Хое, что, наряду с прибытием сюда русского отряда, сразу привело к усилению русских позиций в округе [60], а вскоре и в Соуджбулаке. Последнее возглавил капитан (впослед-

---

для них печально» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3560, л. 118).

[58] М. О., сер. II, т. XIX, ч. 1, стр. 245—246.

[59] Сторонником всемерного развития русской консульской службы в Северном и Западном Иране был В. Ф. Минорский. В докладной записке «О русском представительстве в северном персидском Курдистане» он писал, что только из-за отсутствия русского консула туркам удается хозяйничать в этом районе. «Появившись в северном Курдистане, — продолжал Минорский, — мы, ничем особенно не рискуя и не возбуждая подозрений в намерении территориальных захватов, можем сыграть ту роль, которую по отношению к англичанам играли в Сеистане». Минорский предлагал далее обратить большое внимание и на центральный Иранский Курдистан, ибо для турок, которые собираются захватить его, будет крайне неприятно появление там русских представителей. Наконец, писал Минорский, можно «дороже» продать невмешательство России в Южном Курдистане, добиваясь больших уступок на севере. Самое удобное место для консульства, считал автор записки, это Соуджбулак. По мнению Чиркова, Соуджбулак имеет «для нас большое значение не только как важный пункт Персидского Курдистана, где мы можем усилить свое политическое и экономическое влияние, но и как узел путей по обеим сторонам Урмийского озера из Месопотамии к нашей границе и к Тавризу» (АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, лл. 2—3; ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, лл. 186—190).

[60] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 60, л. 319.

ствии полковник) Ияс. Консульство много делало для укрепления русского влияния среди мукрийских курдов.

Голубинов, однако, считал, что самое слабое место в деятельности русских представителей в Урмии — это полное отсутствие внештатных консульских агентов. Поэтому влияние России среди курдов Ушну, Тергевера, Мергевера, Сомая и Барадоста ничтожно. Голубинов ходатайствовал об учреждении в некоторых из упомянутых пунктов должностей внештатных консульских агентов[61]. Его преемник Введенский сразу после своего прибытия на место службы потребовал назначить в Ушну русского внештатного агента «для привлечения жителей в нашу сторону, для создания прочного нашего влияния в этой важной для нас пограничной с Турцией персидской провинции ради нашей торговли и других интересов». Курды Ушну, писал Введенский, почти ничего не слышали о России. Турки же ведут себя здесь очень осторожно, «опасаясь каких-либо неудачных действий против курдов, чтобы не вызвать выступления русского и английского консулов»[62]. Но русское правительство не пошло навстречу этим настойчивым требованиям.

Русско-курдские отношения в Иранском Курдистане в период его частичной оккупации турецкими войсками (до конца октября 1912 г.) были осложнены прямым вмешательством турок, старавшихся поссорить курдов с русскими. Со своей стороны русские власти в Иране хотели добиться того, чтобы курды помогли им вынудить Турцию убрать свои войска из спорной зоны. Курдский вопрос в этот период в значительной мере играл роль разменной монеты в русско-турецком соперничестве в Иранском Курдистане.

Ввод новых контингентов русских войск в Северо-Западный Иран в конце 1911 — начале 1912 гг. не обошелся без столкновений с курдами, которых всячески подстрекали турки, снабжая оружием и боеприпасами. Возникли слухи о намерении Абдул-Кадыра прибыть в этот район и возглавить движение за объединение всех курдов под эгидой Турции[63].

Летом 1912 г. турецким агентам удалось спровоцировать несколько нападений курдов на русские войска. Однако курдам был дан сильный отпор при Хантахты и Тазакенде. В результате престижу турок в пограничных районах Ирана был нанесен еще один удар, ибо они не были в состоянии

---

[61] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911 г., д. 133, лл. 110—111.

[62] Там же, лл. 126, 127.

[63] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, лл. 60—66.

предотвратить ответные мероприятия русских войск против курдов. Бекзадинцы и харки после этого стали искать поддержки России. Тем не менее турки продолжали свои провокации среди курдского населения (в районе Дизе и в других местах)[64].

Особенно активно действовала турецкая агентура в центральной части Иранского Курдистана, среди мукрийских курдов, пользуясь тем, что здесь не было русских войск и что местные иранские власти порой проявляли руссофобские тенденции, тайно поддерживая терроризовавших местное население отдельных вождей (Омар-хана, Реджеб-Али и др.). В связи с этим Чирков предлагал занять русскими войсками Соуджбулак, а также Миандоаб и ряд других населенных пунктов[65].

В правительственных кругах России, однако, предпочитали соблюдать осторожность. Лишь в северной части Иранского Курдистана русские войска расположились во всех главных пунктах.

Спровоцированные турками нападения курдов на русские отряды и на находившихся под русским покровительством местных христиан причиняли немало затруднений русским властям в Иране. Посланник Поклевский-Козелл считал, что, если русские войска встанут на защиту местных жителей от курдских набегов, то это может послужить источником возможных осложнений с Турцией[66]. Сазонов написал Поклевскому о желательности избегать столкновений между русскими войсками и курдами. Однако, указывал министр, нельзя отказаться «от нашей исконной роли защитников христиан на мусульманском Востоке, иначе христиане будут уничтожены курдами». Но, предупреждал он, необходимо действовать с тактом и осторожностью; прибегать к содействию войск можно лишь «в случае крайней необходимости»[67]. Как видно, директива несколько противоречивая и к тому же допускающая весьма широкое толкование со стороны ее непосредственных исполнителей на местах.

Среди русских представителей в Иране были сторонники жесткой политики по отношению к курдам, как, например, вице-консул в Хое Чирков[68]. Время от времени в Иране про-

---

[64] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1911—1912 гг., д. 57, лл. 61—63.

[65] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, лл. 186—190.

[66] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 138.

[67] Там же, л. 139.

[68] См. АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, л. 120.

исходили столкновения русских войск с курдами (например, 25 октября 1912 г. у Зиндешта)[69].

Большинство же русских консулов считало, что главным методом укрепления русского влияния в Иранском Курдистане должно стать привлечение симпатий к России курдов, в особенности племенной верхушки, а не карательные мероприятия. Гуманные действия русских войск, писал управляющий генконсульством в Азербайджане о положении в северной части Иранского Курдистана, где влияние турок на курдов было сравнительно слабым, «совершили поворот симпатии в нашу сторону» курдов Хоя, Салмаса и Урмии. «Осмотрительное и разумное привлечение персидских курдов на нашу сторону,— говорилось в этом письме,— могло бы много посодействовать делу разрешения пограничного вопроса в согласии с нашими интересами»[70].

Сообщения, стекавшиеся в русские консульства из различных источников в конце 1911—1912 гг., свидетельствовали о том, что все большее количество курдов отходило от Турции и выражало готовность поддержать Россию. К их числу, в частности, относились шейх Та, курды пограничных районов и особенно сомайские курды, которые в это время вели борьбу против турецких карательных отрядов[71]. Росту прорусских настроений среди курдов больше всего содействовала стабилизация внутреннего положения в Иранском Азербайджане и Курдистане в результате ввода сюда дополнительных контингентов русских войск. С переходом курдов «на сторону покровительствуемой Россией Персии,— писал Чирков, — турки теряли последнюю позицию в их политике порабощения местного населения путем натравливания одной народности на другую». Сомайские курды, продолжал Чирков, вернулись к мирной жизни, «вызывая своим поведением благодарность императорскому правительству со стороны окрестных жителей, отдохнувших от грабежей и насилия». Их вожди Омар-хан, Измаил-ага и Ибрагим-ага обратились с просьбой о покровительстве России. Чирков им ответил, что они будут пользоваться поддержкой России как верные подданные иранского правительства[72]. С такими же просьбами обращались и некоторые другие вожди шеккаков, в том числе Темир Джанго. В обзоре о положении в погра-

[69] Там же, 1912 г., д. 3565, лл. 115—118.
[70] Там же, 1911—1913 гг., д. 3556, лл. 77, 95—96, 123.
[71] Там же.
[72] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, лл. 233—234, 326.

ничной полосе за сентябрь 1912 г. говорится, что некоторые вожди шеккаков «по-прежнему ждут от нас помощи и не покоряются туркам». Это обстоятельство предлагалось использовать, чтобы восстановить племена против Турции [73].

Русские власти в вопросе о покровительстве курдам, как всегда, соблюдали крайнюю осторожность. Поклевский по поводу обращения за покровительством вождей шеккаков писал, что из-за них не следует компрометировать результаты происходившей в то время инспекционной поездки Джабира-паши по пограничным районам. Такая позиция русских властей увеличивала трудности в налаживании взаимоотношений с курдскими вождями [74].

Эта осмотрительность проявлялась и по отношению к главному стороннику России — властителю Котура Симко, который в апреле 1912 г. известил Чиркова, что он отверг предложение турок войти с ними в почетное соглашение и заявил, «что останется верным слугою законных правителей Ирана, поскольку это угодно будет нам (т. е. России.— *М. Л.*)» [75].

Иранское правительство после подавления революции стремилось установить с курдами дружественные отношения, «дабы,— по словам Поклевского,— предупредить дальнейшие турецкие захваты и поколебать симпатии курдов к туркам в момент, когда вновь будет приступлено к турецко-персидскому разграничению». В начале 1912 г. в Тегеране даже решили было не утверждать руссофила Шоджа од-Доуле генерал-губернатором Азербайджана из-за враждебности к нему некоторых курдских племен, а назначить на этот пост премьер-министра Сепехдара. Только благодаря активной поддержке русской миссии в Тегеране Шоджа од-Доуле удержался в Тебризе.

Однако к Симко шахское правительство относилось враждебно из-за его усилившегося влияния и почти неограниченной власти в северо-западных пограничных районах страны, которой он пользовался для насилий над мирным оседлым населением.

В начале мая 1912 г. Шоджа од-Доуле получил от Сепехдара приказ удалить из Котура Симко, доставить его в Урмию и наказать. Шоджа, однако, не решился выполнить это

---

[73] Там же, д. 1208, л. 140.
[74] Там же, д. 1207, лл. 409—410.
[75] Там же, д. 205, л. 363.

распоряжение, известив премьер-министра, что восстанавливать Симко против правительства неблагоразумно и опасно. Главное же, в защиту Симко решительно встало российское генконсульство в Табризе. «Исмаил-ага Симко,— писал генконсул Преображенский,— единственный шеккак, оставшийся верным персидскому правительству, кроме того, он явный сторонник русского правительства. Если Котур до сих пор не занят турками, то единственно благодаря ему»[76]. Позицию генконсульства поддержало Министерство иностранных дел России. Отозвание Симко из Котура, писал Нератов посланнику в Тегеране, будет мерой крайне вредной «не только для персидских, но и для наших интересов»[77].

Защитив Симко от посягательства со стороны иранского правительства, Россия вместе с тем стремилась не допустить его активных выступлений против Турции. Необходимость такой политики аргументировал Гирс в письме Сазонову от 21 мая 1912 г. Крайне желательно удержать Симко, писал он, «от всяких выступлений, могущих осложнить положение как раз в том единственном пункте границы, относительно прав на который нет сомнений. Как бы храбр и энергичен ни был Симко, борьба его с турецкими силами была бы эфемерной, если турок не отделяла бы от Котура ясная ст. 60 Берлинского трактата». России следует сосредоточить свое внимание, писал в заключение Гирс, на истинно спорных пунктах, где доказательство прав Ирана не обойдется без участия России[78].

Таким образом, до конца 1912 г. Россия действовала в Иранском Курдистане весьма осторожно, с постоянной оглядкой на турок, не желая вызвать кризис в русско-турецких отношениях.

Вывод турецких войск из спорной зоны создал новые и весьма благоприятные условия для русской политики в Иранском Курдистане. Можно было уже не опасаться непосредственного противодействия со стороны Турции. У русских властей были теперь развязаны руки для борьбы за укрепление своего влияния. Задачу России облегчало и окончательное подавление иранской революции, ликвидация одного из главных его очагов в Табризе (в начале 1912 г.).

После вывода турецких войск в ряде районов были усилены русские контингенты. По личному указанию Сазонова,

---

76 АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1912 г., д. 165, л. 34.
77 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910—1912 гг., д. 560, л. 122.
78 АВПР, ф. «Политархив», 1912 г., д. 1044, л. 86.

например, был усилен консульский конвой в Соуджбулаке, а также посланы казаки в Сулдуз [79].

Некоторые из русских деятелей считали, что следовало делать упор на решение курдской проблемы в Иране при помощи военных методов. Так, начальник Азербайджанского отряда генерал-майор Воропанов утверждал, что необходимо занять несколько пунктов спорной полосы, откуда ушли турки. Это, писал военный министр Сухомлинов Сазонову,— «поднимет еще выше наш престиж в Персидском Курдистане, ослабив в то же время пропаганду турецких эмиссаров среди пограничных курдских аширетов», и явится средством «лишить турок возможности предупредить нас в этом, под предлогом, например, противодействия возникающей ныне пропаганде курдских главарей идеи создания самостоятельного курдского государства» [80]. Наблюдающий за консульскими конвоями в Азербайджане полковник Андриевский возражал против предполагавшегося отвода части русских войск из пограничной полосы в связи с возможностью враждебных выступлений курдов [81].

Другие же (главным образом, Министерство иностранных дел), признавая необходимость содержания в Западном Иране воинских контингентов, возражали против резкого увеличения количества русских войск из-за опасений внешнеполитических осложнений как со стороны Англии (которая могла использовать это для ввода своих войск в Иран), так и со стороны Турции. Поэтому основной упор по внедрению русского влияния в Иранском Курдистане по-прежнему делался на политические методы.

После ухода турецких войск из пограничных районов Ирана, писал Андриевский, «все курды, под впечатлением нашего энергичного воздействия, высказали полную готовность следовать нашим указаниям, в ущерб интересам своих покровителей — турок» [82]. Быстрый уход турок из спорной полосы и их поражения на Балканах, вторил ему Ияс из Соуджбулака, «так ошеломили курдов, проживающих в Мукрийском Курдистане, что они потеряли всякую веру в своих бывших покровителей» и изъявили покорность иранскому правительству. Их вожди «сами поневоле будут искать нашего покровительства, что даст нам возможность

---

[79] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1910 г., д. 559б, ч. 1, л. 71.
[80] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1209, л. 49.
[81] Там же, 1913 г., д. 1210, л. 69.
[82] Там же, л. 68.

утвердить наше влияние среди племен, обитающих вокруг Саудж булака»[83]. Русское правительство стремилось оптимально использовать исключительно благоприятную ситуацию в Иранском Курдистане, которая могла больше не повториться.

В первую очередь была поставлена цель добиться восстановления над курдами власти шахского правительства, почти совершенно исчезнувшей за годы турецкой оккупации и внутренних потрясений в Иране, что должно было послужить и делу укрепления русского влияния[84].

Русские представители оказали практическую помощь иранскому правительству в этом деле[85].

Непременным условием наведения порядка в курдских районах Ирана некоторые консулы считали ликвидацию межплеменных распрей, постоянного источника волнений, ослаблявших власть центрального правительства. Надо, писал Чирков, «решительно воспрепятствовать развитию в Сомае раскола среди курдских родов» и «поддерживать среди курдов подчинение таким представителям персидской правительственной власти, которые являются проводниками нашего влияния». Нужно подтвердить, продолжал он, «здешним курдам о непреклонной воле России положить предел феодальным стремлениям некоторых курдских родов, не допускающих объединения курдских народных масс»[86].

Несколько других взглядов держался Ияс. По его мнению, русские власти должны были следить за сохранением старого порядка старшинства в курдских родах и «не допускать учинения местными властями несправедливости, своеволия, беззакония и притеснений в отношении как отдельных лиц, так и целых родов и племен». Русские власти, говорил он, должны стать посредниками в семейных и имущественных раздорах, дабы приучить курдов «постоянно обращаться по своим спорам, разногласиям и другим делам в консульство». Тогда курды, полагал Ияс, будут смотреть на русских как на своих «естественных покровителей» и руководителей. Ввиду отсутствия у курдов, утверждал вице-консул в Соуджбулаке, на этот раз без достаточных оснований, «не только никаких признаков племенного единства, но хотя бы каких-либо слабых проблесков зарождающегося нацио-

---

[83] Там же, 1912 г., д. 1208, л. 221.
[84] Там же, 1912 г., д. 1208, л. 209.
[85] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 96, лл. 141, 143.
[86] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 9.

нального самосознания... вопрос об объединении местных курдских племен... еще вопрос весьма отдаленного будущего, решение которого в настоящее время практически невозможно»[87].

Но, несмотря на разный подход к объединению курдов, Чирков и Ияс сходились в том, что деятельность иранской администрации в Курдистане должна быть поставлена под строгий русский контроль. С этим был согласен и посланник в Тегеране Коростовец. В целях создания преграды «германским поползновениям» в Урмии, писал он, необходимо «наряду с посильным регулирующим воздействием вице-консульства на местный административный и социальный уклад,— обеспечение консульского представительства от вмешательства во все сферы его деятельности сторонних элементов». Кроме того, Коростовец указывал на необходимость предоставить большие права русской духовной православной миссии в Урмии и улучшить организацию транспортного дела в этом районе[88].

«Воздействию на социальный уклад» иранских курдов придавалось важное значение, хотя и в этом вопросе не было единства взглядов. Урмийское консульство считало, что суть дела в правильной политике по отношению к помещикам. Препятствуя приобретению влиятельными курдскими феодалами (в том числе шейхом Та) земельных владений, руководители консульства сообщали, что, ввиду отсутствия среди курдов «лиц, достойных нашего доверия и обладающих крупной земельной собственностью, консульством проводится план раздробления курдов на группы, из коих каждая в отдельности, по возможности, оказалась бы под непосредственным влиянием консульства»[89]. В интересах России, писал Введенский, необходимо покончить с национальной рознью между курдами и ассирийцами, раздуваемой всегда шахским правительством и имеющей социальную основу. Введенский изложил следующую программу: Россия не должна в политических целях отдавать предпочтение ассирийцам, ибо иначе неизбежен новый рост обострения отношений между этими национальными группами. Причины розни — угнетение ассирийцев помещиками-курдами. Необходимо «примирить национальные и материальные интересы» обоих народов и в первую очередь урегулировать зе-

---

[87] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, лл. 221—222.
[88] Там же, 1912—1916 гг., д. 144, л. 41.
[89] Там же, 1913 г., д. 147, л. 168.

мельный вопрос, добиваясь того, чтобы курды-помещики, которые в период турецкой оккупации пользовались полной поддержкой турок, были лишены незаконно захваченных ими земель. Следует сделать все, чтобы как-то обособить курдов (помещиков) от ассирийцев (крестьян), а также содействовать «географическому соединению иранских ассирийцев с турецкими», что облегчит России борьбу с растущим германским влиянием и ослабит курдские племена [90].

Другое мнение о главном направлении политики в области социально-экономических отношений высказывал В. Ф. Минорский. Суть проблемы, доказывал Минорский, — в осуществлении глубоких социальных реформ, а не в проведении отдельных комбинаций среди местных помещиков. Нам нужно, писал Минорский, создать себе среди местных курдов «нужное число сторонников» путем аренды и скупки земель на турецко-иранской границе русскими подданными-мусульманами «и вместе с тем стараться уменьшить гнет крепостного населения (райета), что обеспечит нам бо́льшие симпатии населения, нежели покровительство отдельным главарям» [91]. «Что касается до крестьянских реформ,— особо отмечал Минорский, — то следует всеми силами побудить персидское правительство оставить их в силе и воспрепятствовать помещикам сводить счеты с их бывшими крепостными... Если это не будет сделано, то в результате пограничные округа сделаются ареной новых затяжных беспорядков», ответственность за которые будет всеми возложена на Россию [92].

Все эти планы и соображения не только декларировались, но и проводились в жизнь, причем каждым отдельным консульством по-своему, в зависимости от того, каких взглядов на курдскую проблему держался тот или иной консул.

Намерение России восстановить и укрепить власть иранского правительства над курдами имело весьма незначительный успех, поскольку последние, естественно, были недовольны возвращением помещиков-крепостников и шахских чиновников, известных своей жестокостью, продажностью и лихоимством. Феодально-племенная верхушка чувствовала себя под эгидой Ирана более свободно, чем под властью турок, однако она была недовольна усилением русского влияния в Иранском Курдистане.

---

[90] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 90, лл. 53—59.

[91] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г. ,д. 1210, л. 27.

[92] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 7400а, лл. 34—37.

Для России восстановление шахской власти над иранскими курдами отнюдь было не самоцелью, а лишь одним из средств реализации задач русской политики на Ближнем Востоке. Ввиду того что это средство оказалось не столь эффективным [93], как ожидалось, русские представители в Иране усилили контакты с курдскими вождями, «дабы,— как писал Голубинов,— последние не могли служить слепым орудием панисламистской пропаганды», которую проводили в Иранском Курдистане агенты шейха Абдул-Кадыра [94].

Ближайшей целью русской политики в Иранском Курдистане, наряду с ликвидацией остатков турецкого влияния, была организация охраны турецко-иранской границы, особенно примыкающего к России ее северного участка, от возобновления турецкой агрессии.

Для этого требовалась помощь и активное участие курдов. «...По моему глубокому убеждению,— писал Чирков,— мы значительно облегчим свою задачу на здешней турецкой границе и избегнем много миллионов трат на содержание здесь войск усиленного состава, как только курдский вопрос привлечет больше внимания императорского министерства. Для урегулирования его в желательном для нас смысле едва ли можно подыскать более благоприятный момент, чем настоящий» [95]. Чирков предложил сформировать на ирано-турецкой границе курдские сотни. Однако штаб КВО не соглашался и, опасаясь возможности распрей между ними, отверг это предложение. С согласия Генерального штаба было решено увеличить Персидскую казачью бригаду, которой командовали русские офицеры, и разрешить вступать в нее курдам [96]. Начальник разведки при штабе Азербайджанского отряда капитан Кислый также считал, что курдам можно доверить охрану границы и что сейчас наиболее благоприятный момент для создания из них заслона

---

[93] Еще и потому, что намерение России поставить под свой контроль иранские власти и несколько ограничить права иранских помещиков было встречено последними в штыки. После эвакуации турецких войск, писал Голубинов о положении в Урмии, иранское правительство стало «крайне враждебно относиться к усилению нашего влияния среди курдов». В Урмии и в других пунктах местные власти, поощряемые определенными элементами в Тегеране, начали демонстрировать свою преданность Турции и натравливать (кое-где небезуспешно) курдов на русских (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1913 гг., д. 3556, лл. 166—171; ф. «Канцелярия МИД», 1913 г., д. 96, л. 131).

[94] ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 363, л. 96.

[95] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, л. 161.

[96] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, лл. 144—145.

против турок, могущих вновь вторгнуться в спорную полосу. Но, по его мнению, самая уместная мера — заручиться помощью и содействием курдских вождей [97]. Большинство русских представителей в Иране, а также высшие военные и гражданские чины в Тифлисе и Петербурге держались аналогичных взглядов.

После ухода турок из спорной зоны курдские вожди пограничной полосы, в том числе и те, которые прежде поддерживали Турцию или меняли свою ориентацию в зависимости от обстановки, демонстрировали свою преданность России. В конце октября 1912 г. из Котура в Хой прибыл Абдуррезак. Пользуясь отступлением турок из Ирана и балканской войной, писал Чирков, он хотёл «добиться некоторых политических и экономических улучшений для Курдистана, при нравственной и реальной поддержке России» и обещал России привлечь на ее сторону иранские аширеты [98]. Аналогичные предложения делал и шейх Та, который в этот период враждовал с турками. Чирков предлагал использовать против турок Абдуррезака и шейха Та. «Подготовляя почву для объединения аширетов в Азербайджане,— писал он,— мы конечно должны быть готовы к противодействию со стороны Порты, для которой курдский вопрос приобретает особую важность» [99].

Голубинов также предлагал содействовать объединению курдских племен Иранского Курдистана и Азербайджана, препятствуя, однако, образованию курдского государства. Нельзя допускать, писал он, тяготения курдов, которые легко поддаются панисламистской пропаганде, к Турции, дабы не повторялась турецкая агрессия в Иране. Оказываемое в последнее время покровительство Россией шейху Та, продолжал Голубинов, имело для Курдистана большое политическое значение, так как подорвало репутацию Турции «как единственной попечительницы аширетов» и рассеяло «внушенное турками недоверие курдов к гуманной политике России, оказывающей покровительство не только христианам, но и мусульманам» [100].

Однако предложения консулов максимально использовать враждебное отношение к Турции некоторых влиятельных курдских вождей встретили непримиримую оппозицию у руководителей внешней политики России, особенно у пос-

---

[97] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912 г., д. 3565, л. 109.
[98] ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 363, л. 46.
[99] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, л. 223.
[100] Там же, лл. 243—245.

лов в Стамбуле и Тегеране. Сазонов, указывая на недопустимость выдачи туркам шейха Та и Абдуррезака и отмечая, что их пребывание в районе Урмии является «чрезвычайно полезным», тем не менее настаивал на том, чтобы они воздержались от антиправительственной агитации в Турции «и вообще от вызывающего по отношению к туркам образа действий»[101]. Что касается послов в Иране и Турции, то они вообще отвергали какое-либо сотрудничество с курдскими вождями. По мнению Поклевского-Козелл недопустимо оказывать покровительство Абдуррезаку и шейху Та, им следовало предложить выехать за границу[102].

Развернутую аргументацию такого отношения к курдской верхушке дали посол в Турции Гирс и Минорский, служивший в ту пору уже не в Тегеране, а в Стамбуле. В донесении Гирса Сазонову от 24 декабря 1912 г. (6 января 1913 г.) говорилось: Недопустимо превращение «персидских пограничных округов в арену деятельности таких лиц, как Абдуррезак и Сеид Таха». Абдуррезак мечтает сплотить курдов «сперва в Персии, а затем в Турции», что «следует признать совершенно несоответствующим нашим интересам». Абдул-Кадыр же выдвинул план автономии Курдистана. Все эти проекты увеличивают опасность «слияния» турецких и иранских курдов. «Тогда мы собственными руками создадим новый и гораздо более сложный пограничный вопрос», тогда как «нынешний спор весьма мало осложняется чувствами местного населения».

«Еще менее оснований,— продолжал Гирс,— отождествлять русские интересы с таковыми шемдинанского шейха, С. Таха», который хочет «при нашей помощи утвердиться в имениях своего дяди и тех, которые ему, будто бы, принадлежат», против чего протестует иранское правительство. Он может вновь стать сторонником турок. Курдские главари не содействуют также водворению спокойствия в оставленных турками округах. Необходимо очистить пограничные районы от этих лиц, так как весьма опасно «ведение нашей пограничной политики в Персии через турецких эмигрантов и беглецов»[103].

Аналогичная мотивировка содержалась в «Заметках о курдах» Минорского. Он аттестовал Абдуррезака политическим авантюристом, который ведет двойную игру и своим по-

[101] Там же, лл. 258—259; ф. «Посольство в Константинополе», 1907—1913 гг., д. 3572, л. 251.
[102] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1208, л. 255.
[103] Там же, 1913 г., д. 1210, лл. 20—21.

явлением в Тифлисе скомпрометировал себя в глазах турок. «Дружественные заявления шейха Таха,— утверждал Минорский,— для России никакой ценности не представляют». «В наших интересах вообще отделять жизнь персидских курдов от турецких, а такие авантюристы, как Абдуррезак и Таха, являются именно связью с Турцией»[104]. Минорский также выступал сторонником отделения турецких курдов от иранских.

В этих рассуждениях обращают на себя внимание два момента: во-первых, отрицательное отношение к любой форме объединения иранских и турецких курдов, которое рассматривалось как угроза интересам России, во-вторых, полное недоверие к курдским вождям, в данном случае к Абдуррезаку и шейху Та. Разумеется, такой подход исключал возможность активной политики как в Турецком, так и в Иранском Курдистане. Между тем в Петербурге и особенно в Тифлисе склонны были с бо́льшим доверием относиться к тем курдским вождям, которые демонстрировали свое руссофильство, что видно уже из цитированных выше телеграмм Сазонова. С другой стороны, непосредственные исполнители и проводники политики России в Иранском Курдистане — консулы часто действовали, сообразуясь с конкретной обстановкой, не считаясь с инструкциями руководителя российской миссии в Тегеране. Таким образом, по-прежнему в курдском вопросе отсутствовала единая согласованная политическая линия.

Наибольшим доверием у русского правительства, особенно у тифлисского начальства, пользовался правитель Котура Измаил-ага Симко. В декабре 1912 г. он был приглашен в Россию. В Тифлисе Симко был принят наместником Воронцовым-Дашковым, вручившим ему орден. В Нижегородском кавалерийском полку Симко был устроен торжественный прием. Вскоре он был назначен начальником курдской пограничной стражи в Котуре, содержавшейся русским казначейством. Прием, устроенный Симко русским правительством, по словам Чиркова, «вызвал небывалый подъем симпатии к России у персидских и турецких аширетов». В то же время укрепление положения Симко внушило большую тревогу иранским властям и макинскому сердару[105].

Поездка Симко в Тифлис вызвала недовольство и у турецкого правительства. Посол Турхан-паша по этому поводу

---

[104] Там же, лл. 24—27.
[105] Там же, лл. 65—67.

сделал представление Сазонову. Сазонов ответил, что Симко такой же друг России, как макинский сердар. Русское правительство, уверял Сазонов турецкого посла, не участвовало в чествовании Симко, награжден орденом он был «по собственной просьбе». Симко не находится на русской службе, сказал в заключение Сазонов, и никогда не будет использован против Турции[106].

Таким образом, чествование правителя Котура в Тифлисе поставило Сазонова в необходимость изворачиваться и отрекаться от Симко. Гирса же известие о «торжествах» в Тифлисе привело в состояние крайнего негодования. Эти сведения, писал он Сазонову, обошли всю стамбульскую прессу «с крайне невыгодными для нас комментариями». Признавая некоторые заслуги Симко перед Россией, Гирс указывал на «желательность в будущем соблюдения известной пропорции между знаками нашего гостеприимства и истинным положением тех лиц, коим оно оказывается». Внимание, проявленное к Симко, по мнению посла, «превышало ту скромную и чисто местную роль, которую играл в действительности хозяин десятка котурских деревень». Симко, писал Гирс, может слишком возомнить о своем значении, что подорвет авторитет русских консулов, «которые единственно и призваны вступать с ним в сношения»[107]. Похоже, что Гирс осмелился в осторожной форме сделать выговор своему начальству за проявленные, по мнению посла, неосмотрительность и опрометчивость в сближении с котурским властителем Симко, причем затронул наиболее чувствительную и болезненную для русского правительства струну — возможность ухудшения отношений с Турцией. Дальнейшие события показали, что, независимо от степени правоты Гирса, его предостережения возымели свою силу.

В начале мая 1913 г. Клемм дал вице-консулам в Хое и Урмии следующую директиву: «Ввиду начинающих налаживаться переговоров с турками по пограничному вопросу желательно всемерно удерживать шейха Таха, Абдуррезака и Симко от проявления активной деятельности и вообще не допускать, чтобы они создавали какие-либо затруднения в пограничной полосе»[108]. Это распоряжение вызвало возражение Чиркова, главного и фактически единственного представителя России в северном Иранском Курдистане. Пре-

[106] АВПР, ф. «Политархив», 1913 г., д. 1047, л. 38.
[107] Там же, лл. 36—37.
[108] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913, г., д. 1210, л. 240.

кращение покровительства России курдским вождям, писал он, «обеспечило бы туркам большой успех их агитации, способной изменить к худшему общее положение дел в занятой нами зоне»[109]. Указывая на необходимость прекращения вооруженных столкновений между курдами и, особенно, обуздания врагов Симко, Чирков отмечал, что, если правитель Котура будет вынужден отказаться от охраны границы, это «будет серьезным умалением нашего престижа среди курдов»[110].

Итак, вице-консулы (в частности, Чирков и Голубинов) игнорировали прямые распоряжения своего высшего начальства и упорно отстаивали свои взгляды. Нарушения дисциплины и субординации можно объяснить, во-первых, необычной сложностью обстановки в Иранском Курдистане, когда консулам приходилось самим принимать решения, сообразуясь с быстро менявшейся обстановкой, во-вторых, плохой осведомленностью высших чинов Министерства иностранных дел в курдской проблеме, в силу чего они часто вынуждены были мириться с тем, что на местах их указания весьма основательно корректировались, и, в-третьих, скрытой, а иногда и явной поддержкой, оказываемой русским консулам в Иране военным и гражданским начальством на Кавказе, которое было сторонником активного вмешательства во внутреннюю жизнь Курдистана.

Трудной проблемой для русских властей были отношения с Симко. Последний нередко обращался к русским с просьбой о помощи против других вождей. Чирков, которого поддержал командир Азербайджанского отряда генерал Воропанов, предлагал, в связи с отказом некоторых сомайских племен подчиниться Симко, предпринять в Сомай «военную прогулку»[111]. Он рекомендовал оказать военную помощь и некоторым другим курдским вождям, в том числе и Абдуррезаку. Это вызвало резкую отповедь со стороны Гирса и Минорского. Последний писал, что «недопустимо оказывать Симко помощь русскими солдатами в его сведении личных счетов с сомайскими шейхами... Необходимо рекомендовать консулам не вмешиваться в распри курдов и лишь удерживать их всемерно от вооруженных столкновений, между тем как от переписки получается противоположное впечатление»[112]. Минорский в частном письме (написанном

---

[109] Там же, л. 286.
[110] Там же, л. 370.
[111] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1917 гг., д. 569, лл. 10—11.
[112] Там же, л. 46.

с ведома и одобрения Гирса) также резко осуждал Чиркова и Голубинова за вмешательство в чисто курдские дела и поддержку Симко и Абдуррезака воинской силой. Он замечал, что на курдов надо воздействовать не войсками, а понемногу приучать их «к школам, к порядкам на Кавказе, к русским товарам и т. д.»[113].

К мнению Гирса и Минорского прислушивались в Петербурге, хотя там по-прежнему не могли уяснить все перипетии сложной внутриполитической обстановки в Иранском Курдистане, о чем без утайки поведал товарищ министра иностранных дел Нератов в письме к поверенному в делах в Тегеране. «В мелких и невероятно запутанных распрях курдов,— писал Нератов,— разобраться здесь совершенно невозможно. Надо, чтобы консулы воздерживались от вмешательства в эти распри и ограничивались тем, чтобы удерживать курдов от постоянных вооруженных столкновений». Нельзя, писал далее Нератов, чтобы «мы помогали Симко в его личных счетах с сомайскими шейхами... Подчинить одних курдов другим неудобно; гораздо выгоднее, чтобы наши консулы распоряжались каждым племенем в отдельности»[114].

Министерство иностранных дел пресекало также стремления консулов использовать курдских вождей для борьбы с турецким влиянием в пограничных районах Ирана. Клемм написал в Тегеран о нежелательности «привлекать Абдуррезака к участию в пограничных делах»[115]. Через некоторое время в связи с жалобами турок на Симко и Абдуррезака Клемм снова указал, на этот раз непосредственно Чиркову, на необходимость «предложить Симко тщательно воздержаться от каких-либо выступлений против турок» и на то, что «теперь особенно важно не допускать никаких выступлений Абдуррезака»[116].

Особые подозрения и опасения вызвала деятельность шейха Та, выдававшего себя за сторонника России и оказавшего русским консулам ряд услуг. Полковник Андриевский предупреждал, что солидарность с шейхом Та, восстановившим против себя набегами население Иранского Курдистана, дискредитирует Россию в глазах курдов. Его считают, писал Андриевский, «открытым нашим сторонником и

---

[113] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913 г., д. 1211, лл. 2—9.
[114] Там же, д. 1210, л. 439.
[115] Там же, л. 210.
[116] Там же, лл. 327, 328.

чуть ли не состоящим у нас на жалованье», чему способствовал его внешне европейский вид и костюм, хотя он и был сейидом [117].

В конце октября 1913 г. управляющий генконсульством в Тавризе Преображенский писал, что ему известно о тайных сношениях шейха Та с турецкими властями, и предлагал учредить над ним постоянный надзор, а также ослабить влияние шейха Та на иранских курдов «путем создания противовеса в лице наиболее достойных нашего доверия персидских курдов, прикрепленных крупной земельной собственностью к Урмийскому округу» [118]. В этот же период в Петербург поступали проекты ублаготворения шейха Та за счет земель других курдских вождей, часть этих земель предлагалось передать ассирийцам. Все эти планы встретили решительное возражение Министерства иностранных дел. Клемм распорядился избегать вмешательства в дела курдских вождей, «не оказывая чрезмерного покровительства одним против других» и не передавая земли курдов ассирийцам, так как «это могло бы только обострить отношения между курдами и айсорами и создать новые поводы к совершенно нежелательным военным выступлениям нашим в пограничной полосе» [119].

С конца 1913 г. когда наметилась перспектива благополучного завершения переговоров о турецко-иранском разграничении, происходивших при посредничестве России и Англии, усилились требования решительно отмежеваться от шейха Та и подобных ему вождей. В связи с тем, что принадлежность Ирану Тергевера, Дешта и Мергевера становится несомненной, писал Гирс Сазонову, можно отныне не опираться на «мелких деятелей сомнительной репутации, подобных Сеид Таха». Наоборот, указывал посол, присутствие на иранской территории турецкого выходца, находившегося в зависимости от турецких властей, может стать «источником осложнений и интриг» [120].

Столь категорические призывы, постоянно исходившие от российского посольства в Стамбуле, оказали в конце концов свое действие; шейх Та полностью утратил доверие в глазах русского правительства. В середине марта 1914 г. Клемм предписал вице-консулу в Хое удерживать его от выступле-

---

117 Там же, д. 1210, лл. 72, 88.
118 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 191.
119 АВПР, ф. «Персидский стол», 1911—1917 гг., д. 4482.
120 Там же, 1913 г., д. 1211, л. 699.

ний против Турции и удалить из Иранского Курдистана»[121]. Несостоятельность поддержки Россией шейха Та вынужден был признать даже постоянно защищавший его вице-консул в Урмии Введенский[122].

Несмотря на строжайшие указания консулам избегать конфликтов с курдами, столкновения между русскими войсками и курдами все же имели место, и нередко; при этом как правило, причинами инцидентов были неспровоцированные нападения на русские войска курдских отрядов, руководимых некоторыми заядлыми руссофобами (Курдо-беком и др.), которые находились на услужении у турецких агрессоров[123].

Действия некоторых русских представителей в Северо-Западном Иране, в особенности Голубинова и Воропанова, вызывали решительный протест Минорского и посла Гирса. По словам последнего «минутная, быстро меняющаяся политика оттолкнет от нас всех пограничных курдов, чем воспользуются турки»[124]. Особое возмущение у Гирса вызвало разрешение Чиркова и Голубинова использовать русские войска для борьбы с врагами Симко, шейха Та и прочих явных или мнимых руссофилов. Извещая Сазонова о переданных ему Абдул-Кадыром жалобах иранских пограничных курдов «на расправы с ними сейида Таха, пользующегося содействием русских войск и властей», Гирс писал: «...Не скрою от Вашего Высокопревосходительства крайне невыгодного впечатления, создаваемого чисто экзекуционным характером нашей политики в Урмийском крае, резко отличающейся, например, от положения в районе Соудж-Булака»[125].

Невзирая на протесты российского посольства в Стамбуле, Голубинов, Чирков, новый вице-консул в Урмии Успенский, генерал Воропанов, а также глава русской духовной православной миссии в Урмии архимандрит Сергий продолжали настаивать на применении карательных методов для утверждения русского влияния в Иранском Курдистане. Министерство иностранных дел в общем поддержало Гирса и Минорского, но, как всегда, сделало это в весьма общей и необязательной для консулов форме. «Не в наших интере-

---

[121] Там же, 1914 г., д. 1212, л. 33.

[122] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1913 г., д. 40, лл. 10—12.

[123] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 127; там же, 1911—1917 гг., д. 4482, л. 131; ЦГИА, ф. 796, оп. 199, VI отд., 1 ст., д. 219, лл. 19—21.

[124] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913 г., д. 562, л. 130.

[125] Там же.

сах выступать по отношению их (курдов.— *М. Л.*) исключительно в роли власти карающей»[126]. Ясно, что такого рода инструкция давала консулам возможность действовать посвоему.

Определенный интерес представляет резкая критика, которой подверг политику русских властей в Иране по отношению к курдам русский офицер С. Бабич, посетивший северные районы страны в 1913 г. «Бесконечные волнения и недовольство среди курдов, — писал Бабич, — есть результат славной консульской деятельности. То, чему можно было положить предел, теперь разгорается в яркое пламя...»[127].

Источником всех бед он считал политику вице-консула в Хое, содействовавшего упрочению власти Симко над сомайскими курдами, положение которых Бабич описал в самых черных красках. В результате местное население не без оснований сочло Россию виновницей возникших в этом районе междоусобиц, племенных распрей и особенно насилий и грабежей котурского правителя[128], снискавшего единодушную ненависть как крестьянства и рядовых кочевников, так и племенной верхушки, боявшейся чрезмерного усиления Симко. «Политика русских консулов для курдов непонятна», — писал Бабич. «Сейчас в Сомае страшное недовольство против русских за то, что они вмешиваются в распри и личные отношения курдов». По мнению автора, все это грозило опасностью возникновения в Иранском Курдистане всеобщей партизанской войны против русских войск[129].

Этим положением, отмечал Бабич, немедленно воспользовались турки. Многие влиятельные курдские вожди (Темир Джанго, Измаил-ага Кардар и др.) вступили с ними в тайные сношения. Возник даже слух о заключении «Священного союза» между турками, персами и курдами с целью изгнания русских из Северного Ирана[130].

К середине 1914 г. российские власти в Иране настолько глубоко увязли в курдских распрях, что совсем утратили способность ориентироваться в обстановке и надежду улуч-

---

[126] Там же, д. 562, лл. 170, 175.

[127] С. Бабич, *По Северной Персии,* — «Военный сборник», 1913 г., № 8, стр. 186.

[128] Без этого не обошлись даже такие мероприятия Симко, как сбор средств на постройку курдской школы и издание газеты (там же, № 11, стр. 152—154).

[129] Там же, № 10, стр. 171—182.

[130] Там же, № 11, стр. 143—151.

шить весьма невыгодное для России положение. Например, новый вице-консул в Урмии Введенский (частая сменяемость консулов в этом центральном пункте Иранского Курдистана тоже сама по себе показательна) видел задачу русских войск, пришедших в Ушну в феврале 1914 г., в том, чтобы содействовать примирению некоторых племен и объединению курдов, дабы побудить их служить интересам России, «тесно связанным с интересами порядка и спокойствия в крае»[131]. Однако Введенский не мог не знать, что в правительственных кругах России крайне неодобрительно относились к объединению курдов[132]. Он предлагал вернуть в Иран изгнанных из-за интриг шейха Та курдских вождей Абдулла-бека, Пиро-бека и Абдулла-хана, утверждая, что этот «великодушный жест» привлечет на сторону России не только иранских, но и турецких курдов[133]. При этом он забыл, что еще совсем недавно русские власти в Иране дружили с шейхом Та, а против Пиро-бека посылали карательные экспедиции, следовательно, рассчитывать на успех предложенных им мер по меньшей мере было наивно.

Таким образом, Россия фактически ничего не добилась в Иранском Курдистане. Несмотря на уход турецких войск и приход русских подразделений, внутреннее положение по-прежнему было крайне неустойчивым, кровавые междоусобицы, насилия против мирного оседлого населения оставались повседневной реальностью, русское влияние среди иранских курдов, поначалу возросшее, вскоре начало сходить на нет. Следствием этого явилось постепенное восстановление престижа Турции и особенно быстрый рост германского влияния среди иранских курдов. Несмотря на благоприятные внешние и внутренние условия, Россия оказалась не в состоянии захватить прочные позиции в Иранском Курдистане. Последствия этой неудачи сказались очень скоро. Лишь в решении одной из внешнеполитических проблем Курдистана Россия, казалось, добилась успеха, но и его она не успела закрепить и использовать из-за начавшейся мировой войны. Речь идет об окончательном установлении турецко-иранской границы, разделявшей Курдистан на две неравные половины.

---

131 АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 90, л. 7.

132 Заведомо неприемлемые для Министерства иностранных дел взгляды продолжал также отстаивать Чирков, предлагавший, в частности, не удерживать иранских курдов от выступлений против Турции (АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 98, лл. 70—71).

133 Там же, лл. 15—16.

* * *

Тупик, в котором оказалась проблема турецко-иранского разграничения, был ликвидирован в результате англо-русского соглашения 1907 г. и последовавшего затем быстрого сближения Англии и России. Наряду с совместным англо-русским нажимом на Турцию, предпринятым в 1911—1912 гг. с целью вынудить ее убрать свои войска из Западного Ирана, Англия и Россия наконец-то решились всерьез приняться за турецко-иранское разграничение, дабы лишить турок поводов впредь осложнять обстановку в этом районе. Результаты не замедлили сказаться.

С начала 1911 г. русское и английское посольства в Стамбуле начали добиваться от Порты разрешения на объезд представителями своих держав турецко-иранской пограничной полосы с целью выяснения обстановки на месте и уточнения сделанных ранее карт пограничных районов Турции в Иране, без чего нельзя было приступить к демаркированию пограничной линии. К лету Порта дала такое согласие. Делегатами были назначены с русской стороны второй драгоман миссии в Тегеране В. Ф. Минорский, а с английской — консул в Табризе Шипле. Им был придан русский и английский конвои. Совместная инструкция делегатам гласила: «Целью вашей поездки является изучение и осведомление обеих миссий касательно пределов турецких захватов, степени распространения турецкой администрации в оккупированных местностях, отношение мирного населения к туркам и, наконец, вопроса о дехалетах; в ваши задачи входит собирание сведений, могущих указать конечную цель турецких захватов, и всяких данных, которые были бы полезны в случае передачи пограничного спора на третейское разбирательство, причем особенно желательно, если окажется возможным, установление фактической границы 1905 г.» [134].

Объезд Минорским и Шипле пограничной полосы занял все лето 1911 г. Неоднократно цитировавшийся выше совместный отчет делегатов неопровержимо уличал Турцию в захватнических планах и действиях по отношению к ее восточному соседу. В результате у турецкого правительства не осталось иного выхода, как вновь вступить с Ираном в переговоры по пограничному вопросу.

21 декабря 1911 г. между Турцией и Ираном в Тегеране был подписан протокол, предусматривавший создание новой

---

[134] «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 4—5.

разграничительной комиссии. Ее работа должна была базироваться на Эрзурумском трактате 1847 г., а в случае разногласий среди членов комиссии следовало обращаться к Гаагскому арбитражу. Комиссия начала работать в Стамбуле в марте 1912 г. До августа было проведено восемнадцать заседаний, которые, однако, ввиду обструкционистской тактики турецких делегатов, не дали никакого результата[135]. Тогда Россия и Англия решительно вмешались, и дело сразу сдвинулось с мертвой точки.

Еще в период работы турецко-иранской разграничительной комиссии драгоманы русского и британского посольств в Стамбуле вручили Порте ноту (1 июня 1912 г.), в которой указывалось, что военные действия на территории Котурского округа являются нарушением Берлинского трактата. Накануне Сазонов сделал по этому поводу представление турецкому послу Турхан-паше «с предупреждением, что дальнейшие подобные выступления их (турок.— *М. Л.*) заставят нас принять все соответствующие меры охраны наших интересов»[136]. Российское Министерство иностранных дел начало быстро решать вопрос, какие территории должны при разграничении отойти к Турции, какие — к Ирану, причем соображения «курдской» политики играли при этом значительную роль. Голубинов писал, что наиболее желательная мера — восстановление статус-кво до 1905 г.[137].

В июле и августе 1912 г. Англия и Россия представили турецкому правительству проекты разграничения на основе материалов, собранных в отношении южного отрезка границы капитаном индийской политической службы А. Т. Вильсоном[138], а в отношении среднего и северного отрезка — Минорским и Шипле. Русская нота, кроме того, оперировала отчетом Дервиша-паши, турецкого комиссара в разграничении 1849—1852 гг., и предлагала считать границей статус-кво 1848 г., за исключением особо оговоренных мест.

Одновременно Россия оказала нажим на британское правительство, дабы побудить его более энергично выступать в пользу турецко-иранского разграничения. 11 сентября 1912 г. Сазонов отправил Грею меморандум, в котором говорилось,

---

[135] C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs*, p. 137; «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 135.

[136] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1911—1912 гг., д. 3558, л. 46.

[137] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912 г., д. 1207, лл. 9—10.

[138] Впоследствии видный деятель британской колониальной администрации в Ираке, крупный знаток Арабского Востока.

что работа турецко-иранской разграничительной комиссии по вине Турции окончилась неудачей и что передача спора на рассмотрение Гаагского трибунала — мера нежелательная и для России, и для Ирана. «Если Турции,— писал Сазонов,— удастся аннексировать ныне оккупированные ею местности в районах Хоя, Салмаса, Урмии, Сулдуза и Соуджбулага,— Россия, со своей стороны, окажется вынужденной оккупировать часть Азербайджана, а именно районы Маку, Котур, Хой, а возможно даже Марагу до тех пор, пока Персия не будет располагать достаточными вооруженными силами, чтобы оборонять свои владения против турецкой агрессии и обеспечить свой нейтралитет» [139]. В ответном меморандуме британского правительства говорилось, что турки пошли на уступки и поэтому «нет никаких оснований для дальнейших шагов, как бы они ни признавались полезными» [140]. Угроза оккупации Россией поименованных в меморандуме Сазонова районов все же возымела свое действие. Англия активно поддержала требования России к Турции прекратить агрессию в Западном Иране. Последовавший вскоре (в октябре — ноябре 1912 г.) вывод турецких войск из пограничных округов Ирана был результатом именно совместного нажима России и Англии на Турцию. Протестов и угроз одной России, судя по опыту, было недостаточно.

Турецкое правительство долгое время отмалчивалось по вопросу о разграничении. Только в конце марта 1913 г. Порта вступила в переговоры с Россией о границе, выставив ряд своих контрпретензий. Вскоре для восполнения пробелов в исследовании средней части границы был командирован российский генеральный консул в Багдаде Орлов, объехавший с 18 мая по 23 июня пограничную полосу от Мандали до Бане [141]. С этой же целью консул в Соуджбулаке полковник Ияс посетил некоторые пограничные районы (от Келяшина до Бане) [142].

Летом того же года имели место русско-турецкие и англо-турецкие переговоры, причем со стороны России и Англии они велись хотя и сепаратно, но вполне согласованно. Важное значение имело, в частности, соглашение, которое заключили Грей и специальный представитель Порты Хаккы-паша в июле 1913 г. Англия вынудила Турцию принять ту раз-

[139] М. О., сер. II, т. XX, ч. II, стр. 254.

[140] «British documents on the origins of the war», 1898—1914, vol. 9, pt 1, p. 768.

[141] См. «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 133—219.

[142] Там же, стр. 136—137.

граничительную линию на юго-западном отрезке границы, которая устраивала Иран, а вернее саму Англию, имевшую «особые» интересы в прилегающих к Персидскому заливу и Шатт-эль-Арабу районах страны [143]. Отныне англичане могли быть спокойны за судьбы весьма перспективной нефтяной концессии, полученной в 1901 г. британским подданным д'Арси и выкупленной британским правительством в июне 1914 г. по инициативе первого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля. Что касается России, то она в этих переговорах в значительной степени сообразовывалась со своей политикой в отношении курдов [144].

В августе 1913 г. в Стамбуле произошло совещание русских и британских представителей, на котором было решено включить в разграничительную комиссию представителей от России и Англии [145]. На совещании был разработан проект Заключительного протокола и Внутреннего устава этой комиссии. Официальное подписание протокола состоялось 17 ноября [146].

Этот документ в деталях определял турецко-иранскую границу. Относительно Котура были подтверждены положения Берлинского трактата и протокола 1880 г. В Заключительном протоколе подтверждалось также соглашение Грей — Хаккы. Было решено восстановить комиссию по разграничению из представителей четырех держав с целью определения статус-кво 1848 г. для тех частей границы, которые не были точно обозначены протоколом. Как только какой-нибудь сектор границы будет согласован, говорилось в Заключительном протоколе, это будет считаться окончательным решением вопроса [147]. Комиссаром в комиссии от России был назначен В. Ф. Минорский, от Англии — бывший генеральный консул на Крите Вратислав, от Ирана — Насролла-хан Этела оль-Мольк, от Турции — майор Генерального штаба Азиз Самих-бей. Дело шло к окончательному решению многовекового пограничного спора между Турцией и Ираном [148].

---

[143] Там же, стр. 221; C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs*, p. 137.

[144] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 79, л. 78.

[145] Турции ничего не оставалось, как молчаливо согласиться с этим решением, а Иран даже не спрашивали.

[146] «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 221—222.

[147] C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs*, pp. 137—138.

[148] «Одной из причин неудачи разграничений в 1849—1852 гг., — писал Минорский, оправдывая резкое усиление вмешательства Англии и России в турецко-иранские отношения, — был чисто посреднический характер роли русского и британского комиссаров. Громадным успехом русско-английских

Работа комиссии началась в январе 1914 г. у Шатт-аль-Араба, а закончилась в октябре того же года у Арарата. Комиссия демаркировала линию протяженностью свыше 1600 *км*. Было определено, что вторжение турецких войск имело место преимущественно на севере, а иранских — на юге. Поэтому новая пограничная линия была проведена на севере благоприятно для Ирана, а на юге — для Турции [149]. Однако делегаты-посредники во всех принципиальных вопросах, представлявших непосредственный интерес для России или Англии, как правило, становились на сторону Ирана. «В нашей комиссии неоднократно возникали вопросы о стратегическом назначении отдельных пунктов, и в большинстве случаев удавалось отстаивать интересы Персии»,— писал Минорский в своем отчете [150].

Во время работы комиссии русский комиссар обращал особое внимание на положение курдов, посещал курдские племена, встречался с вождями. «Местные курды,— писал Минорский,— пытались разведать о моих взглядах на курдский вопрос. Они говорили, что национальная самобытность весьма интересует теперь курдов, но что они сами по себе вряд ли сумеют ее отстоять, если у них не окажется таких могущественных покровителей, как, например, у армян» [151].

Еще одна примечательная черта в работе комиссии — полное согласие русской и британской сторон, особенно после начала войны в Европе в августе 1914 г. Нередко бывало, что Вратислав, отлучаясь куда-либо, передавал свой голос Минорскому, и наоборот. Это служило косвенным свидетельством того, что англо-русские противоречия в Курдистане в рассматриваемое время отступали на второй план, главным образом в связи с ростом германской угрозы.

Разграничение было закончено к 23 октября 1914 г. Последнее заседание комиссии состоялось 28 октября. К этому времени была демаркирована вся граница от Фао до горы Арарат, за исключением округа Котура, где турки закрепи-

---

настояний в 1913 г. было назначение в комиссию нас с г. Вратиславом не только на равных условиях с мусульманскими комиссарами, но и с правами третейских судей, постановляющих безапелляционные решения, в случае невозможности для турок и персов прийти к непосредственноми соглашению (статья IV Заключительного протокола)» («Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 223—225).

[149] C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs*, p. 138.

[150] «Материалы по изучению Востока», вып. III, стр. 400.

[151] Там же, стр. 355.

лись так прочно, что было решено отложить решение вопроса до более благоприятного времени. На всем протяжении границы комиссия воздвигла 223 пограничных знака. 10 знаков было пропущено на случай будущего разграничения Котура[152]. 29 октября в 2 часа дня Минорский со списком членов турецкой комиссии для представления их к русским орденам и с просьбой прислать такой же список русских делегатов прибыл в Маку, где его встретила весть о нападении утром того же дня турецко-германского флота на черноморское побережье России. «Война, всех размеров которой мы не могли тогда и представить, сокрушила все границы и, конечно, наше турецко-персидское детище не составило исключения»,— писал Минорский[153].

Поистине фатальна была судьба пограничного конфликта между Турцией и Ираном, длившегося четыре века. Каждый раз, когда спор был близок к разрешению, начиналась война, и все труды шли насмарку. Так случилось и на этот раз, когда все говорило за то, что граница между Ираном и Турцией наконец-то будет точно определена. Больше всех, пожалуй, проиграла от этого Россия, надежды которой на то, что турецко-иранское разграничение положит конец угрожавшей безопасности кавказской границе турецкой агрессии в Иранском Курдистане, безвозвратно рухнули.

Возвращаясь к итогам политики царской России по отношению к курдам, приходишь к выводу, что России не удалось обеспечить безопасность своих кавказских границ со стороны Курдистана. Причины этой неудачи заключались, во-первых, в том, что русское правительство (исходя из соображений сохранения мира и стабильности на Ближнем Востоке) заняло безоговорочно отрицательную позицию по отношению к освободительному движению курдов против турецкого господства и быстро крепнувшей курдской национальной идее, а во-вторых, в беспринципной, несогласованной и противоречивой политике русских властей в Иранском Азербайджане и Курдистане, вызвавшей определенное недовольство местного курдского населения. Внешнеполитическое ведомство и

---

[152] C. J. Edmonds, *Kurds, Turks and Arabs*, pp. 138—139; «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 238, 430—431. Утверждение Эдмондса, что за период работы комиссии был воздвигнут лишь один пограничный столб между Большим и Малым Араратом, противоречит свидетельству непосредственного участника разграничения Минорского.

[153] «Материалы по изучению Востока», вып. II, стр. 432.

кавказское наместничество действовали в курдском вопросе не только несогласованно, но часто в пику друг другу.

Российский империализм в своей колониальной политике не обладал гибкостью, изворотливостью, умением использовать большие политические маневры и демагогию, к которой прибегали уже тогда не менее реакционные и жестокие, но более опытные империалисты Англии, Франции, США, Германии (последние — с большим успехом в Турции и арабских странах). В этом были корни многих серьезных неудач внешней политики царизма, в том числе и в Курдистане.

ГЛАВА VIII

КУРДСКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В эпоху первой мировой войны на долю курдского народа выпали тяжелейшие испытания. Война ни на йоту не приблизила разрешение курдского вопроса, положение курдского народа стало еще более тяжелым и трагичным. Курдистан стал ареной боевых действий трех армий — турецкой, русской и английской. В течение четырех лет на его территории шла маневренная война, залившая страну потоками крови и причинившая населению Курдистана огромный материальный ущерб. Каждая из воюющих сторон пыталась использовать курдов и другие народы Курдистана, Турецкой Армении, Западного Ирана и Ирака в своих интересах, натравить их друг на друга или на своих врагов, что привело к полной анархии в этом районе Ближнего Востока и послужило источником неисчислимых бедствий для его населения. Как известно, Турция вступила в войну только через три месяца после того, как прогремели первые выстрелы на европейских фронтах. Однако приверженность Турции к центральным державам всем была ясна уже в самом начале мировой войны. Хотя германо-турецкий союзный договор от 2 августа 1914 г. держался в секрете, такие факты, как резкая активизация деятельности германской агентуры в Турции, особенно миссии Лимана фон Сандерса, прибытие 10 августа 1914 г. в Дарданеллы германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау», усиленные военные приготовления турецкого правительства, различные политические и экономические мероприятия Порты, направленные преимущественно против держав Антанты, говорили сами за себя. Правда, Россия не теряла надежду оторвать Турцию от германо-австрийского блока или в крайнем случае оттянуть ее вступление в войну: по этому вопросу Гирс и русский военный агент генерал-майор Леонтьев в августе — сентябре 1914 г. вели переговоры с Энвером. Однако шансы на соглашение с турками были ничтожны, главным

образом потому, что Англия и Франция, считавшие, что наступил долгожданный момент, когда можно приступить к разделу «оттоманского наследства», оказали очень слабую поддержку русской дипломатии. К концу сентября, после закрытия турками проливов, даже эти небольшие шансы исчезли. Вместе с тем русская буржуазия и помещичье-монархические круги считали, что наступило благоприятное время для реализации их притязаний в отношении проливов, а также восточных районов Малой Азии.

В свою очередь турецкие правящие круги лихорадочно готовились к нападению на Россию, возлагая при этом большие надежды на курдские племена. В день подписания союзного договора с Германией, наряду с официальным правительственным сообщением о нейтралитете, вышло распоряжение о частичной мобилизации. В Эрзурумском вилайете курдским аширетам и хамидие было предписано охранять русскую границу. Германский консул в Эрзуруме Андерс совместно с младотурецкими эмиссарами Хильми-беем и Ибрагим-беем развернули активную подстрекательскую работу среди курдов Восточной Анатолии, а также русского Закавказья, куда тайно пробрался Андерс [1].

В Ванский вилайет в район Каракилисе с середины августа 1914 г. ежедневно направлялись тысячи вооруженных курдов. В округе Баязида к середине октября находилось уже 16 курдских полков, размещенных вдоль русской границы. Курдские полки (каждый насчитывал в среднем по 500 конников) были сосредоточены и в других районах русско-турецкой границы. Одновременно турецкие власти начали формировать курдские диверсионные отряды, которые систематически нарушали русскую границу. Только за сентябрь 1914 г. они угнали из пограничных селений России до 10 тыс. голов скота. Власти усиленно снабжали курдов, как входивших в иррегулярные войска, так и всех прочих, оружием (большей частью невысокого качества). В целях привлечения курдов на свою сторону правительственные эмиссары распространяли даже слухи о даровании им в будущем автономии [2].

Несмотря на широкий размах развернутой младотурецкими эмиссарами и германской агентурой антирусской пропаганды, которая среди части турецких курдов падала на

---

[1] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 110, лл. 15, 16.

[2] Там же, д. 55, т. I, л. 100; т. II, лл. 393, 662; д. 57, т. II, л. 241; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 104, л. 148.

благоприятную почву, ввиду разочарования их Россией, отказавшейся поддержать курдское освободительное движение, далеко не всем курдам удалось привить шовинистические руссофобские настроения. Более того, многие курды заявляли, что в случае войны они перейдут на сторону России[3]. В районе Харпута — Дерсима курды совершали нападения на турецких солдат, отбирая у них пушки, ружья и боеприпасы[4]. В Иракском же Курдистане дела турецко-германских подстрекателей обстояли совсем неважно.

В Мосульском вилайете мобилизация среди курдов фактически сорвалась. Курды отказывались вступать в турецкую армию и бежали в Иран, а также к арабам-бедуинам Иракской и Сирийской пустынь. Мосульский вали Мухаммед Фазыл-паша, используя помощь мухаджиров Битлисского вилайета, поддерживавших связи со своими соплеменниками в России, готовил восстания мусульман на Кавказе. Но его призыв к вождям иракских курдов выступить против «неверных» не нашел никакого отклика. Более того, многие видные курдские вожди Мосульского и Багдадского вилайетов, например вождь племен дад, тагбана, зенгене и даудие Меджид-бей, готовы были поднять восстание против турок и объединиться с этой целью с русскими[5]. Поэтому свои главные расчеты турки и немцы строили не на курдов Ирака или Восточной Анатолии, а на их соплеменников в Иране, где обстановка складывалась явно не в пользу России, успевшей в значительной мере дискредитировать себя в глазах населения Иранского Азербайджана и Курдистана.

Особая ценность Северо-Западного Ирана как плацдарма в наступательной войне против России определялась еще и тем, что он граничил с мусульманскими областями Закавказья, где подрывная деятельность турецко-германской агентуры достигла известных успехов, в отличие от граничивших с Восточной Анатолией Армении и Грузии, основное христианское население которых хорошо понимало грозившую им со стороны турецких захватчиков опасность полного порабощения и поголовного истребления.

---

[3] В этот период турецкие власти начали усиленно натравливать курдов на ассирийцев округа Хакяри, результатом чего явился дальнейший рост курдо-ассирийской вражды. В начале сентября было совершено нападение на дом мар-шимуна в Ване. Русское посольство выступило в защиту ассирийцев и мар-шимуна, но безрезультатно (см.: ЦГИА, ф. 796, оп. 199, отд. VI, стол 1, д. 244, лл. 1—2; ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4048, л. 41).

[4] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 55, т. II, л. 717.

[5] Там же, 1914 г., д. 55, т. I, л. 118; т. II, л., 719; д. 319, л. 125.

Выше уже говорилось о деятельности турецко-германской агентуры в Иранском Курдистане накануне первой мировой войны. С августа 1914 г. она приняла особенно широкий размах. Турки вступили в сношения с видными курдскими вождями прорусской ориентации, пытаясь склонить их на свою сторону. В переписку с турецкими властями, в частности, вступил Симко, на что в России тогда не обратили должного внимания, ибо он продолжал демонстрировать свою лояльность [6]. Макинский же сердар Муртаза Кули-хан, который к началу мировой войны окончательно отошел от России еще в 1913 г., ездил в Берлин, где при помощи находившегося тогда в Германии бывшего иранского регента Насер оль-Молька вел переговоры с представителями германского правительства [7].

Наиболее интенсивно велась подрывная работа в Урмийском округе. Турецкие пограничные власти под руководством ванского вали, писал Введенский, «вошли в тайные сношения почти со всеми курдами Урмийского района, обещая им оружие в достаточном количестве, при условии поддержки Турции в вероятном столкновении с русскими». Из Турции прибывало много странствующих дервишей, которые вели среди мусульманского населения Иранского Курдистана и Азербайджана усиленную пропаганду джихада. Среди них были и переодетые офицеры. Агитацию среди курдов вел также германский агент в Урмии Нейман, пользовавшийся содействием турецкого консула [8]. Удаленный из Урмии, он поселился у одного шейха. Нейман заручился письмом от муджтехидов Кербелы, содержащим призыв к курдам забыть религиозную рознь между суннитами и шиитами и выступить против неверных.

20 сентября 1914 г., после более чем годичного перерыва, турки начали организовывать вторжения турецких курдов в Западный Иран. Курдские отряды под руководством турецких и немецких инструкторов нападали на местных жителей и русские подразделения, провоцируя их на ответные дей-

---

[6] В начале сентября 1914 г. Симко заявил: «Россия — моя покровительница ведет войну. Я и подчиненные мне курды готовы сражаться с врагами России и повергаем к стопам его императорского величества свои жизни и имущество» (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1917 гг., д. 569, л. 119).

[7] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 55, т. I, л. 357; Т. С. Короткова, *Иранский вопрос в начале первой мировой войны,* — «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. 4, № 6 (1947).

[8] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 85, лл. 80, 81, 95; ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, лл. 86—87.

ствия. Первым выступил Курдо-бек, напавший на Тергевер. «...На курдов,— писал Введенский,— у нас не должно быть никакой надежды в Урмийском районе и рассчитывать на так называемых "сторонников„ положительно нельзя, так как турки придают движению характер священной войны и, с другой стороны, предоставляют курдам полную свободу грабежей и занятия любой части Урмийской территории» [9].

В октябре 1914 г. беспорядки в Урмийском округе еще более усилились. Курдские отряды терроризировали местное христианское население. Ежедневно границу пересекали отряды турецких курдов, совершавших нападения на русские войска. Турецкая агентура убеждала местных курдов, что русские, отвлеченные войной с Германией, не в силах удержать оккупированные ими провинции Ирана. Брожение курдов вскоре перекинулось на южные районы Урмийского округа, где активно действовал германский агент Хаджи Саид, приказчик Шюнемана, и сын Абдул-Кадыра Сеид-Мухаммед. Предпринимавшиеся время от времени военные действия русских войск против курдов не могли уже исправить положение [10].

Напряженное положение создалось также и в других районах Иранского Курдистана. Турецкие курды не раз вторгались в пределы Макинского ханства. В районе Соуджбулака среди местных курдов действовал турецкий офицер Али-эфенди, а также вновь появившийся в пограничной зоне Салар од-Доуле. В окрестностях Хоя курдские вожди Абдулла и Темир Джанго по поручению ванского вали Джевдет-бея пытались поднять восстание среди макинских курдов и натравить их на Симко. Из Турции засылались фидаи с заданием убить Абдуррезака и других прорусски настроенных курдских вождей [11].

Со второй половины октября в Иранском Курдистане фактически началась инспирированная Турцией и Германией партизанская война местного курдского населения против русских войск. На территорию Ирана проникали и неболь-

---

[9] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1914 г., д. 85, лл. 83, 113; ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7027, л. 77.

[10] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 102, лл. 105, 107, 109, 110, 125. Архимандрит Сергий писал: «Курды начали выполнять выработанный план борьбы с русскими... Все это есть дело турок, турецкого консула в Урмии и немцев. Эти последние ведут сильную агитацию среди курдов, убеждая их восстать против русских и изгнать их из Персии», чему способствовали и некоторые представители иранской администрации (ЦГИА, ф. 796, оп. 1, д. 7027, лл. 84—85).

[11] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 102, лл. 63, 94, 150, 159.

шие отряды турецких регулярных войск, которые действовали заодно с курдами. По существу, именно в Иранском Курдистане, а не на Черном море прогремели первые выстрелы мировой войны на Ближнем Востоке. «Турки фактически открыли против нас военные действия на персидской территории 12-го октября, когда против наших войск действовали значительные пограничные турецкие регулярные силы под начальством Джевдет-бея вместе с курдами, при одном орудии»,— писал Введенский на следующий день после нападения турецкого флота на русские черноморские порты [12].

События в Иранском Курдистане, происходившие летом и осенью 1914 г., наглядно подтверждают агрессивные устремления турецких правящих кругов, подстрекаемых германскими империалистами. Турки и немцы в Иранском Курдистане, помимо намерения привлечь на свою сторону местных курдов и создать в Северо-Западном Иране надежный антирусский плацдарм, стремились втянуть Иран в лагерь центральных держав.

В октябре 1914 г. в Стамбуле велись переговоры между Талаатом, Энвером и великим везирем Саид Халим-пашой, с одной стороны, и иранским послом — с другой. Турки предложили следующий проект соглашения: персы с помощью Германии и Турции формируют армию в 100 тыс. человек. За это Иран уступит Турции спорную часть Урмийского округа. Турция и Иран примут совместные меры по умиротворению и «приведению к порядку» курдских племен и образованию из них кавалерийских полков, а Германия снабдит их оружием и инструкторами. Иран, конечно, не решился принять этот проект, но его участие в переговорах само по себе показательно [13].

Положение в Курдистане с начала мировой войны стало достаточно серьезным, что побудило правительство царской России уделить самое пристальное внимание курдской проблеме. Для руководящих политических и военных кругов России было совершенно очевидным важнейшее значение позиции в первую очередь турецких, а также и иранских курдов для обеспечения русских стратегических и политических интересов на Ближнем Востоке в условиях мировой войны.

---

[12] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1914 г., д. 566, л. 67.

[13] АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 4068, л. 261; ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 221. При подготовке этого плана турки большие надежды возлагали на шейха Абдул-Кадыра, рассчитывая, что он сможет дать турецкой армии до 60 тыс. курдских всадников.

В августе 1914 г. Россия стремилась соблюдать в отношении национальных меньшинств Восточной Анатолии максимальную осторожность, дабы не дать лишнего повода для ускорения перехода Турции в лагерь центральных держав. Гирс даже советовал «в интересах службы» перевести в Европу или удалить на время «напряженной конъюнктуры обоих наиболее нервных из наших консулов — Адамова и Ширкова», под предлогом усиления личного состава Министерства иностранных дел [14].

Тем не менее, в России начали готовиться к тому, чтобы в случае вступления Турции в войну на стороне Германии обеспечить действенную поддержку курдов, а также армян и ассирийцев. В первую очередь встал вопрос о снабжении курдов, армян и ассирийцев оружием, тем более что уже в начале августа поступила соответствующая просьба от ассирийцев [15]. Однако и тут было признано разумным пока ограничиться подготовительными мероприятиями. «Не подлежит сомнению,— писал Сазонов военному министру Сухомлинову,— что в случае столкновения с Турцией как курды, так и айсоры (сиро-халдейцы) турецкие могут оказать нам существенную помощь. Для воздействия на первых в нашем распоряжении имеются несколько влиятельных среди курдов лиц, как, например, известный Абдуррезак-бей и шейх Барзан, проживающий ныне на Кавказе». Но начинать агитацию среди них и снабжать их оружием, продолжал Сазонов, преждевременно, «пока отношение Турции к нам в достаточной степени не определилось», дабы не получилось «совершенно нежелательного обострения» отношений с Турцией, хотя и необходимо провести некоторые подготовительные мероприятия в этом плане [16]. «Что касается вооружения сирийцев и курдов, равно как и отправления на турецкую границу шейха Барзана и Абдуррезака,— писал Клемм Коростовцу,— то, считая принципиальное их содействие в случае осложнений полезным, признаем пока преждевременным вызывать с их стороны какие-либо действия. Поэтому мы просили военного министра лишь подготовить все необходимое для их вооружения на случай враждебных нам выступлений турок» [17]. В ответ на предложения Введенского и Ияса использовать иракских курдов «для устройства

---

[14] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 57, т. I, л. 150.
[15] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3851, л. 18.
[16] Там же., д. 3851, л. 17.
[17] М. О., сер. III, т. VI, ч. 1, стр. 35.

смуты и беспорядков в тылу турецких войск» [18], Клемм специально рекомендовал вице-консулу в Урмии не допускать никаких враждебных Турции выступлений курдских вождей; «пригрозите шейхам лишением покровительства,— писал он,— если они будут что-либо предпринимать без нашего указания» [19].

Подоплека столь осторожной позиции русского правительства в отношении национальных меньшинств Восточной Анатолии изложена в письме Сазонова Воронцову-Дашкову от 13(26) августа 1914 г. Министр иностранных дел писал: «В связи с ведущимися в Константинополе державами тройственного согласия переговорами надежда на сохранение мирных отношений с Турцией еще не утрачена. Поэтому крайне желательно избегать всего, что могло бы вызвать конфликт. В случае войны курды, армяне и айсоры могут нам, конечно, быть очень полезными, почему следует поддерживать с ними дружественные отношения, настойчиво рекомендуя им, однако, ничего не предпринимать без нашего указания. Если бы они подняли восстание и затем не были бы нами поддержаны, то нашему престижу был бы нанесен непоправимый удар. Не представляем себе, в чем могла бы выразиться автономия Курдистана, и считали бы опасным возбуждать в курдах определенными обещаниями какие-либо несбыточные надежды. Оружие и патроны следует изготовить, как мы и писали военному министру» [20].

Нетрудно заметить, что курдский вопрос интересовал и русское правительство лишь в той мере, в какой курды могли затруднить или облегчить военные операции на малоазиатском театре.

С конца августа 1914 г., когда обозначился явный провал попыток Антанты оторвать Турцию от Германии, подготовка России к привлечению на свою сторону курдов, армян и ассирийцев усилилась. 17(30) августа Сазонов писал председателю Совета Министров Горемыкину: «Желательно поддерживать самые тесные отношения как с армянами, так и с курдами, чтобы использовать их во всякую данную минуту, если состоится разрыв с Турцией. С этой точки зрения были бы желательны всякого рода подготовительные действия для быстрой переправы через границу оружия и припасов и раздачи их зарубежному населению, когда разрыв совершится

[18] ЦГВИА, ф. 2000, д. 3851, л. 19.
[19] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 32.
[20] Там же, л. 44.

или станет неминуемым». В этот же день Сазонов телеграфировал Воронцову-Дашкову о необходимости приступить к формированию милиции из курдов и ассирийцев[21].

У кавказского наместничества к этому времени уже были готовы свои соображения об использовании в интересах России курдов и других национальных меньшинств Турции. Как явствует из письма начальника штаба КВО генерал-лейтенанта Юденича начальнику Генерального штаба Янушкевичу от 18(31) августа 1914 г., эти взгляды сводились к следующему.

Необходимо осуществить мероприятия по подготовке восстания дерсимских курдов, которые могут подняться в любой день. Желательно также использовать и других курдов, недовольных турецким правительством, в первую очередь иракских курдов, для чего следует шейху Махмуду Барзанджи и предводителю племени джаф Махмуду-паше выделить денежные подарки и пособия (по 2—3 тыс. руб. каждому), чтобы они могли поднять восстание в районе Багдада — Сулеймании — Мосула. Против Турции могут выступить также котурский хан и племя зерза: им также нужно предоставить денежные субсидии. В общей сложности для организации восстания курдов, армян и ассирийцев, по мнению штаба КВО, следовало выделить 25 тыс. винтовок, 12 млн. патронов и 20—25 тыс. рублей деньгами[22].

В первой половине сентября в Тифлисе был разработан план создания вооруженных отрядов из курдов, армян и ассирийцев: в России — в Олту, Сарыкамыше, Кагызмане и Игдыре, в Иране — в Хое, Дильмане, Маку и Урмии. Воронцов-Дашков просил предоставить в его распоряжение 25 тыс. винтовок и 12 млн. патронов, но советовал на первых порах не выдавать этим отрядам оружие, а поддерживать их только деньгами и подарками. К концу сентября план подготовки всеобщего восстания курдов, армян и ассирийцев был согласован с верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. В частности, было решено, что отряды будут сформированы в основном в Иранском Азербайджане под наблюдением русских консулов и военных представителей в полной тайне от иранских властей. К активным действиям эти отряды могли быть допущены только с разрешения русских властей. В связи с

---

[21] М. О., сер. III, т. VI, ч. 1, стр. 184; АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 50.

[22] ЦГВИА, ф. 2000, д. 3851, лл. 12—13.

выходом «Гебена» и «Бреслау» в Черное море было решено ускорить все подготовительные мероприятия [23].

До практического осуществления этих планов дело не дошло. Военное министерство, вопреки настояниям командования КВО, отказалось послать винтовки для враждебных турецкому правительству племен ввиду обнаружившейся в первые же недели войны нехватки вооружения для армий западных фронтов [24]. Против организации отрядов из курдов, армян и ассирийцев возражали и многие русские дипломаты. «...Предложенные нами меры,— писал Минорский,— никакой военной помощи нам не принесут, а обрушат на христиан и их единомышленников в Турции справедливую месть турок. Приобретая 2000 сомнительных сторонников, мы оттолкнем массу курдов, гораздо более важных нам, по всей Турции» [25].

По мере быстрого роста напряженности на Ближнем Востоке в России начали проявлять большую заинтересованность в привлечении на свою сторону некоторых видных вождей Турецкого Курдистана, в первую очередь Абдул-Кадыра. В начале октября 1914 г. Гирс сообщил о прибытии к Абдул-Кадыру трех германских офицеров, которые предложили ему принять участие в войне против России, обещая прислать 30 тыс. винтовок и германских инструкторов. Шейх занял уклончивую позицию, сказав, что без согласия турецкого правительства он не выступит. Одновременно шейх сообщил о разговоре с немцами русскому послу. Последний посоветовал ему соблюдать нейтралитет и обещал соответствующее вознаграждение. Сазонов, получив эти сведения, написал Гирсу, что нейтралитета Абдул-Кадыра недостаточно; надо побудить его выступить на стороне России, предварительно выяснив вопрос о размерах вознаграждения [26]. Через некоторое время, в связи с тем что сыновья Абдул-Кадыра начали призывать курдов от имени султана к джихаду против России, Сазонов потребовал, чтобы Гирс добился от Абдул-Кадыра прекращения этой агитации [27].

Во время последующих переговоров с Гирсом Абдул-Кадыр обещал соблюдать нейтралитет, прося взамен уступить ему 30 селений на иранской территории (Мергевер, Тергевер и др.). В случае войны Турции с Россией Абдул-Кадыр пред-

---

[23] М. О., сер. III, т. VI, ч. 1, стр. 292—293; АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 97.

[24] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3851, лл. 48, 50.

[25] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, л. 113.

[26] Там же., 1914 г., д. 570, лл. 2, 3.

[27] Там же, 1913—1916 гг., д. 563, л. 198.

ложил выступить против Турции, если ему будет гарантировано создание автономного Курдистана под его главенством. В противном случае он грозил организовать избиение армян. Российское посольство рекомендовало Абдул-Кадыру держать себя лояльно по отношению к России, «в каковом случае он мог рассчитывать на дружелюбное наше отношение и на высокое положение в Курдистане, а в противном случае обрекал себя и свое положение гибели»[28].

Абдул-Кадыр некоторое время продолжал маневрировать, не решаясь занять определенную позицию. Накануне нападения Турции на Россию он обратился к Гирсу с просьбой оказать содействие его доверенному лицу, некоему Мухаммеду, который вез через Батум письмо самого Абдул-Кадыра с обращением к курдам не выступать против русских.

В это же время, по сведениям турецкой агентуры в Закавказье, из Эриванской губернии на турецкую территорию начали засылаться армяне и курды-езиды, снабженные русскими властями деньгами и оружием. Часть из них была направлена в Иранский Азербайджан, где они получили задание сражаться с протурецки настроенными курдами и перейти в Турцию с целью вызвать там беспорядки[29].

Таким образом, когда война с Турцией уже стояла на пороге, правящие круги России заметно активизировали свои связи с турецкими курдами и начали принимать такие меры, к которым некоторые курдские вожди сами давно призывали русское правительство.

В Иранском Курдистане, где положение уже с первых недель мировой войны стало для России весьма угрожающим, русским приходилось действовать более энергично. По существу ситуация здесь в начале осени 1914 г. мало чем отличалась от военной. Применение насильственных методов в Северо-Западном Иране, этой полуколонии России, и породило те трудности во взаимоотношениях с местным населением, которых русским властям удавалось избегать порой в отношениях с турецкими курдами.

Одним из первых мероприятий русских властей был арест в середине августа 1914 г. макинского сердара Муртаза Кули-хана и высылка его в Кисловодск, а затем в Тифлис. Коростовец объяснял арест сердара «как меру предосторожности, ввиду вероломства сердара и доказанных сношений

---

[28] АВПР, ф. «Политархив», 1914 г., д. 4068, лл. 261—262.

[29] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 55, т. II, л. 721; д. 131, л. 172.

его с нашими противниками на границе, дабы вызвать восстание курдов»[30]. В начале сентября 1914 г. в Маку прибыл отряд генерала Николаева, который был радушно встречен населением, мечтавшим избавиться от тирании хана[31].

Россия начала укреплять связи с оппозиционными иранскому правительству вождями племен северо-западной части страны и некоторыми видными чиновниками прорусской ориентации. Русский генеральный консул в Тебризе предложил губернатору Азербайджана Шоджа од-Доуле возглавить ряд племен для отпора возможной турецкой агрессии, а другому русскому ставленнику — Решиду организовать курдский корпус численностью до 20 тыс. человек[32]. Были укреплены русские гарнизоны, особенно в Урмийском округе, значительно усилено наблюдение за турецко-иранской границей, установлен тщательный надзор за курдскими племенами, находившимися под турецким влиянием. Эти меры ограничивали власть центрального правительства, в котором все большее влияние приобретали сторонники прогерманской ориентации над северо-западными провинциями Ирана.

Одновременно русские старались не допустить антитурецкие выступления некоторых вождей иранских курдов, дабы не дать туркам желанного повода для интервенции. Особые опасения внушал Симко, набеги которого на турецкую территорию служили источниками осложнений с Турцией. Русская дипломатическая переписка того времени полна требованиями во что бы то ни стало умиротворить Симко. 29 августа (11 сентября) 1914 г. Клемм направил Минорскому (сигнализировавшему, что действия Симко могут привести к срыву разграничения)[33], а также консулам в Табризе, Хое, Урмии следующую инструкцию: «Необходимо обуздать Симко и заставить его немедленно прекратить свой вызывающий образ действий относительно турок и бесчинства на границе... Иначе мы вынуждены будем лишить его нашего покровительства, так как создавать конфликты с турками совершенно не входит в наши виды. Никакие самостоятельные выступления с его стороны не допускаются, он должен делать исключительно лишь то, что ему будет указываться»[34].

---

[30] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 33.

[31] «Макинское ханство», — «Новый Восток», 1922, № 1, стр. 335.

[32] Т. С. Короткова, *Иранский вопрос в начале первой мировой войны*, — «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. 4, 1947, № 6, стр. 562.

[33] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913—1914 гг., д. 257, л. 333.

[34] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1912 г., д. 81, л. 154.

Несмотря на столь категорические предписания русского Министерства иностранных дел, Симко и другие предводители иранских курдов продолжали совершать набеги на турецкую территорию, что давало туркам желаемый повод для обвинений в адрес России. Так, в начале сентября 1914 г. турецкий посол в Тегеране выразил русскому посланнику недовольство в связи с враждебными действиями против Турции Симко, шейха Та, Абдуррезака и шейха Абдул-Саляма Барзани, поддерживаемых будто бы русскими консулами в Хое и Урмии. Коростовец сослался на незнание предмета, одновременно указав на концентрацию турецких войск на турецко-иранской границе. В середине октября турецкий посол в Иране потребовал от иранского правительства доставить шейха Та на турецкую территорию, угрожая в случае отказа сделать это собственными силами. Русский генконсул в Табризе Орлов посоветовал иранским властям не поддаваться на угрозы [35].

В отношении «непокорных» племен Иранского Курдистана Россия все чаще прибегала к силе. Если еще в середине сентября 1914 г. в связи с нападениями курдов на пограничные иранские районы Сазонов предлагал ограничиться вооружением местных христиан [36], избегая вмешательства русских войск [37], то уже в начале октября министр иностранных дел требовал более энергичных и действенных мер. «...Нанесение курдам сильного удара для отрезвления их и стоящих за ними турок, — писал он наместнику, — представлялось бы весьма желательным, так как в противном случае дерзость их будет возрастать изо дня в день. При этом следовало бы, однако, не переходить границы» [38]. Несколькими днями позже по поводу нападения курдов на Урмию Сазонов писал Воронцову-Дашкову о необходимости строжайшего наказания курдов, причем факт принадлежности их к турецким войскам не должен служить смягчающим обстоятельством [39].

В связи с агрессивными действиями турок и их агентуры в пограничных районах Ирана в начале сентября 1914 г. встал вопрос об отводе русских войск из некоторых пунктов пограничной полосы, чтобы избежать вооруженного конфликта с турецкими войсками. Однако этот план вызвал

[35] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 43, л. 5; д. 42, л. 63.
[36] Некоторые консулы уже делали это по собственной инициативе.
[37] ЦГВИА, ф. 2000 оп. 1, д. 2361, лл. 45—46.
[38] АВПР, ф. «Персидский стол», 1912—1917 гг., д. 151, л. 211.
[39] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 223.

решительные возражения со стороны многих русских представителей в Иране, а также и Министерства иностранных дел. Генконсул в Тавризе Орлов указывал, что вывод русских войск из Соуджбулака и Урмии был бы воспринят как отступление перед турками и может вызвать волнения среди курдов [40]. Сазонов писал наместнику, что сдача русскими войсками Урмии курдам и фидаям подорвет престиж России в Иране и вызовет враждебные выступления курдов в других местах. Он требовал оставить в Урмии вспомогательный отряд. Воронцов-Дашков не возражал, приказав одновременно генералу Воропанову применять вооруженную силу против всех курдов, нападавших на русские войска, «не останавливаясь перед самыми крайними мерами, особенно в отношении главарей» [41].

Операции русских войск против курдов в указанный период большей частью были вызваны тем, что обстановка в Иранском Курдистане тогда мало чем отличалась от военной, а большинство курдов по существу воевали против русских войск. Однако русские власти, как и прежде, вмешивались во внутрикурдские дела. Так, в середине сентября 1914 г. туркам с помощью некоторых курдских племен удалось захватить шейха Абдул-Саляма Барзани, который, покинув свое убежище в России, находился тогда в пограничной полосе. Тогда русские войска выступили против этих племен [42].

Итак, военно-политические позиции России в Курдистане к моменту вступления Турции в войну были существенно подорваны, что отразилось на ходе военных действий в Западном Иране и в Восточной Анатолии.

* * *

В первых числах ноября 1914 г. Турция уже официально находилась в состоянии войны с Россией, Англией и Францией. Немедленно же начались операции на всех фронтах турецко-азиатского театра войны. 11 ноября султан Мехмед V объявил джихад против держав Антанты.

В стратегических планах турецкого командования кавказское направление занимало важнейшее, если не главное

---

[40] М. О., сер. III, т. V, стр. 419.

[41] Там же, стр. III, т. VI, ч. 1, стр. 412—413, 426.

[42] АВПР, ф. «Персидский стол», 1913—1914 гг., д. 257, л. 338. Эта акция вызвала резкий протест Минорского.

место. Именно здесь турки стремились добиться решающих успехов, которые, как они думали, открыли бы им путь к завоеванию Закавказья, Северного Кавказа, Поволжья, Крыма и даже Туркестана[43]. Для осуществления этих широковещательных (в своей сущности совершенно нереальных и авантюристических) планов младотурецкие стратеги стремились создать мощный плацдарм во всем Курдистане и добиться активного участия курдов в войне на стороне Турции, ибо от этого зависела прочность и надежность тыла турецкой армии на фронте войны с Россией на Кавказе, а также с Англией в Ираке. Вместе с тем, казалось, настал благоприятный момент для реализации стародавней мечты турецких экспансионистов — включения всех курдов в состав Османской империи.

Указанные цели соответствовали интересам и германских империалистов, подчинивших Турцию своему военному, политическому и экономическому контролю и мечтавших руками турецких солдат удовлетворить собственные колониальные аппетиты на Ближнем Востоке.

Кавказский фронт охватил не только Восточную Анатолию и пограничные районы России, но и Иранский Курдистан и Азербайджан, хотя Иран в течение всей войны формально оставался нейтральным. На малоазиатском театре турецко-германское командование намеревалось осуществить свою обширную экспансионистскую программу главным образом силами регулярной армии, надеясь на помощь некоторой части российских мусульман, среди которых засылаемые из Турции пантюркисты и панисламисты давно вели интенсивную подрывную работу. Что касается нейтрального Ирана, то широкое использование регулярных войск в его северо-западных районах должно было встретить вполне понятные трудности, поэтому турки рассчитывали добиться здесь своих целей преимущественно руками распропагандированных ими курдов.

На основном, восточноанатолийском направлении Кавказского фронта с самого начала войны турецкие войска начали терпеть одно поражение за другим. Уже первые бои показали неспособность 3-й турецкой армии добиться не только стратегических, но и тактических успехов. В пограничном Кеприкейском сражении (1 ноября — 3 декабря 1914 г.) туркам не удалось разбить передовые русские ча-

---

[43] См. M. Larcher, *La guerre turque dans la guerre mondiale,* Paris, 1926, p. 41.

сти. Затем, проникнув ценой больших потерь на незначительное расстояние в глубь русской территории, турецкие войска своевременно не смогли развить успех и вскоре были отброшены за границу.

В следующем, Сарыкамышском сражении (4 декабря 1914 г.— 18 января 1915 г.) турецкие войска, которыми командовали лично Энвер-паша и германские генштабисты, были наголову разгромлены и отброшены на турецкую территорию. Из 90 тыс. участвовавших в этом сражении бойцов турки потеряли около 70 тыс. Потери русской армии составляли 20 тыс. После Сарыкамышского сражения 3-я турецкая армия практически надолго перестала существовать, и инициативой на Кавказском фронте прочно завладели русские войска.

Военные действия в Восточной Анатолии в 1915 г. происходили при явном преимуществе русской стороны. Русское командование после получения пополнений и проведения перегруппировки возобновило с весны 1915 г. активные наступательные операции. В мае русские части захватили район оз. Ван и нанесли здесь ряд поражений туркам. В июле русское командование с успехом провело так называемую Алашкертскую операцию, сорвав намерение турок прорвать фронт Кавказской армии и вытеснить ее из Турции.

В операциях турецкой армии на восточноанатолийском участке Кавказского фронта роль курдов была невелика. Правда, в 3-ю турецкую армию к началу войны входили $4^1/_2$ курдских дивизии (160 сотен). Однако боеспособность курдских сотен стояла на крайне низком уровне, поэтому хамидие принесли чрезвычайно мало пользы во время Кеприкейской и Сарыкамышской операций. «Курдские формирования,— писал Н. Г. Корсун,— в боевом отношении были совершенно не подготовлены и слабо дисциплинированы» [44]. Причины низкой боеспособности хамидие, помимо уже указанных прежде, заключались еще и в том, что турецко-германское командование не доверяло курдам, боялось их и поэтому сознательно снабжало их оружием, боеприпасами и конским составом далеко не в достаточном количестве. Курдские полки, в частности, были почти совершенно лишены артиллерии и пулеметов. Некомплект лошадей достигал невероятных размеров. В ноябре 1914 г., то есть в са-

---

[44] Н. Г. Корсун, *Первая мировая война на Кавказском фронте*, М., 1946, стр. 23, 30—31, 37, 45.

мые первые дни войны, во 2-й курдской кавалерийской дивизии, например, полки имели всего по 200 коней[45].

В результате расчеты турецко-германского командования на использование курдских кавалерийских формирований рухнули в первые же месяцы кампании на Кавказском фронте. После Кеприкейского сражения курдские части начали разбегаться по домам. Из 18 тыс. курдских кавалеристов, находившихся в составе 3-й армии, в строю осталось лишь 2800[46]. К ноябрю 1915 г. вновь сформированная и пополненная 3-я армия насчитывала в своем составе всего 8—10 тыс. курдов[47].

Малоазиатские курды не желали проливать кровь в интересах турецких правящих кругов и их германских покровителей. Дезертирство, ставшее бичом турецкой армии, в первую очередь поразило курдские части. По сведениям русских газет, вследствие массового дезертирства курдов численный состав полков хамидие уже за первый месяц войны уменьшился с 800 до 300 человек[48]. Корреспондент газеты «Баку» сообщал весной 1915 г., что большинство турецких курдов разочаровано в войне. Они убедились, что турецкое правительство их беззастенчиво обманывало, распространяя, например, сообщения о том, что «немцы — мусульмане» и турецкие войска якобы взяли Карс, Эривань, Тифлис. Турецким известиям о «победах» курды больше не верили. Они с возмущением говорили не только о турках, но и о некоторых своих шейхах и беях, которые, поступив на службу к турецкому правительству, вводили их в заблуждение[49].

Уже в начальный период войны отмечались случаи перехода находившихся в составе турецкой армии курдских формирований на сторону России. За первые недели войны, по утверждению газеты «Русское слово», в Россию перешли пять влиятельных курдских вождей и два начальника хамидие, которым подчинялось четыре тысячи всадников. С призывами к курдам направить свое оружие против Турции и примкнуть к России обращался Юсуф Кямиль[50].

---

[45] Н. Г. Корсун, *Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914—1915 гг.*, М., 1937, стр. 12.

[46] Там же, стр. 30.

[47] Н. Г. Корсун, *Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915—1916 гг.*, М., 1938, стр. 8.

[48] «Кавказское слово», 13.XI.1915.

[49] «Баку», 11.III.1915.

[50] «Русское слово», 7.XII.1914.

Начальники пяти полков хамидие выразили готовность перейти на сторону России как только русские войска достигнут окрестностей Вана [51]. Такое же желание высказал Кор-Хусейн-паша, который был арестован и предан военно-полевому суду по обвинению в измене [52].

Рост антиправительственных настроений наблюдался не только у курдов-хамидийцев, но и среди мирного курдского населения. Как писал германский посол в Турции Вангенгейм со слов Андерса, курды не забыли зверского подавления Битлисского восстания и готовы были вместе с армянами подняться против турецкого правительства [53]. «Взаимоотношения между курдами и турками,—писал В. А. Гордлевский,— были во время войны натянуты. Рознь эта, конечно, не со вчерашнего дня, а шовинистическая политика младотурок ни в коей степени не могла способствовать ослаблению недовольства. Поэтому в годы войны турецким войскам приходилось двигаться по Западной Армении и Курдистану, как по вражеской стране; скот, припасы реквизировались, население глухо роптало, так как получало за реквизированное добро или упавшие в цене деньги, которые притом не везде принимались, или, что было чаще, квитанции, по которым в дальнейшем платеж не был произведен» [54].

В первой половине 1915 г. в Турции, несмотря на установленный с начала войны режим жестокой военно-полицейской диктатуры, были отмечены антиправительственные выступления курдского народа. Даже в турецкую прессу сквозь все цензурные преграды просочились сведения о восстаниях курдов в Бохтане и окрестных районах в мае — июне 1915 г.

В Дерсиме и в некоторых других местах (к югу и востоку от Евфрата) курды создали в 1915—1916 гг. свои органы самоуправления. Турецким войскам с большим трудом удалось подавить курдское движение в Юго-Восточной Анатолии [55].

Турецкое правительство пыталось заручиться содействием курдской верхушки. В начале ноября 1914 г. Талаат-паша, занимавший тогда пост министра внутренних дел,

---

[51] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 314.

[52] «Кавказское слово», 25.II.1915.

[53] «Deutschland und Armenien», S. 57.

[54] В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 121.

[55] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 123, л. 82; Nuri Dersimi, *Kürdistan tarihinde Dersim*, Halep, 1952, s. 114.

предложил Абдул-Кадыру немедленно выехать в Курдистан с целью поднять восстание против России. Абдул-Кадыр был вынужден внешне подчиниться; в то же время он связался с русским резидентом в Стамбуле Серафимовым (причисленным к итальянскому посольству), заверяя его в своей преданности. По словам Введенского, он выжидал исхода борьбы, чтобы «в случае наших решительных успехов... перейти на нашу сторону»[56].

Но если крупнейший курдский лидер, неоднократно оказывавший важные услуги турецкому правительству, уже с самого начала войны, да еще в период кратковременных успехов турецких войск, занял такую позицию, то что же можно сказать о других курдских вождях? По существу турецкое правительство во время первой мировой войны не имело среди вождей турецких курдов ни одного действительно верного союзника[57].

Тогда в Стамбуле (с полного одобрения Берлина) решили, не ожидая нового взрыва в Курдистане, радикально покончить как с армянской, так и с курдской проблемой в Турции.

В мае 1915 г. после занятия русскими войсками района оз. Ван турецкое правительство издало декрет о депортации армян из прифронтовой полосы[58]. Официальным предлогом для депортации была подготовка армянским населением

---

[56] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 55, т. II, л. 808; ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 312.

[57] Генерал Шериф-паша, общепризнанный глава курдской эмиграции в Западной Европе, после вступления Турции в войну через Юнга установил контакт с французским Министерством иностранных дел с целью добиться с помощью Франции и Англии реализации национальных требований курдов. Шериф-паша обещал поднять восстание в Курдистане и выставить 25 тысяч курдов-кавалеристов, а также договориться с армянскими лидерами о том, что армяне покинут Курдистан, а курды — Армению. Шериф-паша высказался против установления власти России над курдами, предложив взамен пригласить в Курдистан какого-нибудь мусульманского князя из Индии. Наконец, Шериф-паша добивался, чтобы союзники гарантировали курдам автономию, право на введение родного языка в школах, судопроизводстве, местном управлении, уважение религии, обычаев и т. п. Но союзники отнюдь не собирались советоваться с курдами о судьбе Курдистана. К тому же в Лондоне и Париже понимали, что этот вопрос нельзя решать без России (к чему явно клонил курдский генерал) (E. Jung, *La révolte arabe,* vol. 1, pp. 109—110).

[58] Директива о выселении армян и их истреблении в пути была принята правительством и руководством комитета «Единение и прогресс» 15 апреля 1915 г. (Е. К. Саркисян, *Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны,* Ереван, 1962, стр. 233).

Восточной Анатолии восстания в связи с ожидавшимся приходом русских войск. Конечно, это был только повод, который турецкие правящие круги решили использовать для тотальной расправы с армянами. В пустынные районы Сирии и Ирака было выселено свыше полутора миллионов армян; подавляющее большинство из них не достигло мест назначения и было истреблено в пути, главным образом турецкой регулярной армией. Практически спаслись лишь те, кто смог бежать в Россию или успел дождаться прихода русских войск. Верная смерть ожидала армян и в концентрационных лагерях. При следовании высылаемых армян через курдские районы властям кое-где удалось вызвать избиения армян курдами. В долине Муша, например, много армян погибло от руки Муса-бея, прославившегося своими разбоями еще при Абдул-Хамиде[59]. Но главным орудием истребления армян были турецкие регулярные части и местный полицейско-административный персонал. Организованное и планомерное уничтожение армянского народа было одним из самых кровавых и зловещих преступлений турецких правящих кругов за всю историю существования Османской империи, преступлением, за которое несли полную ответственность (и не только моральную) германские империалисты.

Трагедия армянского народа сказалась и на судьбе курдов. Турецкому правительству во время первой мировой войны не удалось натравить основную массу курдов на армян и вызвать курдо-армянскую вражду в таких размерах, как это было в середине 90-х годов, что объясняется ростом национального самосознания курдов. Тогда младотурки, убедившись в нежелании большинства курдов активно поддерживать военные усилия империи, решили поступить с ними так же, как они поступили с армянами.

В 1915—1916 гг. был издан ряд султанских декретов о переселении курдов из прифронтовых районов в Западную Анатолию в пропорции 10 курдов на 100 турок. Эта операция по «разрежению» курдской прослойки в Восточной Анатолии, по мнению турецкого правительства, должна была предотвратить возможность возникновения здесь крупных беспорядков. Как будет показано дальше, эти расчеты не оправдались. Высылавшихся же курдов постигла такая же участь, как и армян. За время первой мировой войны всего

---

[59] Анри Барби, *В стране ужаса. Мученица Армения,* Тифлис, 1919, стр. 50—51.

было депортировано до 700 тыс. курдов, из которых более половины погибло в пути или было истреблено турецкими войсками [60]. Армянская газета «Мшак» писала, что территория, простиравшаяся к югу и западу от оз. Ван, где проживало до войны до 800 тыс. курдов, совершенно обезлюдела. Сотни курдских селений были сравнены с землей. Их обитатели частью бежали, частью погибли во время пересылки. Один русский офицер насчитал в районе Вана до 40 тыс. убитых курдов. По словам курдского помещика Бахри-бея из Хошапа, в принадлежавших ему 20 деревнях из 12 тыс. курдов за первые 6—7 месяцев войны погибло от болезней более 8 тыс. В семьях, в которых прежде насчитывалось по 20—30 душ, осталось 3—4 человека и менее. Целые племена погибли от холеры, брюшного и сыпного тифа. Даже некоторые представители турецких властей говорили, что в отдельных районах погибло до ¾ всего курдского населения [61]. Бескормица, реквизиции и эпизоотии принесли огромный ущерб кочевому животноводству; во многих районах оно совершенно исчезло. Турецкие правящие круги не решались расправиться с курдами так же, как с армянами, только из опасений, что первые смогут оказать эффективное сопротивление.

Пытаясь снять с себя перед лицом мирового общественного мнения ответственность за творимые по отношению к армянскому народу злодеяния, младотурецкие заправилы всю вину за них свалили на курдов. Об этом, в частности, говорил в беседе с германскими журналистами инициатор и непосредственный организатор избиения армян министр внутренних дел (с 1917 г.— великий везирь) Талаат-паша [62]. Подобные утверждения, помимо стремления обелить турецкие власти, преследовали и другую цель: бросить тень на всех курдов, представив их в виде банд разбойников и убийц, и тем самым, с одной стороны, дискредитировать курдское национально-освободительное движение, с дру-

---

[60] A. Safrastian, *Kurds and Kurdistan*, p. 76, 81; «The massacres of Kurds in Turkey», Cairo, 1928, p. 9.

[61] «Армянский Вестник», 1916, № 42, стр. 15—16. «После депортаций армян, — писал В. А. Гордлевский, — край обнищал, среди курдов росла нужда, но увеличилась и дерзкая отвага ...Власти снаряжают карательные экспедиции, пытаются привлечь курдов на свою сторону, раздавая им подарки, ружья, но все это мало помогает. При таком положении росла неприязнь между турками и курдами. Турки были раздражены против курдов, не желавших защищать отечество, а курды были раздражены против турок, по вине которых голодали» («Силуэты Турции», стр. 121).

[62] «Армянский Вестник», 1916, № 23, стр. 1—2.

гой — оправдать массовые репрессии против курдов. При этом в Стамбуле ничуть не смущались, что эта версия противоречит Белой книге, выпущенной турецким правительством летом 1916 г.: в ней ответственность за резню возлагалась целиком на... самих армян.

Вопреки этим злостным измышлениям, трагическая летопись истории курдов и армян за годы первой мировой войны изобилует фактами прямо противоположного характера, свидетельствующими о многочисленных случаях солидарности курдов с армянами. В. А. Гордлевский, многократно посетивший восточноанатолийский театр Кавказского фронта, писал: «У армян среди курдов бывали везде друзья, которые в трудную минуту спасали их от турок... Бывало, впрочем, и наоборот... Армяне хлопотали за курдов и являлись посредниками между нашими военными властями и курдскими беями»[63]. Курдский бей Хасан, например, предупредил армян Сасуна о намерении турок выселить их в период наступления русских войск на Муш, в результате большинство местных армян успело скрыться в горы. Когда русские войска заняли Армянское нагорье, было обнаружено, что в большинстве курдских селений укрывались армянские семьи. По свидетельству очевидцев, здесь не было и намека на национальный или религиозный антагонизм[64]. В письме армянских беженцев из селения Хацо рассказывалось о том, что курды племени Мухаммед-аги долгое время укрывали у себя армян и с оружием в руках препятствовали намерению турецких жандармов и солдат их выселить. Сами страдая от голода, они делились с армянами последним куском хлеба, продавали свое имущество[65].

Особенно ярко проявилась солидарность армянского и курдского народов в Дерсиме. Здесь нашли убежище свыше 5 тыс. армян. Местные курды, писал «Армянский Вестник», «своим отношением к армянам занимают совершенно исключительное место среди прочих курдов Турции». Столь же дружественно относились и армяне к курдам Дерсима. Турецкие власти пытались испортить курдо-армянские отношения; они убеждали курдов, что с приходом русских войск армяне устроят резню. Однако, как правило, эта пропаганда не имела успеха[66].

---

[63] В. А. Гордлевский, *Силуэты Турции*, стр. 123.

[64] «Армянский Вестник», № 23, стр. 3; № 33, стр. 13—15.

[65] Анри Барби, *В стране ужаса...*, стр. 53—55.

[66] «Армянский Вестник», 1917, № 4, стр. 15; N. Dersimi, *Kürdistan tarihinde Dersim*, ss. 13, 114.

Правда, помощь курдов армянам не переросла в совместную борьбу обоих народов против турецких угнетателей; не легко было ликвидировать наследие прошлого. Участие некоторых курдских феодалов в резне также наложило отпечаток на курдо-армянские отношения. Тем не менее намерение иттихадистов возродить абдулхамидовские времена и руками курдов расправиться с армянами потерпело в годы первой мировой войны неудачу.

Не только армяне и курды жестоко пострадали во время первой мировой войны. Тяжелые испытания выпали на долю ассирийцев, особенно турецких. Весной 1915 г. аширетные ассирийцы (джило) округа Хакяри по призыву мар-шимуна подняли восстание, надеясь на помощь русских войск. Однако русские им не смогли помочь из-за отступления отряда Чернозубова к Тергеверу и Салмасу. Турецкое правительство использовало это для организации тотальной расправы над ассирийцами. В Хакяри были двинуты многочисленные войска. К ним присоединились и некоторые курдские племена, издавна враждовавшие с ассирийцами. Ассирийцы оказали отчаянное сопротивление, но силы были неравны. Из 120 тыс. турецких ассирийцев около половины погибли в боях или были казнены карателями. Остальные во главе с мар-шимуном отступили в Иран, в районы Урмии, Салмаса и Хоя, неся в пути большие потери от болезней и голода [67].

Итак, ассирийское меньшинство в Турции было полностью ликвидировано.

Но и в пределах Ирана ассирийцы, как проживавшие здесь прежде, так и те, которые пришли вместе с мар-шимуном из Турции, испили полную чашу бедствий. Урмийские ассирийцы с первых дней войны перешли на сторону России. После кратковременного отступления русских войск из Северо-Западного Ирана турецкие оккупанты при содействии курдских беев устроили поголовную резню ассирийцев. Только контрнаступление русских войск и захват ими Урмии (11 мая 1915 г.) спасли местных ассирийцев от полного уничтожения. К этому времени сюда прибыл мар-шимун. Он установил тесный контакт с русским командованием и миссией в Урмии. Российское правительство установило ему пособие в 500 руб. в год. Мар-шимун со своей стороны организовал две ассирийские дружины (позже переформированные в стрелковые батальоны), которые сражались вме-

[67] Думбис, *Айсоры,* — «Новый Восток», 1923, № 3, стр. 69.

сте с русскими войсками [68]. Несмотря на защиту России, ассирийцам в Иране приходилось жестоко страдать от насилий курдских феодалов, особенно Симко.

Таким образом, в период первой мировой войны турецким правящим кругам удалось нанести тяжелый удар национально-освободительному движению армян, курдов и ассирийцев; это, однако, отнюдь не привело к укреплению Османской империи, не предотвратило (и даже не отдалило) ее крах.

* * *

Иран в период первой мировой войны также очутился в критическом положении. Ни одна из воюющих держав не принимала всерьез шахский фирман от 2 ноября 1914 г., который гласил: «...Наше государство объявило нейтралитет и по-прежнему сохраняет дружественные отношения с воюющими державами» [69].

Войска России и Англии к началу войны оккупировали северо-западные и юго-западные провинции страны. Эти провинции, с одной стороны, стали плацдармами для наступательных операций на Месопотамском и Кавказском фронтах, с другой — базами для расширения военного, политического и экономического влияния России (на севере и северо-западе) и Англии (на юге и юго-востоке), для полного и окончательного порабощения всей страны.

Иран занимал важнейшее место и в планах турецких экспансионистов и германских империалистов. Турки хотели захватить Иранский Курдистан и Азербайджан и использовать их территории для дальнейшего «прыжка» в направлении мусульманских владений России [70]. Германия мечтала о колониальном закабалении всего Ирана и о создании на его территории путей для проникновения в Афганистан и Индию, где кайзеровские стратеги думали с помощью местного мусульманского населения нанести Британской империи удар в ее самом чувствительном месте.

---

[68] Там же, стр. 69—70; ЦГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 103, лл. 139—140.

[69] Цит. по: М. Н. Иванова, *Германская агрессия в Иране в годы первой мировой войны*, — «Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР», вып. XIX, 1956, стр. 17.

[70] Энвер сказал турецкому генералу Кязыму Карабекир-паше, что цель вторжения в Иран — освобождение его от русского влияния и проникновение на Кавказ, в Туркестан и Афганистан (K. Karabekir, *Cihan harbinde neden girdik, nasıl girdik, nasıl idare ittik,* kitab 2. İstanbul, 1938, s. 487).

Внутриполитическое положение в Иране благоприятствовало экспансионистским планам Турции и Германии. Народы этой многонациональной страны испытывали гнет именно со стороны английских и русских колонизаторов. Националистические буржуазно-помещичьи круги, чьи интересы выражала демократическая партия, контролировавшая меджлис третьего созыва и оказывавшая сильное влияние на правительство и двор, именно в лице России и Англии видели главных и единственных врагов независимости Ирана, готовивших его полный и окончательный раздел. Поэтому турецкая и германская агентура могла без особых затруднений вести антирусскую и антибританскую пропаганду, выставляя Турцию и Германию как «друзей» Ирана, естественных «избавителей» его от русского и британского гнета. Такая пропаганда находила благоприятный прием во многих районах Ирана, особенно в первые годы войны и особенно среди кочевого населения западной части страны, наиболее близко соприкасавшегося с русскими и английскими властями и войсками. На державы центрального блока ориентировались многие националисты, большинство членов меджлиса и правительства; они рассчитывали, что Германия и Турция окажут Ирану помощь в избавлении от иностранного засилья, в предотвращении расчленения страны.

Все это привело к тому, что Турция при помощи и прямом участии Германии открыла в нейтральном Иране фронт против России, широко используя вооруженных и распропагандированных ею курдов, а также другие иранские племена (кашкайцев, шахсевенов, тангистанцев и др.). Таким образом, и иранские курды оказались втянутыми в войну.

После начала военных действий значительно усилилась панисламистская протурецкая пропаганда, ведомая в Иране, особенно в его западных провинциях, турецкими и германскими агентами, как местными уроженцами, так и засланными из Турции [71]. По всей стране распространялась панисламистская литература, в значительной своей части издававшаяся в Берлине и рассылавшаяся по особому списку [72]. Главными германскими агентами в Иранском Курдистане были упоминавшиеся уже Шюнеман и Литтен.

Иранские курды были основным объектом агитации ту-

---

[71] Эта пропаганда велась и среди русских курдов (см. ЦГАОРСС, ф. 102, 1915 г., оп. 16, д. 74, ч. 92, литер Б, лл. 1—2).

[72] М. Н. Иванова, *Германская агрессия в Иране...*, стр. 18—19.

рецко-германской агентуры. Один из влиятельнейших вождей пограничной зоны Сеид Мухаммед написал вождям мукрийских курдов, что по приказу султана в фетве шейха Абдул-Кадыра они должны быть готовы к «священной войне». Турецкое правительство назначило шейха Абдаллаха Джеляль эд-Дина комендантом на границе, поручив ему вместе с курдами начать «священную войну». В район Соуджбулака из Турции было доставлено 250 вьюков с оружием и амуницией [73]. Вскоре Джеляль эд-Дин двинулся из Сидеке на Ушну и Урмию с отрядами курдов и арабов; в Иранский Курдистан направился и Сеид Мухаммед; пришли в движение племена Секкеза, Бане и Сердешта [74].

В это время на авансцену вновь вышел Салар од-Доуле, которого турки решили использовать в качестве своего главного представителя среди иранских курдов. В ноябре 1914 г. Салар был вызван из Швейцарии, где он тогда проживал, в Турцию. В начале декабря, получив на расходы 40 тыс. лир, он под именем Хаджи Реза Салара в сопровождении 20 германских и турецких офицеров выехал из Анкары к иранской границе. По сведениям иранского правительства, турки обещали Салару дать во владение весь Иранский Курдистан с прилегающими районами [75]. Подстрекательская деятельность турецких агентов и особенно Салара в Иранском Курдистане вызвала большую тревогу у иранского правительства, опасавшегося, что это приведет к вводу новых контингентов русских войск в Северо-Западный Иран. Иранское посольство в Стамбуле заявляло протесты турецкому правительству; оно добивалось, чтобы Салару не было разрешено появляться в районе турецко-иранской границы [76].

Деятельность турецко-германской агентуры в Иранском Курдистане и Азербайджане расширялась с каждым днем. Начальник Керманшахского отряда Персидской казачьей бригады подполковник Ушаков писал в своем рапорте в середине ноября 1914 г.: «...Провинции Керманшах и Курдистан стали походить на кипящий котел» [77]. Коростовец телеграфировал в первых числах февраля 1915 г.: «Турецкая пропаганда среди кашкайцев, а также в Курдистане принимает

[73] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 129, л. 169.
[74] Там же, д. 42, л. 70.
[75] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 57, т. I, л. 345.
[76] Там же, д. 129, лл. 187, 197.
[77] Т. С. Короткова, *Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан (1914—1915)*, — «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 90.

тревожные размеры»[78]. Правда, иранские курды далеко не все поддавались панисламистской и антирусской пропаганде. Только в северной части Иранского Курдистана большинство курдов склонялось на сторону Турции, да и то в ряде мест, например, в окрестностях Маку, турецкие эмиссары встречали у населения недоброжелательный прием[79]. Некоторые курдские вожди, в первую очередь Абдуррезак и Симко, поначалу выступали на стороне русских войск. Абдуррезак в начале ноября 1914 г. с пятьюстами вооруженными курдами вторгся из Чалдырана в Турцию, собирая вокруг себя своих сторонников. «Его цель,— писал Олферьев,— совместно с армянами выгнать турок из Курдистана»[80]. Курды-шииты в большинстве своем также занимали выжидательную позицию, «мало интересуясь, — по словам Ушакова,— воюющими сторонами»[81]. Однако в целом туркам и немцам удалось расположить большинство населения Иранского Курдистана в свою пользу и настроить его против России, что немедленно сказалось на военном положении на Кавказском фронте, в частности на его азербайджано-курдистанском участке.

В последующие месяцы 1915 г., когда в Иранском Курдистане военно-политическая обстановка неоднократно менялась, турецко-германская подрывная работа среди иранских курдов по-прежнему шла в больших размерах. В Салмасе антирусская агитация турецких и германских агентов сопровождалась разжиганием вражды между различными национальными группами и насилиями над жителями[82]. В начале сентября 1915 г. вновь зашевелился Салар од-Доуле. Распространились слухи, что он замышлял вступить в Иран в районе Сенне или Соуджбулака во главе своих многочисленных сторонников (в основном курдов) с целью свержения шаха и занятия его престола[83].

В это время в округе Керманшаха орудовал Шюнеман. Он набрал до двух тысяч всадников и собирался отправиться с ними в центральные районы Иранского Курдистана, чтобы, по словам русского посланника в Иране Эттера, «возбудить племена и взять их под свое покровитель-

---

[78] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 47, т. I, л. 27.
[79] Там же, 1914 г., д. 42, л. 91.
[80] Там же, л. 47.
[81] Т. С. Короткова, *Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан*, стр. 90.
[82] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 396.
[83] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 47, т. I, л. 332.

ство». Некоторые племена ему уже удалось привлечь на свою сторону. Рядовым всадникам он платил по 15 туманов, а вождям племен — по 30 туманов в месяц. С помощью курдов Шюнеман и другие германские агенты намеревались захватить Хамадан[84].

В Соуджбулак в начале октября 1915 г. прибыли из Турции фидаи во главе с Меджид ос-Салтане и Мирза-Булюри. При содействии турецких офицеров они начали вести усиленную агитацию среди местных курдов, направленную против России и Ирана. По наущению подстрекателей мукрийские курды совершали многочисленные диверсионные акты, в том числе вывели из строя телеграф. Турки пытались сколотить из местных курдов сильный отряд, двинуть его на Азербайджан и поднять там восстание[85].

Сколачивание турецко-германской агентуры «второго фронта» на территории Иранского Курдистана и Азербайджана сразу дало плоды. В начале ноября 1914 г. турецкие войска пересекли иранскую границу и вторглись на территорию Иранского Азербайджана и Курдистана. Основной ударной боевой силой Турции на иранском театре Кавказского фронта были фактически иранские и пограничные турецкие курды. Введенский в середине ноября 1914 г. писал: «...Турки в пограничной полосе решили действовать, опираясь на аширеты, выдвигая регулярные части только там, где курды одни не решаются выступить»[86].

В первые недели войны, в период Кеприкейской и Сарыкамышской операций, курдо-турецкие отряды захватили западную часть Иранского Курдистана и Азербайджана с городами Хой, Урмия, Соуджбулак и др. Под напором турецких войск, имея на фронте и в тылу враждебные племена, части Азербайджанского отряда генерала Чернозубова и IV Кавказского корпуса вынуждены были медленно отходить на северо-восток. Вступление турецких войск в города и села пограничных районов Ирана повсеместно служило сигналом к восстанию курдов. Ияс писал в середине декабря 1914 г., что, если турки не будут немедленно изгнаны из Соуджбулака, к ним присоединится до 50 тыс. курдов, и Табризу тогда будет угрожать серьезная опасность[87]. Однако русское командование в первое время было

---

[84] Там же, д. 378.
[85] Там же, д. 107, т. II, л. 35.
[86] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 308.
[87] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 43, л. 94.

бессильно изменить ход событий. Враждебность курдов продолжала усиливаться (в том числе и в первый период Сарыкамышской операции). К началу 1915 г. турецкое командование перебросило к иранской границе до 15 тыс. курдов. Из них, а также из иранских курдов по указке немцев турецкое командование формировало диверсионные отряды для переброски в Закавказье[88]. 14 января 1915 г. русские войска под напором превосходящих сил турок и курдов на короткое время вынуждены были оставить Табриз[89].

На этом успехи турецкой армии на иранском театре Кавказского фронта кончились. Уже во второй половине января 1915 г. перешедшие в контрнаступление русские войска выгнали турок и курдов из Табриза (31 января) и продвинулись до Дильмана. Непосредственная угроза русскому Азербайджану и Баку была ликвидирована. В это же время в районе нефтепромыслов Юго-Западного Ирана появились английские войска, которые постепенно начали расширять свой плацдарм в Хузистане, воюя с местными арабскими племенами[90].

Тем не менее турки и немцы продолжали бороться за иранско-курдистанский плацдарм. Тяжелое военное положение Турции в первой половине 1915 г. (Сарыкамышская катастрофа, высадка англо-французских десантных войск на Галлиполийском полуострове в феврале 1915 г., поражение турецкого экспедиционного корпуса у Суэцкого канала, продвижение британских войск в Южном Ираке) не позволяло турецко-германскому командованию послать в Иран сколько-нибудь значительные войска. Вся надежда возлагалась на курдов и другие кочевые племена, а также на содействие правящих кругов Ирана. В связи с этим германо-турецкая подрывная деятельность в Иране в 1915 г. приняла еще больший размах.

Особенно активно действовала турецкая агентура в приурмийском округе и в южных районах Западного Ирана с целью создания сплошного «курдского» заслона между русскими и английскими войсками и воспрепятствования обходу русскими войсками правого фланга турецкой армии на Кавказском фронте (южнее оз. Ван). В марте турецкий

---

[88] Н. Г. Корсун, *Алашкертская и Хамаданская операции*, М., 1940, стр. 33—35.

[89] Табриз был захвачен силами 2 тыс. турецких солдат и 6 тыс. курдов (ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., оп. 1, д. 4037, л. 52).

[90] См. об этом: Л. И. Мирошников, *Английская экспансия в Иране (1914—1920)*, М., 1961, стр. 12—16.

офицер Мухтар-бей с курдским отрядом занял Хамадан. Турки планировали захватить руками курдов весь район Хамадана — Керманшаха [91]. Турецкие эмиссары будоражили курдов и в пограничных с Россией районах Северо-Западного Ирана [92].

При создавшейся обстановке русское командование сочло необходимым принять решительные меры. В мае — июне 1915 г. конный отряд под командованием генерала Шарпантье в составе 36 эскадронов и сотен, 22 орудий совершил рейд на левом фланге IV корпуса в направлении Табриз — Соуджбулак и далее по южному берегу оз. Урмия. Эта операция преследовала цель заставить курдов воздержаться от выступлений против России. Она прошла успешно. 28 мая был занят Соуджбулак (где за несколько дней до этого был убит курдами русский консул полковник Иас), 31 мая — Ушну [93]. Русские войска заняли, таким образом, главные и самые густонаселенные центры Иранского Курдистана, где турки формировали больше всего курдских отрядов. Русское командование смогло теперь ослабить Азербайджанский отряд и за его счет усилить свои войска на Мушском и Ванском направлениях.

Однако Турция и Германия не утратили надежды вовлечь Иран в свой лагерь. Летом и осенью 1915 г. их деятельность в этом направлении достигла наивысшего размаха. Страна кишела агентами различных рангов, среди которых выделялись германские эмиссары граф Каниц (военный атташе в Тегеране), Шюнеман, Васмус (действовавший на юге страны). Немцам удалось подчинить своему влиянию центральное правительство (которое отвергло предложение России и Англии вступить в войну на стороне Антанты), местные власти во многих провинциях, персидскую жандармерию, руководимую шведскими офицерами. Германская агентура сумела проникнуть из Ирана в Афганистан (известная миссия Нидермайера) [94]. После Алашкертской операции с целью поднять восстание в Иранском Курдистане туда были посланы курдский эмир Наджан и германский лейтенант фон Шейбнер-Рихтер, каждый в сопро-

---

[91] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 107, т. II, л. 89.

[92] См. Н. Г. Корсун, *Алашкертская и Хамаданская операции...*, стр. 22.

[93] Там же, стр. 43—45; Н. Г. Корсун, *Первая мировая война на Кавказском фронте*, стр. 41.

[94] См. об этом подробнее: М. С. Иванов, *Очерк истории Ирана*, М., 1952, гл. XIV; Л. И. Мирошников, *Английская экспансия в Иране (1914—1920)*, стр. 21—32.

вождении роты турецких солдат[95]. Тогда Англия и Россия ответили на это более радикальными мерами.

С одной стороны, в результате произведенного в Тегеране совместного нажима им удалось к концу 1915 г. изменить состав и политику иранского правительства. С другой стороны, была вновь применена военная сила. На востоке Ирана был создан заслон из русских и английских войск против проникновения германской агентуры в Афганистан и Индию («восточноперсидский кордон»). Но главную роль сыграла новая операция русских войск.

30 октября 1915 г. в порту Энзели на Каспийском побережье высадился корпус генерала Баратова, который совершил рейд на юг, быстро рассеяв турецко-курдские отряды на хамаданском направлении. Этот рейд сопровождался активными операциями против курдских племен, выступивших на стороне Турции. По просьбе англичан, находившихся в тот период в тяжелом положении на Месопотамском фронте, Баратов к концу года выдвинул передовые отряды своего корпуса на линию Керманшах — Ханекин. Русское командование предложило англичанам организовать наступление британских войск на Керманшах с целью объединения с русскими силами и совместного удара на Диарбекир через Мосул; но английские власти, больше всего боявшиеся проникновения русской армии в Ирак, отвергли этот план[96]. Во всяком случае к концу 1915 г. турецко-германский плацдарм в Иране был ликвидирован действиями в первую очередь русской армии. Это оказало большое влияние на курдов. «...На Кавказском фронте,— писал Н. Г. Корсун,— ни той, ни другой стороне не удалось использовать движение в тылу своего противника. Начавшиеся же неорганизованно и несвоевременно восстания армян были подавлены турками, а курдов — русскими»[97].

При создавшейся военно-политической обстановке в Иранском Курдистане военные экспедиции против курдов были эффективны только лишь в районах пребывания русских войск и постольку, поскольку русские одерживали победы. Когда же военное счастье изменяло русским, курды тотчас выходили из повиновения. К тому же репрессии против иранских курдов сразу же получили широкий резонанс в Турецком Курдистане, что могло создать большие дополнительные

---

[95] Н. Корсун, *Алашкертская и Хамаданская операции...*, стр. 154.

[96] См. работы Н. Г. Корсуна: *Алашкертская и Хамаданская операции...*, стр. 179—181, *Первая мировая война на Кавказском фронте*, стр. 51—54.

[97] Н. Г. Корсун, *Алашкертская и Хамаданская операции...*, стр. 155.

препятствия для планировавшихся русским командованием наступательных операций на восточноанатолийском театре Кавказского фронта. Учитывая это, русское правительство, наряду с демонстрацией военной силы, искало и другие основы для взаимоотношений с курдами. Прежде всего оно позаботилось о том, чтобы лишить иранское правительство возможности осуществлять свои суверенные права в северо-западных провинциях Ирана. Русские власти рассчитывали на помощь и содействие своего ставленника — азербайджанского губернатора Шоджа од-Доуле, которому было поручено наблюдение за всеми пограничными с Турцией районами. В Тегеране же к Шоджа относились резко недоброжелательно именно в силу его неприкрытого руссофильства. Иранское правительство фактически мешало Шоджа и другим местным администраторам бороться с нарушениями иранского нейтралитета турками и курдами. Англичане, опасаясь усиления влияния России в Северо-Западном Иране, также выступали против привлечения Шоджа к борьбе с турками и курдами под предлогом, что это осложнит положение в пограничных районах, нарушит нейтралитет Ирана и вовлечет его в войну с Турцией [98]. Однако Россия оставалась непреклонной, не позволяя ни Тегерану, ни англичанам вмешиваться во «внутренние дела» оккупированных ею иранских провинций. Когда, например, иранский посол в Петрограде Исаак-хан выразил Сазонову недовольство действиями русских военных властей и азербайджанского губернатора, Сазонов, заявил, что Иран ничего не сделал для предотвращения вторжения турецких войск и сохранения порядка и спокойствия среди курдов [99]. Поэтому Россия, добавил Сазонов, имеет в Азербайджане полную свободу действий. Посол писал своему министру иностранных дел, что, по его мнению, Россия не уступит в вопросе об Азербайджане [100]. И это была правда. В дальнейшем шахские власти даже и не пробовали контролировать положение в своих азербайджанских и курдских землях.

На первых порах Россия и Англия пытались оказать нажим на шахское правительство, чтобы оно предписало вождям племен Курдистана и Керманшаха противодействовать турецкому вторжению [101]. Но очень скоро они перестали рассчитывать на содействие иранского правительства.

---

[98] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 42, лл. 72, 79, 80.
[99] Там же, д. 129, л. 209.
[100] Там же.
[101] М. О., сер. III, т. VII, ч. 1, стр. 315.

* * *

В первые месяцы войны русское правительство и командование не имели твердой и определенной линии в курдском вопросе. Политика в завоеванных русской армией районах Курдистана, взаимоотношения с курдскими племенами и крупнейшими вождями были предоставлены отдельным воинским начальникам и консулам[102].

Только в конце декабря 1915 г. новый наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич издал директиву об общих основах политики по отношению к курдам. Она гласила: «Главная цель — это, чтобы курды были у нас в руках, жили бы смирно, не нападали бы на армян и персов. Наши начальники должны стремиться уничтожить рознь между курдами, с одной стороны, и армянами и персами, с другой, всеми мерами привлекать курдов на нашу сторону, приобретать от них необходимое для войск, то есть заинтересовывать коммерчески, оружия отнюдь не выдавать, но можно оказывать небольшую субсидию за услуги, особенно по разведке. Когда убедятся в их лояльности, можно поощрять мелкими наградами и подарками. для боевых же целей пользоваться курдами лишь при полной уверенности в их благонадежности»[103].

---

[102] Как пример попытки внести определенный план и порядок в «курдскую» политику, можно привести записку штабс-капитана Смирнова, состоявшего в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией, «Об управлении курдами и об их нуждах», датированную 31 декабря 1914 г. (13 января 1915 г.): «Наиболее удобная для нас комбинация разделения Армении — Курдистана на отдельные небольшие государства под нашим протекторатом» едва ли осуществима, и война вряд ли решит значительно курдский вопрос, говорилось в начале записки. Смирнов советовал создать в завоеванных областях полунезависимое курдское княжество с поставленным Россией эмиром, «который должен беспрекословно слушать приставленного к нему резидента». Если это не выйдет, то следует учредить особое управление, привлекая в него курдов, или нечто вроде общинных советов, созданных англичанами в Индии.

Желательно подчинить курдское управление, говорилось в записке, непосредственно высшей власти на Кавказе. Режим управления курдами следует приблизить к режиму казачьих войск.

Далее Смирнов советовал обратить особое внимание на положение российских курдов и резко улучшить его, что будет иметь большое влияние на зарубежных курдов. В заключение в записке говорилось о необходимости всемерно умалить политическое значение курдских «агаларов» (наделив их в то же время землей), строить школы и бороться со злоупотреблениями чиновников. Никто, конечно, из «власть имущих» в России не обращал внимания на подобные рекомендации (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, лл. 374—379).

[103] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, л. 160. Таким образом, царское правительство по-прежнему интересовалось курдами

Между тем русские военные и гражданские власти в Западном Иране и в пограничных районах Турции с первых дней войны активно действовали среди курдов на свой страх и риск, как по линии антитурецкой пропаганды, так и стараясь заручиться поддержкой виднейших курдских вождей.

Вице-консул в Урмии Введенский вел интенсивную пропаганду среди курдов Ушну, Барзана, Шемдинана, Барадоста, Равандуза, Геваре, рассылал им прокламации и воззвания, в которых содержались призывы выступить против Турции на стороне России. Аналогичную работу среди курдов Юго-Западного Ирана и смежных районов Ирака, где квартировали части Персидской казачьей бригады, вел Ушаков. В первых числах ноября он телеграфировал в русское консульство в Керманшахе: «Имею данные о возможности поднять шиитские племена курдов и луров для захвата у турок Кербелы. Могу подготовить это дело осторожно, без шума. Испросите разрешения посланника. Работать необходимо совместно с англичанами. Дело очень важное, ввиду малого количества войск в Месопотамии сулит успех. Захват святыни произведет сильное впечатление на турок, мы же приобретем симпатии шиитов». При скорейшем осуществлении этого плана, утверждал Ушаков, турецкие резервы будут оттянуты от русской границы[104].

лишь в связи с операциями на Кавказском фронте. В этой связи примечательна полемика, развернувшаяся на страницах английской газеты «Манчестер Гардиан» свыше чем через 30 лет после описываемых событий между упоминавшимся уже Филиппсом Прайсом и Никитиным. Прайс утверждал, что царская Россия стремилась к созданию «независимого Курдистана», хотя ему было прекрасно известно, что русское правительство всегда враждебно относилось к этой идее, особенно во время первой мировой войны, когда Курдистан (как и Турецкая Армения) стал объектом аннексионистских планов царизма. Одновременно Прайс пытался протащить абсурдный тезис о преемственности внешней политики Советского Союза и царской России на Ближнем Востоке. Возражая ему и ссылаясь, в частности, на неудачные переговоры Абдуррезака в России накануне первой мировой войны, Никитин писал: «Я могу свидетельствовать, что в 1914—1918 гг. русская армия не имела на этом фронте (Кавказском. — *М. Л.*) ни точных карт Курдистана, ни сведений о курдских племенах и о генеалогии курдских вождей, ни людей, сведущих в курдском языке. Вследствие этого я удивляюсь, как в таком случае «царский империализм» был способен проводить политику столь значительного масштаба. Я скорее полагаю, что в отличие от отношения к армянам и несторианам, наше Министерство иностранных дел, так же как и наместничество в Тифлисе, не имели точно определенной курдской политики» («Manchester Guardian», 21.IX.1950).

[104] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 42, л. 36.

Управляющий русским вице-консульством в Керманшахе Долгополов назвал этот план легкомысленной затеей, для осуществления которой нет никаких данных[105]. Коростовец также отверг предложение Ушакова, считая, что его отряд слишком малочислен, чтобы успешно воздействовать на курдов. «В настоящем его составе он не представляет никаких гарантий против возможных нападений турок на Курдистан». Кроме того, по мнению русского посланника, действия отряда Ушакова как подразделения иранской армии вызовут нарекания в нарушении Россией нейтралитета Ирана[106]. Вообще же успешное вторжение турок в Иранский Курдистан свело на нет все усилия русских расположить к себе иранских курдов, побудить их соблюдать нейтралитет.

Благоприятный для русской армии исход летних операций 1915 г. на иранском и восточноанатолийском театрах вновь дал России шансы завоевать расположение курдских племен. Правда, русские уже не рассчитывали на то, что им удастся сделать курдов своими союзниками; непосредственной их задачей было обеспечение нейтралитета курдских племен, прекращение их враждебных выступлений против русских войск. Управляющий вице-консульством в Урмии В. П. Никитин, сообщая, что к нему в большом числе являются курды для переговоров, писал: «Приходится прилагать много усилий, чтобы побороть недоверие курдов»[107].

Стараниям Никитина наладить хорошие взаимоотношения с курдами мешала, однако, кипучая деятельность главы русской духовной миссии в Урмии архимандрита Сергия, который бесцеремонно вмешивался как в политическую жизнь Урмийской провинции, так и в чисто военные дела и настаивал на применении силы против курдов. Никитин решительно потребовал отозвания Сергия из Урмии, считая, что Россия «...в настоящую минуту преследует в западной Персии цели умиротворения и тщательно избегает всяких резких мер и выступлений». Министерство иностранных дел поддержало Никитина, и Сергий был удален из Урмии[108].

---

[105] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1914 г., д. 42, л. 38.

[106] ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., оп. 1, д. 4037, л. 29.

[107] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 408.

[108] Следует отметить, что дела русской миссии в Урмии были совсем плохи, обстановка никак не благоприятствовала пропаганде православия в крае. Сказывалась и острая нехватка средств; просьбы Синода об увеличении содержания миссии отвергались. Преемник Сергия епископ Пимен, не успев освоиться на новом месте, начал просить об отставке. «Лучше быть псаломщиком в России — писал он в Петербург, — чем епископом в Урмии» (ЦГИА, ф. 796, оп. 193, д. 7015, лл. 117, 238—241).

Однако другие представители России в Западном Иране нередко прибегали к угрозам. Управляющий генконсульством в Тебризе Беляев дал, например, указание губернатору Азербайджана сообщить курдам, «что если в дальнейшем они будут вести себя мирно и не поддадутся на подстрекательства турок, то им можно будет надеяться на наше снисходительное отношение к их прежним винам. Если же они снова будут помогать туркам, то их ожидают самые суровые меры наказания»[109].

Особенно трудной проблемой для русских военных властей было налаживание отношений с курдами оккупированных районов Восточной Анатолии. Начальник Башкалинского округа князь Шаховский писал в середине декабря 1915 г. в штаб Кавказской армии: «Курды Битлисского и Ванского вилайетов, с которыми нам еще не приходилось иметь дела... расположены к нам и теперь как будто желают войти в сношения с нами. Но умиротворение курдов района военных действий представляет теперь очень трудную задачу... Примирить этих курдов с нами еще возможно, но использовать их против турок я считаю задачей почти невыполнимой»[110].

Естественно, что стали заметно портиться установившиеся было накануне войны хорошие отношения России с большинством наиболее влиятельных курдских вождей. В начале военных операций русское командование пыталось сохранить лояльную позицию курдских вождей на прежнем уровне и побудить их поднять племена против турок. Кое-где русские имели в этом успех. Но очень скоро все изменилось.

Отступление русских войск из Северо-Западного Ирана в декабре 1914 — январе 1915 г. привело к измене курдских вождей союзу с Россией. Причинами этого были: во-первых, обычное для феодалов стремление примкнуть к сильнейшей стороне, во-вторых, утрата ими доверия к России в результате нежелания русского правительства в предвоенные годы оказать курдам реальную помощь в освобождении от турецкого гнета и, наконец, в-третьих, предпочтение, оказываемое турецким армянам перед курдами и поддержка русским командованием армянских националистов, сформировавших боевые дружины, которые действовали в составе Кавказской армии.

---

[109] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг. д. 563, л. 403.
[110] Там же, 1915—1918 гг., д. 567, лл. 8—10.

Особенно неожиданным было предательство Симко. В январе 1915 г. после оставления русскими войсками Салмаса и Котура он открыто перешел на сторону турок и произвел в Салмасе зверскую резню христиан, во время которой погибло до тысячи человек. Правда, как только русские войска перешли в контрнаступление, Симко попытался восстановить свою репутацию в глазах русских властей, посылая вице-консулу в Хое многочисленные письма с уверениями в своей преданности России, но одновременно он поддерживал тайные связи с турками. Поэтому после освобождения Хоя русскими войсками он был арестован и выслан в Тифлис, в результате чего в Хойском и Котурском округах наступило спокойствие [111].

Сложнее обстояло дело с Абдуррезаком. Переход почти всех курдов Северо-Западного Ирана и пограничной зоны на сторону Турции внушил русским властям подозрение, что здесь не обошлось без его участия. Русское командование не имело в своем распоряжении ни одного достоверного факта, который доказывал бы измену Абдуррезака. Сам Абдуррезак энергично отрицал обвинения в сотрудничестве с турками. Оправдывая себя, он возлагал всю вину за ухудшение русско-курдских отношений на русские власти и армянских экстремистов [112]. Тем не менее командование Кавказской власти и тифлисское начальство перестали доверять Абдуррезаку.

В начале мая 1915 г. Абдуррезак, губернатор Хоя Теймур-хан и другие видные курды (всего 12 сторонников Абдуррезака и 8 — Симко) были арестованы и высланы в русскую Джульфу по обвинению в том, что в случае неудачи русских войск под Дильманом они собирались напасть на них с тыла [113]. Правда, через несколько дней подозрение с Абдуррезака было снято как неосновательное, однако была признана нежелательность его пребывания в Хое. Сначала русские власти хотели его отправить в Малазгирт для работы среди турецких курдов, но в конце 1915 г. решили поселить Абдуррезака в Тифлисе «вследствие выяснившейся его бесполезности» [114].

По-прежнему с недоверием относились русские власти к макинскому сердару Муртаза Кули-хану. Командование

---

[111] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 265, лл. 26—27; ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 49, т. II, л. 569.

[112] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1912—1915 гг., д. 568, лл. 161—183.

[113] Там же, 1913—1916 гг., д. 563, л. 398.

[114] Там же, лл. 399, 417.

Кавказской армии решительно воспротивилось возвращению его к Маку до окончания войны, «дабы,— по словам консула в Маку Олферьева,— не иметь против себя макинских курдов, могущих выставить до 10 000 вооруженных людей, сочувствующих Турции... Возвращение сердара ослабит наш престиж и осложнит наши дела во всем Азербайджане» [115].

Сейид Та, в начале войны примкнувший к туркам, попал в плен и был сослан в глубь России, в Раненбург (ныне Чаплыгин). Позже он бежал из плена и начал создавать в Турции на немецкие деньги курдские формирования для борьбы против русских [116].

Сохранившаяся переписка отражает полную утрату взаимопонимания между курдскими вождями и русскими властями в Иране и оккупированных районах Турции. Исполнявший обязанности консула в Салмасе Акимович, критикуя намерение начальника Башкалинского округа князя Шаховского установить контакт с Абдуррезаком и Симко, писал в конце ноября 1915 г.: «Я уверен, что Шаховской и Коцебу (русский полковник.— *М. Л.*), совершенно не знающие курдов, будут ими обмануты и не смогут их склонить на нашу сторону с такими помощниками, как Абдуррезак и Симко» [117]. По-видимому, это мнение о Шаховском в значительной мере было неосновательным, поскольку последний нелестно аттестовал Симко и особенно Абдуррезака [118]. Вице-консул в Урмии Никитин по поводу указанных слов Акимовича писал: «Не зная также определенно прежде названных курдов, считаю: в Персии им не место теперь. Они лишь повредят делу узко племенными интересами Симко, несбыточными фантазиями Абдуррезака...» [119].

Правда, некоторые беи, особенно после успешных летних операций Кавказской армии в 1915 г., активно помогали русским войскам. Никитин заключил в конце сентября подтвержденное клятвой на Коране соглашение с вождями бекзадинцев из Дешта и Мергевера (Курдо-беком, Абдуллой,

---

[115] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 49. т. I, л. 257.

[116] Архив В. П. Никитина, папка 1; «Les Kurdes et le Kurdistan (Chemdinan)», pp. 24—25.

[117] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д 49, т. II, л. 390. Столь непреклонный вывод Акимовича об Абдуррезаке и Симко вызвал резкий протест в Тифлисе, в частности у помощника наместника генерала Янушкевича, опасавшегося, как бы местные власти не пересолили, окончательно восстановив тем самым курдов против России, (АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, лл. 418, 420).

[118] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1915—1918 гг., д. 567, л. 8.

[119] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1915 г., д. 49, т. II, л. 565.

Халилем, Сеид-ханом, Хаджи Феттахом и Бадр-ханом) о дружбе и союзе[120]. Однако в целом правящие круги России перестали рассчитывать на сколько-нибудь эффективное содействие и помощь курдов в войне с Турцией. Лишь дальнейший ход военных операций и изменение политического положения в Иране побудили русское командование и правительство восстановить утраченные Россией позиции как в Турецком, так и в Иранском Курдистане.

* * *

В конце декабря 1915 г. русская Кавказская армия перешла в решительное наступление на Эрзурумском направлении. Падение Эрзурума (3 февраля 1916 г.), главного стратегического, политического и экономического центра Восточной Анатолии, было крупнейшим поражением Турции в первой мировой войне.

В это же время русские войска успешно действовали в районе оз. Ван и на Черноморском побережье. В Иране корпус Баратова занял район Керманшаха и появился в непосредственной близости от флангов и тыла 6-й турецкой армии, действовавшей в Ираке[121].

Весной 1916 г. Кавказская армия продвинулась на Трапезундском и Мосульском направлениях. В частности, в начале апреля 1916 г. был взят один из главных центров Иракского Курдистана — Равандуз. Корпус генерала Баратова в середине апреля 1916 г. повел наступление на Ханекин; его передовые части приближались к Тигру. Однако упорный отказ англичан от сотрудничества заставил русское командование принять решение об отступлении на север с целью сокращения коммуникаций и сохранения связи с основной базой Кавказской армии. 1 июля русские войска оставили Керманшах. Одновременно корпус Баратова отошел на северо-восток от Ханекина[122]. В это время в центральной части Восточной Анатолии Кавказская армия захватила Эрзинджан (25 июля), с падением которого турки потеряли весь восточноанатолийский театр военных действий[123]. В ходе

---

[120] Там же, л. 552.

[121] Н. Г. Корсун, *Первая мировая война на Кавказском фронте*, стр. 51—55.

[122] Там же, стр. 61—75.

[123] Взятие Эрзинджана, писал Корсун, «означало потерю турками всего армянского театра военных действий и создавало возможность установления связи между русскими войсками и курдами Дерсима, поднимавшими восстание против турок» (там же, стр. 68).

операции на Огнотском и Мосульском направлениях (август 1916 г.) русским войскам удалось сорвать турецкое контрнаступление и стабилизировать фронт.

Таким образом, в 1915—1916 гг. Турция потерпела на Кавказском фронте новое серьезное поражение. Русская кавказская армия продвинулась по турецкой территории на 250 *км*, оккупировав все Армянское нагорье, часть Турецкого Курдистана и Восточной Анатолии, и сковала более половины всех турецких дивизий.

Только отсутствие взаимодействия между русскими и англичанами привело к тому, что стратегические результаты русского наступления не стали решающими для операции на всем турецко-азиатском театре и что туркам удалось нанести англичанам ощутительное поражение в Ираке, окружив в Кут эль-Амаре и принудив к капитуляции (29 апреля 1916 г.) корпус генерала Таунсхенда.

В кампании 1916 г. на Кавказском фронте роль курдов была сравнительно невелика. Общее количество курдских конников, входивших в состав 2-й и 3-й турецких армий, действовавших в Восточной Анатолии и в Иране, составляло в разное время от 5 до 10 тыс. Правда, туркам удалось кое-где побудить курдские племена совершать нападения на коммуникации русских войск (на Мосульском направлении, в районе Битлиса и в некоторых других местах), но русские быстро пресекли враждебные выступления курдов. Боеспособность курдских формирований в результате тяжелых поражений турецкой армии продолжала падать. В итоге летней кампании 1916 г. число курдов во 2-й и 3-й армиях снизилось на две трети [124].

Значительная часть территории Турецкого Курдистана стала в 1916 г. ареной военных действий; в остальных районах свирепствовала жесточайшая военно-полицейская диктатура [125]. Естественно, что это создавало самые неблагоприятные условия для курдского освободительного движения, о котором за указанный период нет почти никаких сведений. Исключение по-прежнему составлял район Дерсима. Тамошние курды избежали набора в турецкую армию и сохранили свое полунезависимое положение. У курдов Дерсима продолжали скрываться армяне, уцелевшие от депортаций [126].

---

[124] Там же, стр. 69, 76.

[125] В Ираке в 1916 г. турки повесили шейха Абдул-Саляма Барзани, этого наиболее выдающегося деятеля освободительного движения иракских курдов в начале XX в.

[126] АВПР, ф. «Политархив», 1914—1917 гг., д. 4073, л. 93.

Многие курдские вожди (и не только в Дерсиме) заключали в это время соглашения с предводителями армян о мире и дружбе[127].

Вторжение русских войск в глубь Турецкого Курдистана сделало проблему взаимоотношений с турецкими курдами весьма насущной и важной, в значительной степени определявшей не только дальнейший ход военных операций, но и будущую судьбу всего края, который находился отныне под русским управлением. Некоторые курдские лидеры подняли уже в 1916 г. перед русским правительством вопрос о национальном самоопределении турецких курдов. Кямиль Бадр-хан представил национальные требования курдов великому князю Николаю Николаевичу. Но русское правительство отказывалось в то время рассматривать курдскую проблему в таком аспекте (отчасти в связи с армянскими делами), подходя к ней более утилитарно[128].

Наладить отношения с турецкими курдами было поручено князю Шаховскому, который фактически занимал пост главного гражданского администратора России в курдских районах Турции. Совместно с Юсуфом Кямилем Шаховской должен был войти в отношения с местными курдскими племенами, привлечь их на сторону России и даже предоставить им право сформировать отряд из 500 вооруженных всадников. Главная задача, поставленная перед Шаховским,— установить контакт с курдами Юго-Восточной Анатолии, находившимися в тылу турецких войск, уговорить их поднять восстание против турок. Этого сделать Шаховскому не удалось главным образом из-за временной неудачи русских войск в районе Битлиса — Муша. Но налаженные им связи с курдами Юго-Восточной Анатолии были сохранены. Он смог также подчинить себе курдов Зиляндере, предводительствуемых Кули-ханом и Селим-агой, дотоле враждебных России. Кроме того были умиротворены племена к северу от оз. Ван. Этим и ограничились успехи Шаховского в оккупированных русскими войсками районах Турецкого Курдистана и в смежной с ними прифронтовой полосе.

Сам Шаховской считал, что для успеха политики России

---

[127] Там же, 1916 г., д. 4120, лл. 2—3.

[128] По словам В. П. Никитина, Юсф Кямиль (или Кямиль-бей Бохтанский) «в 1916 г. усиленно занимался курдской политикой под руководством наместничества», но из этого ничего не вышло, ибо политика России по отношению к курдам не была определена и в результате получился «перевод денег и времени» (Архив В. П. Никитина, папка 1, «Les Kurdes et le Kurdistan», pp. 24—25).

в Турецком Курдистане необходимы следующе меры: справедливое отношение к курдам, создание для перешедших на сторону России племен сносных условий жизни, применение силы против непокорных племен, усиление пропаганды среди курдов Битлис — Муш — Огнотского направления. Хотя разоружение курдов, писал Шаховской, важная задача, оно в настоящий момент неосуществимо и вообще не всегда выгодно для России. Главное — не поднимать этот вопрос несвоевременно, дабы не вызвать озлобления курдского населения. Однако, несмотря на оптимистические настроения русского комиссара, вряд ли Россия могла рассчитывать на серьезные результаты своей политики среди курдского населения, на забвение событий последних лет, наполненных многочисленными конфликтами [129]. К тому же сильно вредили делу русско-курдского сближения зловещие плоды, приносимые пережитками давней курдо-армянской вражды (в частности, эксцессами со стороны армянских добровольцев и дружинников, пришедших вместе с русскими войсками) [130]. Но все же основа для некоторого улучшения русско-курдских отношений в Турецком Курдистане безусловно имелась.

Основное внимание русское правительство и командование уделяли в 1916 г. и в последующее время отношениям с иранскими курдами. Операции корпуса Баратова доказали настоятельную необходимость обеспечения поддержки или хотя бы лояльности курдского населения, без чего военно-политические позиции России в Западном Иране оставались крайне непрочными и легко уязвимыми.

Иранские курды, в отличие от турецких, не были так ослаблены боевыми действиями и репрессиями. От их позиции в значительной степени зависела судьба левого фланга русской Кавказской армии.

Следует еще учесть, что турецко-германская подрывная деятельность среди иранских курдов продолжала причинять значительный вред интересам России и Англии. Активно работала турецкая агентура в Маку, призывая местных курдов к партизанской борьбе против русских войск [131]. Особенно преуспел в антирусской пропаганде среди макинских курдов некий Али-ага, впоследствии арестованный русскими властями. Только к началу 1917 г. России удалось обезвредить в Маку панисламистов и принудить местное курдское

---

[129] АВПР, ф. «Политархив», 1916 г., д. 4120, лл. 7—11.
[130] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 268, лл. 37—38.
[131] ЦГАОРСС, ф. 102, оп. 17, л. 74, ч. 92, литер Б, л. 2.

население к покорности; некоторым арестованным и интернированным русскими властями местным вождям, в том числе и Али-аге, было разрешено вернуться обратно[132].

Во время зимнего наступления русской армии в 1916 г. племена центральной части Иранского Курдистана — мукри и бекзадинцы, понесшие чрезвычайно тяжелые потери, стали массами переходить на сторону России. По словам Никитина, «сложившиеся условия могут быть полезны для склонения курдов к благоразумию»[133]. Русское командование, однако, не сумело использовать эту ситуацию; курды юго-западных районов Ирана по-прежнему были неблагонадежны. «Крайне прискорбно продолжающееся недоверие к нам курдов»,— писал в связи с этим посланник в Тегеране Эттер[134]. На необходимость решительно бороться за привлечение на сторону России иранских курдов указывал и Минорский. Свое письмо Баратову от 9 мая 1916 г. он начинал словами наместника: «Курды не нужны нам как активная военная сила, но чрезвычайно желательно заручиться их спокойным и благожелательным к нам отношением». Неудачи, которые потерпела Россия среди курдов Урмийского округа, Минорский объяснял в первую очередь постоянными колебаниями русской политики там в предвоенный период, когда «симпатии, подозрения, обвинения сменялись, как в калейдоскопе». Он осуждал вмешательство войск во внутренние дела племен, результатом чего явилось полное разорение многих из них. «Вся эта политика закончилась крахом», ибо силой, писал Минорский, все решить нельзя. «Я верю в цивилизаторские задачи России», подчеркивал он. России нужно не объединение всего Курдистана (это нереально и бесполезно для нас), указывал Минорский в заключение, а «объединение и восстановление отдельных курдских княжеств», для чего следует обратить особое внимание на род Бабан в округе Сулеймании и али-илахов Дерсима[135].

В известной мере с Минорским перекликался Никитин, хотя на разрешение курдской проблемы в интересах России он смотрел скорее пессимистически. «Возможность привлечения курдов,— писал он в Министерство иностранных дел в конце июня 1916 г.,— вообще отрицаема быть не может,— но для этого теперь недостает главного условия — предвари-

---

[132] ЦГИА Груз. ССР, ф. 2с, д. 4357, лл. 1, 2, 4.
[133] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д. 45, л. 542.
[134] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 431.
[135] Там же, лл. 466—468.

тельной внимательной и кропотливой работы нашей среди них, которая могла бы ослабить успешность враждебной нам, иной пропаганды, по существу же курдского вопроса до изменения самих условий их быта и создания у них иных интересов и понятий мы всегда будем стремиться разрешить неразрешимое»[136].

Начиная с июля 1916 г., когда действовавший на иракском направлении корпус Баратова оказался по вине англичан в тяжелом положении, из Петербурга и Тифлиса в адрес русских властей в Иране поступили требования в кратчайший срок наладить хорошие отношения с курдами. Чиновник для пограничных сношений при наместнике Столица известил Эттера о том, что делаются попытки добиться содействия иранского правительства в нейтрализации курдов в связи с походом Баратова, о чем вел переговоры сам наместник с находившимся в Тифлисе иранским принцем Зилли-Султаном[137]. Премьер-министр Ирана известил русского посланника, что племена кельхор, сонгори и куляи «всецело на нашей стороне», но необходимо «действовать исключительно деньгами», чтобы они оказали русским активную поддержку[138]. Эттер, однако, скептически отнесся к этой

---

[136] Там же, л. 448. Сходные с Минорским и Никитиным (но отличные от практики царских военных и гражданских властей) взгляды на курдскую проблему высказывал и В. А. Гордлевский. Вот что он писал о курдах в феврале 1917 г.: «Те, которые представляют всех курдов вообще в непривлекательном свете, забывают, во-первых, что национальный курдский характер испорчен вековым тяжелым рабством, в котором курдский народ находится у своих вождей, забравших все в свои руки, и у османского правительства, которое покровительствует системе натравливания одного народа на другой, во-вторых, если и сейчас, во время войны, сказываются в курде отрицательные черты, вызывающие необходимость посылки карательных экспедиций, то, быть может, не всегда уж курды являются агрессивной стороной». Далее, указывая, что «силу и мощь русского оружия» курды «уважают», но к России «настроены все-таки сочувственно», Гордлевский замечал: «Перед Россией стоит большая культурная задача — нужно уже теперь привлечь на свою сторону симпатии курдского народа, позаботиться теперь же о поднятии благосостояния курдов... Пусть ширится культурная миссия России на Востоке. Справедливая, беспристрастная политика, устраняя в Малой Азии национальную рознь, может оживить и возродить край. Система управления намечена историей Малой Азии, истерзанной под владычеством Турции; нужно только не делать того, что делали турки» [В. А. Гордлевский, *У сюпхандагских курдов* (из поездки на Кавказский фронт), — Избранные сочинения, т. III, стр. 456—457]. Разумеется, подобные передовые для своего времени идеи не находили отклика у тех, от кого зависела тогда судьба Курдистана и его многострадального населения.

[137] Там же, лл. 445—446.

[138] ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4037, л. 103.

возможности, написав, что, по его мнению, иранское правительство «бессильно теперь воздействовать на курдов-суннитов и на другие племена»[139]. Главное затруднение, считали Эттер и Баратов, «в организации продовольствия племени», на что иранское правительство неспособно без помощи России[140].

Сазонов написал в Тегеран, что в связи с отступлением Баратова «весьма желательно, чтобы шахское правительство использовало все свое влияние на племена Керманшахского района и Курдистана, чтобы склонить их на нашу сторону»[141].

Несколько позже Эттер и Минорский обратились в Тифлис с просьбой о присылке в Иран дополнительных контингентов войск и в особенности денег, без которых, писал посланник, «...в настоящий момент нам мало кого удастся привлечь на нашу сторону»[142], но получили отказ. Русским властям в Иране, стало быть, приходилось рассчитывать исключительно на имевшиеся в их собственном распоряжении средства.

В столь сложной и нелегкой для России обстановке, сложившейся в Западном Иране к лету 1916 г., Симко вновь обратил на себя внимание русских властей и командования. Каковы бы ни были его «прегрешения» в недавнем прошлом, он все же был тогда единственной фигурой в Иранском Курдистане, пользовавшейся значительным весом и влиянием и способной объединить и повести за собой значительное число курдов. Кроме него, России не на кого было опереться. Поэтому русские власти поставили перед собой задачу во что бы то ни стало привлечь Симко на свою сторону.

В начале 1916 г. Симко был отпущен из Тифлиса и прибыл в Салмас. Однако в первое время отношения между Симко и русскими властями были отравлены взаимным недоверием. Несмотря на многократные требования генерала Чернозубова, Симко, из боязни ареста, отказался приехать в Хой для переговоров с русским командованием[143]. Он заверял, что готов сражаться с турками, и просил, чтобы кавказские власти и лично начальник Азербайджанского отряда дали ему гарантии безопасности. Лишь при этих условиях

---

139 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 452.
140 ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4037, л. 109.
141 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 450.
142 Там же, л. 456.
143 АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д. 45, л. 126

он, по словам исполнявшего обязанности консула в Дильмане Акимовича, «готов идти туда, куда ему прикажут»[144].

Со своей стороны, генерал Чернозубов, не питая к Симко никакого доверия, предложил ему гарантии свободы и независимости лишь при условии сдачи им всего оружия. Симко ответил отказом и вскоре после этого ушел на юг к турецко-иранской границе. Чернозубов, не желая видеть Симко у себя в тылу, был очень встревожен и грозил уничтожить его отряды, если он немедленно не вернется обратно[145].

В конце июня 1916 г. Симко, наконец, приехал в Хой; там он вступил в переговоры с вице-консулом Кирсановым. В качестве платы за свою помощь России он попросил предоставить в его полное управление Сомай и Барадост. Кирсанов поддержал эту просьбу перед своим начальством, указывая, что этим можно укрепить веру Симко в доброжелательность России[146]. Информация Кирсанова о его переговорах с Симко вызвала большую дискуссию среди русских представителей в Иране. Никитин решительно возражал против предоставления Симко области Сомая и Барадоста. В свое время, напоминал он, это привело к тому, что подвластные ему шеккаки напали на русские войска в Урмии. «Считаю,— писал Никитин,— что предоставление Симко особого положения отнюдь не оправдывается его двусмысленным поведением»[147].

Дальнейшее поведение Симко было далеко не безупречно в отношении России. В частности, во время отступления войск Баратова из района Ханекина — Керманшаха предводительствуемые им курды сеяли панику на правом фланге русских войск. Кроме того, весть о намерении назначить Симко губернатором Сомая и Барадоста вызвала большое недовольство местного населения, неоднократно испытывавшего тяжелую руку котурского шейха. Тем не менее царские власти в Иране поддержали предложение Кирсанова, надеясь, что это привяжет прочно Симко к России. Эттер, одобрив план Кирсанова, заметил, что подозрительное поведение Симко «объяснялось, конечно, нашими колебаниями в политике»[148]. Кирсанов сам настаивал на скорейшем выяснении вопроса о передаче Симко Сомая и Барадоста и пред-

---

144 Там же, л. 130.
145 Там же, л. 131.
146 Там же, л. 594.
147 Там же, л. 566.
148 АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1913—1916 гг., д. 563, л. 444.

ложил, кроме того, материально хорошо обеспечить Симко, чтобы ему «не приходилось» грабить местных жителей[149]. В конце концов колебаниям был положен предел, и в последних числах октября 1916 г. по настоянию русской миссии шахское правительство назначило Симко губернатором Чиари-Кала, Сомая и Барадоста. Симко обещал навести там порядок[150].

Тот факт, что русские договорились с Симко, благоприятно повлиял на отношение большинства иранских курдов к России. Правда, это в значительной степени объяснялось еще и тем, что русским войскам удалось остановить турецкое контрнаступление в июле — августе 1916 г. К началу осени тысячи курдов стали покидать турецкие войска и уходить на зимние кочевья[151]. Под Хамаданом из 14 тыс. турецких войск 10 тыс. были курды, но едва лишь распространился слух о движении русских войск на выручку, большинство их в несколько дней разбежалось.

Престиж России заметно вырос и в центральной части Иранского Курдистана. Было решено восстановить консульство в Соуджбулаке «ввиду,— по словам Столицы,— постоянных просьб окрестных курдских главарей освободить их от вымогательства персидских властей». Выбор консула, писал Столица, должен быть произведен «с особой заботливостью, так как от него требуется очень трудная задача удержать курдов на нашей стороне, уберечь их от вымогательства персидских властей и действовать во всем применительно к требованиям тактической обстановки и в полном согласии с генералом Чернозубовым»[152].

Таким образом, в 1916 г. России удалось в Иранском Курдистане добиться известных успехов, хотя обстановка там по-прежнему была очень неустойчивой и чреватой осложнениями.

* * *

Пока на территориях Турции, Ирана, арабских стран пылал пожар войны, уничтоживший не только десятки тысяч солдат обеих воюющих сторон, но и сотни тысяч ни в чем не повинного мирного населения, в дипломатических канце-

---

[149] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1916 г., д. 45, л. 596.
[150] Там же, л. 598.
[151] Там же, д. 42, л. 439.
[152] Там же, д. 47, л. 109.

ляриях Лондона, Парижа и Петрограда происходили не менее ожесточенные схватки, грозившие оказать роковое влияние на судьбу турок, арабов, курдов, персов, армян и других народов Ближнего Востока. Империалисты Антанты начали заблаговременно подготавливать раздел Османской империи и Ирана. Первоначальные успехи англо-французского десанта на Галлиполийском п-ве весной 1915 г. и победы русской Кавказской армии в 1916 г. побудили в первом случае Россию, а во втором Англию и Францию поспешить с точным определением своей доли добычи, дабы не допустить ее захвата одним из «союзников». Так родились межсоюзнические соглашения о Константинополе и проливах и разделе нейтральной зоны Ирана (март — апрель 1915 г.), о разделе арабских, армянских, курдских владений Турции, а также Иранского Курдистана (соглашение Сайкс — Пико, март — май 1916 г.). Подготовка, ход и результаты этих соглашений слишком хорошо изучены и описаны, поэтому представляется излишним останавливаться здесь на этих сюжетах. Необходимо вкратце напомнить лишь те моменты этого позорного периода дипломатической истории эпохи империализма, которые непосредственно касаются Курдистана и курдской проблемы.

Еще в предвоенные годы территория Курдистана была объектом вожделений империалистов многих стран. Однако непосредственная аннексия его не входила в задачу внешней политики ни одной из великих держав ввиду неизбежного сопротивления других соперников. Даже наиболее заинтересованная в курдских делах держава — Россия не стремилась к этому[153]. Положение изменилось во время первой мировой войны.

Англия, Франция и Россия были заинтересованы в Курдистане в основном из одних и тех же соображений — создания прочного заслона вокруг тех районов Ближнего Востока, которыми они уже обладали или которые собирались

[153] Еще задолго до первой мировой войны российский военный агент в Стамбуле полковник Калнин подал записку о целях предполагаемой войны с Турцией. В ней он доказывал, что Стамбул и проливы имеют для России второстепенное значение и их захват создаст трудные проблемы во взаимоотношениях с балканскими государствами. По мнению автора записки, Россия должна стремиться к приобретению земель от кавказской границы на юго-запад к Средиземному морю и Суэцкому каналу. Эти оригинальные для своего времени идеи не были приняты, конечно, всерьез. Тогдашний генерал-квартирмейстер Генштаба Жилинский испещрил записку Калнина скептическими пометками (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 104, лл. 220—229).

захватить. Поэтому им было необходимо точно договориться между собой о разделе Курдистана. Германии же договариваться было не с кем, ибо в случае победы над Антантой она намеревалась превратить всю Османскую империю и Иран в свои нераздельные колонии. Примечательно, что империалистические хищники не придавали в то время большого значения естественным богатствам Курдистана, поскольку о них тогда было мало что известно.

Первое из серии межсоюзнических соглашений о разделе Турции и, частично, Ирана, в которых затрагивалась и судьба Курдистана, было заключено в марте 1915 г. По этому соглашению Россия должна была получить Константинополь и проливы. Однако здесь же делалась важная и чреватая большими последствиями оговорка: «если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции в Оттоманской империи и в других местах...», Англия компенсировалась правом присоединить нейтральную зону в Иране,— за исключением районов Исфахана и Йезда, отходивших к русской зоне, — к своей сфере влияния [154]. Таким образом, в зону английского контроля должны были войти некоторые районы южного Иранского Курдистана. Для Англии это приобретение имело весьма важное значение, поскольку оно должно было служить барьером, преграждавшим с севера доступ к нефтеносным районам Юго-Западного Ирана, где орудовала и быстро расширяла свою деятельность британская нефтяная компания. Англо-франко-русское соглашение 1915 г. о проливах было первым этапом, своего рода черновым наброском тайного сговора империалистов Антанты о разделе всех азиатских владений Турции, в том числе и ее курдских земель.

Второй этап начался в конце 1915 г., когда Англия и Франция вступили в переговоры о разделе Азиатской Турции. Переговоры, которые вели в Лондоне с ноября 1915 г. по февраль 1916 г. представители Англии — Никольсон (его вскоре сменил Сайкс) и Франции — Жорж-Пико, в первую очередь касались арабских владений Турции, но и армяно-курдские земли заняли в них немаловажное место. Приме-

---

[154] См. «Константинополь и проливы. По секретным документам бывш. Министерства иностранных дел», под. ред. Е. А. Адамова, I—II, М., 1925—1926; «Раздел Азиатской Турции (по секретным документам бывш. Министерства иностранных дел)», под ред. Е. А. Адамова, М., 1924, стр. 124, 126, 131, 139.

чательно, что и нейтральный Иран стал предметом этого империалистического торга.

В частности, одним из вариантов решения курдского вопроса в тот период был выдвинут проект создания автономного Курдистана. Эта идея была предложена не руководителями держав Антанты, а армянскими националистическими кругами. Еще в июне 1915 г. один из лидеров армянских националистов Нубар-паша подал французскому министру иностранных дел Делькассе записку, в которой наряду с проектом решения армянского вопроса предлагалось создание особого автономного Курдистана под протекторатом одной или всех главных держав Антанты (России, Англии, Франции). Русский посол во Франции Извольский уклонился от поддержки этих планов [155].

В середине декабря 1915 г. известный армянский общественный деятель, подданный России Я. Х. Завриев выступил с проектом отрыва Турции от Четверного союза. Державы Антанты должны были помочь захватить султанский престол члену младотурецкого триумвирата, морскому министру и генерал-губернатору сирийских вилайетов Ахмеду Джемаль-паше, слывшему (без серьезных к тому оснований) тайным сторонником примирения с Антантой. По мнению Завриева, Джемалю следовало гарантировать независимость и неприкосновенность Азиатской Турции в составе автономных (под главенством султана) Сирии, Палестины, Ирака, Аравии, Армении, Киликии и Курдистана и оказать ему всестороннюю помощь. Сазонов ухватился было за идею вступить в переговоры с Джемалем на предложенной Завриевым основе, но в Лондоне и Париже встретили этот проект в штыки из опасений, что Россия получит проливы, а ее западные союзники останутся ни с чем [156].

Империалисты Англии и Франции стремились к непосредственному захвату всех азиатских, в том числе и курдских, провинций Османской империи. Именно поэтому их не устраивал в тот период принцип автономии, который, даже при наличии иностранного контроля, в какой-то мере был бы для национальных меньшинств Турции шагом вперед. В конце концов Россия вынуждена была уступить, и проект Завриева был сдан в архив.

К концу февраля 1916 г. Сайкс и Пико выработали пред-

---

[155] «Раздел Азиатской Турции», стр. 138.

[156] См. М. О., сер. III, т. IX, № 502, 625, 653, 654, 668, 678, 728; т. X, стр. 26; «Раздел Азиатской Турции», № 52, 56, 58, 59, 62—67, 88.

варительный вариант соглашения о разделе Азиатской Турции и представили его в марте на одобрение правительства России. Этот документ предусматривал раздел курдских земель между Францией и Англией в виде прямой аннексии или сфер влияния. Львиную долю получала Франция — Северный Ирак, всю Юго-Восточную Анатолию, пограничные районы Ирана к югу от оз. Урмии. Часть Иракского Курдистана (район Киркука) должна была войти в английскую зону[157]. Вопрос о судьбе оставшейся части Турецкого Курдистана и Армении подлежал согласованию с Россией. В общем, западные союзники намечали передать России «для разграничения в будущем с турецким султаном в Анатолии все пространство между Черным морем и линией, начинающейся от Урмийского озера и идущей в Анамуру южнее Вана, Битлиса, Муша и Харпута по горным хребтам Тавра и Антитавра»[158]. А несколько позднее ей были обещаны Эрзурум, Битлис и Ван с курдским, ассирийским и лазским населением. Остальная часть Юго-Восточной Анатолии, в том числе и Муш, предназначалась для Франции[159].

Проект «Сайкс — Пико» в той его части, которая касалась арабских стран, не вызвал существенных возражений русского правительства, не имевшего на Арабском Востоке особых интересов. Другое дело Турецкая Армения и Курдистан. Сазонов решительно возражал против передачи Франции территории Курдистана, прилегавшей к русско-иранской границе к югу от линии Айнтеб (ныне — Гази-Антеп) — Урфа — Мардин — Урмия, считая, что России невыгодно иметь соседкой на юге сильную европейскую державу вместо слабой мусульманской[160]. Он потребовал передачи России этой территории или, в крайнем случае, Урмийского округа и Битлисских проходов, компенсировав Францию в районе Сивас — Харпут — Кайсери. Французы первоначально возражали, но англичане оказали поддержку России, надеясь с ее помощью взять обратно некоторые уступки, сделанные Франции в отношении арабских стран. Вскоре Сайкс представил Сазонову карту с желаемыми для русской стороны изменениями, в результате которых, по мнению британского представителя, «под русской властью оказалось бы большинство

[157] «Раздел Азиатской Турции», стр. 154—157; Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин, *Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и двкларациях,* ч. II, М., 1926, стр. 40—41.

[158] «Раздел Азиатской Турции», стр. 160—161.

[159] Там же, стр. 158—159.

[160] Там же, стр. 160—161, 163.

курдов, лазов, кызылбашей и других кочевых племен, с которыми сравнительно легко ладить и которые с точки зрения государственной безопасности представляют более надежный и удобный элемент»[161]. Франция вынуждена была пойти на уступки. В ноте французского посольства в Петрограде от 31 марта 1916 г. выражалось согласие на передачу России «области Курдистана к югу от Битлиса и Вана, заключенной между Мушем, течением Тигра к востоку от Ашита Дага, Джезира-ибн-Омаром и персидской границей на высоте Мергевера», в обмен на территорию в районе Сивас — Харпут — Кайсери[162]. К середине мая 1916 г. была полностью достигнута договоренность между Англией и Францией; русское правительство дало окончательное согласие на раздел Азиатской Турции 1 сентября 1916 г.

Таким образом, империалисты Антанты договорились о разделе между собой наряду со странами Арабского Востока всего Турецкого и значительной части Иранского Курдистана. На первый взгляд, в наибольшем выигрыше оказались Франция и Россия, а Англия осталась обделенной. Франция «закрепила» за собой обширный курдский хинтерланд, прикрывавший с севера и востока обещанные ей по соглашению «Сайкс — Пико» Ливан и Западную Сирию, предмет давних вожделений французского империализма. Россия получала огромную горную страну, откуда прежде неоднократно исходила угроза русским владениям в Закавказье и которая отныне должна была служить барьером, надежно охранявшим его. Англии же соглашение «Сайкс — Пико» сулило приобретение лишь одного небольшого, хотя и важного курдского района в Восточном Ираке.

Но в действительности от «бумажного» раздела Турции до фактического была дистанция огромного размера. Все решало конкретное соотношение военно-политических сил, а в этом Англия имела на Ближнем Востоке бесспорное преимущество перед своими союзниками. Именно поэтому Англия и пошла на переговоры о разделе Азиатской Турции, чему прежде в британском правительстве была сильная оппозиция. В самом деле, Франция, особенно после провала Дарданелльской операции, не могла больше выделить ни одной дивизии для посылки на турецкий театр. Россия вообще была слабейшим членом Антанты, и ее зависимость от западных партнеров росла с каждым месяцем войны. Англия

---

[161] М. О., сер. III, т. X, стр. 405.
[162] «Раздел Азиатской Турции», стр. 170—171.

же непрестанно наращивала свои вооруженные силы на Ближнем Востоке. Поражение британской экспедиционной армии в Ираке было лишь временным эпизодом, после которого вскоре последовало неуклонное продвижение английских войск на север. Позиции Англии в странах Леванта значительно укрепились в результате ее соглашений с правителем Хиджаза Хусейном (июнь 1915 г.— март 1916 г.), с другими аравийскими властителями (в том числе с эмиром Неджда Ибн Саудом в декабре 1915 г.), сговором с сионистами (декларация Бальфура от 2 ноября 1917 г.). Все это позволяло руководителям британской внешней политики надеяться на ревизию соглашений о разделе Османской империи и Ирана после окончания войны, в том числе и тех положений, которые касались Курдистана. Недаром премьер-министр Англии Ллойд-Джордж писал, что «нельзя... допустить и мысли о том, что мирная конференция может собраться в момент, когда... мы не закончили еще завоевания Ирака и Сирии»[163]. Дальнейшие события показали, что эти расчеты оправдались.

Разумеется, империалистические соглашения 1915—1916 гг. о разделе Османской империи и Ирана были глубоко враждебны интересам народов этих многонациональных государств, в том числе и интересам курдского народа, поскольку они были направлены на их колониальное закабаление, против растущего национально-освободительного движения, в частности против исторически прогрессивной тенденции образования национально-независимых государств. Для курдского народа эти соглашения имели особенно зловещий характер, ибо они призваны были закрепить и увековечить его «разделенность», создать новые труднопреодолимые преграды для формирования единой курдской нации, для социально-экономического, политического и культурного прогресса курдов.

* * *

Между тем на Ближнем Востоке события разворачивались не в пользу стран Четверного союза. Со второй половины 1916 г. и особенно в 1917 г. внутреннее и военное положение Османской империи резко ухудшилось. В арабских вилайетах под влиянием вспыхнувшего в июне 1916 г. хиджазского восстания, возглавлявшегося правителями Мекки—

[163] Д. Ллойд-Джордж, *Военные мемуары*, т. III, стр. 339.

хашимитами, начался новый мощный подъем национально-освободительного движения. В самой Турции царила экономическая разруха, среди народных масс росло недовольство политикой зашедшего в тупик «триумвирата», боеспособность турецкой армии, обескровленной тяжелыми боями с превосходящими силами держав Антанты, быстро падала. Германия была не в состоянии оказать сколько-нибудь эффективную помощь своему восточному союзнику. На Иракском и Палестино-Синайском фронтах англичане захватили инициативу и прочно ее удерживали. В начале марта 1917 г. пал Багдад, а девять месяцев спустя, в декабре — Иерусалим. Над Турцией нависла реальная угроза военной катастрофы. Прогнившая Османская империя трещала по всем швам.

В этот период Кавказский фронт в значительной мере утратил свое первостепенное значение.

На его главных направлениях с осени 1916 г. наступило затишье. И русская и турецкая армии были измотаны непрерывными боями и терпели жестокие лишения. Под влиянием нараставшего в России революционного кризиса в частях русской Кавказской армии росло революционное брожение. Оно перекинулось отчасти и на турецкую армию, в которой были сильны антивоенные настроения. Военные действия в 1916—1917 гг. происходили только в Западном Иране и в Северо-Западном Ираке.

В феврале — марте 1917 г. части Баратова заняли районы Хамадана, Керманшаха и Ханекина и установили непосредственную связь с британской экспедиционной армией в Ираке.

Однако нежелание англичан оказать корпусу Баратова материальную и военную помощь помешало союзникам нанести туркам поражение западнее Ханекина [164].

Весной 1917 г., когда резко возросла зависимость Временного правительства от западных союзников и можно было уже не бояться русской «угрозы» Ираку, британское командование попыталось использовать русскую армию на Иракском фронте в своих целях, в качестве пушечного мяса. Однако русское командование на Кавказе, в условиях разложения войск, не решалось (да и не могло) вести крупные наступательные операции. Вследствие этого план совместных действий русских и английских войск против 6-й турецкой

[164] Н. Г. Корсун, *Первая мировая война на Кавказском фронте*, стр. 80—81.

армии не был реализован[165]. Предпринятое в начале июня под нажимом англичан наступление на Мосул было вскоре остановлено турками.

В находившихся под турецким управлением областях Курдистана экономическое и политическое положение в 1917 г. было крайне тяжелым. Военные действия нанесли огромный материальный ущерб местному населению, которое в течение двух лет не имело возможности ни собирать урожай, ни перегонять скот на кочевья. В результате как аширетные, так и оседлые курды были разорены и очутились перед угрозой страшного голода. Все это не могло не привести к росту недовольства в Турецком Курдистане, к широкому распространению среди курдов антивоенных настроений. Большое влияние на курдов оказала также успешная борьба арабов против турецкого владычества, особенно в сопредельных с Курдистаном районах (Ирак, Северная и Северо-Восточная Сирия).

Центром курдского освободительного движения стал Иракский Курдистан. В апреле 1917 г. в Мосульских горах вспыхнуло восстание курдов под предводительством внука Обейдуллы шейха Абдуллы. Восставшие сразу же обратились за помощью к России[166].

В районе Сулеймании освободительное движение возглавил шейх Махмуд Барзанджи. Он вступил в переписку с шерифом Мекки Хусейном и его сыновьями о совместных действиях против турок. Турецкие власти, перехватившие одно из писем шейха Махмуда хашимитам, обрушили репрессии на курдов Сулеймании (в частности, был полностью разграблен дом и все имущество шейха Махмуда). Вспыхнули волнения и среди курдов района Амадии. Многие местные племена, невзирая на препятствия, чинимые турецкими властями, стали откочевывать к иранской границе, в районы, занятые русскими войсками[167]. В то же время в прифронтовых районах Иракского Курдистана турки, опасаясь восстаний курдских племен, сами начали переселять их в глубь страны, что послужило причиной многих столкновений между курдами и турецкими войсками[168].

Летом 1917 г. освободительное движение курдов развернулось в Юго-Восточной Анатолии; центрами курдского дви-

---

165 См. ЦГВИА, ф. 2003, д. 548, лл. 23—29; д. 549, лл. 2—9; Н. Г. Корсун, *Первая мировая война на Кавказском фронте,* стр. 81—83.

166 АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1916 г., д. 281, л. 73.

167 ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 3, л. 8, стр. 6.

168 Там же, ф. 2008, оп. 1, д. 1205, л. 143.

жения были Дерсим, Харпут, Бохтан[169]. В начале августа в районе Мардин — Диарбекир вспыхнуло наиболее крупное восстание курдских племен, которых поддержали окрестные арабы. Восставшие установили контакты с русским командованием, передавая ему ценную информацию о передвижении турецких войск. На подавление восстания были брошены значительные войска, в том числе целиком 47-я дивизия; по слухам, в Диарбекир выехал сам Джемаль-паша[170].

Осенью 1917 г. волнения охватили район Битлиса. Здесь скопилось до 30 тыс. восставших курдов и дезертиров из турецкой армии, руководимых Бохтан-беем.

Стремясь приостановить начавшийся подъем курдского движения, турецкое правительство усилило репрессии. Был арестован Абдулла и ряд других видных шейхов. Это привело к тому, что некоторые курдские нотабли, прежде известные как туркофилы, переменили свою ориентацию. В конце мая 1917 г. из Стамбула в Мекку бежали Абдул-Кадыр и Сеид-Мухаммед[171].

Освободительное движение курдов Северного Ирака и Юго-Восточной Анатолии, смыкавшееся с восстаниями арабов-бедуинов, представляло значительную угрозу для Турции. В составе самих турецких войск число курдов быстро таяло. Если к началу 1917 г. во 2-й, 3-й и 6-й турецких армиях, дислоцированных на Кавказском фронте и в Месопотамии, насчитывалось до 25 тыс. курдов[172], то к середине года в результате массового дезертирства и отказа населения являться на призыв это число резко сократилось. Фактически к концу войны в турецкой армии почти не осталось курдских (и арабских) военнослужащих. В тылу турецких войск, в первую очередь 6-й иракской армии, из курдов начал образовываться второй фронт, который, отвлекая на себя немалую часть турецких вооруженных сил, ослаблял обороноспособность турок против английской армии.

Создавшееся положение побудило турецкое правительство и турецко-германское командование предпринять новые усилия с целью восстановить курдов против России и Англии. Турки пытались использовать прекращение наступательных операций Кавказской армии в 1917 г. в Восточной Анатолии для антирусской (и антиармянской) пропаганды среди курдских племен; они пытались «соблазнить» курд-

---

[169] Там же, ф. 2168, оп. 1, л. 16; ф. 2003, д. 548, л. 462.
[170] Там же, ф. 2168, д. 278, лл. 39—40, 106—107; ф. 2003, д. 1205, л. 68.
[171] АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 150, л. 205.
[172] Н. Г. Корсун, *Первая мировая война на Кавказском фронте*, стр. 81.

скую верхушку возможностью восстановить свои экономические и политические позиции, «поживиться» за счет русских войск и мирных жителей[173].

Созданные турецким командованием курдские диверсионные отряды в районе турецко-иранской границы, севернее Вана, в округах Баязида и Хошапа совершали нападения на русские линии коммуникаций, небольшие воинские подразделения, мирных жителей. Особенно активно действовали турецкие эмиссары среди курдов Дерсима и на коммуникациях между Битлисом и Мосулом[174].

Однако во многих местах, в Дерсиме, например, курды, получив отпор, начали расходиться по домам и соглашались идти на сотрудничество с русскими властями[175].

Неудачными были попытки турецкого правительства привлечь курдов на военную службу. Летом 1917 г., когда турки стали формировать курдскую дивизию во главе с Мустафой-пашой, курды отказались вступать в нее несмотря на то, что за уклонение или сопротивление призыву власти применяли самые решительные меры вплоть до сожжения селений и расстрелов[176].

Как и прежде, немцы оказывали всемерную поддержку туркам в их провокационно-подстрекательской работе среди курдских племен. В горы Курдистана наезжали германские агенты и разведчики, которые снабжали курдов оружием и деньгами и подстрекали их к выступлениям против России. В июне 1917 г., например, в Курдистане появился германский капитан Шульц с большим транспортом оружия и деньгами. Он переправился на иранскую территорию, где действовал вместе с офицером иранской жандармерии шведским капитаном Свенсеном и неким Пуженом. Это предприятие, однако, закончилось плачевно. Шульц и Свенсен были убиты курдами, причем у них было захвачено 12 тыс.

---

[173] Командующий Кавказской армией де Витт, отмечая, что во время наступления русской армии в 1916 г. курды были спокойными, писал: «В настоящее же время, когда курдам, несомненно, известны наши внутренние осложнения и упадок боеспособности нашей армии, они немедленно подняли голову...» (ЦГВИА, ф. 2168, д. 277, л. 39).

[174] ЦГВИА, ф. 2168, д. 15, л. 7; д. 276, лл. 1—8; д. 277, лл. 1—2; д. 278, лл. 319, 352—353; ф. 2003, д. 1231, л. 303. Враждебные выступления курдов начались и в пределах русского Закавказья. Издававшаяся в Тифлисе армянская газета «Айастан» писала даже (что было, конечно, большим преувеличением) об искусно организованном курдском восстании, вызванном неприятелем («Армянский вестник», 1917, № 29—30, стр. 16—17; № 35—36, стр. 17—18, 37—38).

[175] Там же, ф. 2168, д. 15, л. 8; д. 278, л. 185; ф. 2003, д. 1205, л. 130.

[176] Там же, ф. 2168, д. 276, л. 9; д. 278, л. 20.

лир и 800 винтовок, а Пужен — ограблен [177]. В это же время в район Авромана прибыл к курдам другой немецкий агент — капитан Саксон (с деньгами и военным снаряжением). Он пытался уговорить курдов выступить против русских, но безуспешно [178].

Германская агентура усиленно занималась в Курдистане пропагандой и шпионажем. «Одно из настойчивых обещаний немцев,— писал русский военный корреспондент,— было о наступлении на Тифлис, причем курдские беки в этом случае должны были получить генеральские чины и много денег.

Беженцы рассказывают о хорошо организованной связи между турко-немцами и нашими тыловыми курдами, причем правильное и непрерывное сообщение поддерживается через Дерсимскую горную область, где сидят немало курдских ханов, пользующихся покровительством русских комендантов Эрзинджанского района. Все, что творится у нас в России, хорошо известно турко-немцам» [179].

Несмотря на значительные усилия, туркам и немцам так и не удалось заставить основную массу курдского народа активно выступить против России. Они так же были далеки от этой цели в конце войны, как и в ее начале.

* * *

Россия в последний год своего участия в мировой войне была заинтересована в позиции турецких курдов не меньше, если не больше, чем в предыдущие годы. Объясняется это тем, что Россия уже была не в состоянии вести на восточно-анатолийском участке Кавказского фронта наступательные операции значительного масштаба. Поэтому стабилизация фронта, закрепление в завоеванных областях Малой Азии, внедрение в них русского влияния зависели теперь не столько от силы оружия, сколько от взаимоотношений с местным тыловым и прифронтовым населением, то есть в первую очередь с курдами. В этих условиях привлечение на свою сторону крупнейших курдских племен значило бы для России не меньше, чем прежде победы на полях сражений.

Это понимали руководители русской гражданской и воен-

---

[177] ЦГВИА, ф. 2168, д. 278, лл. 37—38; АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 26.
[178] Там же, ф. 2003, д. 1205, л. 128.
[179] «Воля народа», 4.X.1917.

ной администрации в завоеванных областях Турции. Шаховской, например, ратовал за привлечение на сторону России курдов Юго-Восточной Анатолии и особенно предводителя бохтанских племен Юсуфа Кямиль-бея, который имел большой авторитет во всем Курдистане и был известен как сторонник России. «То или иное отношение русской власти к находящимся в нашем районе курдам, — писал Шаховской в начале февраля 1917 г., — будет иметь огромное значение и влияние на позицию, которую займут курды относительно нас при возможном наступлении наших войск весной на юг». Для этого, по мнению Шаховского, следовало снабдить курдов продовольствием и семенами, оказать Кямиль-бею действенную военную помощь и предоставить ему право самому урегулировать внутренние дела в тех районах, где находились или через которые будут проходить русские войска, а также всеми мерами предотвращать вспышки армяно-курдской вражды, которая лила воду на мельницу врагов России и способствовала дискредитации в глазах курдов прорусски настроенных вождей. «Эти меры,— утверждал Шаховской,— радикально изменяют отношение курдов к России». «Очень важно,— считал необходимым особо заметить автор цитируемых строк,— чтобы при существующем еще несомненном недоверии курдов к русским и войска держали себя возможно корректнее относительно населения, симпатии которого приобрести очень легко». Рекомендации Шаховского по курдскому вопросу были одобрены великим князем [180].

Шаховской вступил в переговоры с Кямиль-беем. «Кямиль-бей,— сообщал Шаховской 9 (22) февраля 1917 г.,— надеется, что Бохтан будет находиться под покровительством России и что потомству Бедирхана-паши, в том числе и ему, будет обеспечено там известное положение, что вообще курды, если добровольно окажут содействие России, найдут в императорском правительстве благоприятного защитника их прав при будущих мирных переговорах» [181].

По распоряжению наместника Кямиль-бею, находившемуся тогда в Тифлисе, была увеличена субсидия до 750 руб. в месяц. Взамен он должен был установить контакт с курдами на турецкой территории, а также воздействовать на курдов оккупированных русскими войсками районов с целью убедить их подчиниться властям [182]. Вскоре Юсуфу Кямиль-

---

[180] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1915—1918 гг., д. 567, лл. 24—27.
[181] Там же, лл. 31—32.
[182] ЦГВИА, ф. 2168, д. 274, л. 14.

бею посулили ежемесячное содержание в сумме до 1 тыс. руб., «если он окажет существенные услуги», и выдали ему 3 тыс. руб. «как единовременное пособие за услуги, оказанные им в деле соглашения с курдами». Кямиль-бей, однако, расценивал свои заслуги перед Россией дороже и неоднократно обращался к властям с просьбами об увеличении субсидии и регулярной ее выплате[183].

Другим районом Турецкого Курдистана, где русские власти первоочередной задачей считали установление хороших взаимоотношений с местным населением, был Дерсим.

Русское командование было серьезно встревожено изменением отношения курдов Дерсима к России. В этом районе, как отмечалось ранее, авторитет России всегда был высок. Во время войны Дерсим оставался главным центром освободительного движения турецких курдов. После падения Эрзурума жители Дерсима, по словам офицера русской военной разведки Деваянца, ждали развития наступления русских войск на юг, «надеясь завоеванием Дерсима нашими войсками освободиться от турецкого ига, и местами даже сами перешли к активным действиям против ненавистных им турок». Но некоторые командиры русских частей своими неумелыми действиями, когда часто не делалось различия между али-илахами и протурецки настроенными племенами, подорвали престиж России и русского оружия в Дерсиме, в результате чего антирусская пропаганда в этом районе впервые нашла благоприятную почву. Поэтому командиры русских частей получили специальное предписание добиться сближения с курдами Дерсима. Было даже намерение, правда неосуществленное, прислать в Дерсим из Ирана преданного России муджтехида в качестве духовного главы али-илахов[184].

Русской политике в Турецком Курдистане большой ущерб

---

[183] Там же, лл. 15, 61, 64.

[184] ЦГВИА, ф. 2168, д. 274, лл. 11—13, 29; д. 277, лл. 16—18. Несмотря на то что необходимость скорейшего соглашения с турецкими курдами была ясна для представителей русских военных и гражданских властей в оккупированных районах Турции, в вопросах о методах «курдской» политики по-прежнему существовали разногласия. Так, например, если Шаховской и другие комиссары делали ставку на привлечение на свою сторону курдской феодально-племенной верхушки и укрепление власти и авторитета прорусски настроенных вождей, то командование Кавказской армии, наоборот, не питало никакого доверия к курдам-феодалам, предлагая делать упор на снабжение племен дешевыми потребительскими товарами. «Необходимо принять меры — писал командующий Кавказской армией, — к умалению власти и значения местных курдских беков, которые все держат сторону турок и сильно угнетают простой народ» (там же, л. 39).

наносило нежелание царизма, а в дальнейшем буржуазного Временного правительства содействовать разрешению армянского и курдского вопросов на демократической основе. Официальная поддержка и предпочтение, оказываемые русскими властями армянским националистам, исходили из расчетов облегчить осуществление империалистических замыслов в Восточной Анатолии, а не содействовать реализации национальных чаяний армянского народа. Свидетельством этому было враждебное отношение русских властей к сближению курдов и армян, без чего невозможна была нормализация обстановки в Восточной Анатолии.

Примечательно, что не только передовые деятели армянского национального движения, но и многие курдские вожди доказывали русским властям необходимость соглашения между армянами и курдами. Об этом, например, говорилось в письме Кязыма Бадр-хана командиру одной из русских частей подполковнику Шардильи от 29 сентября (12 октября) 1917 г.[185]. Однако русские власти держались другого мнения. Начальник Дерсимского района князь Гаджемуков, отмечая, что армянские организации внушали курдам мысли об автономии и о необходимости поддержки курдами армянского революционного движения, писал: «Попытки армян захватить курдов в сферу своего исключительного влияния и заставить последних работать в интересах будущего создания независимой Армении должны считаться нетерпимыми»[186]. На противопоставление армян курдам и другим мусульманским народам Восточной Анатолии и на предпочтение по отношению к армянам нацеливала русские власти и инструкция, одобренная Временным правительством в конце мая 1917 г.

В этом документе, подписанном исполнявшим обязанности генерального комиссара «в областях Турции, занятых по праву войны» генералом П. И. Аверьяновым и его помощником Я. Х. Завриевым, говорилось, что Временное правительство «считает искони армянскими вилайетами Ванский, Битлисский и Эрзерумский» и что следует принимать меры «к обратному заселению» этих областей армянами с устройством их там. Далее инструкция гласила: «Что касается турок, курдов и лазов, то, не имея целью создавать каких-либо затруднений для оставшихся в названных областях или ушедших в пределы России, оказывая им законное содейст-

[185] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1915—1918 гг., д. 567, лл. 34—47.
[186] ЦГВИА, ф. 2168, д. 274, л. 3.

вие и покровительство, надлежит, тем не менее, в целях военного обеспечения армии и для предотвращения возможных национальных осложнений, не допускать впредь до особого распоряжения обратное водворение тех из них, кои ушли вместе с турецкими войсками»[187].

С другой стороны, попытки русских властей в завоеванных районах Турции наладить отношения с курдскими племенами и использовать их против турецкой армии вызвали опасения и недовольство в армянских националистических кругах, выступивших с обвинениями, что Россия якобы переориентировалась с армян на курдов. Огонь критики направлялся в основном в адрес командующего I Кавказским корпусом генерала Калитина и начальника Дерсимского района Гаджемукова. При этом армянская печать оперировала такими фактами, как снабжение курдов оружием, привлечение их для охраны порядка, препятствия, чинимые возвращению армян в покинутые ими ранее районы, в частности в Дерсим, и переселению их во вновь завоеванные области Турции[188]. Независимо от того, насколько все эти нарекания справедливы, совершенно очевидно, что правящие круги России продемонстрировали, во-первых, полную неспособность разрешить крайне острые и запутанные национальные противоречия в Восточной Анатолии, что было необходимым условием успешного ведения войны и закрепления в завоеванных районах Турции, а во-вторых, враждебное отношение к национальным чаяниям как армянского, так и курдского народов.

Таким образом, империалистическая политика царизма и Временного правительства на востоке Малой Азии в период первой мировой войны в целом потерпела неудачу.

Гораздо более благоприятная для России ситуация складывалась в Иракском Курдистане, к границам которого русские войска вплотную подошли в 1917 г. Здесь в отличие от Турции и Ирана отсутствовали такие факторы, осложнявшие отношения России с курдами, как армянский вопрос и оккупационный режим[189].

Удобные возможности для этого дало восстание Махмуда

---

[187] АВПР, ф. «Политархив», 1917 г., д. 4129, л. 2.

[188] См. «Армянский вестник», 1917, № 29—30, стр. 16—17; № 34, стр. 2—5; № 35—36, стр. 5.

[189] Лишь в отдельных районах Ирака, куда доносились слухи (часто раздуваемые турецкой агентурой) о чинимых казаками поборах и реквизициях, отмечалось недружелюбное отношение курдов к России (см.: «Review of the civil administration of Mesopotamia», p. 44).

Барзанджи. Минорский, занимавший одно время пост временного поверенного в делах в Тегеране, указывал на необходимость поддержки «сепаратистского» движения курдов Сулеймании, обещая им гарантии автономии под иранским суверенитетом, к которому были склонны местные беи. Это, по мнению Минорского, позволило бы России установить контроль над участком Багдадской железной дороги, проходящим в Месопотамии вблизи русской зоны в Иране [190].

Вскоре иракские курды сами обратились за помощью к России. Сейид Абдулла, поднявший, как уже указывалось выше, восстание в Мосульских горах, направил вице-консулу в Урмии Никитину письмо, в котором сообщил, что он организовал (еще в Стамбуле) комитет «Истихлясе-Курдистан» («Освобождение Курдистана»), ставивший своей целью «добиться освобождения курдов от турецкого ига». «Несмотря на предложение арабов отдаться подобно им под защиту англичан,— писал Абдулла,— комитет постановил обратиться к России и ждет ее ответа, чтобы начать изгнание турок» [191].

Это обращение встретило весьма благоприятные отклики у русских властей в Иране. «Считаю очень важным дружить с курдами,— подчеркивал Минорский,— особенно с военной точки зрения, ввиду предстоящего наступления на Мосул... Сейчас не время считаться со старыми предрассудками,— продолжал он,— и нельзя отказать курдам в праве на самоопределение. Искренне убежден, что курды очень способный народ с ярко выраженной национальностью» [192].

Таким образом, Минорский изменил свое прежнее мнение, хотя и с большим опозданием, о необходимости негативного отношения к курдским национальным требованиям.

Предложение Минорского оказать помощь иракским курдам было одобрено командующим Кавказской армией. Последний поручил Никитину вести переговоры с Сейидом Абдуллой. Однако было решено не давать никаких конкретных обязательств оказывать Абдулле материальную помощь, пока он «...не выступит против турок» [193].

С этим не был согласен Минорский, который рассматривал проблему взаимоотношений с курдами гораздо шире. «...Главное значение,— писал он,— надо придать не вооору-

---

[190] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 548, л. 6.

[191] АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 150, л. 190; Архив В. П. Никитина, папка I («Les kurdes et le Kurdistan», pp. 24—25).

[192] АВПР, ф. «Персидский стол», 1914—1917 гг., д. 150, л. 206.

[193] Там же, л. 219.

женному выступлению курдов, а их дружественности к нам. Все местные выступления начальных ополчений доныне имели мало пользы, но крайне важно замирение страны, помощь продовольствием и проводниками. Важно для мусульман признание прав их самоопределения»[194].

Вслед за этим контакт с русскими (и англичанами) возобновил сам Махмуд Барзанджи, который предложил организовать нападения курдов на тылы турецкой армии и снабжать продовольствием наступавшие русские части[195]. Переговоры вождей иракских курдов с русскими представителями в Иране продолжались еще некоторое время, причем комитет «Истихлясе-Курдистан», который представлял в очередной раз переменивший фронт шейх Та, предложил Никитину содействовать объединению военных усилий России и курдов для совместных действий против Турции с целью освобождения Курдистана[196].

Однако из всех этих планов ровно ничего не вышло. Столь успешно начавшиеся переговоры между русскими представителями в Иране и вождями Иракского Курдистана были прерваны в результате революционных событий в России и последовавшего вслед за ними отвода русских войск из Ирана.

Наиболее сложной и напряженной в последний год существования Кавказского фронта была обстановка в Иранском Курдистане. В отличие от Турецкого и Иракского Курдистана, здесь и в 1917 г. Россия вела военные действия, что, естественно, отразилось и на положении местного курдского населения, и на его отношении к русским властям.

Во время операций русской армии в районе Керманшаха — Хамадана — Ханекина весной 1917 г. и наступления на Мосульском направлении в июне того же года имели место враждебные выступления большинства местных курдских племен, которые совершали нападения на тылы и коммуникации русских войск[197].

В частности, большие затруднения доставили русским войскам племена района Сенне, которые несли у турок службу связи и по горным тропам переправляли оружие из Турции в Иран. В связи с этим в Сенне был послан отряд

---

[194] Там же, л. 233.

[195] ЦГВИА, ф. 2003, д. 548, л. 55.

[196] Архив В. П. Никитина, папка I («Les Kurdes et le Kurdistan», p. 195).

[197] Н. Г. Корсун, *Первая мировая война на Кавказском фронте*, стр. 83; ЦГВИА, ф. 2003, д. 1205, л. 128.

персидских казаков во главе с есаулом Мамоновым, который успешно выполнил свою задачу[198]. Причины враждебной позиции южноиранских курдов заключались как в подстрекательской деятельности турецко-германской агентуры и ее сторонников в иранском правительстве, так и в действиях русских оккупационных войск, особенно казачьих частей.

Командующий Кавказской армией генерал Н. Н. Юденич в конце апреля 1917 г. издал приказ о проведении карательных экспедиций против непокорных племен. На этой почве в ряде мест, особенно в Керенде и в округах Махидешт и Гиверидж, произошли столкновения между русскими войсками и курдами, вызвавшие большое число жертв. Много стычек с курдами отмечалось также при очищении русскими войсками Ханекина и Касре-Ширина в конце июня 1917 г.[199].

В северной части турецко-иранской границы русско-курдские отношения тоже были напряженными. Здесь несколько раз проводились военные операции против араратских курдов, причем в них принимали участие макинские курды, находившиеся в кровной вражде с араратскими. Кстати сказать, в Макинском ханстве положение в указанный период было вполне спокойным и сердар даже выразил полную готовность сотрудничать с русскими властями[200]. Зато к юго-западу от Маку нередко происходили столкновения между курдами и русскими войсками. Курды совершали нападения с иранской территории даже на Баязид, и сердар, несмотря на требования русских властей, бессилен был что-либо предпринять. «Необходимы решительные военные меры с нашей стороны»,— писал управляющий вице-консульством в Маку[201].

Широкое применение командованием русских войск в Иране карательных мер против курдов вызывало решительное возражение со стороны главы русской миссии в Тегеране и консула в Керманшахе Черкасова. Они считали, что эти

---

[198] А. Г. Емельянов, *Персидский фронт (1915—1918)*, Берлин, 1923, стр. 31.

[199] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, лл. 326, 430; А. Г. Емельянов, *Персидский фронт (1915—1918)*, стр. 153. В то же время южноиранские курды боролись против русских войск неорганизованно и без единого плана. Как отмечал А. Г. Емельянов, «действия многочисленных племен Курдистана не были объединены. Наши военные успехи порождали друзей, неудачи — врагов» [А. Г. Емельянов, *Персидский фронт (1915—1918)*, стр. 154].

[200] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 54, л. 229.

[201] Там же, л. 232.

меры не только бесполезны, но и вредны, ибо вызывают озлобление курдов против России[202].

Главнокомандующий войсками Кавказского фронта Юденич пытался оправдать карательную политику русского командования в южных районах Иранского Курдистана нападением курдов на русские войска. «При таком положении,— писал Юденич министру иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко 7(20) июня 1917 г.,— курды не могут рассматриваться иначе, как враждебные нам элементы, почему и является необходимым производить внезапные экспедиции для их наказания»[203].

Однако Минорский, Черкасов и некоторые другие представители русских гражданских властей в Иране продолжали отстаивать свою точку зрения. «Лично всецело стою за дипломатические меры, — писал Минорский в июле 1917 г. Действия силой, нетерпеливость и изменчивость нашей политики с курдами не дали нигде добрых результатов... Нахожу карательные экспедиции вредными, ожесточающими, не достигающими цели и только в политике вижу исход»[204]. Черкасову Минорский писал о необходимости стремиться не к присоединению курдов к операциям русских войск, а к их благожелательному нейтралитету, для чего следует в первую очередь заботиться об облегчении крайне тяжелого положения крестьян — райетов, в то время как по отношению к ханам и беям следует по-прежнему применять метод «восточной» политики (денежные субсидии, посулы и пр.)[205]. Для этих целей командование Кавказской армией просило Верховное главнокомандование отпустить необходимые суммы денег[206].

Надо сказать, что командование русских войск в Иране, в частности генерал Баратов и его штаб, вскоре сами убедились в неэффективности репрессивных мер по отношению к курдам. Курды уходили в труднодоступные горные районы и оттуда производили диверсионные вылазки, русские войска, вынужденные в ряде районов отступить, не имели ни сил, ни возможности привести все племена к покорности. Престиж и влияние России среди южноиранских курдов быстро падали.

---

[202] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 564, л. 3; ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, л. 326.

[203] Там же, д. 30, лл. 10—12.

[204] Там же, л. 14.

[205] Там же, лл. 18, 25.

[206] ЦГВИА, ф. 2003, д. 548, л. 152.

Этим незамедлительно воспользовались англичане. С начала 1917 г. английские агенты развернули энергичную деятельность среди курдских племен Западного Ирана, находившихся в сфере действия русских войск. Филиппс Прайс и доктор Паккард посетили Курдо-бека, стараясь привлечь его на сторону Англии, но потерпели неудачу [207]. Более успешны были действия англичан среди южноиранских курдов. При помощи подкупов и посулов англичане добились расположения вождей многих племен Иранского Курдистана, в том числе могущественного племени кельхор. Русский агент в Касре-Ширине Левкиевский, отмечая, что Россия не может успешно конкурировать с Англией в Юго-Западном Иране, ввиду отсутствия материальных и иных средств к этому, писал: «Англичане весьма успешно проводят свое влияние в Курдистане и по миновании военного времени, с уходом наших войск из Персии, весьма прочно осядут в сих областях, из которых они намерены устроить как бы оплот против покушений на завоевываемую ими ныне Месопотамию». Левкиевский советовал срочно принять меры и в связи с этим с большой похвалой отозвался о деятельности консула в Керманшахе Черкасова, который пользовался значительным влиянием среди местного населения, духовенства и знати, а также среди ханов кочевых племен [208].

Одно время русские власти рассчитывали поправить свои дела в Иранском Курдистане с помощью Салара од-Доуле, который должен был оказать влияние на курдов. С Саларом начали вести переговоры. Он потребовал от России деньги, губернаторский пост и официальное покровительство. Однако миссия в Тегеране не захотела иметь дело с Саларом как с «авантюристом» [209].

Тогда, по инициативе русской миссии, было решено предпринять смелый и решительный шаг, который увенчался большим успехом. В юго-западные районы Иранского Курдистана, граничившие с Ираком и Турцией, был командирован полковник Захарченко для налаживания взаимоотношений с местными племенами и содействия, по словам Эттера, «национальному самоопределению турецких курдов. Мы не ищем завоевания, а лишь содействуем естественным стремлениям турецких курдов, которым, между прочим, вы-

---

[207] Архив В. П. Никитина, папка IV.

[208] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 8.

[209] Там же, д. 571, лл. 1—13; ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, л. 454.

годнее было бы быть под персидским сюзеренитетом». Захарченко должен был посетить весь район действия русских войск, двигавшихся к Сулеймании. Минорский предлагал присвоить ему звание «комиссара по курдским делам» и отпустить кредиты на это «важное в военном и политическом отношении» дело[210]. Министерство иностранных дел не возражало против командировки Захарченко, но соглашалось именовать его лишь «агентом миссии по курдским делам», а не комиссаром, на что потребовалась бы «особая санкция»[211].

Здесь надо сказать, что, хотя после Февральской революции империалистическая сущность внешней политики России, в частности в Курдистане, не изменилась, власти на местах получили возможность применять более гибкие, а стало быть, и более действенные методы, умело используя демократическую фразеологию и иллюзии народных масс в связи с крушением царского режима. Это особенно ярко проявилось в южных районах Иранского Курдистана.

Поездка Захарченко началась в июне 1917 г. Во изменение своих первоначальных планов он сосредоточил основное внимание на иранских курдах. Уже первые результаты деятельности Захарченко давали большую надежду на успех. Все племена между Касре-Ширином и Керманшахом изъявили готовность дружить с Россией и помогать ей. Даже наиболее враждебно относившиеся к России племена сенджаби, калхаи и другие встретили русского эмиссара дружелюбно, выражая свое желание договориться с Россией. «Завел сношения с мориванами, посылаю письма племенам до Маку»,— писал Захарченко в конце июня. Минорский, выражая сомнения в прочности соглашений, заключенных Захарченко с курдскими вождями, на возможность дальнейших переговоров с курдами смотрел все же оптимистично. «Риск, конечно, есть,— писал Минорский,— но есть и выгоды. Мы можем обращаться к свободолюбивым чувствам курдов и обещать содействие самоопределению и автономии». Для этого, по мнению Минорского и Эттера, необходимо было снабдить Захарченко в необходимом количестве денежными средствами, что сократило бы и военные издержки России в Иране[212].

В Министерстве иностранных дел с удовлетворением

---

[210] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 5.

[211] Там же, л. 6.

[212] Там же, лл. 20, 26; ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, лл. 415, 454.

встретили весть об успехе Захарченко. Товарищ министра Нератов одобрил предложение Минорского об официальной поддержке Россией национальных чаяний курдского народа [213].

Между тем Захарченко продолжал расширять начатое дело. В Керманшахе он организовал комитет, в составе которого находились по одному представителю от каждого племени, города и солдатского комитета. Этот комитет должен был регулировать отношения племен и жителей с русскими войсками и консулом. «Вчера отдан приказ считать всех курдов нашими друзьями»,— писал Захарченко в своем отчете [214].

В первой половине июля Захарченко объехал племена сенджаби, гурани, кельхор и другие, встретился с их вождями (сердаром Решидом, Аббасс-ханом и др.). Ему удалось получить от них письменные уверения в дружбе с Россией. Курды начали спускаться с гор, приносить русским войскам продовольствие.

Результатом усилий Захарченко явился первый в истории Курдистана съезд курдских вождей, которые «собираются вместе для закрепления общей дружбы с Россией» [215]. Этот съезд был созван 17 июля 1917 г. в селении Биндар; он продолжался три дня. На нем присутствовал личный представитель генерала Баратова — Кавтарадзе, а также наблюдатели от России, Англии и Ирана [216]. На съезд прибыло более 2 тыс. курдов. Курдские вожди, по словам Захарченко, «выражали любовь к родине, дружбу к России и ее союзникам... играли народные гимны, иллюминации, фейерверки, дружественные беседы». 20 июля на встрече с делегатами съезда Баратов санкционировал создание русско-курдского комитета для урегулирования взаимоотношений [217].

---

[213] ЦГВИА, ф. 2003, д. 548, лл. 129—130.

[214] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 31.

[215] Там же, л. 39.

[216] Как писал «Армянский вестник», в достижении соглашения с иранскими курдами известную роль сыграла демократическая партия Ирана («Армянский вестник», 1917, № 29—30, стр. 12—13).

[217] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 42. «Существо речей ген. Баратова и вождей курдов — отмечал Емельянов, — сводилось к желательности выработки особых русско-курдских соглашений, на основании которых для обеих сторон должна быть установлена свобода передвижений. Между нашими войсками — с одной стороны, и курдским населением— с другой, отныне должны быть самые искренние и дружественные отношения, причем каждый курд мог свободно передвигаться в районе расположения войск корпуса, а русские казаки и солдаты могли быть в пределах Курдистана безопасно идти всюду, куда бы их ни привели

Во второй половине июля и в августе Захарченко вел переговоры с курдами Сенне. Ему удалось (несмотря на контрпропаганду турецко-германской агентуры) заключить соглашение с мирванами, авроманами и другими племенами Керманшахского района [218]. По отзыву Минорского, «заключенное Захарченко с керманшахскими курдами соглашение далеко от совершенства, но оно безусловно очень умерило их нападения на нас, а соответственно ответные жестокие насилия солдат прекратились» [219]. В приказе Баратова говорилось, что в Керманшахском районе не было ни одного случая нарушения соглашения, а в Курдистанском — такие случаи были крайне редки [220].

Наибольшим достижением русской политики среди южноиранских курдов был съезд 27 курдских племен, созванный благодаря усилиям Захарченко в Дадоне (в окрестностях Сенне) 4 сентября 1917 г. [221] На нем присутствовал сам Баратов. Он подписал с курдскими ханами официальное русско-курдское соглашение. Основное содержание этого соглашения, по словам Баратова,— «объединение всех курдских племен и предоставление их сил на защиту родины. Залогом неприкосновенности Персии,— отмечал далее Баратов,— служит дружба свободной России. Вывод: объединенные курдские племена Курдистана и Керманшаха, прежде враждебные нам, отныне в полной дружбе с нами и готовы защищать границы Курдистана» [222].

В успехах, достигнутых Россией среди курдов Юго-Западного Ирана летом 1917 г., не было ничего неожиданного или случайного. Стоило только пойти навстречу национальным требованиям курдского народа, поддержать идею автономии или самоопределения курдов и отказаться от

военные обстоятельства. Население и ханы за плату по рыночным ценам должны были продавать нашим войскам продовольствие в фураж» (А. Г. Емельянов, *Персидский фронт (1915—1918)*, стр. 157). Однако в описании Емельянова детали этой встречи несколько иные, чем их изображал в своих донесениях Захарченко. По словам Емельянова, Баратов вступил в переговоры с вождями Южного и Западного Курдистана еще весной 1917 г. Далее он пишет, что встреча произошла 6 июля 1917 г. (по-видимому, старого стиля) и что на ней присутствовал сам Баратов. Думается, что донесения Захарченко более точно отражают обстоятельства встречи, чем воспоминания Емельянова, написанные несколько лет спустя.

[218] Там же, л. 59.

[219] Там же, л. 75.

[220] А. Г. Емельянов, *Персидский фронт (1915—1918)*, стр. 157.

[221] Емельянов утверждал, что съезд был 10 августа (вероятно, по старому стилю) (А. Г. Емельянов, *Персидский фронт*, стр. 159).

[222] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 30, л. 76.

карательных методов, как племена круто переменили фронт и согласились сотрудничать с Россией.

Однако далеко не во всех районах Иранского Курдистана русские гражданские и военные власти отказались от старых методов. В Приурмийском округе и в Маку осенью 1917 г. положение стало очень напряженным. Курдские племена, жестоко страдая от голода, участили нападения на мирных жителей и русские части, главным образом с целью добычи продовольствия. Ухудшились отношения курдов с армянами и ассирийцами; между ними происходили многочисленные столкновения. Применение силы русским командованием только ухудшало обстановку. Было, например, решено полностью очистить от курдов район Мергевера, где они составляли большинство населения. Миссия в Тегеране решительно выступила против этой меры, которая, по словам посланника Эттера, «...приводит нас к чисто средневековым методам политики и может еще больше озлобить курдов» [223].

Местные русские власти, особенно консул в Маку Голенищев-Кутузов, тем не менее продолжали настаивать на посылке карательных экспедиций против курдов [224]. Эттер решительно протестовал. «По донесению из Маку 21 августа за № 1011 по вопросу о курдских грабежах,— писал он в МИД 12(25) сентября,— миссия считает, что раз «главной причиной грабежей является сильный голод» то помочь делу «карательной экспедицией» нельзя и несправедливо. Необходимы гражданские меры выдачи курдам муки или хлеба, что гораздо более будет содействовать и популярности новой русской политики» [225].

С целью сохранения и укрепления русского влияния в Иранском Курдистане миссия в Тегеране и командование русскими войсками в Иране требовали скорейшего назначения русских консулов в Хамадан, Сенне, Дильман и в другие пункты [226].

Однако дни господства российского империализма в Северном и Западном Иране были уже сочтены. Рост революционного кризиса в России осенью 1917 г., разложение русской армии, в том числе и частей, дислоцированных в Иране,

---

[223] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1916 г., д. 281, л. 113; ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 565, лл. 16—17; см. также: А. Г. Емельянов, *Персидский фронт (1915—1918)*, стр. 159.

[224] АВПР, ф. «Персидский стол Б», 1917 г., д. 33, лл. 9—11.

[225] Там же, л. 13.

[226] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1917 г., д. 52, л. 551.

сделали невозможной продолжение колонизаторской политики в Иранском Курдистане.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к освобождению Ирана, в том числе и его курдских провинций, от российского колониального гнета. Согласно пункту X договора о перемирии, заключенного в Брест-Литовске 15 декабря 1917 г., русские и турецкие войска должны были покинуть пределы Ирана[227]. Советское правительство, решительно покончившее с империалистической политикой царского и Временного правительства на Ближнем Востоке, честно выполнило условия перемирия и в первые месяцы 1918 г., несмотря на сопротивление различных контрреволюционных сил, закончило вывод русских войск из Ирана[228]. Турция же использовала Северо-Западный Иран как плацдарм для проведения интервенции в Закавказье. В 1918 г. значительная часть Иранского Курдистана была вновь оккупирована турецкими войсками.

Договор о перемирии между русской и турецкой армиями, действовавшими на Кавказском фронте, подписанный в Эрзинджане 18 декабря 1917 г., устанавливал демаркационную линию, соответствовавшую фактическому положению на фронте к этому времени[229]. Пункт 11 договора гласил: «Турецкое правительство принимает на себя обязательство приложить все усилия к тому, чтобы заставить курдов в точности выполнить все условия настоящего договора. В случаях враждебных действий курдов русские войска в пределах своей демаркационной линии будут поступать с ними, как с разбойниками, не признающими никакой власти»[230]. Турецкое командование, однако, не выполнило это условие, и вообще договоры о перемирии между Россией и центральными державами в силу известных событий оказались недолговечными.

Турции удалось временно восстановить свои позиции также и в курдских районах Восточной Анатолии. По Брест-Литовскому мирному договору от 3 марта 1918 г. к Турции

---

[227] «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 51.

[228] См.: Л. И. Мирошников, *Английская экспансия в Иране (1914—1920)*, стр. 50 и сл.

[229] Текст договора и акта о демаркационных линиях см.: «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 53—57.

[230] Там же, стр. 55.

отходили все приобретения, сделанные Россией на востоке Малой Азии как до, так и во время войны [231]. В период предпринятой Энвер-пашой Закавказской интервенции Турция захватила и те населенные курдами районы, которые прежде входили в состав Российской империи. Однако военный разгром Турции и Мудросское перемирие (30 октября 1918 г.) привели к освобождению части территории Курдистана от турецкой оккупации. Короче говоря, с конца 1917 г. история турецкой и иранской частей Курдистана была тесно и неразрывно связана с историей гражданской войны и иностранной военной интервенции в России, а несколько позже — и с историей национально-освободительных движений в Турции и Иране, развернувшихся под влиянием Великого Октября.

* * *

Несколько по-иному обстояло дело с Иракским Курдистаном. Британские экспедиционные войска после взятия Багдада начали медленно продвигаться на север и достигли к ноябрю 1917 г. Тикрита, на полпути между Багдадом и Мосулом. Здесь, на границе Иракского Курдистана, фронт надолго стабилизировался, поскольку британские войска были измотаны многочисленными боями в тяжелых для них климатических условиях. Тем большее значение для английских оккупационных властей приобретала позиция иракских курдов.

Многочисленная английская агентура развернула в 1917—1918 гг. широкую пропаганду среди арабских и курдских племен Ирака с целью привлечь их на сторону Англии и побудить их выступить против турецких войск. В общем англичанам удалось обеспечить поддержку или лояльный нейтралитет большинства племен Центрального и Северного Ирака, что облегчило продвижение британских войск на север, особенно в самом конце кампании, в октябре 1918 г., во время наступления от Тикрита на Мосул. В то же время политика британских колонизаторов в Ираке с самого начала была направлена на подчинение твердой власти прежде полунезависимых племен, ограничение их самостоятельности и прав. Британское командование и гражданская администрация пытались даже снизить боеспособность племен. Короче говоря, делалось все, чтобы

---

231 Там же, стр. 199—204.

племена, особенно курдские, не смогли бы в будущем чинить помехи для полного колониального закабаления Ирака Англией [232].

Все эти действия, несмотря на демагогическую фразеологию и маскировочные приемы, не могли скрыть колонизаторских целей Англии в Ираке. Немцы и турки в свою очередь использовали всякий удобный повод для антибританской пропаганды среди иракских курдов. Декларацию главнокомандующего британских войск в Ираке генерала Мода к жителям Багдада от 19 марта 1917 г., свидетельствующую об аннексионистских намерениях Англии по отношению к Ираку и по своей сути направленную против арабского национально-освободительного движения, германо-турецкая агентура, «разъясняла» курдам таким образом, что англичане игнорировали существование курдской нации и уготовили курдам участь быть подчиненными и угнетаемыми арабами [233]. Поэтому отношения между английскими властями и курдами даже еще до окончания военных действий на Месопотамском фронте нередко бывали довольно напряженными.

Например, все попытки англичан привлечь на свою сторону езидов Синджара и побудить их под руководством британского офицера напасть на турецкие коммуникации не имели никакого успеха. Только после взятия англичанами Ханекина им удалось добиться нейтралитета езидов и договориться с вали Пушт-и-Куха [234].

Нередко между английскими войсками и иракскими курдами происходили вооруженные столкновения. Так, племена, обитавшие вдоль иранской границы, нанесли англичанам весной и летом 1918 г. ряд поражений. Против этих племен британские власти выслали карательные отряды с авиацией [235].

В то же время англичане пытались установить контакты с курдской верхушкой. В июне 1918 г. видный британский колониальный деятель Перси Кокс, который был первым гражданским комиссаром Англии в Ираке, вел в Марселе переговоры с генералом Шериф-пашой о создании

---

[232] См. М. С. Лазарев, *Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.)*, М., 1960, стр. 181—184, 218—219.

[233] A. T. Wilson, *Loyalties Mesopotamia 1914—1917...*, London, 1931, pp. 266—267.

[234] Ibid., p. 262.

[235] АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1916 г., д. 281, лл. 115—117.

курдской автономной провинции[236]. Английская администрация в Ираке стремилась приблизить к себе и некоторых наиболее влиятельных курдских вождей, в том числе Махмуда Барзанджи.

В начале ноября 1918 г. английские войска, уже после Мудросского перемирия и вопреки его условиям оккупировавшие Мосул и Мосульский вилайет, захватили весь Иракский Курдистан. С этого времени в истории иракских курдов начался новый этап, проходивший под знаком борьбы против английских колонизаторов и послушных исполнителей их предначертаний — правящей реакционной верхушки королевского Ирака.

Таким образом, к концу первой мировой войны угроза колониального порабощения всего курдского народа империалистическими державами значительно усилилась. Эта угроза исходила не только от империалистов Западной Европы, но и от Соединенных Штатов Америки, о чем свидетельствовали известные «14 пунктов» президента Вильсона и последующие шаги американской дипломатии на Ближнем Востоке. Империализм янки, прикрываясь псевдодемократической фразеологией, намеревался вытеснить с ближневосточной арены своих европейских конкурентов, ослабленных в ходе мировой войны, и утвердить здесь экономическое и военно-политическое преобладание США[237].

Времена, однако, изменились. Коренной поворот в истории человечества, происшедший под влиянием Великого Октября, оказал большое влияние на судьбу курдского народа. Основная линия в новейшей истории курдов: антиимпериалистическое национально-освободительное движение, борьба против внутренней и внешней реакции за свои национальные чаяния, социальный прогресс и демократические права. Курдская проблема с этих пор получила совсем иной смысл и содержание.

---

236 «Review of the civil administration of Mesopotamia» (by G. Bell), p. 60.

237 О дипломатической борьбе держав Антанты, в том числе США, за «турецкое наследство» в конце первой мировой войны см.: М. С. Лазарев, *Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.)*, стр. 190—202.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Курдистан в конце XIX — начале XX в. стал одним из наиболее «беспокойных» районов Ближнего Востока, ареной острых национальных и классовых коллизий, осложненных прямым и косвенным вмешательством империалистических держав. Важнейшей причиной трагических событий, происходивших в Курдистане в этот период, была неспособность правительств Османской империи и Ирана разрешить курдский вопрос, нежелание удовлетворить насущные нужды и требования курдского народа. Они заботились лишь об укреплении своего господства.

Возникновение курдской проблемы было вызвано в первую очередь освободительным движением курдских племен, принявшим наибольший размах в Османской империи. Правда, в 90-х годах XIX и на рубеже XX вв. курдские движения, руководимые феодальными вождями, преследовавшими своекорыстные цели, были стихийными, разрозненными, неорганизованными, в целом они не носили национального характера. Тем не менее курдские восстания были важным фактором, подрывавшим основы турецкого господства в Курдистане, ослаблявшим реакционную Османскую империю и султанское самодержавие.

В эпоху «Пробуждения Азии» курдское движение перешло на более высокую ступень. Появились курдские национальные политические организации. Впервые начала пропагандироваться необходимость всенародного общекурдского восстания и образования единого курдского национального государства.

Мощные восстания охватили целые области Курдистана (Дерсим, Битлисский вилайет, Иракский Курдистан и др.). Курды подчас солидаризировались и объединялись с другими народами, боровшимися за свое освобождение от ига Османской империи,— с армянами, арабами, ассирийцами (айсорами). Однако и в этот период многие курдские дви-

жения объективно играли реакционную роль (так как были направлены против революционных преобразований в Турции и Иране). Курдские восстания по-прежнему были разъединенными, возглавлялись влиятельными феодалами, которые ориентировались на помощь и прямую поддержку империалистических держав.

К началу первой мировой войны курдское освободительное движение в Турции и Иране потерпело поражение.

Турецкие правящие круги, как до, так и после младотурецкой революции 1908 г., с одной стороны, жестоко подавляли курдские движения, с другой — пытались их использовать в своих внутри- и внешнеполитических планах, главным образом для подавления армянского освободительного движения и экспансии в Западном Иране. Эта политика в конечном итоге полностью провалилась. Репрессии не только не устрашали курдов, но вызывали новые восстания, углубляли пропасть между курдским народом и турецким правительством. Превратить курдов в верных слуг султана тоже не удалось. Иррегулярные курдские формирования хамидие начали вскоре угрожать внутренней безопасности государства. Разжигаемая же властями курдо-армянская вражда привела к полной разрухе и анархии во всей Восточной Анатолии и к усилению вмешательства великих держав во внутренние дела страны.

Что же касается иранского правительства, то оно вынуждено было занимать оборонительную позицию в курдском вопросе. Это привело в конце концов к утрате центральной властью даже видимости суверенитета в западных провинциях страны, где хозяйничали и враждовали между собой турки, русские и англичане.

К наступлению эпохи империализма курдская проблема приобрела международный характер, в первую очередь затрагивая интересы царской России. Она заняла видное место и в экспансионистской политике английских и германских империалистов на Ближнем Востоке. Острая борьба держав не дала преимущества ни одной из них, но зато еще более осложнила курдский вопрос, значительно ухудшила и без того напряженное положение в Курдистане.

Державы Антанты — Россия и Англия не сумели закрепиться в Курдистане. Особенно наглядно это обнаружилось во время первой мировой войны. Отказ России от поддержки антиправительственных выступлений турецких курдов и ее враждебное отношение к иранским курдам оттолкнули от нее большинство племен. Поражение турецкой ар-

мии на Кавказском фронте покончило и с германским влиянием в Курдистане. Англичанам, правда, удалось получить поддержку от иракских курдов во время наступления на Месопотамском фронте, но прочно утвердиться в Иракском Курдистане они так никогда и не смогли. Таким образом, курдская проблема осталась в наследие от потерпевших полный крах Османской империи и каджарского Ирана.

В новейшее время империалистическое вмешательство в Курдистане значительно усилилось.

После первой мировой войны державы Антанты, в нарушение своих обещаний курдам о предоставлении независимости, зафиксированных в Севрском договоре, поделили Курдистан между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Одно время правящие круги Англии поддерживали лозунг «независимого Курдистана», но отнюдь не из желания помочь курдам в достижении подлинной независимости, а в целях укрепления британских позиций на Ближнем Востоке и, в частности, отторжения от Турции нефтеносной Мосульской области. В Ираке, где Англия сама или через своих доверенных лиц из местной буржуазии и феодалов правила в течение 40 лет, она неоднократно вооруженной силой подавляла выступления курдов, требовавших равноправия с арабами и удовлетворения других минимальных прав курдского народа. Так, в начале 20-х годов англичане потопили в крови автономистское движение курдов Сулеймании, возглавляемое шейхом Махмудом Барзанджи. Британские вооруженные силы участвовали в карательных экспедициях против иракских курдов и в последующее время (в 1929—1932 гг., 1933 г. и т. д.). В конце и после второй мировой войны США и Англия были инициаторами и непосредственными организаторами разгрома национально-освободительного движения курдов Ирана и Ирака. Империалистическая агентура разжигает в Курдистане национальную вражду, в частности между курдами и арабами, и вообще всячески использует курдскую проблему для претворения в жизнь своих колонизаторских планов на Ближнем Востоке.

Надо сказать, что нежелание правящих кругов Ирака, Ирана и Турции удовлетворить национальные чаяния курдского народа создает весьма благоприятную обстановку для подрывной деятельности англо-американских и иных империалистов как в самом Курдистане, так и на всем Ближнем Востоке.

Англия, в частности, связавшись с отдельными элемен-

тами курдской феодальной верхушки, пыталась использовать в своих интересах некоторые выступления курдов Турции и Ирана в 20—30-х годах.

Но наличие привходящих влияний в курдских движениях ни в коем случае не может служить оправданием для тех крайне националистических кругов некоторых ближневосточных стран, чья шовинистическая политика по отношению к курдам, во-первых, дает империалистическим державам удобные поводы для вмешательства, во-вторых, развязывает руки правым силам в этих странах, приводит к упадку демократических институтов и в конце концов способствует созданию обстановки, благоприятной для подчинения этих стран империализму, торжества реакции в их внутренней и внешней политике.

В Турции уже около 40 лет по отношению к курдам проводится политика насильственной ассимиляции. При подавлении восстаний 1925, 1927, 1928, 1930, 1937—1938 гг. острие репрессий было направлено не только против курдских лидеров (часть которых находилась в контакте с империалистическими кругами), но главным образом против трудящихся масс, поднявшихся против режима произвола и угнетения. Только в 1925—1927 гг. в Турции было истреблено до полумиллиона курдов. Турецкая газета «Вакит» писала в мае 1925 г.: «Там, где появляется турецкий штык, курдский вопрос больше не существует» [1].

В современной Турции за курдами не признаются никакие национальные права. Насильственная «туркизация» распространяется даже на курдский язык. Нельзя не поставить эти факты в прямую связь с постепенным отходом влиятельных правительственных кругов Турции от демократических и антиимпериалистических принципов, отстаиваемых с оружием в руках всем турецким народом в период национально-освободительного движения 1918—1922 гг.

Аналогичное отношение к курдам было и в Иране. Преследования, которым подвергались иранские курды и другие национальные меньшинства при Реза-шахе, жестокое подавление курдских восстаний в 20—30-х гг. создали благоприятные условия для роста реакционных тенденций в правящих кругах страны, а также для подрывной деятельности нацистской агентуры в Иране накануне и во время второй мировой войны. Поход, организованный с благословения и при прямой поддержке Вашингтона и Лондона про-

[1] Цит. по: L. Rambout, *Les Kurdes et le droit,* Paris, 1947, p. 23.

тив демократического движения курдов и других народов страны после второй мировой войны, послужил началом серьезнейших попыток утвердить в Иране антинациональный внутри- и внешнеполитический курс.

В послевоенный период курдская проблема наибольшей остроты достигла в Ираке. Курды плечом к плечу с арабами самоотверженно боролись против «черного режима», установленного в Ираке продавшейся британскому империализму кликой Нури Саида. В этой героической борьбе множились и крепли демократические силы курдского народа, выразителем интересов которых стала Демократическая партия Курдистана. ДПК была активным участником Фронта национального единства, объединившего все прогрессивные силы Ирака и сыгравшего решающую роль в Июльской революции 1958 г.

В первый период существования Иракской Республики курды, руководимые ДПК во главе с видным курдским лидером Моллой Мустафой Барзани, самоотверженно боролись за укрепление республики, против происков внутренней и внешней реакции. Молодая Иракская Республика декларировала равноправие курдов с арабами и осуществила первые мероприятия, обеспечивающие национальные права курдов.

Однако вскоре премьер-министр Ирака генерал Абдель Керим Касем объявил поход против всех демократических сил. Особую угрозу установленному им авторитарному режиму Касем видел в демократическом движении курдов, в укреплении влияния и авторитета ДПК. Уже в 1960 г. правительство Касема начало ущемлять национальные интересы курдов и сводить на нет те реформы, которые были проведены в Иракском Курдистане в первый период после свержения «черного режима». В сентябре следующего, 1961 г. Касем организовал карательную экспедицию иракской армии в курдские провинции. Курды были вынуждены взяться за оружие. Правительственные войска начали терпеть поражение. Тогда правительство прибегло к террору против мирного курдского населения. Сотни курдских деревень были обращены в развалины бомбардировками с воздуха и артиллерийским обстрелом, тысячи мирных жителей погибли, десятки тысяч остались без крова. Одновременно была развязана разнузданная пропагандистская кампания: ДПК и курды обвинялись в сепаратистских намерениях и в связях с западными державами.

Империалистические круги Запада воспользовались со-

бытиями в Иракском Курдистане, чтобы дискредитировать нейтралистскую и внеблоковую внешнюю политику иракского правительства.

Конечный результат антикурдской шовинистической политики оказался пагубным для дела демократии в Ираке. Нет никакого сомнения, что обострение курдской проблемы в Ираке явилось той питательной средой, которая содействовала активизации крайне националистических и правых сил в стране, пришедших к власти в результате переворота, совершенного махрово-националистической партией Баас 8 февраля 1963 г.

В первые недели после переворота баасисты, стремясь укрепить свою власть, не скупились на широковещательные обещания курдам и выразили готовность удовлетворить их национальные чаяния. Курдские лидеры пошли на переговоры об урегулировании курдской проблемы на основе предложенной самим правительством «децентрализации», что повсеместно толковалось как признание принципа автономии для Иракского Курдистана.

Как же ответили правящие круги Ирака на готовность лидеров курдского движения найти взаимоприемлемое решение? 10 июня 1963 г., по существу без всякого предупреждения, они начали истребительную войну против всего курдского населения страны с применением новейших средств военной техники. Весь мир увидел, чего стоили все предыдущие заявления баасистов об «уважении» прав курдского меньшинства в Ираке. То была коварная политика, направленная на усыпление бдительности курдского народа, на подготовку к тотальному разгрому курдского движения. «Это было прямое вероломство гитлеровского толка», говорилось в заявлении ТАСС от 16 июня 1963 г.

Пытаясь оправдать свои палаческие действия против курдского народа, справедливо квалифицированные мировой прогрессивной общественностью как проявление самого страшного из всех возможных преступлений — геноцида, иракские власти выдвинули против Мустафы Барзани и других курдских лидеров нелепейшие обвинения в связях с империализмом, сионизмом, коммунизмом, феодальными элементами и т. п. Даже не искушенным в политике людям видны лживость и демагогичность подобных утверждений. Зато имелось немало достоверных сведений о вполне реальных связях баасистских заправил Ирака с империалистическими элементами и реакционными силами на Ближнем Востоке, заинтересованными в подавлении курд-

ского национально-освободительного движения, этого важнейшего антиимпериалистического резерва на Ближнем Востоке в настоящее время.

Итак, баасистские правители пытались осуществить в Курдистане то, чего не удалось сделать ни султанским погромщикам, ни британским колонизаторам, ни прислужникам последних типа Нури Саида, ни диктатору Касему. Не удивительно, что эту кровавую авантюру постиг такой же крах, как и все предыдущие попытки решить курдскую проблему вооруженной силой, а сами баасисты потерпели политическое банкротство. Намерение путем истребительной войны против целого народа заставить его отказаться от борьбы за свои элементарные человеческие права не только преступно, но и неосуществимо.

Таким образом, последние события в Ираке наглядно свидетельствуют о том, что давно уже назрела необходимость решить курдскую проблему на демократических началах. Именно поэтому прогрессивная общественность всего мира с удовлетворением встретила недавнюю весть из Ирака о том, что там достигнуто соглашение прекратить братоубийственную войну в Курдистане и удовлетворить национальные требования курдов. Как писал Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев президенту Ирака Арефу в связи с этим событием, «укрепление уз братских отношений между арабами и курдами будет зависеть от должного учета чаяний курдского народа и их удовлетворения» [2].

Задача состоит в том, чтобы не допустить вмешательства империалистов, а также феодальных и крайне националистических элементов, их прямого или косвенного влияния на определение судеб курдского народа. В противном случае неизбежно сохранение одного из главных очагов напряженности и конфликтов на ближневосточной арене.

---

[2] «Правда», 16.II.1964.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

Архив Внешней политики России (АВПР); ф. «Канцелярия МИД», ф. «Политархив», ф. «Главный архив», ф. «Секретный архив министра», ф. «Посольство в Константинополе», ф. «Турецкий стол (старый)», ф. «Турецкий стол (новый)», ф. «Миссия в Персии», ф. «Персидский стол», ф. «Персидский стол Б», ф. «Среднеазиатский стол».

Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА); ф. 2000 — «Главное управление Генерального штаба» (ГУГШ), ф. 2003 — «Штаб верховного главнокомандующего», ф. 2100 — «Полевое управление главнокомандующего войсками Кавказского фронта», ф. 2168 — «Полевое управление Кавказской армии», ф. 446 — «Иран», ф. 450 — «Турция», ф. «Управление Кавказского военного округа», ф. «Управление Кавказских армейских корпусов», ф. «Управление военного генерал-губернатора в областях Турции, занятых по праву войны и всех учреждений, ему подведомственных», ф. «Штаб экспедиционного корпуса в Персии», ф. «Управление Персидской казачьей дивизией».

Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИА Груз. ССР); ф. 20, ф. 71, ф. 12 — «Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе», ф. 15 — «Чиновник МИД для пограничных сношений при наместнике на Кавказе», ф. 521 — «Штаб Кавказского военного округа на театре военных действий», ф. 547 — «Штаб Кавказской армии», ф. 1082 — «Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта».

Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА); ф. 1276, оп. 1—14, 19 — «Совет министров», ф. 796, оп. 171—204 — «Канцелярия св. Синода», ф. 797, оп. 60—87 — «Канцелярия обер-прокурора св. Синода», ф. 23, ф. 560, ф 821, ф. 834.

Центральный Государственный архив Военно-Морского флота СССР (ЦГА ВМФ); ф. 418 — «Морской Генеральный штаб», ф. 898 — «Военно-морской агент в Турции», ф. 417.

Центральный Государственный архив Октябрьской революции, социалистического строительства и высших органов государственной власти СССР (ЦГАОРСС); ф. 102 — «Департамент полиции, особый отдел, 3-е делопроизводство», ф. 579 — «П. Н. Милюков», ф. 568 — «В. Н. Ламздорф».

Архив В. П. Никитина (в Институте народов Азии Академии наук СССР). Папки I и IV; рукопись «Les Kurdes et le Kurdistan (Chemdinan)», письма и другие материалы.

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

«Англо-русские отношения в Персии во время войны»,— «Красный Архив», 1935, т. 4—5.

«Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг.»,— «Красный Архив», 1933, т. 1 (56).

«Вторая Оранжевая книга». Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией, Пг., 1914.

«Доклады бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова Николаю Романову, 1910—1912 гг.»,— «Красный Архив», 1923, т. 3.

«Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957.

Ключников Ю. В., Сабанин А. В., *Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях*, ч. I—II, М., 1925—1926.

«Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел», под ред. Е. А. Адамова, I—II, М., 1925—1926.

Мартенс Ф., *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*, т. VIII, СПб., 1888.

«Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917 гг.», серия II (1900—1913), т. XVIII—XX, М.—Л., 1938—1940; серия III (1914—1917), т. I—X, М.—Л., 1931—1938.

«Раздел Азиатской Турции (по секретным документам б. Министерства иностранных дел)», под ред. Е. А. Адамова, М., 1924.

«Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии с конца 1906 г. по 31 декабря 1911 г.», вып. 1—7, СПб., 1911—1913.

«Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении, 26 ноября 1913 г. — 10 мая 1914 г.», Пг., 1915.

«Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917», М., 1952.

«Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», Тифлис, 1911—1913, № 1—59.

«Царская Россия в мировой войне», т. I, Л., 1926.

«Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны»,— «Красный Архив», 1933, т. 4 (53).

«Blue books» (Great Britain, Parliament. Stationary office), Correspondence, respecting the Turkey and the Persia (За разные годы. Для справок см.: A century of diplomatic blue books. 1814—1914, ed. by. H. Temperley and Lilian M. Penson).

«British documents on the origins of the war 1898—1914», ed. by G. P. Gooch and H. Temperley, vol. 1—11, London, 1926—1938.

«Deutschland und Armenien 1914—1918». Sammlung diplomatisches Aktenstücke. Herausgegeben und eingeleitet Dr. Johannes Lepsius, Potsdam, 1919.

«Documents diplomatiques français, 1871—1914», Paris, 1-re série (1871—1900), vol. 1—14, 2-me série (1901—1911), vol. 1—14, 3-me série (1912—1914), vol. 1—11.

«Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914», Bd 1—40, Berlin, 1922—1927.

«The Lansing papers. 1914—1920», vol. I—II, Washington, 1939—1940.

«1914—1918. World war». vol. 1—8, Washington, 1922—1929. United States. Department of State. Papers relating of the foreign relations of the U.S.

III. ОПИСАНИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ, МЕМУАРЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБОБЩАЮЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ, ПРОЧАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев З. З., *Начало экспансии США в Иране,* М., 1963.

Аверьянов П. И., *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов,* Тифлис, 1900.

Аверьянов П., *Некоторые сведения о турецких курдах-кизилбашах,* — «Известия штаба Кавказского военного округа», 1907, № 19, 1-я треть.

Аверьянов П. И., *Этнографический и военно-политический обзор Азиатских владений Оттоманской империи,* СПб., 1912.

Адамов А. А., *Ирак Арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем,* СПб., 1912.

Ардатов М., *Турецко-персидский пограничный конфликт,*— «Известия штаба Кавказского военного округа», 1908, № 21, 3-я треть.

«Армянский сборник», изд. 2, М., 1915.

Бабич С., *По Северной Персии,*— «Военный сборник», 1913, № 5, 8, 10, 11.

Баранов Е., *Турецкие башибузуки (курды),* М., 1915.

Барби Анри, *В стране ужаса. Мученица Армения,* Тифлис, 1919.

Безобразов П. В. *Раздел Турции,* Пг., 1917.

Бекгулянц Р. (Северянин), *По Турецкой Армении. Впечатление о поездке летом в 1914 г.,* Ростов-на-Дону, 1914.

Беляев Д. Д., *Очерки северо-восточной части Персидского Курдистана,*— «Известия штаба Кавказского военного округа», 1910, № 29, 30.

Бензенгр, *Записки о Курдистане,*— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. LXXXVII, СПб., 1911.

Берар В., *Персия и персидская смута,* СПб., 1912.

«Библиография по курдоведению», М., 1963.

«Библиография Турции (1713—1917)», М., 1961.

«Библиография Турции (1917—1958)», М., 1959.

Бондаревский Г. Л., *Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903),* Ташкент, 1955.

Вепин С., *В верховьях Тигра (у айсоров и курдов),* М.—Л., 1929.

Венюков М., *Очерк международных вопросов в Азии,* — «Русский Вестник», т. 128, 1877.

Вильчевский О. Л., *Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии,*— «Иранские языки», I, М.— Л., 1945.

Вильчевский О. Л., *К аграрным отношениям в Курдистане,*— «Аграрные проблемы», кн. 1—2, 1932.

Вильчевский О. Л., *Курды. Введение в этническую историю курдского народа,* М.— Л., 1961.

Вильчевский О. Л., Очерки по истории езидства. — «Атеист», № 51, 1930.

Вильчевский О. Л., *Социально-политическая роль сектантства и дервишизма в Курдистане,* — «Антирелигиозник», 1931, № 12.

Вильчевский О. Л., *Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в.,*— «Советская этнография», 1936, № 4—5.

«Восточный сборник», кн. 1, СПб., 1913.

Вронченко М. В., *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии,* ч. I—II, СПб., 1839—1840.

«Всемирная история», т. VII, М., 1960.

Гильчевский К. Л., *Перестрелка с курдами в Араратских и Агридагских горах,*— «Разведчик», 1894, № 188, 189.

Гирс А., *Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира,* Пг., 1917.

Гирс А. А., *Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией,* СПб., 1906.

Гладстон, Жакмен и др., *Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г.,* М., 1896.

Гордлевский В. А., *Из жизни курдов,* — «Русские ведомости», 16.I.1916.

Гордлевский В., *Из религиозной жизни кызылбашей,*— «Новый Восток», 1922, № 1.

Гордлевский В., *Из религиозных исканий в Малой Азии. Кызылбаши,* — «Русская мысль», 1916, кн. XI.

Гордлевский В. А., *Силуэты Турции,*— «Избранные сочинения», т. III, М., 1962.

Гордлевский В. А., *У сюпхандагских курдов,*— «Избранные сочинения», т. III, М., 1962.

Грязнов Ф. Ф., *Курды и курдская конница,*— «Известия штаба Кавказского военного округа», № 20, 1907, 2-я треть.

Гурко-Кряжин В. А., *Ближний Восток и державы,* М., 1925.

Гурко-Кряжин В. А., *История революции в Турции,* М., 1923.

Джалиле Дж., *Курды и русско-турецкая война в 1877—1878 гг.,* — «Краткие сообщения Института народов Азии», М., 1963, № 56.

Джалиле Дж., *Освободительное движение курдов под руководством шейха Обейдуллы против турецких и иранских поработителей,*— «Краткие сообщения института народов Азии», М., 1963, № 39.

Диттель В., *Курды,*— «Библиотека для чтения», 1853, май.

Думбис, *Айсоры,*— «Новый Восток», 1923, № 3.

Емельянов А. Г., *Персидский фронт (1915—1918),* Берлин, 1923.

Ерусалимский А. С., *Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в.,* изд. 2, М., 1951.

Зайончковский А. М., *Мировая война 1914—1918 гг.,* изд. 3, т. I—III, М., 1940.

«Записки Джемаль-паши. 1913—1919», Тифлис, 1923.

Звавич А. И., *Англо-русские противоречия в Иране накануне первой мировой войны,*— «Империализм и борьба рабочего класса», М., 1960.

Зиновьев И., *Россия, Англия и Персия,* СПб., 1912.

Зурабов, *Германский империализм в Турции,*— «Летопись», 1917, кн. V—VI.

Иванов М. С., *Иранская революция 1905—1911 годов,* М., 1957.

Иванов М. С., *Очерк истории Ирана,* М., 1952.

Иванова М. Н., *Германская агрессия в Иране в годы первой мировой войны,* — «Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР, вып. XIX, 1956.

Иванова М. Н., *Национально-освободительное движение в Иране в 1918—1922 гг.,* М., 1961.

«Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского», М., 1960.

«История дипломатии», изд. 2, т II, М., 1963.

[Ияс А. И.], *Поездка по северному Персидскому Курдистану лейб-гвардии Литовского полка полк. А. И. Ияса,* Пг., 1915.

Камсаракан К. П., *Вторжение шейха Обейдуллы в Персию в 1880 г.*— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XI, СПб, 1884.

Карцев А., *Заметки о курдах,* Тифлис, 1896.

Карцов Ю., *Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886*, СПб., 1906.
Кассис Ж. Я., *Экономическое положение современной Персии*, Киев, 1915.
Колюбакин А. М., *Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции*,— «Известия Кавказского отдела ИРГО», вып. I, т. IX, Тифлис, 1887.
Колюбакин А. М., *Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции*, т. I, Тифлис, 1888.
Колюбакин Б., *На малоазиатском театре всемирной войны (1914—1916 гг.)*, Пг., 1917.
Короткова Т. С., *Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан (1914—1915)*,— «Вопросы истории», 1948, № 1.
Короткова Т. С., *Иранский вопрос в начале первой мировой войны*,— «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. 4, 1947, № 6.
Корсун Н. Г., *Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г.*, М., 1940.
Корсун Н. Г., *Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерек*, М., 1946.
Корсун Н., *Происки немцев в Иране в 1914—1918 гг.*,— «Военная мысль», М., 1941, № 9.
Корсун Н. Г., *Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914—1915 гг.*, М., 1937.
Корсун Н. Г., *Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915—1916 гг.*, М., 1938.
Кочеджи-Шаповалов М. В., *Экономическая Турция к концу первого десятилетия XX века. Очерк экономической географии страны*. Пг., 1915.
Кряжин В. (Гурко), *Раздел Турции во время мировой войны*,— «Новый Восток», М., 1923, № 4.
Курдоев К. К., *Фальсификация истории курдов в персидской буржуазной историографии*,— «Ученые записки Ленинградского университета», серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954.
«Курды»,— «Журнал Министерства внутренних дел», 1835, ч. 15, № 2.
Лазарев М. С., *Империалистическая политика Антанты в арабских владениях Турции в 1914—1918 гг.*,— «Новая и новейшая история», 1958, № 6.
Лазарев М. С., *Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.)*, М., 1960.
Лахути, *Курдистан и курды*,— «Новый Восток», 1923, № 4.
Леклерк Жюль, *Поездка на Арарат*, СПб., 1893.
Лерх П., *Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях*, кн. 1—3, СПб., 1856—1858.
Линч Х. Ф. Б., *Армения. Путевые очерки и этюды*, т. I—II, Тифлис, 1910.
Лисенко В. К., *Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров*, СПб., 1913.
[Лихутин], *Русские в Азиатской Турции в 1854—1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда генерал-майора М. Лихутина*, СПб. 1863.
Ллойд-Джордж Д., *Военные мемуары*, т. I—VI, М., 1934—1938.
Маевский В. Т., *Военно-стратегическое описание Ванского и Битлисского вилайетов*, Тифлис, 1904.
«Макинское ханство»,— «Новый Восток», 1922, № 1.

Мандельштам А. Н., *Младотурецкая держава (историко-политический очерк)*, М., 1915.
Мартенс Ф. Ф., *О консулах и консульской юрисдикции на Востоке*, СПб., 1873.
«Материалы по изучению Востока», вып., I, СПб., 1909, вып. II, СПб., 1915.
Медведев А. И., *Персия. Военно-статистическое обозрение*, СПб., 1909.
Миллер А. Ф., *Краткая история Турции*, М., 1948.
Миллер А. Ф., *Младотурецкая революция*,— сб. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. II, М., 1956.
Миллер А. Ф., *Очерки новейшей истории Турции*, М.— Л., 1948.
Миллер А. Ф., *Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны, 1914—1918 гг.*, — «Исторический журнал», кн. 12, 1942.
Минорский В. Ф., *Курды. Заметки и впечатления*,— «Известия Министерства иностранных дел», 1915, кн. III.
Минорский В. Ф., *Поездка в Марагу и район рек Джагату и Татаву*,— «Известия штаба Кавказского военного округа», 1907, № 20.
Минорский В. Ф., *Турецко-персидское разграничение*, Пг., 1916.
Мирошников Л. И., *Английская экспансия в Иране (1914—1920)*, М., 1961.
Мугуев Хаджи-Мурат, *К берегам Тигра*, М., 1951.
Мустафа аль-Халиди, Омар Фаррух, *Миссионеры и империализм в арабских странах*, М., 1961.
«Народы Передней Азии», М., 1957.
Новичев А. Д., *К вопросу о феодализме в Турецком Курдистане*,— «Библиография Востока», Л., 1924, № 2—4.
Новичев А. Д., *Очерки экономики Турции до мировой войны*, М.—Л., 1937.
Новичев А. Д., *Экономика Турции в период мировой войны*, М.— Л., 1935.
Павлович М. П., *Борьба за Азию и Африку*, М., 1925.
Павлович М. П., *Революционная Турция*, М., 1921.
Пантюхов, *Курды и карапахи*, [б. г.], [б. м.].
«Переднеазиатский этнографический сборник», т. I, М., 1958.
Погорелов М., *Курдский вопрос*,— «Война и революция», 1925, май.
Покровский М. Н., *Империалистическая война (сборник статей)*, М., 1934.
Путята, *Записка о Малой Азии*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 66, СПб., 1896.
Растопчин Ф. Б., *Библиография по курдской проблеме*,— «Революционный Восток», 1933, № 3—5.
Реклю Э., *Земля и люди*, т. IX, СПб., 1887.
«Религиозная секта кызылбашей в Малой Азии»,— «Известия штаба Кавказского военного округа», 1905, № 7—8.
Саркисян Е. К., *Аграрная политика османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX века*, Ереван, 1957.
Саркисян Е. К., *Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны*, Ереван, 1962.
Смирнов К. Н., *Поездка в Северный Курдистан*,— «Известия Кавказского отделения ИРГО», т. XVII, 1904, № 4.
Собоцинский Л. А., *Персия. Статистико-экономический очерк*, СПб., 1913.

Срвандзтянц (Гарегин), *Очерки Васпураканской области и смежных с ней местностей,*— «Известия Кавказского отделения ИРГО», т. X, 1960, вып. I.

Тарле Е. В., *Англия и Турция,*— «Анналы», 1923, № 3.

Тарле Е. В., *Европа в эпоху империализма*, изд. 2, М.— Л., 1928.

Тер-Гукасов Г., *Экономические интересы России в Персии*, Пг., 1915.

Термен Р. И., *Отчет о поездке в санджак Хеккиари Ванского вилайета в 1906 г.,* Тифлис, 1910.

Тигранов Л. Ф., *Из общественно-экономических отношений в Персии*, СПб., 1909.

[Томилов П. А.], *Отчет о поездке по Азиятской Турции генерального штаба подполковника Томилова в 1904 г.*, ч. I—II, СПб., 1907.

Троттер, *Малоазиатские курды. Материалы для описания Азиятской Турции и Батумской области,*— «Известия Кавказского отделения ИРГО», 1882—1883, т. VII, приложение.

«Турция. Материалы к военно-географическому и статистическому описанию», СПб., 1912.

Халфин Н. А., *Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.)*, М., 1963.

Хвостов В. М., *Ближневосточный кризис 1895—1897 гг.,* — «Историк-марксист», т. 13, 1929.

Чернозубов Ф., *Страна Льва и Солнца,*— «Известия штаба Кавказского военного округа», № 33, 1911, 3-я треть.

Чирков Е. И., *Материалы для географии Азиатской Турции. Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849—1852 гг.,* издатель Гамазов, СПб., 1875.

Шамилов А. Ш., *К вопросу о феодализме у курдов*, Эривань, 1936.

Шитов Г. В., *Персия под властью последних каджаров*, Л., 1933.

Шпилькова В. И., *Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920)*, М., 1960.

Штейнберг Е. Л., *История британской агрессии на Среднем Востоке*, М., 1951.

Antonius G., *The Arab awakening. The story of the Arab national movement,* Philadelphia, 1939.

«Armenia and Kurdistan», Handbook, London, 1920.

Aulneau I., *La Turquie et la guerre,* 2 ed., Paris, 1916.

Ahmed Emin, *Turkey in the world war,* New Haven, 1930.

Bergk J.-A., *Anatolien, Georgien, Armenien, Kurdistan, Irak und Al-Dschesira,* Berlin — Leipzig, 1799.

Berar V., *La révolution turque,* Paris, 1909.

Binder H., *Au Kurdistan en Mésopotamie et en Perse*, Paris, 1887.

Bishop, *Journey in Persia and Kurdistan,* London, 1893.

Blanckenhorn M., *Syrien, Arabien und Mesopotamien,* [S. l.], 1914.

Buxton C. R., *Turkey in revolution,* London, 1909.

«The Cambridge history of British foreign policy, 1783—1919», ed by A. W . Ward and G. P. Gooch, vol. 3, 1866—1919, London, 1923.

Cholet de, *Arménie, Kurdistan et Mésopotamie,* Paris, 1892.

Contenson L. de, *Les réformes en Turquie d'Asie,* 3 ed, Paris, 1919.

«Chronique de sociologie kurde», — «Afrique et l'Asie», Paris, 1957, 4 trimestre, № 40.

Curzon R., *Armenia: a year of Erzeroom and on the frontiers of Russia, Turkey and Persia,* London, 1854.

Demorgny G., *La question persane et la guerre,* Paris, 1916.

Earle E. M., *Turkey, the great powers and the Bagdad railway. A study in imperialism,* New York, 1923.
Edmonds C. J., *Kurds, Turks and Arabs. Politics, travel and research in North-Eastern Iraq. 1919—1925,* London, 1957.
Evans R., *A brief outline of the campaign in Mesopotamia, 1914—1918,* London, 1926.
[Eversley G. and Chiroll V.]. *The Turkish empire from 1288 to 1944 by lord Eversley, and from 1914 to 1924, by sir Valentine Chiroll,* London, 1924.
Fowler C., *Drei Jahre in Persien und Reiseabenteuer in Kurdistan,* vol. I—II, Aachen — Leipzig, 1842.
Foster H. A., *The making of modern Iraq,* Norman, 1935.
Fraser J. B., *Travels in Koordistan, Mesopotamia including an account of part of the countries hitherto insisted by Europeans with sketches of the character and manners of the Koordish and Arab tribes,* London, 1840.
Frech F., *Der Kriegsschauplatz im Armenien und Mesopotamien,* Leipzig, 1916.
Gavan S. S., *Kurdistan: divided nation of the Middle East,* London, 1958.
Ghilan, *Les kurdes persans et l'invasion ottomane,* — «Revue du Monde Musulman», 1908, mai, octobre.
Hamilton A. M., *Road through Kurdistan,* London, 1937.
Heazell F. N. and Margoliouth, *Kurds and christians,* London, 1913.
Hesse F., *Die Mossulfrage,* Berlin, 1925.
«A history of the peace conference of Paris», ed. by N. W. Temperley, vol. 6, London. 1924.
Hourany A. H., *Minorities in the Arab world,* London, 1947.
Howard H. N., *The partition of Turkey. A diplomatic history 1913—1923,* Oklahoma, 1931.
Ireland P. W., *Iraq. A study in political development,* London, 1937.
Jung E., *La révolte arabe,* vol. 1—2, Paris, 1924—1925.
Kedourie E., *England and the Middle East. The destruction of the Ottoman empire 1914—1921,* London, 1956.
Larcher M., *La guerre turque dans la guerre mondiale,* Paris, 1926.
«Länder und Völker der Turkei», Leipzig, 1915.
Lepsius Y., *Le rapport secret sur les massacres d'Armenie,* [S. l.], 1919.
Liman v. Sanders O., *Cinq ans de Turquie,* Paris, 1923.
Loder J., *The truth about Mesopotamia, Palestine and Syria,* London, 1923.
Longrigg St. H., *Iraq. 1900 to 1950. A political, social and economic history,* London, 1953.
Luke H. C., *Mosul and its minorities,* London, 1925.
Mandelstam A., Le sort de l'empire Ottoman, Lausanne—Paris, 1917.
Marshall W., *Memoirs of four fronts,* London, 1929.
«The massacres of kurds in Turkey», Cairo, 1928.
Miller W., *The Ottoman empire and its successors. 1801—1922,* Cambridge, 1923.
Minorsky V., *Kurden,* — «Enzyklopaedie des Islam», Bd II, Leiden — Leipzig, 1927.
Minorsky V., *Kurdistan,* — «Enzyklopaedie des Islam», Bd II, Leiden — Leipzig, 1927.
Moberly F. I., *Mesopotamia campaign: 1914—1918,* vol. I—IV, London, 1923—1927.
«Modern Turkey», ed. by E. C. Mears, New York, 1924.
Morgentau R., *Ambassadors Morgentau's story,* New York, 1926.

Müller-Simonis, P., *Vom Kaukasus zum Persischen Meerbusen. Durch Armenien, Kurdistan und Mesopotamien*, Mainz, 1897.
Nikitine B., *Les Kurdes. Étude sociologique et historique,* Paris, 1956.
Nikitine B., *Les kurdes racontes par eux-mêmes,* — «L'Asie francaise», № 231, 1925.
Nolde E., *L'Iraq. Origine historique et situation internationale,* Paris, 1934.
Nolde E., *Reise nach Inner-Arabien, Kurdistan und Armenien 1892,* Braunschweig, 1893.
Percy E., *Highland of Asiatic Turkey,* London, 1901.
Rambout L., *Les kurdes et le droit,* Paris, 1947.
«Review of the civil administration of Mesopotamia», (by G. Bell), London, 1920.
Rich C. J., *Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh,* vol. 1—2, London, 1836.
Rohrbach A., *In Turan und Armenien auf den Pfaden russischer Weltpolitik*, Berlin, 1898.
Safrastian A., *Kurds and Kurdistan,* London, 1948.
Sherif Pasha, *Memorandum on the claims of the kurd people,* Paris, 1919.
Soane E. B., *To Mesopotamia and Kurdistan in disguise,* 2 ed., London, 1926.
Sykes M., *The caliph's last heritage. A short history of the Turkish empire,* London, 1915.
Sykes P., *A history of Persia,* vol. II, London, 1930.
Sykes P., *Persia,* Oxford, 1922.
Toynbee A. J., *Turkey: past and a future,* New York, 1917.
Wardsworth Lord, *Notes from a diary in Asiatic Turkey,* London, 1893.
Wilson A. T., *Loyalties Mesopotamia 1914—1917. A personal and historical record,* London, 1931.
Wilson A. T., *Mesopotamia 1917—1920. A clash of loyalties. A personal and historical record,* Oxford—London, 1931.
Zarzecki S., *La question kurdo-arménienne,* — «La revue de Paris», 1914, № 8.
Zimmermann, E., *Kann uns Mesopotamien eigen Kolonien ersetzen?,* Berlin, 1917.

* * *

Bayur Y. H., *Türkiye devletinin dış siasası,* İstanbul, 1938.
Bayur Y. H., *Türk inkılabı tarihi,* cilt III, Ankara, 1953.
Dersimi N., *Kürdistan tarihinde Dersim,* Halep, 1952.
Hakki N., *Derebeyi ve Dersim,* 1932.
Karabekir K., *Cihan harbinde neden girdik, nasıl girdik, nasıl idare ittik,* kitab 1—3, İstanbul, 2-ci bas., 1937—1939.
Kuran A. B., *İnkılâp tarihimiz ve Ittihad ve Terakki,* Istanbul, 1948.
Kuran A. B., *Inkılâp tarihimiz ve «Jön türkler»,* Istanbul, 1945.
«Tarih», cilt 3, İstanbul, 1933.
[Talat paşa], Talat paşanın hatıraları, Istanbul, 1946.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 1 р. 55 к.

КУРДИСТАН И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА